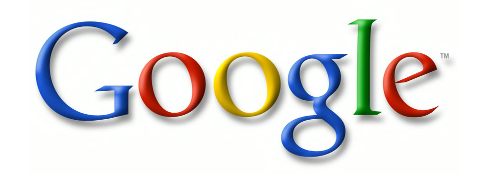
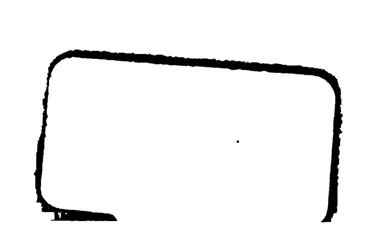

HARVARD COLLEGE LIBRARY

VE RI TAS

ПИСЬМА

П. І. ШАФАРИКА къ О. М. БОДЯНСКОМУ

(1838—1857)

съ приложеніемъ писемъ П. І. Шафарика къ В. И. Григоровичу

(1852—1856).

приготовленныя къ изданію

П. А. Лавровымъ и М. Н. Сперанскимъ.

МОСКВА.

1895.

ПИСЬМА

П. І. ШАФАРИКА къ О. М. БОДЯНСКОМУ

(1838—1857)

съ приложеніемъ писемъ П. І. Шафарика къ В. И. Григоровичу

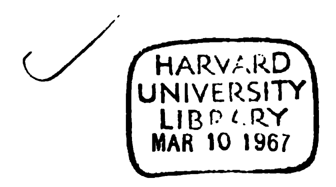
(1852—1856).

приготовленныя къ изданію

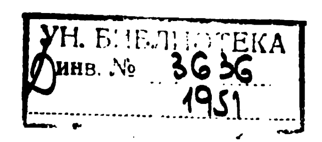
П. А. Лавровымъ и М. Н. Сперанскимъ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1895.

Печатано подъ наблюденіемъ П. А. Лаврова и М. Н. Сперанскаго.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ", за 1895 г.

Еще въ прошломъ 1894-мъ году у насъ возникла мысль издать письма П. І. Шафарика къ покойному секретарю нашего Общества О. М. Бодянскому; было и желаніе пріурочить это изданіе къ столѣтней годовщинѣ рожденія П. І. Шафарика (2 мая нынѣшняго года). По нашей просьбѣ Общество не только изъявило согласіе дать мѣсто этимъ письмахъ на страницахъ „Чтеній", но и взяло на себя трудъ ходатайствовать передъ владѣльцемъ этихъ писемъ д. ч. Общества А. А. Титовымъ въ Ростовѣ о высылкѣ писемъ Шафарика намъ для подготовленія ихъ къ печати. Количество и достоинства матеріала, нами полученнаго, превзошли наши ожиданія: писемъ оказалось довольно много, и оказались они настолько интересными, что потребовалось болѣе, нежели мы полагали раньше, времени для ихъ обработки. Такимъ образомъ наша мысль, благодаря любезности А. А. Титова, хотя и была осуществлена, но не вполнѣ: наше изданіе не могло быть закончено ко 2 мая 1895 года. Въ виду интереса, который представляетъ издаваемый рядъ писемъ не только для спеціалистовъ, занимающихся славяновѣдѣніемъ и его исторіей, но и для исторіи нашего Общества и всѣхъ вообще, мы нашли нужнымъ снабдить чешскій текстъ писемъ русскимъ переводомъ. Въ виду же интереса, который заключаетъ въ себѣ переписка ученыхъ славистовъ сама по себѣ и Шафарика въ особенности, мы рѣшились въ видѣ приложеній издать тѣ немногія письма Шафарика къ другому нашему сочлену, нынѣ покойному В. И. Григоровичу, которыя сохранились въ его бумагахъ, поступившихъ въ Московскій Публичный и Румянцевскій Музей.

П. Лавровъ.
М. Сперанскій.

Москва. 18 Дек. 1895 г.

П. І. Шафарикъ и О. М. Бодянскій.

Dobrých stálých, vytrvalých pracovníkův vsudy málo Jen po stupních jde se k dokonalosti. Письма къ Бодянскому.

О. М. Бодянскій изъ московскихъ ученыхъ послѣ М. П. Погодина находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ знаменитому чешскому ученому Павлу Іосифу Шафарику.

Послѣ изданія переписки Погодина съ славянскими учеными, въ которой письма изъ-за границы Бодянскаго и письма Шафарика занимають такое значительное мѣсто—2 выпуска всего изданія—печатающіяся теперь, по случаю столѣтія со дня рожденія Шафарика, письма, разумѣется, могутъ служить развѣ лишь дополненіемъ къ ранѣе обнародованному матеріалу, пополняя нѣкоторые случайные пробѣлы въ письмахъ къ Погодину. Такъ напр. въ этихъ послѣднихъ не сохранилось въ бумагахъ Погодина писемъ отъ 1844 и 1845 г., и издатель переписки принужденъ былъ ограничиться перепечатаніемъ отрывковъ изъ нихъ, которые въ свое время печатались въ Москвитянинѣ; въ письмахъ къ Бодянскому есть три большихъ письма отъ 1844 г. № 41—43 и 6 писемъ отъ 1845 г. № 44—49. Въ этихъ письмахъ перечисляется не мало библіографическихъ новостей славянской литературы за это время и, между прочимъ, встрѣчаются указанія на сравнительно рѣдкія болгарскія изданія.

Но особенный интересъ получаютъ печатающіяся письма въ виду положенія Бодянскаго, какъ профессора славяновѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ и какъ филолога по спеціальнымъ занятіямъ. Въ этомъ случаѣ въ письмахъ къ нему Шафарикъ имѣлъ поводъ высказывать свои взгляды на характеръ университетскаго преподаванія славяновѣдѣнія и задачи педагогической и ученой дѣятельности русскихъ славистовъ.

Бодянскій былъ первый русскій славистъ, прибывшій въ Прагу для ученыхъ занятій. Шафарикъ въ это время жилъ въ Прагѣ на

скромныя средства, доставленныя ему его чешскими друзьями среди самой невзыскательной обстановки, которая поражала всѣхъ, посѣщавшихъ его.

Извѣстность Шафарика какъ ученаго была велика. Въ области исторіи литературы онъ уже давно заявилъ себя написанной на нѣмецкомъ языкѣ книгой: „Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen 1826“, представлявшей обзоръ всѣхъ славянскихъ литературъ; въ области языкознанія его первой работой было прекрасное изслѣдованіе, посвященное исторіи сербскаго языка—Serbische Lesekörner. Pesth 1833 г.; наконецъ въ области исторіи онъ успѣлъ прославить себя превосходнымъ трудомъ по исторіи славянскихъ древностей „Slovanské Starožitnosti. Oddíl dějepisný V Praze 1837“. Это былъ трудъ, вмѣщавшій въ своихъ рамкахъ первоначальную исторію всего славянства, которое являлось въ немъ стройнымъ органическимъ цѣлымъ, поражавшій обиліемъ собраннаго матеріала и его критической обработкой, нерѣдко проливавшій новый и яркій свѣтъ въ темную область далекаго славянскаго прошлаго, и въ тоже время трудъ при строго научномъ характерѣ согрѣтый теплымъ патріотическимъ чувствомъ автора.

По отзывамъ объ этомъ трудѣ Бодянскаго въ предисловіи къ переводу Древностей, Срезневскаго въ рецензіи Народописа мы можемъ судить, какое сильное впечатлѣніе производило его чтеніе на всякаго, кто съ нимъ знакомился [1]).

Частности такого обширнаго труда, разумѣется, могли быть оспариваемы и дополняемы [2]), но этимъ не умалялось громадное значеніе его въ цѣломъ: въ этой области и до сихъ поръ ничего равнаго не представляетъ славянская ученая литература.

---

[1]) Мы упоминаемъ здѣсь самыя важныя сочиненія Шафарика, которыя въ то же время характеризуютъ разносторонность его занятій, опуская многія другія.

[2]) Сравни напр. отзывъ Прейса, приведенный въ статьѣ Нидерле, которому, по нашему мнѣнію, авторъ придаетъ больше значенія, нежели онъ того заслуживаетъ.—Эта статья вышла въ брошюрѣ, изданной въ Прагѣ и посвященной памяти столѣтія со дня рожденія П. І. Шафарика: Na památku stoletých narozenin Pavla Josefa Šafaříka 1795—1895. Брошюра представляетъ оттискъ изъ Чешскаго Историческаго Журнала годъ І, 3 ч. 1895. Въ ней слѣдующія статьи: П. І. Шафарикъ (біографическій очеркъ) Ярослава Влчка, П. І. Шафарика Слав. Древности Л. Нидерле, П. І. Шафарикъ и исторія слав. литературы. Юрія Поливки, П. І. Шафарикъ и его взгляды критическіе и эстетическіе г-на Махала.

Никогда не претендовавшій на непогрѣшимость Шафарикъ самъ не отвергалъ недостатковъ своего труда: „Изслѣдованіе не имѣетъ предѣловъ, каждый день приноситъ на свѣтъ новыя истины. Совершенство только у Бога. Мои древности и въ томъ видѣ, какъ онѣ есть, могутъ быть полезны тому, кто захочетъ ими воспользоваться. Ихъ цѣнность въ *цѣломъ* и въ *методѣ*: никоимъ образомъ не въ въ отдѣльныхъ положеніяхъ и утвержденіяхъ, которыя иногда могутъ быть и ошибочны, въ зависимости отъ характера человѣческаго знанія" стр. 70.

Указывая на тѣ пункты, которые въ дальнѣйшемъ развитіи науки, были исправлены или видоизмѣнены, Нидерле справедливо замѣчаетъ: „Указаніемъ примѣровъ тѣхъ видоизмѣненій, которымъ въ деталяхъ подверглись выводы Шафарика, мы никоимъ образомъ не думали умалить его трудъ и со стороны деталей. Наоборотъ рядомъ съ измѣненіями, изъ которыхъ главнѣйшія нами указаны, огромная часть деталей и до сихъ поръ стоитъ прочно, и это такихъ деталей, которыя нетронутыя до Шафарика были разработаны его усильями. Если мы примемъ во вниманіе, что Шафарику приходилось имѣть дѣло съ такимъ ненадежнымъ и мало разработаннымъ матеріаломъ, мы должны удивляться, что въ массѣ его выводовъ осталось такъ много и теперь, по истеченіи 60 лѣтъ неприкосновеннаго и его Славянскія Древности и до сихъ поръ остаются необходимымъ и незамѣнимымъ руководствомъ для каждаго, кто занимается древней эпохой славянской исторіи" (стр. 24).

Понятное дѣло, что при своихъ выдающихся знаніяхъ по всевозможнымъ отдѣламъ славяновѣдѣнія Шафарикъ являлся драгоцѣннымъ и незамѣнимымъ руководителемъ молодыхъ русскихъ ученыхъ, отправлявшихся въ славянскія земли.

Въ письмѣ къ Погодину Бодянскій съ перваго же разу говорилъ о Шафарикѣ, какъ о своемъ учителѣ: „Съ новымъ годомъ пущусь во вся тяжкая славянщины. Прежде всего хочу изучить до мелочей чешскій, лужицкій, моравскій и словацкій языки съ Шафарикомъ, потомъ сербскій и вендскій, далѣе другіе славянскіе, исторію славянъ, новѣйшую особенно, древняя вся почти въ славян. древностяхъ Шафарика, палеографію, исторію слав. литературъ и наконецъ слав. нумизматику въ Музеѣ, по крайней мѣрѣ чешскую и что есть изъ другихъ". Письма къ Погодину I. 8.—Немного позднѣе: „теперь занимаюсь съ Шафарикомъ исторіей чешской литературы", стр. 19; ср. стр. 24.—Собирая книги для своей библіотеки руководится совѣтами того же Шафарика, стр. 24. „Съ Шафарикомъ читаю древне-

сербскія и булгарскія сочиненія, послѣ которыхъ перейду къ ново-сербскому языку. Чешскій и словацкій давно кончилъ съ нимъ". стр. 34. По отношенію къ такому ученому, какъ Шафарикъ, не было преувеличенія даже въ такихъ словахъ Бодянскаго: „Онъ для меня цѣлая Академія, ему я болѣе всѣхъ обязанъ... есть и другіе ученые чехи, но они занимаются какой-нибудь одной отраслью, напротивъ Шафарикъ равно силенъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ славянщины: это цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о славянахъ", стр. 24.

Наконецъ и самый планъ путешествія по славянскимъ землямъ составлялся Бодянскимъ при руководящемъ участіи Шафарика: „планъ мой огромнѣйшій (*пока въ головѣ моей и Шафарика*), а на водахъ отъ нечего дѣлать, мы его осуществимъ и тогда уже пошлемъ вамъ". Письма I. 57. Сравни выше: „планъ дальнѣйшаго моего путешествія составимъ во всей подробности общими силами здѣсь въ Прагѣ, чтобы ничего замѣчательнаго не пропустить, не осмотрѣть на самомъ мѣстѣ со вниманіемъ" стр. 9.

Изъ писемъ Шафарика къ Бодянскому, которыя начинаются еще со времени его путешествія въ славянскихъ земляхъ, мы видимъ, что и по выѣздѣ изъ Праги, Шафарикъ съ любовью слѣдилъ за больнымъ Бодянскимъ и не оставлялъ его совѣтами относительно дальнѣйшаго путешествія и ученыхъ занятій. Находя нужнымъ умѣрять увлеченія, къ которымъ Бодянскій былъ такъ склоненъ, Шафарикъ удерживалъ его отъ односторонности книжныхъ библіотечныхъ занятій; напоминалъ ему, что своимъ путешествіемъ онъ долженъ воспользоваться для знакомства съ живыми славянскими нарѣчіями: „Въ Вѣнѣ и др. вы наберетесь вдоволь мертвой учености, но народовъ славянскихъ, ихъ языка, нарѣчій, поднарѣчій нравовъ и обычаевъ не узнаете. Этой мертвой учености у насъ довольно: намъ не достаетъ кой-чего иного, что намъ обѣщали, но къ сожалѣнію не дали Ходаковскій и Кухарскій. Въ Срѣмѣ и Иллиріи по небольшимъ мѣстечкамъ, селамъ и монастырямъ вамъ откроется поле, на которомъ вы можете найти нѣчто иное для своихъ будущихъ нуждъ, чѣмъ въ полусгнившихъ рукописяхъ, которыя и безъ того не пропадутъ для литературы. Таково мое личное мнѣніе, а вы поступайте, какъ вамъ угодно", стр. 6 [1]).

---

[1]) Считаемъ нужнымъ впрочемъ отмѣтить, что немного ранѣе Шафарикъ нѣсколько иначе высказался относительно занятій въ Вѣнѣ: „Я не сомнѣваюсь, что вы найдете въ Вѣнѣ обильную пищу для своего пытливаго духа; особенно богата славянскими рукописями должна быть придворная библіотека, и г-нъ Ко-

Бодянскій послушалъ совѣта Шафарика, но зиму предпочелъ пробыть въ Пештѣ. Шафарикъ вполнѣ одобрилъ такое рѣшеніе: „зима дурное время для путешествія. Совѣтую вамъ отправиться изъ Пешта въ Новый Садъ и Карловцы, мартъ и апрѣль пробыть въ Сербіи, а время отъ мая до конца сентября употребить на путешествіе черезъ Загребъ, Далмацію и острова въ Черногорію“. Шафарикъ не считалъ напрасно потеряннымъ и дальнѣйшее пребываніе Бодянскаго въ Пештѣ, напоминая ему, что этомъ городѣ онъ встрѣтитъ много славянъ, говорящихъ на разныхъ нарѣчіяхъ [1]).

Затянувшаяся и трудно поддававшаяся лѣченію болѣзнь Бодянскаго надолго задержала отъѣздъ его изъ Пешта. Озабоченные его здоровьемъ Погодинъ и Шафарикъ, опасаясь, какъ бы путешествіе не повліяло вредно на выздоровленіе, совѣтовали ему оставить мысль о дальнѣйшихъ поѣздкахъ и ѣхать назадъ въ Москву. Иначе смотрѣлъ на это Бодянскій. Онъ былъ въ положеніи человѣка, которому не удалось вполнѣ осуществить поставленную себѣ цѣль и не соглашался съ совѣтами Шафарика, который утѣшалъ его тѣмъ, что закончить свое путешествіе онъ можетъ и позднѣе какъ профессоръ, стр. 12, 13 [2]). Въ такомъ настроеніи малѣйшее улучшеніе здоровья тотчасъ же давало Бодянскому поводъ строить планы дальнѣйшаго путешествія. Въ октябрѣ 1839 г. Шафарикъ писалъ ему: „Одобряю ваше намѣреніе отправиться къ южнымъ Славянамъ. Поживите въ

патаръ, навѣрное, съ обычной любезностью не преминетъ познакомить васъ съ ея сокровищами“. Повидимому, это мѣсто противорѣчитъ дальнѣйшимъ совѣтамъ Шафарика. Возможнымъ намъ является одно только предположеніе: Шафарикъ могъ бояться, какъ бы Бодянскій, погрузившись въ рукописи, не опустилъ время для другихъ цѣлей, на которыя онъ теперь указываетъ.

[1]) Изъ письма Бодянскаго къ Погодину отъ 6 декабря 1838 г. видно, что Бодянскій воспользовался пребываніемъ въ Пештѣ для знакомства съ сербскимъ языкомъ: „Теперь я болтаю безпрестанно по-сербски, и надѣюсь черезъ мѣсяцъ—два овладѣть имъ, также какъ чешскимъ, польскимъ и словацкимъ“, стр. 92. (Сравни также въ письмѣ 1-го марта 1839 г.): „Кромѣ множества прочитанныхъ книгъ по моей части, къ немалому удивленію самого себя, успѣлъ въ теперешнее мое пребываніе въ Пештѣ почти совершенно усвоить себѣ сербскій языкъ, безпрестанно разговаривая въ сербами, толпой приходящими ко мнѣ каждый день, такъ что въ самой Сербіи мнѣ ужъ мало очень остается дѣлать касательно языка“, стр. 96.

[2]) Въ томъ же смыслѣ Бодянскій писалъ и Погодину 1-го (13) марта 1839 г.: „стало быть мнѣ не зачѣмъ возвращаться теперь въ Россію, какъ вы того хочете по сказкамъ Шафарика“. Письма I, стр. 95.

Сербіи и въ Загребѣ, а изъ Дубровника или изъ Тріеста недалеко и до Рима. Если же поѣдете въ Римъ, извѣстите меня о томъ своевременно, чтобы я вамъ могъ написать и попросить васъ снять для меня копію легенды о св. Кириллѣ и Меѳодіи въ Ватиканской библіотекѣ", стр. 17. Однако, на сколько можно судить по письмамъ къ Погодину, только въ концѣ 1839 г. (послѣ октября) [1]) Бодянскому удалось побывать у венгерскихъ сербовъ и въ сербскомъ княжествѣ. Увѣдомленный объ этой поѣздкѣ Шафарикъ въ письмѣ отъ 29 января 1840 г. привѣтствовалъ ея успѣхъ: „Съ удовольствіемъ узналъ я изъ вашего письма, что ваша поѣздка въ Сербію и Срѣмъ не была напрасна въ литературномъ отношеніи и что вамъ удалось пересмотрѣть и описать много старыхъ сербскихъ рукописей и первопечатныхъ книгъ", стр. 18. Ожидая дальнѣйшаго путешествія Бодянскаго, онъ рекомендовалъ ему знакомыхъ въ Далмаціи: „Я совѣтовалъ бы вамъ, побывъ въ Загребѣ, отправиться чрезъ Шибеникъ, гдѣ докторъ Петрановичъ, въ Дубровникъ, гдѣ Гагичъ, и оттуда въ Черногорію... Въ Черногоріи спишите для меня имена всѣхъ деревень, о чемъ я уже просилъ Гагича, но не получилъ отъ него отвѣта", стр. 20.

Изъ одной замѣтки въ 1 № за 1840 г. Сербскихъ народныхъ Новинъ, выходившихъ въ Пештѣ, видно, что изъ Карловцевъ Бодянскій проѣхалъ въ Загребъ. Въ этомъ номерѣ отъ 7 января 1840 г. въ редакцію писали изъ Карловцевъ, что „русскій литераторъ высокоученый г. профессоръ Іосифъ Бодянскій, вернувшись изъ Сербіи вмѣстѣ съ Симеономъ Милутиновичемъ, въ Карловцахъ провелъ рож-

---

[1]) Въ письмѣ отъ этого числа изъ Вѣны Бодянскій пишетъ: „Посѣтивши только чеховъ, моравцевъ, словаковъ и нѣсколько ознакомившись съ сербами, *и то на чужбинѣ, а не у себя*, я выполнилъ только почти одну половину своей задачи", стр. 103. Письма къ М. П. Погодину изъ слав. земель. Вѣроятно, Бодянскій провелъ въ Сербіи ноябрь, декабрь 1839 г. На болгарскихъ книжкахъ Неофита Бозвели, изданныхъ въ Крагуевцѣ, есть помѣта, когда онѣ были пріобрѣтены: 1839 XI/18 Београдъ. Здѣсь между прочимъ Бодянскій познакомился съ извѣстнымъ сербскимъ поэтомъ Милутиновичемъ, который посвятилъ ему въ книжкѣ „Троебратство" стихотвореніе „Семберацъ" стр. 39 съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „ова е пѣсна постала у време кадъ е Г. Іосифъ Боћанскій, проф. славенске филологіе Московскогъ университета у Београду бьо, и за споменъ тога *како искренногъ Србскогъ пріятеля* сад' се овде штампа, и нѣму посвећуе". Книжка эта напечатана въ Бѣлградѣ съ сохраненіемъ стараго правописанія. Сравни отвѣтъ Шафарика на справку Бодянскаго о мѣстѣ жительства Милутиновића въ 1842 г. Письмо № 28 стр. 30.

дество 1839 года, а 20 декабря продолжалъ вмѣстѣ съ Милутиновичемъ свое ученое путешествіе, предпринятое ради изслѣдованій древнихъ памятниковъ и знакомства съ слав. нарѣчіями, далѣе въ Хорватію и Далматію, стр. 1.

Въ 10 № тѣхъ же газетъ напечатано: Высокоученый Г. І. Бодянскій, прибывъ въ Загребъ съ г. Сим. Милутиновичемъ 9 Февраля, по послѣднимъ извѣстіямъ оттуда отъ 2 (14) марта еще живетъ въ Загребѣ и намѣревается ѣхать въ Далматію, Штирію и Крайну [1]). Дальнѣйшее путешествіе Бодянскаго въ Далмацію и Черногорію, однако, повидимому, не состоялось, такъ какъ болѣзнь заставила его вернуться въ Фрейвальдау, чѣмъ былъ пораженъ Шафарикъ, получившій отъ него письмо изъ этого города отъ 27 апрѣля.

Съ перваго разу близко познакомившись съ Шафарикомъ, занимаясь и путешествуя подъ его руководствомъ, Бодянскій имѣлъ счастіе быть посвященнымъ въ кругъ научныхъ интересовъ этого выдающагося ученаго [2]).

Въ первомъ же письмѣ къ Погодину изъ Праги Бодянскій пишетъ: „печатаніе слѣдующей части, археологической (Слав. Древностей), еще неизвѣстно; то же слѣдуетъ сказать и о географическихъ картахъ: на дняхъ я буду разсматривать ихъ съ нимъ и повѣрять. Для него я списалъ уже изъ своего сборника нѣсколько бѣлорусскихъ пѣсенъ для языка". Письма I, стр. 7.

Бѣлорусскія пѣсни, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Бодянскій предназначались для славянскаго народоописанія. Для того же изданія Шафарикъ просилъ Бодянскаго переписать въ латинской транскрипціи двѣ малорусскія пѣсни, обративъ вниманіе не только на выговоръ, но также и на размѣръ и стихъ. Онъ обращался къ малороссу Бодянскому, чтобы отъ него получить образчикъ точно переданнаго народнаго малорусскаго выговора, стр. 26. Такимъ же точно образомъ просилъ Шафарикъ переписать и двѣ короткія малорусскія пѣсни изъ Сборника 1827 г. Шафарика смущали нѣкоторыя подозрительныя мѣста въ изданіи Вагилевича, и онъ воспользовался разъясненіями Бодянскаго, принявъ въ свою книгу его исправленія. Великорусскія пѣсни также были исправлены Бодянскимъ, при чемъ

---

[1]) Помѣта на одной изъ книжекъ Лѣтописа за 1839 г. (3-ей) свидѣтельствуетъ, что въ первыхъ числахъ января 1840 г. Бодянскій еще былъ въ Новомъ Садѣ: 1840 1/2 Новый Садъ.

[2]) Милутиновичъ, пробывъ въ Загребѣ 10 дней, вернулся въ Бѣлградъ, гдѣ онъ былъ назначенъ директоромъ народныхъ школъ.

Шафарикъ просилъ обратить вниманіе на выговоръ *о* какъ *а* по московскому нарѣчію и на отличеніе твердаго *л* отъ мягкаго, стр. 30.

Для главы о малорусской литературѣ Шафарикъ обращался къ Бодянскому съ просьбой дать ему указанія малорусскихъ псевдонимовъ (объ этомъ цѣлое письмо на стр. 28 — 29). Вообще малорусскій и бѣлорусскій отдѣлы въ Narodopis'ѣ были основаны, съ одной стороны, на народныхъ пѣсняхъ, съ другой стороны, на устныхъ сообщеніяхъ Бодянскаго, стр. 29, какъ, въ свою очередь, великорусскій отдѣлъ былъ прокорректированъ при помощи великорусса Панова, стр. 30. Получивъ корректуру, Шафарикъ благодарилъ Бодянскаго за сдѣланныя имъ замѣчанія: „Они останутся для меня навсегда драгоцѣнны. Впрочемъ вы нашли бы у меня менѣе недостатковъ, если бы не смотрѣли на мой трудъ какъ на сравнительную грамматику и систематическое изложеніе литературы, ни на то ни на другое онъ не имѣетъ и не долженъ имѣть претензій", стр. 31. Изъ этихъ словъ видно, что Бодянскій серіозно отнеся къ порученію Шафарика.

Продолжительная болѣзнь, постигшая Бодянскаго за границей не позволила ему посѣтить всѣ славянскія земли: На Балканскомъ полуостровѣ ему не удалось быть въ Болгаріи и Македоніи, повидимому, также и Черногоріи [1]). Хотя Бодянскій и утѣшалъ себя тѣмъ, что „изъ славянскихъ земель, непосѣщенныхъ имъ, остались только двѣ-три *не очень то важныя*" [2]), однако, вернувшись въ Москву, на первыхъ порахъ онъ еще мечталъ о новомъ путешествіи, о чемъ и обмолвился въ первомъ же письмѣ изъ Москвы. Въ отвѣтъ на это Шафарикъ считалъ нужнымъ напомнить ему, что несвоевременно думать о новой поѣздкѣ, что слѣдуетъ приняться за преподавательскій трудъ. „Съ великой радостью, писалъ онъ ему 11 дек. 1842 нов. ст., получилъ я ваше письмо отъ 27 октября, первое изъ Москвы послѣ вашего благополучнаго возвращенія на родину и особенно радъ тому, что, какъ вижу, вы здоровы и что ваши дѣла идутъ хорошо и подвигаются впередъ"... „Дай же Богъ вамъ полнаго успѣха на профессорской каѳедрѣ славяновѣдѣнія. Потребности велики, ожиданія ве-

---

[1]) Въ планъ Бодянскаго входило посѣтить изъ слав. земель также и *Болгарію* и *Далматію*, изъ не-славянскихъ *Ново-Грецію* и *Италію*: „Что же безъ нихъ мое путешествіе". Письма I, 42. Ср. также стр. 76, 77.

[2]) Насколько опрометчиво было это заключеніе, всего лучше судить по результатамъ поѣздки Григоровича, который съ Аѳона и Македоніи вернулся съ такими драгоцѣнными сокровищами.

лики; ну же постарайтесь быть достойнымъ представителемъ своей каѳедры. *Съ неудовольствіемъ заключаю изъ вашего письма что вы снова думаете о путешествіи.* Это рано, другое дѣло лѣтъ черезъ пять или десять. Теперь вамъ предстоятъ иные труды, надъ которыми нельзя работать во время путешествія. Подумайте, что нѣтъ книгъ для славянскихъ профессоровъ; отъ кого мы вправѣ ихъ ожидать, если не отъ васъ, Прейса, Срезневскаго, Челяковскаго"? стр. 37. Въ слѣдующемъ письмѣ тѣ же самые совѣты: „Ну какъ же идутъ ваши дѣла? Чѣмъ преимущественно занимаетесь? Чего прежде всего отъ васъ ожидать? Смилуйтесь надъ нашей *бѣдностью въ научныхъ пособіяхъ*, потрудитесь надъ *хорошей христоматіей, собраніемъ лучшихъ народныхъ пѣсенъ, сравнительной грамматикой* и пр.", стр. 41.

Какъ извѣстно, Шафарикъ, отказавшись отъ Берлинской каѳедры въ 1841 г., былъ приглашенъ въ Берлинъ выработать программу университетскаго преподаванія славяновѣдѣнія и представилъ прусскому министру Народнаго Просвѣщенія докладную записку по этому поводу [1]). Въ ней была начертана опредѣленная, поставленная въ извѣстныя рамки программа преподаванія слав. языковъ и ихъ литературъ. Въ своей программѣ Шафарикъ предлагалъ два курса: 1) подготовительный низшій, въ который должно было входить преподаваніе составленныхъ по однообразному методу грамматикъ русскаго, польскаго, чешскаго и сербскаго яз. и чтеніе образцовъ по христоматіямъ, 2) высшій курсъ, куда должно было входить преподаваніе сравнительной грамматики тѣхъ же нарѣчій съ присоединеніемъ къ нимъ церковно-славянскаго, чтеніе славянской исторической христоматіи, которая должна была заключить образцы изъ всѣхъ слав. нарѣчій въ хронологическомъ порядкѣ съ строгимъ выборомъ, что касается формы и содержанія избранныхъ произведеній и 3) исторія славянской литературы.

Вполнѣ понятно, что Шафарикъ, интересовавшійся наилучшей постановкой университетскаго преподаванія въ Россіи, могъ желать, чтобы и у насъ были приняты во вниманіе его указанія. Своевремен-

---

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ были сообщены въ Даницѣ Иллирской Гая 1841 годъ № 30, стр. 124: „Несмотря на отказъ отъ каѳедры въ Берлинѣ, сказано здѣсь, Шафарикъ былъ приглашенъ министромъ Ейгорномъ въ Берлинъ для того, чтобы по крайней мѣрѣ устроить обѣ слав. каѳедры, (т. е. въ Берлинѣ и Вратиславлѣ). Шафарикъ согласился исполнить это важное порученіе, пробывъ нѣсколько недѣль въ Берлинѣ". Записка Шафарика напечатана Н. А. Поповымъ въ приложеніи къ Письмамъ къ Погодину, II, стр. 434—442.

но сообщивъ Погодину копію съ записки, поданной прусскому министру, онъ прямо предлагалъ ему воспользоваться своими совѣтами.

Въ письмѣ Погодину 21 іюня 1843 г. онъ пишетъ: „Воспользовались ли вы моими мыслями о постановкѣ университетскаго преподаванія славяновѣдѣнія? Я разумѣю не для журнала (не для того предназначена эта статья), но иначе? Есть ли надежда, что новые профессора славяновѣдѣнія позаботятся о составленіи *хорошихъ учебниковъ*? Преподавать безъ хорошихъ учебниковъ все равно, что пахать безъ плуга" Письма II, стр. 331.

Въ письмѣ отъ того же числа Бодянскому, благодаря за извѣстія о его открытіяхъ въ русской литературѣ (о житіи Ѳеодосія), Шафарикъ даетъ ему совѣтъ для большаго успѣха издательской дѣятельности позаботиться о составленіи учебниковъ по славяновѣдѣнію, создать учениковъ и не разбрасываться въ своихъ занятіяхъ: „Ваши открытія весьма важны. Что мнѣ пишете о инокѣ Ѳеодосіи и князѣ Святославѣ было для меня совершенно ново; охотно вѣрю, что все это такъ и не знаю, чтобы можно было къ тому прибавить, не имѣя подъ руками рукописи. Эти и другіе старые памятники со временемъ нужно будетъ издать, но не слѣдуетъ съ этимъ дѣломъ спѣшить, самое главное въ томъ, чтобы изданія послужили дальнѣйшимъ успѣхамъ науки. Что меня касается, откровенно признаюсь, что я всего охотнѣе желалъ бы, чтобы вы вмѣстѣ съ Прейсомъ и Срезневскимъ взялись за составленіе учебныхъ книгъ для слав. каѳедры: *сравнительной грамматики*, *христоматіи*, *слав. исторіи*, *славянской литературы*, *сборника лучшихъ слав. народныхъ пѣсенъ* и т. д. Если такія книги не будутъ написаны профессорами славянскихъ литературъ, кто ихъ напишетъ? *Когда вы, Прейсъ и Срезневскій воспитаете намъ слав. филологовъ, легче пойдетъ дѣло съ изданіемъ древнихъ памятниковъ*. Будетъ больше работниковъ, больше можно будетъ и сдѣлать. Вы прежде всего старайтесь сосредоточить свою дѣятельность на нѣсколькихъ главныхъ предметахъ и держаться опредѣленнаго плана въ занятіяхъ", стр. 49.

Къ сожалѣнію совѣтами Шафарика у насъ не воспользовались, и наше министерство не послѣдовало прекрасному примѣру Прусскаго.

Общей для всѣхъ университетовъ программы по славяновѣдѣнію выработано не было, все предоставлялось личному усмотрѣнію преподавателя и отъ его склонностей всецѣло зависѣлъ и самый характеръ преподаванія.

Вотъ какъ характеризуетъ эту неопредѣленность Срезневскій: „не было не только руководствъ, но даже ни одного опредѣлительно

высказаннаго мнѣнія, что должно входить въ составъ курсовъ по этой новой каѳедрѣ. Не было оспариваемо только то, что преподаватели должны помочь своимъ слушателямъ въ изученіи главныхъ слав. нарѣчій и ознакомить ихъ съ достояніемъ западно-слав. литературъ, но какъ, въ какой степени, это оставалось на рѣшеніи доброй воли преподавателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ самими преподавателями находимо было нужнымъ дать мѣсто и исторіи славянъ, и этнографическому обзору слав. племени, и слав. древностямъ и грамматикѣ древняго Церковнаго-слав. языка".—„Не могло бы, казалось, остаться безъ пользы для этого отбираніе отъ каждаго изъ преподавателей программъ ихъ курсовъ и сообщеніе ихъ для свѣдѣнія всѣмъ другимъ, но и этого дѣлано не было".

Изъ напечатанной Срезневскимъ программы Прейса можно видѣть, что она имѣла много общаго съ программой Шафарика, превосходя однако послѣднюю своимъ объемомъ.

Считаемъ не лишнимъ привести эту программу:

1. Введеніе съ отвѣтами на вопросы: о древнѣйшихъ жилищахъ славянъ въ Европѣ, объ ихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и повелителямъ, объ эпохѣ ихъ переселеній, ихъ причинахъ и слѣдствіяхъ, объ образованіи самостоятельныхъ славянскихъ государствъ, о принятіи славянами христіанства, о внутреннемъ бытѣ славянъ по положительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ и по выводамъ сравнительнаго изученія древностей славянскихъ.

2. Историческое разсмотрѣніе каждаго изъ важныхъ народовъ славянскихъ Болгаръ, Сербовъ съ Хорватами, Хорутанъ, Чеховъ съ Словаками, Поляковъ съ Балтійскими и Лужицкими славянами—въ отношеніи къ судьбамъ политическимъ, языку и литературѣ.

3. Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій съ изложеніемъ главнѣйшихъ результатовъ сравнительной филологіи вообще и отношеній русскаго языка къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ.

Справедливо отдаетъ должное программѣ Прейса Срезневскій: „этотъ стройный, многообъемлющій и вмѣстѣ самостоятельный распорядокъ чтеній по каѳедрѣ новой, не давшей ничего ни для подражанія, ни для исправленія, не могъ не быть одобренъ факультетомъ и долженъ остаться памятникомъ въ исторіи славянской филологіи".

Отдавая честь Прейсу, мы однако не должны забывать, что первый серьезный опытъ университетской программы принадлежалъ Шафарику. Если же станемъ разсматривать эти программы сравнительно одну съ другою, то прежде всего должны принять во вниманіе различіе условій въ которыхъ находились составители: Шафарикъ пред-

лагалъ свою програму для иноземцевъ, Прейсъ для русскаго университета. Понятное дѣло, что въ русскихъ университетахъ преподаванiе славяновѣдѣнiя должно быть въ болѣе широкомъ объемѣ. Оттого у Прейса древности, политическая исторiя, исторiя литературъ и языкъ какъ въ историческомъ, такъ и въ сравнительномъ изученiи поставлены равноправно. Шафарикъ при новости дѣла среди чужеземнаго народа долженъ былъ поставить на первый планъ языкъ и литературу, оставивъ на первое время однако (нельзя забывать эту оговорку) на второмъ планѣ древности. Для русскихъ университетовъ и Шафарикъ бы поставилъ болѣе обширныя требованiя. Ожидая отъ профессоровъ русскихъ университетовъ составленiя учебниковъ, онъ не исключаетъ и *славянской исторiи*, какъ это можно видѣть изъ приведенной выдержки письма къ Бодянскому [1]). Но если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнiя удобоисполнимости той и другой программы, то понятное дѣло должно отдать предпочтенiе плану Шафарика. Подраздѣленiе преподаванiя на два курса нисшiй, который долженъ дать знанiе каждаго нарѣчiя въ отдѣльности, и высшiй, гдѣ уже требуется сравнительное и историческое изученiе нарѣчiй, можетъ служить лучшимъ ручательствомъ за успѣхъ дѣла. Успѣшныя занятiя вторымъ курсомъ стоятъ въ полной зависимости отъ перваго. Съ другой стороны особеннаго вниманiя заслуживаетъ въ планѣ Шафарика постановка рядомъ съ языкомъ литературы. Одно изученiе грамматики безъ начитанности въ памятникахъ языка, безъ интереса къ литературнымъ произведенiямъ никогда не дастъ хорошаго знанiя нарѣчiй, не говоримъ уже о томъ, что исключительно грамматическое преподаванiе способно оттолкнуть тѣхъ, которые не ставятъ своей цѣлью изученiе одного языка. Слѣдуя плану Шафарика, можно было съ успѣхомъ перейти и къ древностямъ и къ исторiи, потому что изученiе этихъ предметовъ безъ знанiя нарѣчiй всегда останется мертвымъ. Для слушателей славянской исторiи или древностей безъ знанiя живыхъ славянскихъ языковъ недоступна литература предмета.

---

[1]) Очень вѣроятно, что подъ влiянiемъ Шафарика, Погодинъ предлагалъ написать краткiй курсъ по исторiи славянъ Срезневскому, отъ чего послѣднiй впрочемъ отказался: „не менѣе благодаренъ Вамъ и за предложенiе написать *краткую исторiю словенскихъ народовъ*. Сдѣлать наскоро можно это скоро, потому что я прохожу со студентами и о древности славянъ вообще и судьбы каждаго словенскаго народа, но передъ студентами можно извиниться въ промахахъ, поправлять ихъ послѣ, а передъ публикой это уже не то". Барсуковъ. VI. стр. 386.

Если имѣть въ виду русскіе университеты, то теперь остается лишь пожелать, чтобы въ университетскомъ преподаваніи было отведено исторіи славянскихъ литературъ и славянской исторіи подобающее мѣсто и при томъ при условіяхъ, благопріятныхъ для успѣшности преподаванія.

Что касается, наконецъ, программы Прейса по отдѣлу древностей, то составленіе ея послѣ славянскихъ древностей Шафарика I-го тома и плана, составленнаго имъ же для II тома, не могло быть трудно. Планъ былъ готовъ.

Но къ сожалѣнію дѣятельность Прейса была кратковременна и уже потому не имѣла прочныхъ результатовъ. Что касается самого Срезневскаго, то письма его къ Погодину достаточно намъ показываютъ, насколько онъ въ преподаваніи того же предмета далеко отстоялъ отъ своего предшественника:

„Студентамъ I-го курса читаю каждый годъ одно и то же Энциклопедическое введеніе въ изученіе словенства, излагая въ немъ послѣ рѣшенія общихъ вопросовъ о пользѣ и содержаніи науки о словенствѣ, какое мѣсто принадлежитъ славянамъ въ Европѣ въ отношеніи этнографическомъ, историческомъ и географическомъ далѣе общую характеристику словенскаго языка и разнообразіе его нарѣчій, главныя черты словенскихъ народностей и судебъ,—наконецъ въ общемъ очеркѣ содержаніе словенской литературы.

Студенты же 2-го и 3-го курсовъ слушаютъ у меня одинъ годъ о словенахъ западныхъ южной отрасли, а другой годъ о словенахъ западныхъ сѣверной отрасли: каждый словенскій народъ разсматривается отдѣльно по его жилищамъ въ прежнее и наше время, по его древности, его судьбамъ, его современному состоянію, его нарѣчію и литературѣ. Имъ же объясняю по разу въ недѣлю лучшія произведенія словенской литературы. *Грамматикъ я не читаю*; на памятники палеографическіе обращаю вниманіе только слегка, изъ писателей выбираю только тѣхъ, которыми долженъ дорожить всякій словенинъ изъ историческихъ событій болѣе останавливаюсь на самыхъ важныхъ, стараясь пересказывать ихъ сколько можно подробнѣе, а болѣе всего думаю о томъ, чтобы познакомить слушателей съ народностями словенъ нашего и прежняго времени, съ памятниками ихъ быта и образованности, съ ихъ общественнымъ состояніемъ въ то и другое время. Вообще изъ моихъ лекцій *одна треть филолого-литературныхъ и двѣ трети историко-этнографическихъ*: на первыхъ слушателей обыкновенно бываетъ гораздо менѣе, нежели на послѣднихъ, что и заставило меня увеличить число ихъ и *пользоваться всѣми случаями*

вмѣшивать въ нихъ филологическія изысканія. Само собою разумѣется, что слушателей всего болѣе занимаетъ то, что имѣетъ отношеніе къ нашему родному, русскому, нашей собственной исторіи, нашимъ народностямъ, нашему языку и литературѣ и что слѣдовательно я, сколько могу, стараюсь сближать все западнословенское съ нашимъ русскимъ".

Здѣсь прежде всего поражаетъ предпочтеніе интересамъ филологическимъ интересовъ этнографическихъ.

Вѣроятно подъ вліяніемъ Шафарика Погодинъ напоминалъ Срезневскому о важности филологическаго изученія слав. нарѣчій. Нисколько также неудивительно, что Куникъ неодобрительно отзывался о Срезневскомъ, сравнивая его съ Прейсомъ: „не считаю Срезневскаго истиннымъ филологомъ, филологія только какъ позитивная исторія языка есть настоящая наука". Барсуковъ VIII 460. „Прейсъ былъ историко-филологъ, а Срезневскій исходитъ изъ новѣйшаго состоянія языковъ и такимъ образомъ принадлежитъ къ неологамъ, онъ настоящій новотолкъ, считающій возможнымъ дѣлать выводы на основаніи законовъ развитія языка". Ib. 461. Привѣтствуя трудъ Билярскаго, онъ опять пишетъ Погодину: „я счелъ научною обязанностію по смерти Прейса разъ навсегда разъяснить русской публикѣ, что словенская филологія можетъ преуспѣвать лишь какъ исторія словенскаго языка и что Билярскій занимаетъ въ русской филологіи первое мѣсто послѣ Востокова и Прейса" ib. 465.

Что касается Бодянскаго, то о его преподаваніи вскорѣ послѣ начала имъ левцій находимъ интересный разсказъ у Гавличка въ письмѣ изъ Москвы 1843 г. „Бодянскій, пишетъ онъ, преподаетъ въ этомъ году Древности Шафарика, Народописъ и чешскій яз. Москва была первымъ городомъ въ мірѣ, въ которомъ слав. этнографическая карта ex officio висѣла на доскѣ и въ которомъ студенты ex officio учились по сочиненіямъ Шафарика. Шафарика въ Москвѣ знаютъ лучше чѣмъ въ Прагѣ; онъ самъ навѣрное не думалъ, что его сочиненія, не многимъ знакомыя въ Прагѣ, будутъ учебной книгой за 250 миль отъ Праги. На экзаменѣ каждый студентъ долженъ былъ отвѣчать одинъ билетъ изъ Древностей, одинъ билетъ изъ Народо-

---

[1]) Билярскій печатаетъ *судьбы церковно-словенскаго яз.* превосходный трудъ, какого не появлялось со времени труда Востокова, то-есть съ 1820 г. Я нисколько не преувеличиваю; Срезневскій и Бодянскій — entre nous не могутъ произвести ничего подобнаго сочиненію Билярскаго, едва-ли и Григоровичъ. ib. 462.

писа, а сверхъ того долженъ читать, переводить и грамматически объяснять страницу изъ какой нибудь чешской книги. 3-го мая я былъ приглашенъ Бодянскимъ на экзаменъ. Давно я не испытывалъ такой радости. Вы входите въ Университетъ, великолѣпный дворецъ. около васъ кружится масса офицеровъ въ трехъуголкахъ съ голубыми воротниками мундира и съ шпагой, (студенты), самъ попечитель Университета (т. - е. представитель всѣхъ школъ и профессоровъ, важный вельможа въ такомъ родѣ, какъ нашъ Хотекъ въ Прагѣ, графъ Строгановъ) въ густыхъ золотыхъ эполетахъ, множество разнаго рода посѣтителей и между всѣми ими, одѣтыми въ мундирахъ, я бѣдный чехъ, словно галченокъ въ черномъ фракѣ. На столѣ лежитъ этнографическая карта и Ербеновы пѣсни, Декламованки, Чехослованъ Кампелика, Огласъ русскихъ пѣсенъ Челяковскаго, Чешскія бесѣды, Китка, славянскія народныя пѣсни Челяковскаго и пр. Графъ Строгановъ по рекомендаціи Бодянскаго посадилъ меня рядомъ съ собой за столъ и очень ласково разговаривалъ со мной. Студенты отвѣчали бойко изъ слав. Древностей и Народописа. Бодянскій то и дѣло восклицалъ: прекрасно, превосходно. Графъ Строгановъ мнѣ сказалъ: не думайте, что у насъ всѣ студенты знаютъ такъ хорошо, какъ эти, это самые лучшіе. Но такихъ лучшихъ не убывало, одинъ не уступалъ другому. Когда начали они брать въ руки чешскія книги, которыхъ не хотятъ знать въ Прагѣ и которыя валяются тамъ по лавкамъ, когда начали эти господа Русскіе и Поляки (здѣсь въ Университетѣ ⅓ часть Поляковъ) читать и переводить, я былъ словно на седьмомъ небѣ, мое лице свѣтилось радостно какъ мѣсяцъ", Sebrane Spisy, стр. 234—235.

Набросанная искуснымъ перомъ Гавличка живая картина преподавательской дѣятельности Бодянскаго даетъ намъ понятіе о его интересѣ къ своему предмету, который онъ съумѣлъ передавать и своимъ слушателямъ. Съ обычною горячностію онъ принялся *пологать камень во главу угла величественнаго зданія всеславянства на Руси, въ сердцѣ истиннаго славянства*, сбывались рисовавшіяся такъ заманчиво мечтанія больного путешественника, боявшагося, что болѣзнь помѣшаетъ ихъ осуществленію.

Восторженное настроеніе Бодянскаго сказывалось и въ его письмахъ въ первый годъ университетскаго преподаванія. „Другъ Бодянскій, писалъ Шафарикъ Погодину 8 декабря 1842 г. написалъ мнѣ длинное письмо о началѣ своихъ лекцій, объ успѣхахъ литературы и проч., что меня очень порадовало. Только на мой взглядъ фантазія его иногда была нѣсколько возбуждена, что я приписываю его молодости. Онъ гово-

ритъ въ немъ о вещахъ, какъ напр. славянство, библіотека чешскихъ властенцевъ (т.-е. патріотовъ), которыхъ я не знаю и знать не желаю. Вамъ извѣстно, что я простой, сухой грамматикъ, антикваръ и филологъ и почти ни о чемъ другомъ не знаю и не хочу знать. Я не ставлю ему въ вину эти крайности, модныя мечтанія и фантазіи, объясняя ихъ его молодостію, но люди посторонніе, которые прочтутъ его письма, могутъ ихъ понять и истолковать превратно. Если бы я былъ къ нему ближе, былъ съ нимъ въ болѣе короткихъ отношеніяхъ, сказалъ бы ему по сербски: *да не лудује* (не сумашествуй).

Какъ общія условія постановки славяновѣдѣнія въ университетскомъ преподаваніи, такъ и личныя склонности представителей этой каѳедры объясняютъ намъ, отчего ни однимъ изъ нихъ не было написано какого-либо пособія по своему предмету. Но по нашему мнѣнію была и особая причина иного характера, вслѣдствіе которой трудно было ожидать исполненія требованій Шафарика — это недостаточное количество подготовительныхъ работъ можно сказать во всѣхъ почти отдѣлахъ предмета.

Если мы обратимся къ изслѣдованіямъ по языку, то еще найдемъ сравнительно благопріятныя условія. Для сербскаго языка можно указать грамматику Вука Караджича еще при первомъ изданіи его Словаря 1818 г.; словенское нарѣчіе имѣло прекрасную грамматику Копитара 1808 г.; для чешскаго языка существовала грамматика Добровскаго. Но и здѣсь были пробѣлы. Такъ напр. по языку Болгарскому нельзя было указать на такого рода грамматику, какой была сербская грамматика Вука Караджича. Грамматика Неофита Рыльскаго, напечатанная въ 1835 г., была несомнѣнно лучшей Болгарской грамматикой, но, не смотря на свои достоинства, не имѣла такого значенія. Что касается характеристики болгарскаго нарѣчія, которую представилъ Вукъ Караджичъ въ дополненіяхъ къ сравнительнымъ словарямъ, то она являлась далеко не полной: матеріаломъ для нея служилъ лишь западный говоръ болгарскаго языка. Восточно-болгарское нарѣчіе, ставшее литературнымъ языкомъ Болгаръ, еще не имѣло удовлетворительной грамматической обработки. Первый опытъ описанія восточно-болгарскаго говора въ извѣстной грамматикѣ Цанкова явился гораздо позднѣе.

Мы уже не говоримъ, что совершенно почти не доставало трудовъ по исторіи того или другого нарѣчія. Даже у Чеховъ первымъ замѣчательнымъ трудомъ въ этой области была древне-чешская грамматика самого Шафарика, явившаяся гораздо позднѣе, при Vyhor'ѣ въ 1845 г. Подобныхъ трудовъ не было ни по русскому, ни по серб-

скому яз. Дѣятельность Буслаева у насъ, Даничича у Сербовъ относится къ болѣе позднему времени.

Тѣ же условія были и въ историко-литературной области. Нужда въ пособіяхъ для университетскаго преподаванія хорошо сознавалась. Узнавъ, что Шафарикъ самъ трудится въ области исторіи славянскихъ литературъ, Прейсъ писалъ ему: „какъ меня порадовало извѣстіе, что вы вновь занялись составленіемъ исторіи литературы слав. нарѣчій. Никто живѣе не можетъ чувствовать необходимости такого руководства, какъ мы, преподающіе. Матеріалъ разбросанъ, всюду disjecta membra. Вы первый начали сосредоточивать этотъ матеріалъ и вѣрно положите конецъ хаотическому нестроенію и начало спеціальнымъ трудамъ“. Письма, стр. 84:

Интересно, что какъ разъ въ это время В. И. Григоровичемъ былъ написанъ „Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ.эпохахъ“. Казань, 1843 г. Въ рукописи этотъ трудъ по порученію министерства разсматривалъ Прейсъ. Сочиненіе Григоровича не было имъ одобрено. Сравни Письма, стр. 80. [1]) Тѣмъ понятнѣе былъ его интересъ къ работѣ Шафарика. Но и послѣднему не удалось при жизни выпустить въ свѣтъ свой трудъ. Только одна часть его была напечатана какъ отдѣльная статья подъ заглавіемъ: „Разцвѣтъ слав. письменности въ Болгаріи“. 1847 г. Собранный и приведенный въ порядокъ матеріалъ для исторіи югослав. литературъ былъ напечатанъ послѣ его смерти. Эта судьба собственнаго труда Шафарика всего лучше объясняетъ намъ, почему такъ скоро, какъ онъ желалъ, не могли явиться пособія по различнымъ отдѣламъ славяновѣдѣнія.

---

[1]) Мнѣніе Прейса о трудѣ Григоровича раздѣлялось не всѣми. Срезневскій по нашему мнѣнію вполнѣ справедливо считалъ „Опытъ“ явленіемъ замѣчательнымъ для своего времени: „Двумя особенными чертами отличается опытъ Григоорвича отъ другихъ Русскихъ и не Русскихъ трудовъ по исторіи литературы того и прежняго времени. Во первыхъ онъ оживленъ философскимъ направленіемъ, въ силу котораго всѣ явленія, взятыя во вниманіе, представлены не только въ систематически стройномъ порядкѣ, но и философски развитою связью причинъ и слѣдствій. Во вторыхъ въ этомъ опытѣ литература славянъ представлена не отдѣльно сама по себѣ, а въ связи съ политическими судьбами народа и вмѣстѣ съ тѣмъ въ связи съ ходомъ событій политическихъ и литературныхъ въ другихъ странахъ Европы. Кромѣ того она замѣчательна и по подбору данныхъ о важнѣйшихъ древнихъ памятникахъ, тогда извѣстныхъ и объ особенностяхъ ихъ языка. Опытъ доведенъ до конца XIV вѣка и временемъ раздѣла двухъ эпохъ, какъ назвалъ сочинитель, взята половина XI вѣка.

И по исторіи литературы требовался рядъ подготовительныхъ работъ. Памятники далеко еще не всѣ были приведены въ извѣстность. Такія занятія приводили къ цѣлому ряду открытій. Труды Климента Болгарскаго (стр. 77, 96), (сравни Письма къ Погодину 329), Константина епископа (стр. 90) важные списки черноризца Храбра (стр. 89), житія св. Кирилла и Меѳодія являлись крупнѣйшими литературными фактами.

Всѣ эти открытія вызывали сами собой труды по изданію памятниковъ, и такія изданія нерѣдко подвигались очень медленно. Помимо другихъ обстоятельствъ это зависѣло отъ самой сути дѣла: такіе литературные памятники, какъ напр. поученія Климента требовали розысканія лучшихъ списковъ, сравнительнаго изученія ихъ (ср. Климентъ Словѣнскій. Чтеніе. 1895 г. I стр. IX).

Совершенно понятно, что изученіе старыхъ памятниковъ составляло выдающуюся долю въ трудахъ первыхъ профессоровъ. При этомъ одни изъ нихъ стремились къ приведенію въ извѣстность наибольшаго количества памятниковъ, какъ напр. Срезневскій, другіе сосредоточивали свой трудъ на изданіи немногихъ памятниковъ, но за то въ полномъ видѣ. Послѣднее направленіе имѣла дѣятельность Бодянскаго.

Нужно отдать честь Бодянскому, что ни серьезныя преподавательскія занятія въ Университетѣ, ни выдающіеся редакціонные труды его по изданію Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древности Россійскихъ, ни значительная переводная работа разныхъ сочиненій на славянскихъ нарѣчіяхъ, не ослабляли его интереса къ изученію богатыхъ Московскихъ библіотекъ. Ихъ драгоцѣнныя сокровища привлекали его личное вниманіе; въ немъ находили поддержку и другіе изслѣдователи, которые изучали рукописный матеріалъ въ библіотекахъ, какъ напр. Ундольскій.

Изъ печатающихся писемъ видно, что Бодянскій вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Москву началъ задумывать изданіе памятниковъ. Первоначально его вниманіе было обращено на историческіе памятники: онъ хотѣлъ издавать Манассіину Лѣтопись [1]). Это видно

[1]) Этимъ же памятникомъ, какъ видно изъ письма къ Погодину, интересовался и Прейсъ: „Хотѣлось бы мнѣ знать, будетъ ли напечатана Манассіина Лѣтопись и при томъ кѣмъ? Вопросъ естественный всякаго изъ любителей церковно-славянской письменности. У насъ кромѣ А. Х. Востокова едва ли кто найдется вполнѣ знакомымъ съ рукописями болгарской фамиліи, а къ нимъ при томъ къ позднѣйшимъ принадлежитъ Лѣтопись Манассіи". Барс. 11. 390.

изъ письма Шафарика въ декабрѣ 1842 г.: „Изданіе Манассіиной Лѣтописи одобряю. Вообще каталоговъ—старославянскихъ или кирилловскихъ книгъ мы имѣемъ уже не мало, между ними есть и хорошіе, а текстовъ до сихъ поръ напечатано немного. Главное впрочемъ дѣло напечатать вѣрно и исправно. А это не шутка“ (стр. 38).

Выборъ этой лѣтописи, вѣроятно, стоялъ въ связи съ изслѣдованіемъ Черткова, о переводѣ Манассіиной лѣтописи на слав. яз. Москва. 1842 г. Бодянскій интересовался Синод. спискомъ и позднѣе. Въ іюнѣ 1846 г. онъ справлялся у Сахарова, долго ли пробудетъ въ Академіи Наукъ (не у Куника ли?) Манассія изъ Синодальной библіотеки?“ Полученный имъ отвѣтъ: „Куникъ собирается печатать Манассію по Синод. списку. Остановка у нихъ за буквами. Хотятъ отливать особенный мелкій славянскій шрифтъ. Текстъ уже переписанъ у нихъ. Печатать хотятъ буква въ букву“ понятно, долженъ былъ разстроить его планы. Изданіе приготовлялось Билярскимъ. Письма Прейса, стр. 112.

Въ 1846 г. Бодянскій интересовался спискомъ Амартола, находившимся у Шафарика. Вѣрно онъ думалъ уже тогда объ изданіи Амартола [1]).

Въ сентябрѣ того же года опять идетъ рѣчь о томъ же спискѣ Амартола и о Зонарѣ. Шафарикъ отвѣчаетъ, что о перепискѣ Амартола не можетъ сказать ничего опредѣленнаго, пока не пріѣдетъ Григоровичъ, съ которымъ онъ переговоритъ объ этомъ, а Зонары и совсѣмъ нѣтъ въ чешскихъ библіотекахъ и только позднѣйшій спи-

[1]) Въ письмѣ Сахарова безъ даты есть на то указаніе: „Вы собираетесь издавать Амартолъ (в)“ Чтенія 1893, 3 стр. 75. — Гораздо ранѣе, 24 іюня 1843 г., думалъ издать списокъ Шафарика Прейсъ (а не Куторга, какъ ошибочно сказано въ Описаніи Рукописей Шафарика, стр. 97), считавшій его самымъ лучшимъ и просившій Шафарика довѣрить рукопись на извѣстное время или ему лично, или Петербургскому Университету. (Письма, стр. 85). Вѣроятно Шафарикъ отвѣчалъ Прейсу также, какъ и Бодянскому.—Къ этому сербскому изводу принадлежатъ еще два списка въ монастырѣ св. Павла и въ Хиландарѣ (сохранившійся дурно). Первый съ годомъ (1387 г.) прекрасно сохранившійся. Насколько онъ важенъ для опредѣленія вопроса о болгаризмахъ оригинала, можно судить уже по одному слѣдующему примѣру. Извѣстное мѣсто, приводившееся въ доказательство сербской редакціи, читается такъ: црквь велию дню създавше· именоующе юю царетоль рим'скы еже ѥ грьчкы· кефали тис полеωсь словѣньскы же глава градоу. Въ Синод. спискѣ 1839 г. здѣсь стоитъ: срьбьскы.

совъ находится въ одномъ изъ монастырей Срѣма, или въ Карловцахъ, получить копію съ котораго трудно вслѣдствіе лѣности и небрежности тамошнихъ монаховъ.

Затрудненія, которыя представляло изданіе историческихъ переводныхъ памятниковъ, напр. Амартола, имѣвшаго двѣ главныхъ редакціи и массу списковъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ (см. напримѣръ, перечень Сахарова, ib. стр. 76—77), вѣроятно, были одной изъ причинъ, что Бодянскій не осуществилъ своего намѣренія. Онъ издалъ лишь „Паралипоменъ Зонаринъ". (Москва. 1847 г.) по списку Волоколамскаго монастыря. Перечисляя остальныя статьи этой рукописи, Бодянскій обѣщалъ издать и ихъ: „Все это, надѣемся, въ непродолжительномъ времени, издать въ свѣтъ по нѣсколькимъ спискамъ, имѣющимся въ нашемъ распоряженіи. Важность ихъ каждому извѣстна, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіей Славянъ, особенно южныхъ, по сю пору бѣдныхъ печатными историческими памятниками на языкѣ славянскомъ" (стр. VIII. Предисловія), но это обѣщаніе исполнено не было.

Для объясненія другой причины, почему дальнѣйшая издательская дѣятельность Бодянскаго приняла иное направленіе очень важны слѣдующія строки приведеннаго нами выше письма: „При томъ я и не вижу пользы въ изданіи переводовъ по такимъ новымъ рукописямъ; для исторической науки останутся необходимы греческіе оригиналы, а для славянскаго языка *гораздо важнѣе старшіе переводы псалтири, библейскихъ книгъ, твореній св. Отцевъ*, потому что это труды старѣйшаго происхожденія и сохранились въ старшихъ рукописяхъ. Я желалъ бы, чтобы были изданы *Псалтырь*, *Апостолъ* и т. д. *по старѣйшимъ рукописямъ*, *Іоаннъ экзархъ*, *Климентъ* и т. д., и только потомъ историки. Разумѣется таково мое личное мнѣніе". (стр. 62). По свидѣтельству Погодина Шафарикъ еще въ 1842 г. выражалъ желаніе, чтобы въ Россіи напечатано было болѣе памятниковъ древней словесности, при чемъ обращалъ вниманіе на *Святославовъ сборникъ*, *Погодинскую псалтирь*. Барсуковъ. VII, стр. 28. Зная, что именно эти памятники послужили предметомъ занятій Бодянскаго, мы вправѣ заключить, что мнѣніе Шафарика не осталось безъ вліянія. Даже больше, совѣты Шафарика въ нѣкоторой степени повліяли и на самый планъ изданія. Мысль объ изданіи литературныхъ трудовъ извѣстнаго автора въ ихъ полномъ объемѣ высказана Шафарикомъ еще въ письмѣ отъ 11 іюня 1846 г.: „Весьма важно то, что приготовляете вы и ваше ученое общество. Если бы вы намъ издали *всего* Іоанна экзарха Болгарскаго и *всѣ* творенія епископа

Климента“ (стр. 76). Подготовительная работа по изданію этихъ памятниковъ начаты были Бодянскимъ рано. Списокъ 1073 года былъ списанъ еще въ 1845 г. Въ 1846 г. Бодянскій приступилъ къ изученію текста. Въ февралѣ этого года была заказана копія съ греческаго оригинала сборника, оказавшагося въ Парижской библіотекѣ, превосходно исполненная при посредствѣ г-на Газе.

Въ то же почти время Бодянскій приступилъ и къ изданію твореній Іоанна экзарха Болгарскаго. Богословіе Іоанна Дамаскина въ въ 1847 году уже было напечатано. Шестодневъ былъ списанъ 25 мая 1849 г.

Если предпринятыя оконченныя и неоконченныя изданія Бодянскаго по тому интересу, какой представляли избранные имъ памятники, заслуживають полнаго признанія, то нельзя сказать, чтобы выполненіе ихъ было безукоризненно.

Самое важное условіе хорошаго изданія это его вѣрность и точность. Справедливо писалъ Бодянскому Шафарикъ еще въ 1842 г.: „Текстовъ напечатано до сихъ поръ мало. Главное дѣло напечатать вѣрно и точно. А это не шутка“ (стр. 38). И вотъ съ этой то стороны изданія Бодянскаго и не выдерживаютъ критики: ихъ нельзя и сравнивать съ такими превосходными трудами этого рода, какимъ было Остромірово Евангеліе, изданное Востоковымъ, или напр. тексты, напечатанные Калайдовичемъ. Чѣмъ можно это объяснить? Помимо всего другого намъ кажется немаловажной причиной неудовлетворительности изданія являются крайности палеографическаго метода изданія. Погоня за точной палеографической передачей текста, преимущественно въ эту сторону отнимая вниманіе издателя, въ результатѣ ослабляла его силы, благодаря чему въ текстъ вкрадывалось значительное количество опечатокъ. Нужно замѣтить, что указанныя А. Н. Поповымъ поправки въ изданіи Шестоднева не исчерпываютъ всѣхъ ошибокъ, въ чемъ мы имѣли возможность убѣдиться, сличая изданіе Бодянскаго съ оригиналомъ. Насколько важны опущенныя ошибки, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. На листѣ 233 1 столб. 17 стр. должно быть *връху*, а не *върху*; на листѣ 240 1 столб. 21 стр. *тврьди*, а не *тверди*; на листѣ 256 1 столб. 24 стр. *пръсть*, а не *пърсть*; на оборотѣ листа 171 2 столб. 20 стр. *жлътещіхъ*, а не *желътещіхъ* и т. д. Есть и много другихъ примѣровъ: на оборотѣ листа 170 1 столб. 21 стр. должно быть *зыблетъ* вмѣсто *зыбаетъ*; на листѣ 171, 1 столб. 14 стр.: иѯ вмѣсто иѕ; тамъ же въ строкѣ 14 должно быть *съпроуѯъ* вмѣсто *съпроузъ*. Не говоримъ о томъ, что иногда важно также и подтвержденіе вѣрнаго чтенія рукописи въ

случаяхъ, вызывающихъ недоумѣніе. Въ свое время мы достаточно потрудились надъ изученіемъ сомнительныхъ мѣстъ списка 1263 года сравнительно съ греческимъ текстомъ. Кое-что интересное въ лексическомъ отношеніи мы помѣстили въ словарѣ къ Обзору, но осталось не мало любопытныхъ подробностей. Мы не провѣряли богословія, но думаемъ что и въ этомъ изданіи найдется еще многое, нуждающееся въ поправкахъ. Пользуясь лишь двумя снимками, можемъ указать нѣсколько примѣровъ. У Бодянскаго на стр. ҃д столб. 2 стр. 10 напечатано *словѣньскъ* съ ъ на концѣ, а слѣдовало напечатать въ концѣ ѕ, такъ какъ въ рукописи на концѣ строки стоитъ ѕ съ хвостикомъ, поднимающимся выше строки, какъ и ниже въ слѣдующей строкѣ *онѕі*, что передано *оны* по нашему мнѣнію неправильно. А. Н. Поповъ не отмѣтилъ этихъ неточностей.

Понятное дѣло, что пользованіе такимъ изданіемъ при изслѣдованіяхъ языка не мыслимо безъ постоянной провѣрки его съ рукописью. Вѣроятно это обстоятельство виной тому, что до сихъ поръ для языка изданіями Бодянскаго не пользовался почти никто изъ ученыхъ, несмотря на значительный интересъ изданныхъ имъ памятниковъ.

Съ другой стороны и съ точки зрѣнія палеографической изданія Бодянскаго не были вполнѣ точны. Безусловно точное палеографическое изданіе неосуществимо часто вслѣдствіе причинъ типографскихъ. Такъ напр. въ Шестодневѣ 1263 года есть очное о на листѣ 61 и ѹ съ точкой въ нижней части, но ни то ни другое не передано въ изданіи. Въ богословіи Іоанна Дамаскина на листѣ ҃уѯа напечатано .ѕ҃., а, какъ видно изъ снимка, въ рукописи стоитъ .ѕ҃. т. е. таже буква съ обратнымъ начертаніемъ. Не говорю уже о различіи въ формѣ титла, которая въ палеографическомъ изданіи въ интересахъ палеографіи должна бы соблюдаться *). Вообще достаточно внимательно сравнить даже лишь эти два снимка съ изданіемъ, чтобы видѣть, насколько затруднительно издать какой либо памятникъ строго палеографически. Для такого изданія типографія должна обладать для каждой буквы нѣсколькими формами. Напр. въ 1-мъ же снимкѣ есть длинная форма *ѣ*, выходящая за строку, въ изданіи обычная его форма. По этому мы не можемъ согласиться съ А. Н. Поповымъ, чтобы и въ богословіи Іоанна Дамаскина планъ напечатать старѣйшій списокъ

---

*) На томъ же листѣ столб. 2 стр. 5 *погр бу* въ рукописи *погребѹ* Эта неточная передача, не отмѣченная А. Н. Поповымъ, уже не можетъ быть оправдана типографскими затрудненіями.

листъ въ листъ, строка въ строку, буква въ букву былъ выдержанъ Бодянскимъ отъ первой буквы до послѣдней. Печатаніе ѕ вмѣсто з это уже не опечатка, постоянное печатаніе титла въ формѣ ҇ вмѣсто ̃ точно также является уклоненіемъ отъ рукописи.

Нельзя признать удачнымъ также пріемъ Бодянскаго отставлять въ строкѣ одну букву отъ другой на равномъ разстояніи. Это дѣлаетъ чтеніе изданія убійственнымъ для глаза и гораздо болѣе затруднительнымъ, нежели чтеніе самой рукописи. Смотри напр. первую страницу текста. Въ рукописи разница уже въ томъ, что письмо уставное крупное, а потому эти недостатки менѣе ощутительны. Нельзя поэтому не согласиться съ Шафарикомъ, что мысль не раздѣлять словъ одно отъ другого самый неудачный издательскій пріемъ. „Я настаиваю на томъ, писалъ Шафарикъ 31 Окт. 1847 г., чтобы слова текстя печатались раздѣльно и чтобы введена была логическая интерпункція. *Печатать текстъ сплошь—самая непрактичная, самая несчастная мысль въ свѣтѣ.* Таково мое первое и послѣднее убѣжденіе“ стр. 92.

Интересно, что въ Шестодневѣ, текстъ котораго списанъ былъ 25 Мая 1849 г. Бодянскій послѣдовалъ совѣту Шафарика: въ немъ слова отдѣлены одно отъ другого, благодаря чему чтеніе этого памятника не представляетъ такого затрудненія, какъ Богословіе. Что же касается разстановки знаковъ препинанія, то Бодянскій въ этомъ случаѣ оказался непослѣдователенъ. По словамъ А. Н. Попова, на половину знаки стоятъ какъ въ рукописи, на половину разставлены самимъ издателемъ. Очевидно, Бодянскій съ одной стороны склоненъ былъ признать справедливость замѣчаній Шафарика, но съ другой стороны не провелъ логической разстановки знаковъ препинанія вполнѣ послѣдовательно, какъ это въ свое время сдѣлалъ Калайдовичъ. Вообще это изданіе, отличающееся непослѣдовательностью и невыдержанностію плана, гораздо ниже Богословія во всѣхъ отношеніяхъ. Стоитъ только сравнить тѣ главы и отдѣльныя мѣста въ изданіи Бодянскаго, которыя ранѣе были напечатаны Калайдовичемъ, чтобы видѣть, насколько выше, какъ издатель стоялъ Калайдовичъ. У него нѣтъ совсѣмъ опечатокъ (уклоненія отъ текста въ палеографическихъ особенностяхъ сюда не входятъ) и пріемы вполнѣ послѣдовательны. До сихъ поръ мы видѣли, что неисполненіе совѣтовъ Шафарика неблагопріятно отразилось на изданіяхъ Бодянскаго. Въ одномъ только нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Шафарика. Изъ письма отъ 31-го Октября 1847 г. видно, что у Бодянскаго была мысль снабдить издаваемые тексты грамматиками и словарями. Вѣроятно, Бодянскій руководился въ этомъ случаѣ превосходнымъ изданіемъ Востокова.

Изданія Бодянскаго однако были приготовлены лишь съ одними варіантами, безъ всякихъ другихъ дополнительныхъ приложеній. Въ этомъ случаѣ отвѣтственность до извѣстной степени падаетъ на Шафарика. Составленіе грамматики и словарей къ отдѣльнымъ текстамъ онъ считалъ безполезнымъ. Дальнѣйшія изданія однако пошли путемъ, указаннымъ Востоковымъ. Разумѣю превосходное изданіе Ягичемъ Маріинскаго Евангелія. Нужно впрочемъ замѣтить, что, считая излишнимъ подробный словарь и грамматику, Шафарикъ находилъ однако нужнымъ обзоръ рѣдкихъ въ другихъ памятникахъ не встрѣчающихся грамматическихъ формъ и указатель неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ темныхъ словъ.

Изданіями, которыя подъ руководствомъ Бодянскаго предпринимало Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, вызваны были заботы Шафарика объ усовершенствованіи славянскаго шрифта для печатанія старыхъ славянскихъ памятниковъ.

Огромная разница, существовавшая между красивымъ уставнымъ письмомъ старыхъ рукописей и тѣмъ часто безвкуснымъ шрифтомъ, какимъ онѣ печатались, поражала Шафарика. У него явилось сильное желаніе съ помощію искусныхъ граверовъ издательской фирмы Богумила Гаазе, стоявшей по его мнѣнію въ то время выше парижской фирмы Дидо, сдѣлать попытку отлить новый славянскій шрифтъ. Чтобы обезпечить успѣхъ своего предпріятія съ матеріальной стороны, Шафарикъ обратился къ Бодянскому и Погодину съ предложеніемъ склонить Общество Исторіи и Древностей къ заказу въ Прагѣ такого шрифта, который упомянутая фирма бралась приготовить подъ его непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ. Письма за №№ 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 64, 65 съ наибольшей полнотой изображаютъ намъ ходъ этого дѣла. Изъ нихъ видно, что Шафарику пришлось потратить не мало энергіи, чтобы довести до конца начатое предпріятіе. Не сразу удалось ему получить согласіе членовъ Московскаго Общества; являлись возраженія, откладывавшія окончательный отвѣтъ. Многихъ смущалъ, вѣроятно, духъ новшества: Шафарикъ предлагалъ уничтожить титла и сокращенія. Требовалось разъяснить, что такой шрифтъ предназначается не для церковныхъ нуждъ, а для научныхъ потребностей. Отливка буквъ давалась не сразу. Приходилось одну и ту же букву передѣлывать нѣсколько разъ, чтобы придать форму наиболѣе изящную. Шафарикъ посылалъ образцы и въ Москву, откуда также приходили требованія перемѣнъ и улучшеній. Сознавая справедливость нѣкоторыхъ подобныхъ указаній, Шафарикъ долженъ былъ наконецъ положить на первый разъ предѣлъ улучшеніямъ, заявивъ, что никакихъ перемѣнъ больше не будетъ. Самъ Шафарикъ влагалъ въ это

дѣло столько труда и заботъ, что на время принужденъ былъ прекратить свои ученыя занятія (стр. 87, ср. 88). Результатомъ этого предпріятія было отлитіе шрифта, который по справедливости носитъ имя *шафарика* и до сихъ поръ остается самымъ красивымъ славянскимъ шрифтомъ.

Позднѣе Шафарикъ сдѣлалъ то же самое и для глаголическаго алфавита. Сначала, собираясь печатать образцы глаголической письменности по старшимъ рукописямъ, онъ выработалъ шрифтъ круглаго глаголическаго письма; Письма къ Кукулевичу Сакцинскому. стр. Впослѣдствіи тоже самое сдѣлалъ онъ и для хорватской угловатой глаголицы, причемъ просилъ денежной поддержки хорватовъ 8-го сент. 1853 г. стр. 14. Первые образцы этого шрифта посланы были въ Загребъ въ октябрѣ того же года, ib. стр. 15. Главная цѣль Шафарика, по его словамъ, была дать письмо вѣрно, генетически выведенное изъ старѣйшихъ памятниковъ. Шрифтъ былъ вполнѣ готовъ въ февралѣ 1857 года: „сдѣлано, что на этотъ разъ было можно. Всего сразу достигнуть нельзя, фактъ всегда остается ниже идеи". ib. стр. 28.

Вскорѣ по возвращеніи изъ славянскихъ земель однимъ изъ первыхъ трудовъ Бодянскаго былъ переводъ вышедшаго въ 1842 году сочиненія Шафарика Slovanský Národopis.

Ѳто сочиненіе возбудило самое живое вниманіе и у насъ въ Россіи. Въ 7-й книгѣ Москвитянина за 1842 г. была помѣщена слѣдующая замѣтка о выходѣ въ свѣтъ Народописа: „Недавно въ Прагѣ вышла слав. этнографія Шафарика съ картою: *все изданіе разошлось въ два дня* такъ, что *не осталось ни одного экземпляра.* Такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное этимъ сочиненіемъ. Мы надѣемся представить нашимъ читателямъ отчетъ въ этомъ замѣчательнѣйшемъ явленіи современной слав. литературы. Этнографія Шафарика есть плодъ многолѣтнихъ его трудовъ и предлагаетъ географическую основу для исторіи славянства отъ самыхъ отдаленныхъ до нашихъ временъ". Слав. Изв. стр. 232.

Вскорѣ вслѣдъ за этимъ объявленіемъ въ книжкахъ 1—5 1843 г. послѣдовалъ и переводъ Бодянскаго.

Въ послѣсловіи переводчикъ съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ привѣтствовалъ превосходный трудъ своего учителя. „И такъ, Славяне дождались своего Народописанія, отъ самого Шафарика, перваго современнаго историка ихъ „давно-прошедшихъ дней, преданій старины глубокой", перваго знатока и двигателя Славянства у западныхъ и южныхъ собратій нашихъ.—Это „Славянское Народописаніе", пере-

данное теперь мною по-Русски,—небольшая книжка, но имѣвшая несомнѣнный успѣхъ въ лѣтописяхъ тамошней письменности, и произведшая самое глубокое, благодѣтельное, живоносное впечатлѣніе на своихъ читателей и отчасти нечитателей, потому что ея добивались даже самые отъявленные недруги Славянъ, и—поучались. Дѣло въ „землевидѣ (картѣ)", представляющемъ жилища нынѣшнихъ Славянъ. Тутъ, „приди и виждь", и потомъ „иди въ домъ твой съ миромъ и къ тому не согрѣшай выше!" Тутъ-то Славяне въ первый разъ очутились въ одномъ видимомъ семействѣ, дѣтьми одной матери, сознались громко, во всеуслышаніе, что всѣ мы:

„Kość z kości, ojców naszich, ród jeden składamy.
I jédnym wszędzie duchem oddychamy".

Переводъ Бодянскаго явился и въ отдѣльной книгѣ. Въ предисловіи переводчика сравнительно съ журнальнымъ послѣсловіемъ прибавлено нѣсколько словъ относительно приложенной къ книгѣ карты. Это была составленная Шафарикомъ этнографическая карта слав. земель. Она была заказана въ Прагѣ у Меркласа [1]). Принявъ предложеніе Шафарика и взявшись за переводъ Národopisa, Бодянскій желалъ снабдить свой переводъ такою же картой, но только русской, и хотѣлъ поручить приготовленіе ея тому же Меркласу. Зная, какъ этотъ послѣдній долго работалъ надъ чешской картой, Шафарикъ совѣтовалъ заказать карту или въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, не надѣясь, что Меркласъ успѣшно исполнитъ работу на рус. яз., котораго не зналъ [2]). Бодянскій поступилъ однако иначе. Онъ заказалъ для перевода чешскую карту. Шафарикъ постарался исполнить его просьбу, какъ это видно изъ письма 5 февр. 1843 г.: „о исполненіи вашихъ требованій всячески стараюсь. Для васъ напечатано 250 экз. карты, всѣ будутъ расврашены, стр. 44 [3]). Сожалѣя, что не удалось приложить карты, оттиснутой русскими буквами, Бодянскій писалъ: „желая облегчить чтеніе и употребленіе самого Народописанія Славянъ въ переводѣ, мы рѣшили приложить къ нему карту въ ея *подлинникѣ*. Думаемъ, что это ни мало не помѣшаетъ распространенію сочиненія между *образованными читателями*, коихъ мы *теперь* и имѣемъ въ виду: всѣ просвѣщенные знакомы съ латинскимъ письмомъ, и карты на иностранныхъ яз.—не диковинка для нихъ, тѣмъ болѣе карта на

---

[1]) Сравни Письма къ Бодянскому, стр. 18, 19, 22, 23.

[2]) Смотри стр. 34 и 37, гдѣ о томъ же еще подробнѣе.

[3]) Карты въ началѣ мая были готовы и стоили 87 гульденовъ, 10 крейц. см. стр. 46.

яз., родственномъ намъ", стр. VI Для облегченія пользованія картой было приложено объясненіе чешскихъ буквъ, отличавшихся отъ обычнаго латинскаго алфавита.

Русскую карту въ бо́льшемъ размѣрѣ Бодянскій обѣщалъ въ будущемъ: „желательно, чтобы время и обстоятельства позволили намъ, для большаго и повсемѣстнѣйшаго распространенія познаній о себѣ самихъ и соплеменникахъ нашихъ вскорѣ приступить къ изданію этой же самой карты гораздо въ *увеличеннѣйшемъ размѣрѣ на рус. яз.* Но пока это сбудется, увѣрены и предложенное не замедлитъ принесть свои добрые плоды", стр. VII.

Обѣщаніе это осталось не исполненнымъ. Очевидно эти именно замыслы Бодянскаго вызвали замѣчаніе Шафарика въ одномъ изъ его писемъ: „о изданіи большаго размѣра картъ постараемся въ будущемъ. Нужно имѣть терпѣніе: на скору руку такія дѣла не дѣлаются. Хорошихъ, постоянныхъ, настойчивыхъ работниковъ всюду мало. Совершенство достигается постепеннымъ трудомъ", стр. 38.

Въ Предисловіи къ своему труду Шафарикъ объяснялъ, что онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ дать цѣльную картину слав. племени, не входя въ особенныя подробности объ отдѣльныхъ его вѣтвяхъ; что же касается характеристики яз., нарѣчій и литературы, то эти главы присоединены имъ лишь для большей ясности цѣлаго. Этимъ самымъ Шафарикъ давалъ понять, какъ должно относиться къ его книгѣ.

По прежнимъ опытамъ зная недоброжелательность къ нему русской критики, онъ внимательно слѣдилъ за печатаніемъ свого труда и былъ не мало огорченъ ошибками первыхъ отпечатковъ этнографической карты; дѣло шло объ указаніи на картѣ нѣмецкихъ поселеній около Маріуполя. Ошибка была замѣчена и исправлена, но Шафарикъ счелъ нужнымъ обратить на нее вниманіе Погодина, чтобы не подвергнуться насмѣшкамъ строгихъ русскихъ критиковъ. Письма II, стр. 308.

Несмотря на эти разъясненія, были, повидимому, нападки на книгу Шафарика, какъ можно судить по слѣдующимъ интереснымъ строкамъ въ письмѣ къ Погодину 22 окт. 1843 года: „Не могу допустить, чтобы въ моемъ краткомъ Народописѣ было столько ошибокъ, какъ это воображаютъ русскіе критики. Въ исторіи рус. литературы у меня указаны только эпохи и 3—4 имени, и притомъ вполнѣ правильно. Русскій выговоръ переданъ также правильно, хотя, разумѣется, не математически точно, потому что это совершенно невозможно. Не позволяйте вводить себя въ заблужденіе мудрованіями критики. Своими

сочиненіями я хотѣлъ быть полезенъ только у себя вблизи, не думая блистать ими, и я этого достигъ. Вся слава міра не стоитъ въ моихъ глазахъ копѣйки. Поэтому не безпокойтесь за меня и за мою славу: если другіе исправляютъ, мои книги, какъ школьники упражненія, чтобы придать себѣ важности, значитъ они въ томъ нуждаются, хотятъ выдвинуться; я ни въ чемъ такомъ не нуждаюсь, я близокъ къ цѣли. На эту тему подробнѣе въ будущемъ". Письма, стр. 334.

Самый серьезный разборъ труда Шафарика появился въ журналѣ М. Н. Пр. Изъ писемъ Прейса видно, что завѣдывавшій тогда журналомъ Сербиновичъ предлагалъ ему написать разборъ этой книги. Прейсъ сначала далъ обѣщаніе, но, замедливъ съ его выполненіемъ, указалъ Сербиновичу на Срезневскаго, какъ на лицо, отъ котораго можно получить вполнѣ удовлетворительный разборъ Народописа, обѣщая писать объ этомъ Срезневскому. При этомъ Прейсъ сознавался, что въ вопросахъ о діалектахъ славянскихъ только Срезневскій можетъ говорить съ полнымъ знаніемъ дѣла: „я въ подметки не гожусь вамъ въ этомъ предметѣ". Письма, стр, 79. Разборъ Срезневскаго не замедлилъ появиться въ 1843 г. часть XXXVIII, отд. VI.

Срезневскій началъ свою статью краткими свѣдѣніями о Шафарикѣ и въ общихъ чертахъ указалъ значеніе его трудовъ „исторіи слав. литературъ", о „происхожденіи славянъ", „славянскихъ древностей", „древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка".

Переходя къ разбору Народописа, Срезневскій отмѣтилъ прежде всего близость этого сочиненія къ исторіи славянства и литературы.

Далѣе онъ находилъ нужнымъ исправленіе характеристики нарѣчій, очерковъ литературы и прибавленіе главы о нравахъ и обычаяхъ Славянъ.

Въ главѣ о дѣленіи славянъ на группы по характеру нарѣчій Срезневскій останавливается на отличіи предлагаемаго Шафарикомъ дѣленія отъ дѣленія Добровскаго. Отмѣтивъ уклоненія отъ выставленныхъ тѣмъ и другимъ признаковъ въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, Срезневскій предпочитаетъ, отказавшись отъ дѣленія нарѣчій по ихъ свойству, позволить себѣ только дѣленіе историкогеографическое.

Во второй главѣ Срезневскій, оспаривая подраздѣленіе Шафарика, предлагаетъ свое: 12 главныхъ нарѣчій, изъ которыхъ два—мертвыя, а десять живыхъ могутъ быть соединены въ 8 отдѣловъ. I Восточныя нарѣчія: одинъ отдѣлъ: 1) великорусское 2) малорусское. II Югозападныя: четыре отдѣла: a) старославянское церковное, b) болгарское, c) 1) сербское, 2) хорватское, d) хорутанское. III Сѣверозападныя: пять отдѣловъ: a) польское, b) полабское, c) лужицкое, d) чешское, e) словенское.

Въ 3 й главѣ Срезневскій разсматриваетъ географическую часть книги, считая ее лучшей: „Тѣмъ болѣе должно удивляться этому труду, что до сихъ поръ не только не было обращено на это должное вниманіе ни въ какихъ книгахъ, развѣ мелькомъ, но что собраніе и повѣрка свѣдѣній представляли Шафарику трудности казалось бы непреодолимыя. Между тѣмъ, несмотря на всю легкость ошибиться, Шафарикъ избѣжалъ большей части ошибокъ, а если впалъ въ нѣкоторыя, то болѣе потому, что не получилъ вѣрныхъ свѣдѣній о нарѣчіяхъ и долженъ былъ по неволѣ позволить себѣ предположенія“.

Перечисляя границы племенъ, Срезневскій предлагаетъ нѣсколько поправокъ.

Истріанъ, Венгерскихъ поморянъ, сѣверныхъ островитянъ адріатическихъ, равно какъ и бѣлыхъ краинцевъ чакавцевъ, Срезневскій причисляетъ къ хорватамъ, а не къ сербамъ, какъ дѣлаетъ это Шафарикъ, отсюда и разница въ суммѣ на 294.000.

Къ словакамъ Срезневскій прибавляетъ живущихъ въ восточномъ краѣ Моравіи (часть Градищскаго и Преровскаго уѣздовъ) и 200.000 уніатовъ Пряшовской епархіи. Наконецъ Срезневскій убавляетъ общую цифру поляковъ 8.980.000 вмѣсто 9.365.000.

Понятное дѣло, что указаніе нѣкоторыхъ ошибокъ Шафарика и несогласіе съ нимъ по вопросамъ объ основаніяхъ дѣленія нарѣчій на группы и о принятомъ имъ дѣленіи, не мѣшали Срезневскому признать выдающееся значеніе новаго труда Шафарика.

Тѣмъ не менѣе эта книжка имѣетъ достоинство очень важное, въ ней въ первый разъ описаны и описаны прекрасно границы слав. земель, а на картѣ вы видите только слав. названія мѣстностей и при томъ по мѣстному выговору [1]). Это ставитъ новый трудъ Шафарика въ рядъ самыхъ необходимыхъ для всякаго занимающагося славянствомъ. Будемъ надѣяться, что славянская народопись, напечатанная уже два раза менѣе нежели въ полгода, напечатана будетъ еще разъ, но уже со всѣми возможными поправками“, стр. 10.

Мы должны при этомъ замѣтить, что предложенія Срезневскимъ иного подраздѣленія слав. нарѣчій не заключали въ себѣ существенныхъ отличій отъ дѣленія, принятаго Шафарикомъ. Существеннѣе было измѣненіе внесенное въ дѣленіе нарѣчій позднѣе Миклошичемъ,

---

[1]) Иной взглядъ высказывалъ по этому поводу Максимовичъ, нападавшій на Шафарика за обозначеніе на картѣ *Пiвтава*, *Харькивъ* и обвинявшій въ этомъ случаѣ Бодянскаго, совѣтами котораго въ отдѣлѣ малорусскомъ пользовался Шафарикъ.

который, поставивъ во главѣ яз. старославянскій, расположилъ значительно иначе нарѣчія, относившіяся къ группѣ *юговосточной*.

Неудивительно поэтому, если въ письмахъ Шафарика къ Бодянскому мы находимъ такой отвѣтъ на замѣчанія критиковъ его книги: „въ Народописѣ я сдѣлалъ, что было можно. Пусть другіе идутъ далѣе, но обдуманно съ представленіемъ доводовъ. *До сихъ поръ мнѣ не приходилось читать ничего основательнаго*. Не все, что кому придетъ въ голову, выдерживаетъ строгую, разсудительную критику. Въ языкознаніи, какъ и вездѣ многія вещи — одни лишь догадки Somnia delirantium. Все зависитъ отъ метода, доказательствъ, логики“, стр. 55. Письмо писано 18 сентября 1844 г.

Намъ остается теперь коснуться дѣятельности Бодянскаго, какъ переводчика съ чешскаго.

Бодянскій еще до заграничной поѣздки началъ переводить труды Шафарика. Первые опыты перевода отрывковъ изъ славянскихъ древностей, выходившихъ въ Часописѣ, были напечатаны имъ въ Московскихъ журналахъ. Но вскорѣ онъ нашелъ издателя для перевода этого сочиненія въ отдѣльныхъ книгахъ въ лицѣ М. П. Погодина. Первая книга была готова еще въ декабрѣ 1836 г., но вышла въ 1837 году. Переводчикъ радовался, что славянскія древности являются въ переводѣ на русскій языкъ ранѣе, чѣмъ на какомъ нибудь другомъ языкѣ, не исключая и нѣмецкаго, и обѣщалъ продолженіе перевода черезъ каждые три мѣсяца книжками по 20 печатныхъ листовъ. Однако эти намѣренія не осуществились. Вслѣдъ за выходомъ второй книги въ 1838 г., въ которой была закончена часть историческая труда Шафарика, переводъ пріостановился, и въ своемъ полномъ видѣ Славянскія Древности вышли на русскомъ яз. только въ 1847 году. Но если нѣмцамъ и удалось опередить русскаго переводчика (нѣмецкій переводъ вышелъ въ 1843—44 гг.), то за то русскіе читатели получали переводъ безъ всякихъ урѣзокъ и измѣненій оригинала, произвольно допущенныхъ въ нѣмецкомъ переводѣ (стр. 11 предисловія ко 2-му изданію).

Интересно остановиться на причинахъ, почему не было доведено до конца первое изданіе перевода Славянскихъ Древностей. Это въ значительной степени зависѣло отъ характера перевода.

Бодянскій оканчивалъ предисловіе къ переводу Славянскихъ древностей словами: „О вѣрности и чистотѣ перевода предоставляю судить знающимъ языкъ подлинника и языкъ русскій. Надѣюсь приговоръ ихъ будетъ безпристрастенъ, *не въ судъ и осужденіе переводившему*“. Слав. Древности 1-е изд. 1 т. стр. VIII. Это самонадѣ-

янное заявленіе однако не оправдалось: переводомъ были недовольны. Самъ издатель Славянскихъ Древностей въ русскомъ переводѣ Погодинъ въ 3-ей книгѣ 1-го тома долженъ былъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе переводчика: (стр. 301) „Издавая третью книгу *Славянскихъ Древностей Шафарика*, я долженъ предупредить читателей что г. Бодянскій переводилъ ее среди пріуготовленій къ путешествію и потому не могъ обработать своего перевода на равнѣ съ первыми двумя частями. Я не хотѣлъ прикасаться къ ней въ отсутствіи переводчика, по причинамъ понятнымъ,—кромѣ необходимыхъ случаевъ. Впрочемъ языкъ, слогъ, въ книгѣ такого рода есть дѣло второстепенное, главное—розысканія, выводы, мысли. Я самъ совѣтовалъ переводчику, и при первыхъ двухъ частяхъ, держаться какъ можно ближе подлинника, чтобъ познакомить нашихъ читателей съ построеніемъ чешскаго языка, и вмѣстѣ доставить средство желающимъ—выучиться оному чрезъ одно сличеніе перевода, почти подстрочнаго, съ подлинникомъ“. Вѣроятно, оттого книга расходилась очень плохо, чѣмъ и объяснялъ Погодинъ пріостановку печатанія.

Слухи о недостаткахъ перевода дошли и до Шафарика, и онъ въ письмахъ къ Бодянскому по поводу перевода Narodopis'а совѣтовалъ певеводчику внимательнѣе относиться къ требованіямъ публики и обращать вниманіе на правильность стиля. Русскіе жалуются на васъ, что опять *очень буквально и недостаточно чисто по русски переводите Národopis, какъ и Древности*. Это не хорошо. Ваша публика и безъ того испорчена и придирчива, поэтому *Вы не должны ее отталкивать отъ чтенія серьезныхъ трудовъ шероховатостью формы*. Скорѣе исправьте и мой слогъ, гдѣ онъ недостаточно гладокъ и плавенъ. Сообразуйтесь съ потребностями и требованіями Вашего общества. Иначе напрасно будете писать, не будутъ васъ читать. У вашей публики желудокъ не такой, какъ у нашей: наша бы переварила и скалы, и пса съ шерстью и костьми. Сохрани васъ Богъ писать такимъ стилемъ, какимъ пишутъ у насъ“. (стр. 45) Бодянскій и самъ допускалъ возможность шероховатости слога въ первомъ опытѣ перевода съ чешскаго на русскій. „Я бы просилъ васъ убѣдительнѣйше,—писалъ онъ къ Погодину,—взять корректуру на себя, соглашаясь даже, гдѣ то за благо узнаете, на *очистку слога отъ шероховатости, которую самому переводчику никакъ нельзя замѣтить*; во первыхъ свое, во вторыхъ приглядишься—и ошибешься; въ третьихъ два глаза все лучше, чѣмъ одинъ. *Читая чужое я очень строгъ и взыскателенъ; малѣйшая не-*

гладкость, неровность, насиліе языку и т. п. мнѣ чувствительны и замѣтны, но свое—Вы это знаете по себѣ! „(Письма II, стр. 83.) [1])

Касавшіеся вопроса о характерѣ перевода Бодянскаго отмѣчали неудовлетворительность его перевода въ 1-мъ изданіи. Сравни отзывъ Н. А. Попова: „русскій переводъ не доведенный до конца и *изданный не вполнѣ исправно*" (Письма I, V) и замѣтку Нидерле: „При содѣйствіи Погодина О. М. Бодянскій началъ почти одновременно съ чешскимъ изданіемъ печатать русскій переводъ, *который однако не удался. Былъ исполненъ торопливо и поверхностно.* Шафарикъ былъ этимъ недоволенъ" (стр. 11).

Считаемъ не лишнимъ указать недостатки перевода на примѣрахъ. Прежде всего бросается въ глаза буквальность перевода:—Теряетъ свою цѣнность и *годность* (81), въ оригиналѣ: tratj wšecku cenu a płatnost. Во 2-мъ изданіи послѣднее слово опущено.—*Удивительно какъ сравниваются другъ съ другомъ* (83), až ku podiwu se srownáwaji (43); во второмъ изданіи—такъ удивительно близки другъ къ другу (84).—*Числятся между первоначатками* (принадлежатъ къ начаткамъ) апостоловъ, въ оригиналѣ: mezi prwotinami apostoluv se počjtagj (56).—Образовался *подлѣ* (вмѣстѣ съ греческимъ) греческаго (85) vedle řečtiny (44).—*Изстародавна (*испоконъ), въ оргиналѣ, od starodavna (57).—Землеписное имя Богемцевъ стр. 146 2-е изд., въ оригиналѣ: zemĕpisné (75).—Принимаетъ значеніе *обра* (великана 88), какъ въ оригиналѣ: obra (45). Иногда переводчикъ вносилъ въ текстъ перевода чешское выраженіе, какъ напр. въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Пускай же кто-нибудь попытается разложить *славянщину* (славянскій языкъ), чтобы видѣть, точно ли она такой же *зародокъ* [2]) и смѣсь, каковы языки Романскій и Волошскій, такъ что, исключивъ изъ нея весь *инородный наплывъ* (все инородное), не осталось бы въ ней ничего собственно славянскаго ни по матеріи, ни по формѣ стр. 73 (75) [3]). Интересно, что въ оригиналѣ стоитъ nový

[1]) Крайне несправедливо поэтому слагать вину въ небрежности изданія на Погодина, какъ это дѣлаетъ Котляревскій: „еще въ чужихъ краяхъ началъ онъ (Бодянскій) переводъ Славянскихъ древностей Шафарика, *но Погодинъ издалъ первыя книги этого сочиненія такъ небрежно*, что въ 1848 г. Бодянскій долженъ былъ вновь перепечатать книгу". Сочиненія томъ II стр. 439. Котляревскій не потрудился разсмотрѣть переводъ Бодянскаго и отдать себѣ отчетъ въ его недостаткахъ; не потрудился также и сравнить новое изданіе съ первымъ. Оттого неправильное заключеніе и обвиненіе Погодина.

[2]) т. е. zarodek (порожденіе).

[3]) Поставленное въ скобкахъ—исправленія втораго изданія.

zárod a smjšenina 38.—Очень часто переводчикъ употреблялъ весьма странныя или нелитературныя выраженія: *обиталища* (75) вмѣсто жилища (77), *претитъ* вмѣсто воспрещаетъ (78) (а слѣдовало бы: препятствуетъ); *вломиться* въ Европу вмѣсто прорваться (82); слова *полновѣсныя* вмѣсто разительныя (103); проводили *всплошь* все время въ бездѣйствіи (104, 1-ое изд.), во 2-мъ изданіи это слово было опущено; прародина и *исходище* всѣхъ того времени славянъ (111), —прародина тогдашнихъ славянъ, изъ коей всѣ они вышли—(2-е изд., 109); требуетъ *отчетистаго* разсмотрѣнія (129) въ томъ и др. изданіи; *отчетисто* (141).—[*]) Нужно замѣтить, что Бодянскій писалъ очень тяжелымъ стилемъ. Оттого и во второмъ изданіи Древностей, не смотря на поставленную имъ себѣ задачу исправленія первоначальнаго перевода, не всегда успѣвалъ въ этомъ, и можно привести не мало примѣровъ, гдѣ во второмъ изданіи исправленіемъ не достигалось улучшеніе перевода: всемогущіе *язычники* (стр. 76.) вмѣсто лингвисты; пламенныхъ любителей народа (стр. 37), вмѣсто патріотовъ. Поправки, помѣщенныя въ опечаткахъ къ послѣднему тому 2-го изданія,—каковы: обязанныхъ, вмѣсто *одолженныхъ*; обратить въ свое родное, вмѣсто *онародить*; указавши на связь, вмѣсто *показавши узы*,—указываютъ намъ, какъ трудно было бороться переводчику съ шероховатостью слога.

Еще болѣе такихъ исправленій помѣщено въ опечаткахъ къ Слав. Народописанію, переводъ котораго предшествовалъ второму изданію Древностей: изъ коихъ можно *пріобрѣсть* (почерпнуть) nabyti (26); „потому намъ тоже казалось“ вмѣсто по всему этому намъ казалось (32) „даже въ Краковѣ было извѣстно“ вм. было извѣстно даже въ Краковѣ (стр. 35); „невольно исторгаетъ удивленіе у знатока даже своими отрывистыми обломками, дошедшими до насъ вмѣсто въ своихъ обломкахъ, дошедшихъ до насъ“, при чемъ нужно замѣтить, что и въ исправленномъ мѣстѣ одинаково дурно передается оригиналъ: tak se obohatila, že i w tech kusých nás došlých zbytcíh ib.; по одиночкѣ jednotne, вмѣсто разсѣянно (38); означить (wyznačiti) вм. назвать (44); землеписнаго цѣлаго (zemépisného celku) ib.; воспитанныхъ греческимъ и латинскимъ духомъ (duchem řečtiny a latiny odkojeni jsauce) вм. въ греческомъ и латинскомъ духѣ; значительное количество народа увѣрилось въ важности родного языка для своего благополучія и обра-

---

[*]) Приведенные примѣры могутъ убѣдить всякаго, что отчасти, по крайней мѣрѣ, было основаніе для такого отзыва о немъ, какой сдѣланъ былъ въ Библіотекѣ для чтенія: „этотъ переводъ сдѣланъ такъ искусно, что нашъ языкъ кажется въ немъ *почти богемскимъ*“. Барсуковъ V стр. 95.

зованія (nemala částka národu nabyla powedomí sweho určení a powolání (89).

Несмотря однако на всѣ недостатки перевода Бодянскаго, извинительные въ первомъ опытѣ, за нимъ было несомнѣнно прекрасное знаніе чешскаго яз. * и когда болѣзнь его внушала сомнѣнія въ его выздоровленіи, Шафарикъ горько жаловался на то, какъ трудно найти въ Москвѣ чешскаго переводчика. Желая скорѣе видѣть въ рус. переводѣ печатавшійся на чешскомъ Народописъ, онъ пишетъ Погодину: „Кто же переведетъ у Васъ въ Москвѣ съ чешскаго? Ужели переводить его долженъ здѣсь инвалидъ Бодянскій". 16 февр. 1842. Письма II. стр. 304. Въ другомъ письмѣ: „Настоящая бѣда, что у Васъ въ Москвѣ нѣтъ хорошо знающаго чешскій яз. переводчика! Я бы могъ посылать Вамъ отпечатанные листы постепенно... Пановъ около мѣсяца здѣсь въ Москвѣ, но что значитъ мѣсяцъ! 17 апрѣля 1842 ib. стр. 306. И несмотря на то, что въ слѣдующемъ письмѣ отъ 4-го мая того же года Шафарикъ хвалилъ Панова, успѣвшаго къ его удивленію въ такой короткій срокъ хорошо научиться по чешски, ему пришлось обратяться съ просьбой о переводѣ къ Бодянскому. Въ письмѣ отъ 9 октября 1842 г. онъ пишетъ къ послѣднему: „Прошу васъ по полученіи второго изданія моего Народописа *не откладывать его русскій переводъ*, а съ охотою приняться за этотъ трудъ. Нѣкоторыя неважныя ошибки въ русскомъ отдѣлѣ вы можете исправить самъ, не упоминая о томъ. *Третьяго изданія ждать было бы долго*, а книжка можетъ быть полезна и такой, какъ она есть. Помните, что *только постепенно можно достигнуть совершенства*, а, кто хочетъ сразу все имѣть въ совершенствѣ, становится Фабіемъ кунктаторомъ (какъ нашъ Кирѣевскій) и никогда ничего не окончитъ." стр. 32, ср. стр. 34. Къ Бодянскому обращался Шафарикъ и позднѣе, предлагая ему переводъ своихъ мелкихъ статей по языку (Письмо 6-го окт. 1846 г. стр. 83, ср. также стр. 84, гдѣ предполагается возможное порученіе такого труда кому нибудь другому.

И нужно сказать правду, что касается сочененій Шафарика, то ни одна славянская литература не представляетъ въ переводѣ такого количества его трудовъ, какъ русская, а этимъ мы обязаны прежде всего самому Бодянскому, или же его вліянію.

* Вполнѣ справедливо поэтому было замѣчаніе В. Григорьева: „переводъ хотя не изященъ, но вѣрно передаетъ подлинникъ" Барс. V. стр. 97. „Переводъ заслуживаетъ вниманія и въ другомъ отношеніи: это первое знакомство наши съ произведеніями Чешской литературы. Дай Богъ, чтобы съ легкой руки Бодянскаго переводы съ словенскихъ нарѣчій пошли у насъ въ ходъ". ib.

Русскимъ переводомъ пользовался не одинъ переводчикъ, считавшій Славянскія Древности „настольной книгой для студентовъ по своему предмету“ Письма къ Погодину I стр. 83, но и другіе, напр. Срезневскій, рекомендовавшій студентамъ переводъ Narodopis'a Письма Прейса стр. 111.

На русскій переводъ разсчитывали и въ тѣхъ слав. земляхъ, гдѣ знаніе чешскаго яз. было слабо. Въ Галиціи писалъ, Погодину Бодянскій, появленія нашего перевода этихъ томовъ (рѣчь идетъ о Слав. Древностяхъ) ждутъ не дождутся, потому что чешскій яз. тамъ столько же извѣстенъ, какъ и у насъ въ Россіи“. Знали русс. переводъ и въ Болгаріи. Авторъ Болгарской Исторіи Гавріилъ Крѫстовичъ, ссылаясь на Шафарика, указываетъ на переводъ Бодянскаго: „славный Чехскы любословъ Шафарикъ, между многы другы свои важны за славеныты списанія, издалъ е на Чехскы, а въ лѣто 1843 Бодянскый е превелъ на Русскы единъ томъ подъ названіе *Славянско народописаніе*, въ което съ великѫ подробность описва страныты, по които днесь ся говорятъ различнити Славенски языцы, а между нихъ и языкътъ Блъгарскый“. Предисл. II. Слав. Древностями тотъ же авторъ пользовался также въ рус. переводѣ (2-е изд.), какъ видно изъ его ссылокъ на стр. 447 448 и слѣд. Въ письмахъ къ Бодянскому Шафарикъ писалъ о переводѣ слав. древностей на сербскій яз. (стр. 43), но этотъ переводъ, должно быть, только предполагался и осуществленъ не былъ. Интересно однако самое указаніе на попытку перевода, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ намъ не встрѣтившееся.

Что касается дальнѣйшихъ трудовъ самого Шафарика, то письма къ Бодянскому, также какъ и письма къ Погодину даютъ основаніе предполагать, что Шафарикъ имѣлъ серьезное намѣреніе продолжать слав. древности, приготовляясь писать второе ихъ отдѣленіе. Въ письмѣ отъ 9-го октября 1842 года онъ проситъ Бодянскаго позаботиться о высылкѣ для него книгъ, вышедшихъ за время отъ 1840 г. по 1842 г. Егоособенно интересовали изданія археографической коммиссіи, безъ которыхъ онъ находилъ невозможнымъ трудиться надъ вторымъ томомъ древностей стр. 33. Чтобы вполнѣ отдаться этому труду, а также занятіямъ исторіей литературы, онъ оставлялъ редакцію Часописа стр. 34. Въ связи съ трудами по древностямъ находилась также работа по приготовленію исторической карты. Эта карта обѣщана была Шафарикомъ еще при выпускѣ 1-го тома древностей. Неудивительно, что, выпустивъ при Národopis'ѣ этнографическую карту, Шафарикъ принялся за окончательное приготовленіе исторической карты. Для этой работы онъ просилъ Бодянскаго при-

слать ему книгу Ковалевскаго, въ которой онъ надѣялся найти интересныя данныя для сербскихъ предѣловъ на Зетѣ, Морачѣ, вблизи Скадра и горъ Кучей и Кома, на которые онъ смотрѣлъ какъ на ядро сербской исторіи стр. 40.

Эти работы должны были явиться въ такомъ порядкѣ: сначала карта, за тѣмъ очеркъ исторіи литературы и наконецъ второй томъ древностей. ib.

Начертавъ себѣ такой планъ занятій, Шафарикъ интересовался всѣмъ, что могло всего ближе относиться къ нимъ. Такъ напр. онъ просилъ прислать описаніе турецкой войны 1828—1829 Лукьяновича, считая его важнымъ для составляемой карты * стр. 54; вѣроятно для той же цѣли просилъ или указать, какъ достать болгарскую карту Хаджи Руссета, вышедшую въ Страсбургѣ, или на короткое время прислать свой экземпляръ стр. 69.

Для работы по исторіи слав. литературъ Шафарикъ нуждался помимо всего другого въ указаніяхъ библіографическихъ. Составляя отдѣлъ духовной литературы, представлявшій ему наиболѣе затрудненій, такъ какъ въ этомъ отдѣлѣ приходилось и собирать, и систематически излагать собранное, онъ просилъ Бодянскаго доставлять ему краткія свѣдѣнія особенно о твореніяхъ св. отцовъ изъ каталоговъ рукописей синодальныхъ и монастырскихъ библіотекъ, стр. 45, а также и частныхъ собраній, напр. Погодина.

Понятное дѣло, что Шафарика должны были интересовать всѣ изслѣдованія въ этой области, выходившія въ русской литературѣ. Узнавъ о появленіи въ свѣтъ знаменитаго разсужденія А. В. Горскаго о Паннонскихъ житіяхъ, онъ жалуется, что Бодянскій не прислалъ ему этого сочиненія и проситъ не забывать его въ такихъ случаяхъ, стр. 61. Познакомившись съ нимъ, проситъ списать для него житіе Меѳодія, если этого не сдѣлаетъ Погодинъ, стр. 67. 25 сентября 1847 года Шафарикъ съ нетерпѣніемъ желалъ знать, откуда извѣстно, что Храбръ современникъ св. Кирилла и Меѳодія, или ближайшаго къ нимъ времени, стр. 89, ср. стр. 91, 94 и 95, гдѣ увѣдомляетъ Бодянскаго, что справки о Храбрѣ сообщены Погодинымъ. Также живо интересовался Шафарикъ свѣдѣніями о Константинѣ епископѣ, Климентѣ.

Результатомъ занятій Шафарика древнимъ періодомъ духовной

---

* Въ письмѣ отъ 30 ноября 1845 г. Шафарикъ сожалѣлъ, что еще не получилъ отъ Валуева этой книги стр. 73.

литературы было появленіе въ печати въ концѣ 1847 г. знаменитой статьи „Разцвѣтъ слав. письменности въ Болгаріи“ [1]).

Въ связи съ этими трудами стояло давно приготовляемое Шафарикомъ собраніе старо-сербскихъ памятниковъ. Въ письмѣ 22 августа 1845 г. онъ упоминаетъ, что ему хочется поскорѣе довести до конца эту работу, прибавляя при этомъ, что ее хотятъ издать въ Бѣлградѣ, стр. 68. Въ октябрѣ 1847 г. Шафарикъ обращался къ Бодянскому съ просьбой чрезъ посредство князя Оболенскаго прислать ему копіи съ двухъ дипломовъ молдавскаго князя Александра отъ 1412 г. и отъ 1423 г., которые ему сдѣлались извѣстны, благодаря Кеппену. Обѣ эти грамоты онъ думалъ помѣстить въ сборникъ юго-славянскихъ грамотъ. Нужно при этомъ замѣтить, что копіи эти, полученныя Шафарикомъ изъ Москвы, какъ видно изъ письма отъ 27 ноября 1847 года въ его книгу Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův, изданную въ 1851 году, не вошли. Второе умноженное изданіе этой книги, о приготовленіи котораго Шафарикъ упоминалъ въ письмахъ 6 сент. 1853 г. стр. 106 и 16 окт. того же года стр. 107 такъ и не вышло главнымъ образомъ *вслѣдствіе матеріальныхъ затрудненій*. Оно вышло по смерти Шафарика въ 1873 г. подъ редакціей Іос. Иречка, но и въ немъ нѣтъ упоминаемыхъ грамотъ.

Что же касается полнаго курса исторіи славянскихъ литературъ, о которомъ упоминали еще въ 1833 году Юнгманъ, въ 1835 году Погодинъ, то онъ такъ и не состоялся. Очевидно къ этому курсу относится замѣчаніе Шафарика въ письмѣ 22 октября 1843 года: „о моей исторіи славянскихъ литературъ безполезно говорить и совѣтоваться, пока она еще не написана. Сначала жаркое потомъ вертелъ. Если будетъ написана, увидимъ, какъ съ ней быть“, стр. 51. Очень вѣроятно, что и исторію юго слав. литературъ Шафарикъ не выпустилъ отдѣльно потому, что надѣялся дать ей мѣсто въ общемъ курсѣ. Оттого, несмотря на то, что, по свидѣтельству Іосифа Иречка, этотъ трудъ былъ приготовленъ къ печати еще въ 1832 году, онъ держалъ

---

[1]) Для характеристики Бодянскаго крайне интересно, что замѣчательный трудъ Шафарика вызвалъ его неудовольствіе по поводу того, что въ немъ недостаточно оцѣнены его труды и заслуги въ отношеніи къ Обществу Исторіи и Древностей. Шафарикъ крайне вѣжливо и скромно замѣтилъ, что онъ не думалъ написать чего-нибудь ему непріятнаго и что его неважный и торопливо написанный трудъ не можетъ повредить всѣми признанной почетной извѣстности Бодянскаго не въ одной только Москвѣ, но и во всей Россіи.

его въ рукописи, постепенно внося кое-какія дополненія, какъ это указано Поливкой, хотя и не равномѣрно. А между тѣмъ этотъ трудъ, изданный Иречкомъ въ 1864—1865 въ Прагѣ, и до сихъ поръ не утратилъ значенія, особенно благодаря указаніямъ на рукописи фрушко-горскихъ монастырей.

Еще менѣе удалось Шафарику что-либо сдѣлать для продолженія славянскихъ древностей. Несмотря на частыя упоминанія о намѣреніи продолжать составленіе 2-го тома, Шафарикъ не только не окончилъ этой работы, но даже не оставилъ и никакихъ незаконченныхъ матеріаловъ. Это объясняется главнымъ образомъ постепенно все сильнѣе и сильнѣе укоренявшимся въ немъ убѣжденіемъ, что еще не пришло время для успѣшныхъ занятій въ этой области.

Въ дек. 1845 г. Шафарикъ писалъ Бодянскому, что онъ занятъ вопросами филологическими — пересмотромъ основъ языковѣдѣнія, поставленныхъ Добровскимъ и принятыхъ другими: „Я убѣдился, что, не выработавъ основъ болѣе прочныхъ и глубокихъ, нельзя тронуться съ мѣста, уже не говорю объ успѣшныхъ занятіяхъ въ такихъ темныхъ отдѣлахъ наукъ, какъ второй томъ древностей".

Послѣ этого понятное дѣло, какъ слѣдуетъ смотрѣть на попытку иного объясненія, предложенную проф. Собѣстіанскимъ въ его книгѣ „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта у древнихъ славянъ". Харьковъ 1892.

„Пыпинъ—говоритъ авторъ этого труда—полагаетъ, что недостатокъ подготовительныхъ филологическихъ работъ помѣшалъ Шафарику исполнить задуманный планъ. Что касается насъ, мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Шафарикъ самъ былъ первоклассный филологъ и былъ прекрасно знакомъ съ древними памятниками, какъ историческими такъ и юридическими. Мы думаемъ, что именно *основательное знакомство съ источниками удержало Шафарика отъ составленія бытоваго отдѣла славянскихъ древностей. Шафарикъ былъ патріотъ* и смотрѣлъ на исторію съ точки зрѣнія Суровецкаго; написать же бытовую жизнь славянства на основаніи памятниковъ—значило бы въ то время то же, что унизить прошлое славянскаго народа и воспрепятствовать возрожденію своего отечества". Собѣстіанскій, стр. 59.

Предполагать, что Шафарикъ способенъ былъ подчинить ученые интересы патріотическимъ соображеніямъ, можетъ только тотъ, кто мало знакомъ съ Шафарикомъ. Шафарикъ никогда не колебался отказаться отъ ранѣе высказаннаго имъ мнѣнія, когда дальнѣйшее изученіе предмета приводило его къ убѣжденію въ ошибочности

его взглядовъ. Наоборотъ онъ съ рѣдкою прямотою сознавалъ свои ошибки и спѣшилъ ихъ исправить, чтобы не вводить въ заблужденіе тѣхъ, кто могъ пользоваться его трудами. Такъ напр. въ своемъ сочиненіи: Ueber die Abkunft der Slaven nach Lorenz Surowiecki. Ofen 1828 Шафарикъ отождествлялъ мидскихъ сарматовъ съ Виндскими Сербами, отъ чего отказался въ древностяхъ: „И автору настоящаго изслѣдованія пришлось спутать мидскихъ Сарматовъ съ Виндскими Сербами по крайней мѣрѣ, что касается имени—ибо не славянское происхожденіе Алановъ, Рохолановъ и Языговъ и тамъ было имъ твердо установлено и признано—и такимъ образомъ способствовать утвержденію ошибочнаго мнѣнія о родствѣ Сарматовъ и Сербовъ. Тѣмъ болѣе теперь должно быть его обязанностью, на сколько возможно исправить происшедшій отъ этой ошибки вредъ и вывести изъ заблужденія себя и другихъ согласно изреченію стараго поэта (Овидія): одна рука нанесла намъ рану и лѣкарство. Палацкій въ своей рецензіи на Слав. Древ. придавалъ большое значеніе этой главѣ, выражаясь: „Особою тщательностію и основательностію отличается глава о Сарматахъ, народѣ, вышедшемъ изъ Мидіи, незначительные остатки котораго сохранились и до нынѣ на Кавказѣ подъ именемъ Алановъ или Осетинцевъ. Доказательства того, что Сарматы не были славяне, а особый народъ, отличный отъ славянъ а точно также и отъ Нѣмцевъ, Кельтовъ, Литовцевъ и Финновъ, мы считаемъ главной заслугой этой книги, настоящей эпохой въ славянскихъ древностяхъ".

Извѣстно опять, какъ рѣшительно измѣнилъ Шафарикъ взглядъ на отношеніе кириллицы и глаголицы и родину церковно-слав. языка. Оставивъ мнѣніе, котораго придерживался въ Древностяхъ, что Кириллъ и Меѳодій назвали свои письмена славянскими и языкъ, на которомъ писали, славянскимъ отъ славянъ македонскихъ — въ сочиненіи „О происхожденіи и родинѣ глаголитизма" призналъ справедливымъ мнѣніе своего противника Копитара о томъ, что Паннонію должно считать родиной глаголицы и слав. яз. А между тѣмъ близкій къ Шафарику Палацкій въ упомянутой уже нами рецензіи находилъ, что спорный въ послѣднее время вопросъ о происхожденіи старослав. яз. и литературы, рѣшенъ здѣсь (т.-е. въ Древностяхъ) такъ твердо и окончательно, что подвергать его сомнѣнію можно только съ предвзятыми мыслями". Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы отвергнуть предположеніе, что Шафарикъ, хорошо сознавая ошибочность своего взгляда на характеръ славянъ, намѣренно уклонялся отъ долга истины исправить свою ошибку.

Въ письмахъ къ Бодянскому разсѣяно не мало общихъ замѣтокъ Шафарика о литературномъ движеніи, какъ у себя въ Чехіи, такъ и у другихъ славянъ. Не безъинтересно сгруппировать вмѣстѣ эти замѣтки.

Въ отзывахъ о состояніи чешской литературы Шафарикъ обнаруживалъ полное безпристрастіе и правдивость.

Очень часто читаемъ: „въ литературѣ нѣтъ ничего новаго. 8 дек. 1838 г. стр. 8. „Въ нашей литературѣ никогда не было такого затишья, какъ теперь; не только не выходитъ ничего важнаго, но и не подготовляется, насколько мнѣ извѣстно". 15 февр. 1839 г. стр. 12, ср. стр. 17. „Въ литературѣ нашей со времени вашего отъѣзда мало новаго". 9 окт. 1842 г. стр. 33. „Въ нашей литературѣ нынѣ, какъ и въ другое время выходитъ не много важнаго". 11 дек. 1842 г. стр. 38. „Наша литература идетъ впередъ медленно. Сами хорошо знаете, какъ мало у насъ хорошихъ писателей, какъ слабы наши силы, совсѣмъ нищенскія". 25 марта 1843 г. стр. 44. „Въ нашей литературѣ такъ мало появляется важнаго, что не знаю, какими новостями съ вами подѣлиться". 17 апр, того же года. стр. 46. „Въ литературѣ нѣтъ ничего важнаго. Мы можемъ идти только тихими шагами", 22 мая этого года, стр. 48, ср. стр. 65.

При такомъ строгомъ отношеніи къ текущей литературѣ тѣмъ интереснѣе и важнѣе тѣ замѣтки Шафарика, въ которыхъ онъ говоритъ съ одобреніемъ о томъ или другомъ литературномъ явленіи. Въ письмѣ 11 мая 1840 года онъ пишетъ: „у насъ опять замѣтно нѣкоторое оживленіе. Челяковскій издалъ Столистую розу—стихотворенія, которыя очень нравятся. Матица хочетъ издавать старочешскія прозведенія". стр. 20. Къ успѣхамъ этого учрежденія Шафарикъ относился съ полнымъ сочувствіемъ: „наибольшая дѣятельность сосредоточивается у насъ въ Матицѣ и Зборѣ. Доходы Матицы значительно увеличиваются, такъ что съ каждымъ годомъ будетъ издаваться все больше и больше книгъ. Часописъ музея выходитъ въ этомъ году черезъ два мѣсяца, въ 1847 году будетъ выходить ежемѣсячно. Журналы Květy (Цвѣты) и Včela (Пчела) при новыхъ редакторахъ Маломъ и Гавличкѣ улучшаются". Но и въ этомъ письмѣ, въ которомъ сообщаются отрадныя вѣсти объ оживленіи въ литературѣ, Шафарикъ не преминулъ замѣтить: „при всемъ томъ наша литература остается и еще на долго останется бѣдной, число хорошихъ писателей не велико, силы ихъ слабы. Недавно здѣсь основана и открыта чешская Бесѣда, хлопочутъ объ основаніи чешскаго театра, но вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ безъ сомнѣнія не скоро еще его дождемся".

Цѣня всего болѣе серьезные труды ученыхъ, Шафарикъ строго относился къ легкой беллетристикѣ и журналистикѣ, которыя, по его выраженію, *пожираютъ чешскую литературу*, какъ и европейскую.

Въ 1848 г., когда политическія событія отодвинули на второстепенный планъ все остальное, Шафарикъ пишетъ Бодянскому: „У насъ для литературы обстоятельства неблагопріятныя: всѣ силы направлены въ другую сторону. Въ газетахъ много пишутъ о насъ, но не вѣрьте имъ очень, газеты лгутъ, въ жизни это выходитъ иначе", стр. 99. По мнѣнію Шафарика литература въ это время очень пострадала и понизилась, стр. 99. И много позднѣе въ 1855 г. онъ все еще жаловался на упадокъ литературы: „наша литература расплывается въ мелочахъ беллетристики и предметахъ реальныхъ, причемъ вкусъ, языкъ и стиль все больше и больше грубѣютъ и падаютъ. Улучшенія можно ждать только со временемъ", стр. 112.

Что касается другихъ славянскихъ литературъ, то и за ними Шафарикъ слѣдилъ съ полнымъ вниманіемъ. Въ ближайшей къ чешской литературѣ словацкой выдающійся характеръ имѣла дѣятельность Людевита Штура, боровшагося какъ за политическія права народа противъ притѣсненія мадьяръ, такъ съ другой стороны за литературныя права словацкаго нарѣчія. Къ этимъ двумъ сторонамъ дѣятельности Штура Шафарикъ относился неодинаково. Насколько онъ могъ сочувствовать Штуру въ борьбѣ за народную свободу, настолько не одобрялъ направленія его литературной дѣятельности, которая клонилась къ разъединенію съ чехами. Какъ уже мы видѣли, изъ отзывовъ о чешской литературѣ, Шафарикъ, скорбѣвшій о слабости литературныхъ силъ въ Чехіи, не могъ признать благопріятнымъ для успѣховъ общаго дѣла словацкій сепаратизмъ. Наравнѣ съ Колларомъ онъ въ этомъ отношеніи примкнулъ къ чехамъ и участвовалъ въ направленномъ противъ Штура сочиненіи „Голоса о необходимости единства литературнаго языка", въ которомъ были собраны доводы защитниковъ чешскаго языка.

По этому вопросу въ письмахъ къ Бодянскому находимъ одну интересную подробность. Шафарикъ передаетъ ему, что общее мнѣніе зародышъ раздора между чехами и словаками приписывало русскимъ профессорамъ славянскихъ нарѣчій.

Изъ югославянскихъ литературъ всего чаще встрѣчаемъ у Шафарика отзывы о сербской и хорватской.

Въ хорватской литературѣ, во главѣ которой стоялъ предпріимчивый Людевитъ Гай, на первыхъ порахъ вся сила уходила на борьбу политическую съ тѣми же мадьярами. Къ сожалѣнію Гай въ этой

борьбѣ вступилъ на ложный путь. Мечтая о единеніи хорватовъ и сербовъ, онъ провозгласилъ знамя иллиризма. Это имя иллировъ особенно казалось подозрительнымъ сербамъ и тѣмъ самымъ вызывало съ ихъ стороны скорѣе противодѣйствіе стремленіямъ Гая. Письма Бодянскаго, который находился въ это время въ общеніи съ Сербами, повидимому, отражали это недовольство сербовъ, такъ что Шафарикъ предостерегалъ его отъ излишней строгости, напоминая о чувствахъ терпимости, столь нужныхъ славянамъ, стр. 16. Между тѣмъ и мадьяры отнеслись подозрительно къ этой попыткѣ, которая кончилась для хорватовъ плачевно. Гай долженъ былъ измѣнить названіе Novin и Danic'ы. Имя иллиръ было запрещено, стр. 42. 44.

При такихъ условіяхъ литература не могла развиваться успѣшно. „Въ Илліріи литература снова спитъ. Тамъ однѣ только распри съ мадьяроманами", стр. 39.

Наиболѣе сочувственные отзывы приходятся на дѣятельность загребской матицы. Увѣдомляя о изданіи Османа Гундулича, Шафарикъ прибавляетъ: „Матица Загребская разростается и обѣщаетъ плодотворную дѣятельность". стр. 53. „Матица иллирская печатаетъ мелкія сочиненія Гундулича. Иначе въ иллирской литературѣ все тихо и мертво: тамъ всѣ отъ стараго до малаго заняты политикой, распрями и ссорами".

Отзывы о сербской литературѣ всего чаще неблагопріятные: „На сербскомъ яз. мало выходитъ хорошаго", стр. 43. „Сербская литература, такъ бѣдна, что въ ней нѣтъ и помышленій о высшихъ стремленіяхъ, стр. 44. Въ 1844 г. жаловался Шафарикъ на несогласія между членами сербской Матицы въ Новомъ Садѣ, занимавшимися пасквилями другъ на друга. Въ этомъ письмѣ ожидаетъ лучшаго *отъ сербовъ княжества*, въ которомъ вышло нѣсколько хорошихъ книгъ стр. 53. Но въ слѣдующемъ году находимъ о сербахъ такую замѣтку: „Изъ Сербіи никакихъ вѣстей. Вообще литература у южныхъ славянъ развивается медленно и вяло", стр. 68. „О сербской литературѣ ничего не знаемъ, словно ея не существуетъ на свѣтѣ". стр. 71.

За то новости русской литературы, которыми дѣлились съ Шафарикомъ его московскія друзья, вполнѣ удовлетворяя Шафарика, часто вызывали его живое одобреніе.

Еще во время заграничнаго путешествія Бодянскаго на основаніи письма отъ Погодина въ 1840 г. онъ пишетъ: „въ Россіи замѣчается *усиленная литературная дѣятельность*, издается масса книгъ", 23. Въ письмѣ 18 сентября 1844 г. пишетъ Бодянскому: „Ваше письмо отъ 13 іюля прочелъ съ удовольствіемъ, благодарю

васъ за много *занимательныхъ извѣстій*. Продолжайте и впредь дѣлиться новостями рус. литературы", стр. 55. Въ письмѣ 20 іюля 1845 г. благодаритъ Бодянскаго за *обиліе и разнообразіе литературныхъ новостей*. Въ письмѣ 11 іюня 1846 г.: „весьма радуетъ меня, что въ вашей литературѣ замѣтна такая *кипучая дѣятельность*, стр. 77. Въ письмѣ отъ 19 іюля того же года: „Весьма утѣшительно слышать о вашей литературной дѣятельности. Такъ и должно быть: *кто сильнѣе и богаче, пусть больше и дѣлаетъ*", стр. 80. Въ письмѣ 7-го сент. того же года радуется успѣхамъ славяновѣдѣнія: „у васъ слав. науки, какъ вижу изъ присланныхъ мнѣ книгъ, съ успѣхомъ *процвѣтаютъ*, что меня сердечно радуетъ и утѣшаетъ", стр. 82. 25 сентября 1850 г. „меня во всякомъ случаѣ *утѣшаетъ и наименьшій успѣхъ вашей народной литературы*. У насъ это идетъ медленно и едва ли можно возлагать большія надежды на будущее, что наши народныя литературы здѣсь достигнутъ расцвѣта". 100.

Не закрывая глаза на слабыя стороны славянскихъ литературъ, Шафарикъ однако не приходилъ въ отчаніе, онъ всегда надѣялся, что за временнымъ застоемъ и упадкомъ, можетъ послѣдовать новое оживленіе и расцвѣтъ: „Нужно ждать лучшихъ временъ. Какъ нѣтъ на свѣтѣ ничего вѣчнаго, такъ вполнѣ увѣренъ и *наша учено-литературная слабость и разрозненность не будутъ вѣчны, не продлятся долго*. Наша литературная дѣятельность оживится, взаимность обновится".

Въ наукѣ Шафарикъ разсчитывалъ на дѣятельность новыхъ славянскихъ профессоровъ Челяковскаго, Коллара, Миклошича, ожидая, что они воспитаютъ новое ученое поколѣніе.

Не преувеличивая успѣховъ славянскихъ литературъ, Шафарикъ однако подымалъ свой голосъ противъ несправедливыхъ нападокъ на славянъ враговъ славянства: „*Враги славянской литературы и народности не перестаютъ клеветать со всѣхъ сторонъ*. Ругательныхъ и бранныхъ сочиненій выходитъ *въ Германіи* много, а славяне молчатъ, какъ рыбы", стр. 54.

Въ 1846 г., благодаря Бодянскаго за присланныя книги отъ себя и отъ лицъ своихъ друзей, которые ими пользуются, онъ прибавляетъ: „число такихъ людей вовсе не такъ мало, какъ то можетъ показаться многимъ *послѣ вздорнаго газетнаго шума о мнимомъ варварствѣ славянъ*. Въ этой признательности и благодарности благородныхъ душъ почерпните удовлетвореніе вмѣстѣ съ своими соотечественниками, а измѣнниковъ и обидчиковъ пусть судитъ Богъ, который одинъ знаетъ дѣла и помышленія каждаго человѣка". 83.

Не излишне сгруппировать и отдѣльныя сужденія Шафарика о различныхъ писателяхъ, разсѣянныя въ письмахъ къ Бодянскому. Въ письмѣ 28 декабря 1838 г. съ большой похвалой отзывается о литературной дѣятельности *Коллара*. „Съ великою радостью слышу, что другъ Колларъ такъ усердно занимается славянской миѳологіей. Его трудъ будетъ истиннымъ обогащеніемъ нашей литературы, какъ и все, что выходитъ изъ подъ его пера“, стр. 11. Въ письмѣ 6 іюля 1844 г. пишетъ Бодянскому, что вторая часть вышедшихъ изъ печати проповѣдей Коллара пользуется большимъ успѣхомъ“, стр. 54. Труды *Юнгманна* по изданію словаря, *Челяковскаго* по составленію этимологическаго словаря въ письмѣ 20 октября 1839 г. называетъ *работами исполинскими*, можно сказать *превышающими человѣческія силы*, стр. 17. Хвалитъ начатый молодыми писателями журналъ *Властимилъ* въ письмѣ 29 янв. 1840 г. Въ письмѣ отъ 11 мая того же года сообщаетъ Бодянскому, что сборникъ стихотвореній Челяковскаго *Столистая роза* очень всѣмъ нравится“, стр. 20. Хвалитъ чешскую исторію *Томка*, рекомендуя ее для чтенія со студентами, 14 ноября 1842 г. [1]) Хорошо отзывается о словарѣ *Франты Шумавскаго*, 26 дек. того же года, стр. 40. Романъ *Тыля* „Послѣдній чехъ“ находитъ *очень занимательнымъ*. 10 ноября 1844 года, стр. 61.

Библіографическій характеръ многихъ писемъ Шафарика заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ о чисто книжныхъ сношеніяхъ между Москвой и Прагой. Какъ уже извѣстно изъ писемъ къ Погодину, Шафарикъ былъ для московскихъ ученыхъ главнымъ посредникомъ по части пріобрѣтенія славянскихъ книгъ. Извѣстная своимъ богатствомъ библіотека Бодянскаго была пріобрѣтена въ значительной степени при содѣйствіи Шафарика. Начало ей положено было еще во время пребыванія Бодянскаго въ Прагѣ: „Въ это короткое время я собралъ уже довольно таки важныхъ — древнихъ и новыхъ книгъ для славянщины. Надѣюсь часомъ своимъ составлю себѣ отборную библіотеку по своей части. Въ этомъ совѣтъ и *помощь Шафарика весьма много значитъ. Безъ него я не сдѣлалъ бы того*“. Письма I, 24. По возвращеніи Бодянскій продолжалъ энергично пополнять свое собраніе. При этомъ нельзя не отдать должнаго его стараніямъ о наибольшей полнотѣ книжнаго собранія, которыя были такъ велики, что Шафарикъ иногда останавливалъ рьяность собирателя: „Слишкомъ

---

[1]) Позднѣе въ письмѣ отъ 5 февраля 1843 г. пишетъ, что книга очень нравится чехамъ.

мнѣ кажется, заботитесь вы о множествѣ книгъ. Quousque tandem. Я вполнѣ убѣжденъ, что въ Москвѣ въ различныхъ библіотекахъ собранъ превосходный запасъ книгъ по славянскимъ нарѣчіямъ, вполнѣ достаточный для вашихъ работъ, центромъ которыхъ по моему мнѣнію, долженъ быть русскій языкъ съ церковно-славянскимъ, а остальныя нарѣчія могутъ служить лишь дополнительнымъ пособіемъ". „Что касается книгъ для васъ, сдѣлаю, что можно. Собираю и буду собирать. Впрочемъ мы должны поставить цѣль и мѣру своимъ требованіямъ. Всего имѣть нельзя, всего не перечтешь", стр. 79.—Самъ Шафарикъ неоднократно просилъ своихъ друзей посылать ему только самыя важныя сочиненія изъ области исторіи литературы и древностей; „приходится умѣрять требованія. Нуждъ со всѣхъ сторонъ безъ конца". стр. 67. Въ 1850 г. проситъ посылать ему только то, что важно для лингвистико-историческихъ занятій и притомъ въ скромномъ размѣрѣ, что получите отъ друзей", стр. 101.—Считая необходимымъ выборъ книгъ, Шафарикъ высоко цѣнилъ изданія ученыхъ обществъ, представлявшихъ интересъ для славяновѣдѣнія. Такъ, когда Бодянскій хотѣлъ было прекратить высылку Чтеній въ Прагу, повидимому, потому что изъ Праги не посылались въ общество изданія Музея, то Шафарикъ настойчиво просилъ его оставить свои угрозы и продолжать высылку изданій Общества. „Посылайте ваши Чтенія, не откладывая—*они очень важны, честь и слава вамъ, что ихъ такъ усердно редактируете. Въ нихъ богатый вкладъ для славянства*", стр. 93. Съ своей стороны онъ просилъ о высылкѣ чешскихъ изданій для Общества Исторіи и Древностей и принялъ на себя хлопоты по пересылкѣ", стр. 90 и 91.

Были однако и такіе случаи, когда Шафарику приходилось прибѣгать къ помощи Бодянскаго для выписки рѣдкихъ славянскихъ изданій, выходившихъ внѣ предѣловъ Австріи. Упоминая о печатавшихся въ Смирнѣ болгарскихъ изданіяхъ, о которыхъ онъ узналъ повидимому, изъ статьи Срезневскаго въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Шафарикъ проситъ Бодянскаго, не достанетъ ли онъ ихъ и для него, стр. 62. „Я вамъ писалъ, что въ Царьградѣ открыта болгарская типографія. Хорошо бы сдѣлали, еслибы постарались завязать прочныя связи съ Одессой и Царьградомъ для пріобрѣтенія болгарскихъ книгъ", стр, 64. Другой разъ, сообщая о выходѣ въ свѣтъ болгарской карты Хаджи-Руссета (въ Страсбургѣ) Шафарикъ проситъ Бодянскаго, не посовѣтуетъ ли онъ ему, какъ бы ее достать, или же не пришлетъ ли на короткое время своего экземпляра, стр. 69.

И эти книжныя сношенія не обходились безъ затрудненій. Причины были разнообразны. Прежде всего почтовое сообщеніе, особенно сухопутное, было далеко отъ совершенства; пересылка книгъ шла очень медленно и посылки нерѣдко запаздывали. Иногда книжный грузъ терялся на таможняхъ и стоило огромнаго труда розыскать его; приходилось собирать книги второй разъ (стр. 53). Случалось, что русскія книги, которыя получалъ Шафарикъ для передачи друзьямъ въ Загребѣ, Венгріи и Львовѣ, нельзя было пересылать ни по почтѣ, ни черезъ купцовъ „вслѣдствіе глупости нѣкоторыхъ цензоровъ въ Венгріи, враговъ Славянъ, которые, не читая ничего по-русски, все задерживаютъ", стр. 55. Для большей скорости и удобства нерѣдко приходилось пользоваться услугами путешественниковъ (стр. 60). Мѣстные книгопродавцы, какъ въ Россіи, такъ и въ Австріи, не отличались готовностью и услужливосью, отчего Шафарикъ просилъ высылать всѣ книжныя посылки черезъ фирму Кордеса въ Гамбургѣ (стр. 70 ср. стр. 79) [1]. О пересылкѣ книгъ сравни длинное письмо на стр. 71 — 72, 74. Причины иногда были неаккуратность уплаты съ стороны Бодянскаго, стр. 79 и 80. 28 декабря 1847 г. Шафарикъ проситъ высылать на его имя книги только ему предназначенныя и только четыре раза въ годъ (стр. 95). Неожиданный перерывъ послѣдовалъ въ 1848 г. вслѣдствіе политическихъ событій (стр. 98 ср. стр. 101, ср. стр. 106 о сношеніяхъ съ Гефферомъ въ Берлинѣ № 75 и съ Жупаномъ въ Загребѣ, № 76). Въ 1854 г. былъ выбранъ путь черезъ Вѣну, но и тутъ были затрудненія, стр. 109. Этимъ путемъ однако шли сношенія до самого послѣдняго времени стр. 114 и 116.

Участь собранныхъ съ такими трудами библіотекъ была неодинакова. Шафарикъ, затрудняясь въ средствахъ къ существованію, еще въ 1845 г. приходилъ къ мысли продать свою богатую библіотеку—

---

[1]) Очень рѣзкій, но заслуженный отзывъ находимъ о Дейбнерѣ на стр. 71, письмо 48. Нужно къ сожалѣнію замѣтить, что и теперь положеніе дѣла не улучшилось. Въ этомъ году въ нашу библіотеку пріобрѣтено Никольское евангеліе за 1 р. 75 коп., между тѣмъ какъ Югославянская Загребская Академія публиковала о продажѣ всѣхъ ея изданій въ теченіе 1895 г. по удешевленной цѣнѣ, и названная книга стоитъ 50 крейцеровъ. Поучительна бдительность г-на библіотекаря и добросовѣстность университетскаго поставщика. Въ этомъ же году большой заказъ славянскихъ изданій, поданный въ библіотеку въ маѣ мѣсяцѣ, и до сихъ поръ (декабрь) еще не полученъ. Можно представить, каково положеніе преподавателя, разсчитывавшаго на своевременную доставку книгъ.

гордость своей жизни и потомъ въ теченіе девяти лѣтъ считался съ этой печальной необходимостью, но къ счастью сдѣлалъ это только отчасти [1]). Его рукописная и книжная библіотека принадлежитъ теперь Музею королевства Чешскаго въ Прагѣ, вѣчно напоминая о трудахъ славнаго собирателя. Иная, какъ извѣстно, печальная судьба постигла библіотеку Бодянскаго. Припоминая ея распродажу, нельзя не пожалѣть, что она разошлась по разнымъ рукамъ и тѣмъ навсегда погибла, какъ цѣльное собраніе рѣдчайшей полноты и чрезвычайной важности. Будучи пріобрѣтена въ университетскую библіотеку, она бы составила ея украшеніе и въ то же время постоянно напоминала университетскимъ слушателямъ о энергіи преподавателя, прекрасно сознававшаго, что „безъ книгъ каѳедра не можетъ стоять“ [2]) и заботившагося о своевременномъ пополненіи библіотеки книгами по своему предмету. Нельзя не пожелать, чтобы въ будущемъ по крайней мѣрѣ не повторилось ничего подобнаго. Да не уйдетъ изъ Москвы драгоцѣнная библіотека профессора Н. С. Тихонравова!

Заканчивая свою статью, мы должны сказать, что она не претендуетъ на полноту оцѣнки дѣятельности Шафарика или Бодянскаго. Мы коснулись вопроса объ отношеніяхъ того и другого лишь настолько, насколько это вызывалось печатающейся перепиской и насколько позволяли обстоятельства.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній общаго характера.

Изъ нашего изложенія можно было убѣдиться въ томъ, что Бодянскій изъ всѣхъ русскихъ ученыхъ славистовъ сталъ въ наиболѣе близкія отношенія къ Шафарику, чѣмъ онъ въ значительной степени былъ обязанъ тѣсной близости въ отношеніяхъ къ Шафарику Погодина, съ рекомендаціей котораго онъ явился въ Прагу.

При такихъ условіяхъ Бодянскій явился усерднымъ ученикомъ Шафарика, а этимъ объясняется и самый тонъ переписки, въ которой Шафарикъ относится къ Бодянскому, какъ учитель, постоянно подавая ему совѣты и руководя его дѣятельностію.

Бодянскій несомнѣнно принадлежалъ къ настойчивымъ труженикамъ въ научной области. Если какъ профессоръ самъ онъ не оставилъ послѣ себя трудовъ, которыхъ ожидалъ отъ первыхъ русскихъ славистовъ Шафарикъ, то за то подъ его руководствомъ явилось въ свѣтъ не малое количество цѣнныхъ трудовъ его учениковъ. Стоитъ

---

[1]) Статья Влчка, стр. 5 упоминаемой выше брошюры.

[2]) Письма къ Погодину I, стр. 31.

припомнить напр. Исторію серб. языка и сербскихъ земель Майкова, Разсужденіе о лужицкихъ нарѣчіяхъ Новикова, трудъ того же Новикова о Гусѣ и Лютерѣ, Исторію прибалтійскихъ славянъ Котляревскаго и многіе другіе.

Его ученые труды по изданію памятниковъ, каковы Изборникъ Святославовъ, Богословіе Іоанна Дамаскина, Шестодневъ Іоанна экзарха Болгарскаго, Паралипоменовъ Зонары, Житія св. Кирилла и Меѳодія и похвальныя слова къ нимъ и др. справедливо вызвали такую оцѣнку Шафарика: „Ваши *исполинскія* старанія, предпріятія и труды по изданію старославянскихъ памятниковъ не останутся безъ признанія у всего славянства, не останутся безъ награды и у вашего просвѣщеннаго правительства" 25 сент. 1847 г. „Съ удовольствіемъ узналъ что вы на самомъ дѣлѣ серьезно принялись не только за изданіе житій св. Кирилла и Меѳодія и похвальныхъ словъ въ честь ихъ, но также и Изборника 1073 г. Дай Богъ на все это здоровья, силы и постоянства. Было бы истиннымъ для меня утѣшеніемъ, еслибы на склонѣ жизни мои взоры упали на эти открытыя міру сокровища". 17 іюня 1855 года.

Съ большимъ сочувствіемъ привѣтствовалъ Шафарикъ и обширный трудъ Бодянскаго „О времени происхожденія слав. письменъ",— называя его „прекраснымъ и знаменитымъ сочиненіемъ". 17 мая 1855 года.

Шафарикъ, такъ много потрудившійся какъ руководитель въ годы первоначальныхъ занятій Бодянскаго, могъ чувствовать удовлетвореніе, что труды не пропали даромъ, что иногда вырывавшіяся у него опасенія за Бодянскаго „другъ Бодянскій говоритъ и обѣщаетъ очень много: какъ много онъ въ дѣйствительности успѣетъ сдѣлать, намъ покажутъ въ будущемъ его труды" (Письма къ Погодину 8 дек. 1842 г. II, стр. 317) вызывались лишь увлекающимся характеромъ Бодянскаго.

Правда, мы видѣли, что эти крупные труды Бодянскаго не свободны отъ недостатковъ, многіе изъ нихъ остались или совсѣмъ или до извѣстной степени незаконченными и не были выпущены въ свѣтъ самимъ издателемъ, но съ другой стороны нельзя отвергать, что эти труды громадны и цѣнны.

Мы уже не говоримъ о издательской дѣятельности Бодянскаго въ области новой исторіи и литературы и редакціонной въ Чтеніяхъ, о которыхъ сочувственные отзывы Шафарика мы выше приводили.

Что касается его отношенія къ Шафарику, то вполнѣ справедливо говоритъ Срезневскій, что „Бодянскій, оставаясь въ постоянно близкихъ сношеніяхъ съ Шафарикомъ, оставался постоянно и горя-

чимъ чтителемъ его заслугъ и мнѣній, какимъ могъ быть только безусловный его послѣдователь". Такія чувства глубокаго поклоненія передъ чешскимъ ученымъ, прибавимъ мы, Бодянскій раздѣлялъ съ Погодинымъ. Были люди, которые позволяли себѣ подсмѣиваться надъ этими чувствами. П. И. Прейсъ, сообщая Срезневскому о томъ, что министръ по поводу одной бумаги вѣнскаго двора просилъ его не говорить на лекціяхъ ничего политическаго, прибавилъ при этомъ:

„Немножко досталось отъ министра и Москвѣ, въ особенности Бодянскому. И по дѣломъ! У Москвичей только Славяне во всемъ чисты и правы, только виноваты Австрійцы и Мадьяры. Съ этимъ я вовсе не согласенъ. Москва не можетъ существовать безъ Святыхъ. Будто бы ихъ мало безъ Шафарика Ганки, и иныхъ. Я все поджидаю, что Погодинъ съ товарищи сочинитъ тропарь или кондакъ которому-нибудь изъ своихъ слав. пріятелей. Вѣдь это у него последнее сильнѣйшее доказательство". Письма стр. 82.

Еслибы дѣло шло о комъ-либо другомъ, а не о Шафарикѣ, можно было бы признать справедливость этихъ замѣчаній. Но когда мы знаемъ, что поклонялись человѣку, котораго ученые труды для славяновѣдѣнія такъ велики, а ихъ недостатки такъ ничтожны, человѣку, который поражалъ величіемъ нравственнаго характера не менѣе, чѣмъ своей ученостію, который изъ любви къ родинѣ отклонилъ неоднократныя лестныя предложенія почетной дѣятельности, шедшія съ чужбины, и, изнемогши вслѣдствіе тяжелыхъ условій борьбы за существованіе, зависѣвшихъ отъ невниманія и подозрительности къ славянамъ австрійскаго правительства, преждевременно сошелъ въ могилу,—намъ остается лишь признать въ чрезвычайномъ выраженіи почтенія къ Шафарику со стороны его московскихъ друзей крайне благородную черту признательности людей, всего ближе къ нему стоявшихъ.

Глубина чувствъ тѣмъ дорога, что сохраняетъ силу передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію. Да продолжаетъ она поддерживать и въ насъ подъемъ духа, воскрешая въ нашей памяти высокій образъ того, къ кому особенно хорошо подходятъ стихи поэта, посвященные правда не ему, а другому его соотечественнику:

Вотъ, среди сей ночи темной
Здѣсь на Пражскихъ высотахъ,
Доблій мужъ рукою скромной
Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ.
О, какими вдругъ лучами
Озарились всѣ края!
Обличилась передъ нами

Вся славянская земля

. . . .

И нарѣчій братскихъ звуки
Вновь понятны стали намъ,
На яву увидятъ внуки
То, что снилося отцамъ!

Тридцать лѣтъ спустя *).

Ты стоящій днесь предъ Богомъ,
Мужъ добра святая тѣнь,—
Будь вся жизнь твоя залогомъ,
Что придетъ желанный день.

Тяжелымъ, полнымъ разочарованій путемъ идетъ славянство къ радости своихъ враговъ и не безъ ихъ козней. Скоро наступитъ новое тридцатилѣтіе, послѣ того какъ написаны послѣдніе стихи, а все также далекъ желанный день. И если въ нашихъ сердцахъ еще бьется надежда на лучшее будущее, то лишь подкрѣпляемая вѣрою въ лучшихъ людей своего племени.

П. Лавровъ.

*) Первое стихотвореніе написано въ 1841 г., второе въ 1867 г.

П. І. Шафарикъ и В. И. Григоровичъ.

В. И. Григоровичъ позднѣе другихъ русскихъ славистовъ, О. М. Бодянскаго, П. И. Прейса и И. И. Срезневскаго, командированныхъ заграницу, познакомился съ Шафарикомъ лично: въ 1844 г. въ августѣ онъ отправился въ Константинополь, оттуда на Аѳонъ; съ Аѳона чрезъ Македонію, Албанію, Ѳракію онъ проѣхалъ въ Болгарію, отсюда чрезъ Румынію попалъ въ Пештъ и Вѣну. Изъ Вѣны онъ посѣтилъ Хорватію, Славонію, Далмацію, побывалъ въ Венеціи, отсюда вернулся черезъ Черногорію, Славонію, Сербію опять въ Вѣну. Только, возвращаясь уже въ Россію чрезъ Саксонію и Пруссію, онъ по дорогѣ заѣхалъ въ Прагу, гдѣ, повидимому, также оставался недолго. Такимъ образомъ личное знакомство Григоровича и Шафарика началось только въ началѣ 1847 года (въ апрѣлѣ этого года Григоровичъ былъ уже въ Петербургѣ) [1]. Не смотря на такое кратковременное знакомство, не смотря на то, что самый маршрутъ Григоровича имѣлъ совершенно иной характеръ и цѣли, нежели у другихъ славистовъ, напримѣръ у Бодянскаго, Григоровичъ, несомнѣнно, былъ самымъ близкимъ по духу и воззрѣніямъ къ Ш-у [2]; поэтому за его трудами и пріобрѣтеніями, направленными къ изслѣдованію начальныхъ судебъ славянской письменности, Ш-ъ слѣдилъ съ большимъ интересомъ, такъ какъ самъ глубоко интересовался тѣми же вопросами. Еще не будучи лично знакомъ съ нимъ да, вѣроятно, и не успѣвъ еще завязать съ Григоровичемъ переписки, Ш-ъ пишетъ уже П. И. Прейсу: «Какія драгоцѣнности—рукописи

---

[1]) Въ Саксоніи и Пруссіи онъ пробылъ также недолго, долѣе всего—3 недѣли—онъ пробылъ въ Берлинѣ; самъ онъ свое путешествіе по Германіи называетъ „пролетнымъ“; см. ниже. О заочномъ знакомствѣ и перепискѣ между Шаф. и Григ. свидѣтельствуетъ письмо Ш. къ Погодину отъ 26 дек. 1846 г. (Письма къ Погодину II, 340—342), гдѣ любопытенъ общій отзывъ Ш-а о Григоровичѣ и его заслугахъ.

[2]) А. Н. Пыпинъ „О славянскихъ дѣлахъ“ въ Вѣстн. Евр. 1893 г. VIII, 764—9. См. также письма къ Погодину II, 342, примѣчаніе.

и грамоты—пріобрѣлъ Григоровичъ въ Турціи, вы, навѣрное, отлично знаете, я же знаю по слухамъ, что онъ собралъ до 15 пергаминныхъ рукописей и 50 грамотъ, въ томъ числѣ сочиненіе Константина, иначе Кирилла, переведенное съ греческаго на славянскій, собственноручный типикъ св. Саввы, глаголическія рукописи, болгарскія грамоты, изъ сербскихъ двѣ XI столѣтія и т. д.». [3]) Въ слѣдующемъ году онъ постоянно справляется о Григоровичѣ, сообщаетъ Бодянскому о немъ, спрашиваетъ о немъ и тогда, когда Гр. вернулся въ Россію: «Слышалъ я, пишетъ онъ, что Гр. въ Вѣнѣ. Говорятъ, много важной старины собралъ онъ въ Турціи...» (см. наст. изд. стр. 76). «Григоровичъ здѣсь еще не былъ; говорятъ, онъ гдѣ то въ Венгріи» (тамъ же, стр. 79). «Надѣемся, что Григ. пріѣдетъ сюда и останется здѣсь зиму. Въ такомъ случаѣ можно будетъ кое-что сдѣлать...» (тамъ же стр. 80). «Григ. еще нѣтъ, нѣтъ здѣсь....» (стр. 83). Наконецъ онъ извѣщаетъ 5 февр. 1847 г.: «Григоровичъ здѣсь...» (стр. 85). При проѣздѣ Гр-а черезъ Прагу оба слависта познакомились, Григоровичъ показалъ Шафарику свои пріобрѣтенія, и съ этихъ поръ между ними завязывается переписка. Первыхъ писемъ Шафарика за 1847—52 г., не сохранилось, хотя предполагать существованіе ихъ мы имѣемъ полное право. [4]) Тотчасъ же почти по отъѣздѣ изъ Праги, Григоровичъ сообщаетъ Шафарику о своихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ [5]):

«М. Г. В. В. Долгомъ почитаю принести вамъ искреннюю признательность за ласки и долготерпѣливое ваше вниманіе, оказанныя мнѣ въ Прагѣ. Повѣрьте, что недостойный вашъ почитатель всегда будетъ вмѣнять себѣ ихъ въ особенную честь.

О путешествіи своемъ, если позволите, скажу слово. Въ Дрезденѣ видѣлъ Галлерею и Библіотеку, въ Лейпцигѣ познакомился съ Гауптомъ, Ваксмутомъ, Герсдорфомъ. Андреовъ-Богоевъ еще тамъ. Онъ не имѣетъ болгарскихъ грамотъ и уступилъ мнѣ нѣсколько фрагментовъ рукоп. слав., кои церковныя и отчасти любопытныя.

[3]) Письмо 10 окт. н. с. 1845 г.; см. „Живую Старину“, годъ I, вып. IV, стр. 32. Слухи, дошедшіе до Ш-а, не были вполнѣ точны касательно того, что собралъ Григоровичъ.

[4]) См. письмо къ Бодянскому, стр. 87 (192) наст. изд.

[5]) Въ бумагахъ Григоровича, поступившихъ въ Рум. Муз., сохранились два печатаемые ниже черновые наброска писемъ къ Ш-у изъ Берлина. Оба наброска, судя по характеру, писаны одинъ вслѣдъ за другимъ непосредственно. Ко второму наброску присоединенъ неоконченный чешскій переводъ. Рук. Моск. Публ. и Рум. Муз. № 3131.

Въ Берлинѣ представилъ я Гримму и Боппу ваше сочиненіе, и послѣдній поручилъ мнѣ свидѣтельствовать вамъ его почтеніе. Оставаясь здѣсь три недѣли, имѣлъ случай познакомиться съ библіотекой и антикварами. У этихъ пріобрѣлъ нѣсколько рѣдкихъ книгъ, въ числѣ ихъ до десяти далматскихъ писателей: Бартол. Кассія (Кашича), Джіорджи Иванишевича. Могу быть, слѣдственно, довольнымъ пролетнымъ своимъ путешествіемъ.

Сегодня уѣзжаю въ Кенигсбергъ, а оттуда на Таурогенъ въ С.-Петербургъ.

Простите (за) краткость письма моего, которое должно лишь свидѣтельствовать вамъ искреннее мое уваженіе и признательность всепокорнѣйшаго вашего слуги».

Подробнѣе сообщаетъ Г. о своихъ занятіяхъ и пріобрѣтеніяхъ въ другомъ письмѣ, изъ Берлина же:

«М. Г. Ш. Вамъ угодно было принимать участіе въ мелочныхъ моихъ поискахъ. Позвольте же и теперь представлять объ нихъ и издали.

Сперва доложу, что побывалъ въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Галлѣ и Берлинѣ, откуда имѣю честь писать. Въ Дрезденѣ былъ въ галлереѣ картинъ и кор. библіотекѣ. Въ Лейпцигѣ (5 дней) былъ у Гаупта, Вахсмута и проф. слав. языковъ, познакомился съ Герсдорфомъ и съ Андреевымъ-Богоевымъ и съ нѣкоторыми Влахо-греками. Въ Галлѣ (2 часа) былъ у Поппа, которому доложилъ о достопримѣчательныхъ вашихъ трудахъ. Въ Берлинѣ, не заставъ Якова, былъ у Вилг. Гримма, Боппа, проф. слав. лит. и еще нѣкоторыхъ ученыхъ. Боппъ весьма обрадовался, услышавъ о глубокихъ вашихъ разысканіяхъ въ языкознаніи.

Въ Берлинѣ же (3 недѣли) и Лейпцигѣ пользовался библіотекою и очень обогатился разными антикварными книгами.

Позвольте сказать слово объ этихъ.

Лейпцигъ. Въ библіотекѣ разсмотрѣлъ Матея Accur(ata) Rec(ensio) C(odicum Mosqu. Synodalii Bibl.). Всѣ кодексы совершенно сходны съ аѳонскими. Какъ жаль, что не имѣлъ этой книги на Аѳонѣ. Она бы способствовала догадливости при разборѣ рукоп. Впрочемъ, судя по описанію кодексовъ, едва ли въ нихъ есть что-либо историческаго.

Андреовъ-Богоевъ уступилъ мнѣ нѣсколько монетъ и всѣ свои фрагменты. Тѣ и другіе изъ Болгаріи съ Балкановъ, но не ска-

залъ, откуда именно [6]). Монеты съ латинскими девизами и одна лишь истертая съ надписью.... ꙏр (царь?).

Фрагменты.

1. Евангеліе на бумагѣ съ ж fol [7]).

2. (5) листковъ минеи съ юсами [8]).

3. Евангеліе 4° перг. и хлопч. бум. въ перг. листъ съ ж не на мѣстѣ и съ ь вм. ъ. Сходна съ реймскимъ [9]).

4. 3 листка, заключающіе одно слово, напеч. въ Glag. Cloz. со стиха 302 [10]) съ ж и съ разницами противъ глаголитскаго текста.

5. Листокъ, заключающій похвалу Богородицѣ—самый примѣчательный [11]). Въ немъ какъ бы нарочно употребляются ѧ вм. ę и ję, ѫ вм. ą, а ж вм. ją, а ь вм. ъ. Вотъ образчикъ:

---

[6]) Этимъ объясняется не обычная надпись на нѣкоторыхъ рукоп. собранія В. И. Григоровича: „Балканъ. Богоевъ“ (см. А. Е. Викторова „Собраніе рук. В. И. Григоровича“, стр. 8, 12, 16, 35, и „Лѣтописи“ одесск. Истор. Филол. Общ. I, 56—57). На рукописяхъ, найденныхъ самимъ В. И., всегда точно обозначено, откуда идетъ рукопись.

[7]) Реестръ № 7(?). См. Викторовъ, ук. соч., стр. 54; ср. Лѣт. Истор. Фил. Общ., I, 56—57.

[8]) Моск. Пуб. Муз. № 1705?

[9]) Ibid. № 1691.

[10]) Ibid. № 1701; текстъ этого слова изданъ П. А. Лавровымъ въ Древностяхъ—Трудахъ Слав. Ком. И. М. А. О. I, 252—255.

[11]) Ibid. № 1727. Текстъ, кромѣ первыхъ 20 строкъ, изданъ И. И. Срезневскимъ въ „Древнихъ слав. памятн. юсоваго письма“, стр. 213—214. (№ 8); см. также стр. 65—66. Палеограф. описаніе у него неточно; надо добавить: а) ꙋ— только въ началѣ словъ; б) ъ и ь различаются ясно; в) ѧ—ни разу не встрѣчается; г) надъ рауса (213, 6, 13) и дво (213, 20)—какой то знакъ (для пѣнія?) въ родѣ—•; въ словѣ рауса—аꙋ связаны вмѣстѣ; въ концѣ строкъ рѣ—также связаны: ѣ имѣетъ видъ креста на р (Ср. „Рукоп. П. I. Шафарика“ (М. 1894), стр. 3, 44). Изданъ текстъ у Срезневскаго не совсѣмъ исправно: помимо указанныхъ (стр. 66) самимъ И. И. опечатокъ, слѣдуетъ добавить: 213, 8 тобож (вм. напеч. тобоѫ),—20 дивлхаса (вм.—сѧ)—24 спти градь (и лишнее). Пользуюсь случаемъ издать тѣ 20 строкъ, которыя опущены въ „Юсов. пам.“:

бєнне прижтн: ꙗко жало сьмрьтн погребшн:
вьсѣмь сьмрьть прѣтаꙗ прижла єсн: н
:в: на покоиша прѣнде бесьмрьтнаꙗ:—
Сьмотрєннꙗ твоєго: ѿ мира кь боу: ѡшєскн
ꙗ словєсє видѣ тебѣ: где се идєшь скинне
стаꙗ: вьпиꙗха сльзно. єжє нзводащи:

· Весь мирь раѹеться: и веллться вьсѣуьскаа: ѡ успени ти дво утаа: та (=tą) бо улвуь родь имать: кь роженомоѹ нс тебе. мнтва не усыпажща: ходатаніца непостьдна:—Придѣте вьспоемь люе прѣстаж два... зовѫще и глще: блвена ты вь женахь.. вьмѣщи ха: емоуже вь прѣстѣи рацѣ дша си прѣдавши.

Еще: вьсѣуьскы, готовѣшеса, дивѣхаса, прѣставѣтса на земи, оть зема и прч.

Берлинъ. (Антикваръ) *) Шульцъ, преемникъ Финке, имѣетъ много книгъ изъ Италіи. Они де закуплены послѣ лорда Сеймура, который въ Римѣ собиралъ рѣдкія книги. Людев. Гай купилъ де у него весьма рѣдкія рукописи. Я успѣлъ еще пріобрѣсть нѣсколько далматинскихъ изданій: Барт. Кашича, Missale Рим. 1640, Глаголит. Исправникъ 1636 Римъ, Джіорджи и прч.

Антиквары и библіотека доставили способъ ознакомиться съ многими искомыми книгами: Ліаромъ, Толли, Мейри и прч. Я всегда подозрѣвалъ въ Венеціанскихъ писателяхъ свѣдѣнія объ Эпирѣ. Отчасти не ошибся. Если ист. Марни (Andre Mrani Hist. Carf. 1642) о Кар. скудна географіей, хотя часто упоминается о Химаррѣ, Авлонѣ, Іоани и т. д., то книжёнка Preiss'a—обогатила меня однимъ документомъ во многихъ отношеніяхъ весьма полезнымъ. Доказывая, что Превеза находится на мѣстѣ Никополиса, онъ отпечаталъ слѣдующій хризов. 1361. 6869. Въ этомъ хрисовулѣ а) Симеонъ называется братомъ Стефана Душана. Срв. Экселo. Ист. и Pouquev (?) T. V. Χρονικὸν ἀργυροκάστρου (τοῦ χρυσοβουλλίου παρὰ τοῦ ἀοιδίμου μα-

---

ис тьла вь жизнь: пожщи люе прѣ:—
Пѣ: ѳ: Недооумѣеть вьсѣкь:—
Весь мирь раѹеться: и веллться вьсѣуьска
ѩ: ѡ успени ти дво утаа: та бо улвуь родь
имать: кь роженомоѹ нс тебе. мнтва
неусыпажща: ходатаница непостьдна:—
Да капать горы дне раѹжщеса: мастита бо
гора: ѿ зема прѣжиса: не ѡставши ни
жнихь: многомь ѡсрнемь: грѣутаа
:б: гже: вѣрнымь прибѣжище:—
Землѣ блвиса: і весь дхь ѡстиса: вьскрсе
инем ти непороунаа вьзвелиуиса: апо
стольскы ликь: и патриархь и ликь прѣ
подобныхь: гожще бга велиуѣемь:—

*) Зачеркнуто.

χαρίου Αυδινίου καὶ ἀδελφοῦ μοῦ τοῦ βασιλέως... χυροῦ Στεφάνου); b) упоминается 30 селъ въ числѣ ихъ: ἐν τῷ θήματι τῆς Βαγινετίας... [12])

Утруждаю васъ сими мелочами. Ваше благосклонное вниманіе къ прежнимъ подобнымъ осмѣлило меня.

Заключу письмо новостію. Г. Куникъ, объявляя (Bulletin Акад. № 61, 62?), что предпринимаетъ изданіе Манассія, проситъ академію назначить Блгарина Княжескаго отправить въ отечество комиссіонеромъ для пріиска въ Българіи рукописи. Съ Княжескимъ познакомился я въ Одессѣ.—Странно мнѣ и предпріятіе г. Куника, и порученіе Акад. Академія нашла себѣ коммиссіонера, чтобъ снестись съ Одессою и Букурестомъ! Увѣренъ, она бы лучше успѣла, если бы поручила это Андреову-Богоеву.

Отправляюсь въ С.-Петербургъ черезъ Кенигсбергъ.

Простите смѣлость писанія моего и пріймите, вмѣстѣ въ завѣреніе въ глубокомъ уваженіи, желаніе вамъ и благосклонному семейству всякаго благополучія.

Поручая себя снисходительному вниманію вашему, честь имѣю быть преданнѣйшимъ слугою вашимъ».

По возвращеніи Григоровича въ Казань, сношенія его съ Шафарикомъ не прекратились· подобно другимъ знакомымъ Шафарика, Григоровичъ и изъ Казани снабжаетъ его матеріалами. Правда, Григоровичъ первое время по возвращеніи домой, для него неспокойное, когда его переводили въ Москву, замолчалъ. Это безпокоитъ Шаф., онъ справляется о немъ у Погодина и Бодянскаго (см. издав. письма, стр. 90, 91). Но безпокойство было напрасно: вскорѣ по прибытіи въ Казань (въ іюлѣ 1847 г.), Григоровичъ посылаетъ рядъ справокъ изъ рукописей въ Прагу: «Прилагаю при семъ, пишетъ онъ кому-то, письмо къ г-ну Шафарику. Онъ желалъ имѣть описаніе ркп. съ подробнымъ содержаніемъ нѣкоторыхъ. Если угодно будетъ вамъ бросить бѣглый взглядъ на этотъ списокъ, то, надѣюсь, вы замѣтите большое количество ркп. средне-болгарской рецензіи [13]). Это была цѣль моя: если нельзя было отыскать чего-либо оригинальнаго, запастись по крайней мѣрѣ рукописями, для исторіи языка необходимыми. Въ этомъ отношеніи могу сказать, что съ своимъ собраніемъ могу обойтись безъ многихъ, но не носящихъ особеннаго характера собраній. Рукописей до 100 оставилъ безъ вниманія, потому что онѣ не будутъ любопытны. Въ числѣ ихъ на-

---

[12]) Далѣе перечень, который опускаю.

[13]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о спискѣ ркпсей самого Григоровича (ср. т. н. реестръ; см. Викторова указ. соч., стр. 53).

ходится и красивый кодексъ Литург., который хочу посвятить вамъ *). Онъ кажется нынѣ мнѣ не позже XIII ст., ибо, хотя писанный сербиномъ, не освободился отъ болгарскихъ признаковъ. Подобно кодексу Іоанна экз. Болг. XIII в. онъ принадлежитъ къ переходнымъ отъ болгарской къ сербской рецензіи». [1])

Издаваемыя теперь письма служатъ продолженіемъ этой переписки славистовъ. Характеръ ихъ тотъ же, что и выше. Періодъ дѣятельности Ш-а, соотвѣтствующій времени издаваемой переписки, былъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ въ ученой дѣятельности Шафарика: въ это время онъ усиленно занимался древнѣйшимъ періодомъ славянской письменности, глаголицей, переводами св. писанія; къ этому времени относятся его: знаменитыя изслѣдованія и изданія: «Разцвѣтъ славянской письменности» (1848), «Памятники глагольскаго письма» (1853), «Взглядъ на начало глагольской письменности» (1852), «Разборъ славянскаго перевода св. Писанія рецензіи кирилловской и глаголической» (1852); въ это же время совершилось открытіе и изданіе извѣстныхъ «Пражскихъ отрывковъ» *). Григоровичъ съ своей стороны интересовался тѣми же вопросами; къ этому времени относятся: его «Чтеніе о древней письменности у славянъ» (въ Ж. М. Н. П. 1852, № 3), рядъ «Статей, касающихся древнеславянскаго языка» (Казань 1852). Кромѣ того, какъ извѣстно, Григоровичъ былъ обладателемъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ этого начальнаго періода литературы, каковы: Маріинское Евангеліе, Охридскій Апостолъ, Слѣпченскій ап., Слово Кирилла Александрійскаго(древнѣйшая, по мнѣнію Григоровича, кирилловская рукопись) и мн. др. Въ силу этихъ обстоятельствъ Григоровичъ и его труды и рукописи становятся необходимыми для Шафарика. Поэтому во всякомъ письмѣ къ нему Шафарикъ проситъ то его помощи, то выписокъ, то

*) Подробная рукоп., но XV—XVI в., сербскаго письма есть, дѣйствительно, въ собр. В. И. Григоровича; см. М. Рум. Муз. № 1713.

[1]) Черновой набросокъ въ бумагахъ В. И., въ Рум. Муз. № 1863. Что отрывокъ относится къ 1847 г., заключаю изъ фразы: „Меня хотятъ перевести въ Москву“, встрѣчающейся ниже: это могъ Гр. писать только въ 1847 г., когда его вызывали въ Москву на мѣсто О. М. Бодянскаго, временно удаленнаго съ каѳедры изъ за извѣстной исторіи съ Флетчеромъ. Въ этихъ же бумагахъ есть весьма любопытныя свѣдѣнія по части этого кратковременнаго пребыванія В. И. въ Москвѣ. Неизвѣстно, къ сожалѣнію, дошло ли къ Шафарику сдѣланное Григоровичемъ описаніе ркспей; (если дошло, то когда?

*) Glagolitische Fragmente, herausg. von R. Höfler u. P. Šafařík (Prag. 1757) ср. Письма къ О. М. Бодянскому, стр. 112, 113 (наст. изд.), также Письма къ Погодину (II), стр. 400—402.

сниcковъ. Подготовленіе къ изданію Пражскихъ глаголическихъ отрывковъ идетъ постоянно также при помощи Григоровича *). 23 декабря 1855 г. Шафарикъ извѣщаетъ Григоровича объ открытіи отрывковъ, съ просьбой дать матеріалъ для обработки вопроса о глаголицѣ, проситъ кирилловскихъ рукописей, идущихъ отъ глаголическихъ оригиналовъ [14]), а 8 янв. 1856 г. пересылаетъ ему копію съ прочтенной части пражской глаголиты, опять съ просьбой подобрать подходящій кирилловскій текстъ, безъ котораго трудно, а иногда и невозможно, было бы возстановить полустертую пражскую рукопись; 10 авг. того же года онъ получаетъ отъ Гр-а снимки съ рукописей. И, дѣйствительно, Григоровичъ оказалъ существенную помощь Ш-у въ его трудахъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ взглянуть на таблицу пособій у Ш-а въ его Prager Fragmente: здѣсь, помимо рукописей кирилловскихъ со слѣдами глаголицы, о которыхъ просилъ письменно Ш-ъ Григоровича, находимъ выписки изъ рукописей самого Григоровича: изъ Охридскаго и Слѣпченскаго апост., изъ Кирилла Александр., изъ Маріинскаго ев., изъ Боянскаго палимпсеста; ему же принадлежатъ выписки изъ Зографскаго евангелія *). Также тѣсно связана съ рукописями Григоровича и его помощію и послѣдняя крупная работа Шафарика по глаголицѣ: Ueber die Ursprung und die Heimath des glagolitismus. (Prag. 1858) (см. Quellen u. Behelfe).

Такія тѣсныя отношенія обоихъ славистовъ, работавшихъ какъ разъ въ одной области своей науки, не лишали однако ни того ни другаго самостоятельности: сходясь въ одной половинѣ взгляда на глаголицу, они расходились во второй, о чемъ откровенно заявляетъ Ш-ъ въ письмѣ, относясь однако съ полнымъ уваженіемъ къ мнѣнію своего товарища *). Еще нагляднѣе эта сторона отношеній видна въ общемъ тонѣ писемъ: Ш-ъ, какъ равный равному, сообщаетъ свои мысли, ходъ своей работы, и нигдѣ не прорывается желаніе руководить занятіями Григоровича, какъ это легко замѣтить по отношенію къ Бодянскому, напр. За то рѣдкіе совѣты знаменитаго слависта Григоровичъ принимаетъ съ готовностью: вѣроятно, совѣтъ Ш-а издать цѣликомъ Маріинское евангеліе (въ письмѣ 5 дек. 1852) заставилъ Григоровича подготовить и начать изданіе рукописи. Не его вина, что этого ему не пришлось выполнить.

М. Сперанскій.

---

*) См. предъид. прим., письма къ Бодянскому и Погодину.

[14]) Этого рода рукописями весьма дорожилъ Ш-ъ въ исторіи глаголицы и кириллицы: онѣ косвенно подтверждали старшинство глаголицы.

*) См. Glag. Fragm. S. 17—18.

*) См. издав. письма, стр. 120, прим. 2.

1.

Milý Přjteli!

U mlýnského pramene gsem se s Wámi rozlaučiti nemohl poněwadž powozný s wozem před mů̊g byt přigel, a gá hned tu sednauti na wů̊z gsem musel [1]). Cestowal gsem šťastně. Kašel mů̊g pomalu přestáwá. Synowec mů̊g Ian [2]) giž zde. Poněwadž zdrawj mé se znamenitě polepšilo, umjnil gsem se synowcem swým wydati se na cestu, a sice giž pozegtřj, dne 29 Julia, djlem sem a tam po Čechách, djlem snad i do Morawy, odkudž okolo 20 Augusta nawrátiti se mjnjm. Daufám, že cestowánj mému zdrawj bude prospěšno.

Gestli byste se dřjwe do Prahy nawrátil, nežli gá, a něco ze swých wěcj potřebowal, kljč od prwnjho pokoge, kde Waše weci složeny gsou, naleznete u domácj Panj, p. Brosch.

Pan Ammerling [3]) Wám dnes psáti bude. Wčera gsem s njm

---

[1]) 3 іюля (25 іюня) Ш. и Б. вмѣстѣ пріѣхали въ Карловары (Karlsbad), гдѣ оба они лѣчились отъ ревматизма. Ш. стало хуже, и онъ рѣшился вернуться въ Прагу. Въ Прагѣ онъ почувствовалъ себя гораздо легче, на столько, что рѣшился предпринять поѣздку по Чехіи. (Письма къ Пог. I, 65—66). Б. же 24 іюля переѣхалъ въ Теплицы. Письмо получено имъ 16 іюля въ Карловарахъ.

[2]) *Янко Шафарикъ*, племянникъ Іосифа, по спеціальности медикъ, но извѣстенъ болѣе, какъ писатель и ученый историкъ, значительную часть своей жизни провелъ на югѣ, въ Новомъ Садѣ, главн. обр. въ Бѣлградѣ (съ 1843 г.), гдѣ игралъ не послѣднюю роль во внутренней политикѣ (былъ членомъ государственнаго совѣта при Милошѣ) и выдающуюся въ ученомъ сербскомъ мірѣ (какъ предсѣдатель Ученаго Друштва и профессоръ Великой школы), писалъ преимущ. по сербски. Краткую его біографію и перечень его трудовъ см. М. Милићевића „Поменик знаменитих људи у српског народа новијега доба" (Београд. 1888), стр. 845—847. Годъ рожд. его въ „Письм. къ Пог." (стр. 65) указанъ невѣрно: 14 ноября 1814, а не 2 н. 1812. Умеръ Янко Ш. — въ 1876 г.

[3]) Докторъ, лѣчившій въ Прагѣ Бодянскаго. Извѣстенъ въ литературѣ главнымъ образомъ трудами по популяризаціи естественныхъ наукъ въ школѣ. Принималъ участіе и въ Энциклопед. словарѣ: „Годъ въ чужихъ краяхъ" I, 135. Родился 18-го сент. 1807 г., умеръ 2-го ноября 1884 г.

mluvil. Sljbil mi, že bud' on, bud' p. Staněk k Wám do Teplice přigde, aneb aspoň něgaké psanj na doktora pošlau.

Pozdrawugi uctiwě p. doktora Wagnera. Přegi Wám dokonalého wyzdrawenj a zůstáwám Wašnosti upřjmným přjtelem. Paw. Jos. Šafařjk.

W. Praze 27 Čerwence 1838.

2.

W Praze dne 30 Července 1838 n. st.

Milý Přjteli! Psanj Waše ode dne 28 t. m. mne gešté zde w Praze zastihlo, proto že na prjležitost čekati musjm, a teprwé zégtra na cestu se wydám. Čjtal gsem ge s radostj; ale byl bych ge s wětšjm potěšenjm čjtal, kdybych w něm zpráwu o dokonalém Wašem aneb aspoň znamenitém ozdrawenj byl nalezl. Mezitjm gá wždy i daufám i přegi srdečně, že s lepšjm počasjm, a zwlášt' po užjwánj Teplických láznj, i zdrawj Waše se polepšj [1]).

P. Doktor Staněk Wás pozdrawuge. Mluwil gsem s njm dnes a odewzdal kaloše i čepici pro Wás. On se wydá dne 4 Srpna na cestu; bude tehoz 4 dne wečer w Teplici, a 5-ho dne Wás hledati bude. Zůstane dne 5-ho a snad i 6-ho u Wás; ale 6-ho a neypozděgi 7-ho zase do Prahy nawrátiti se musj. Prosj Wás tedy welmi snažně, abyste 4 Srpna na noc do Teplice přigel, a tam se s njm 5-ho rano sešel.

Gá se neydřjwe do Králowé Hradce, potom do Brna, Olomuce atd., wyprawiti mjnjm. Z Brna do Rayhradu nedaleko: protož klášter tamégšj nawštjwiti nepominu. O resultátu se časem swým dowjte [2]). Okolo 20-ho giž zde w Praze býti musjm.

---

[1]) Дѣло идетъ о болѣзни О. М. Бодянскаго, заставившей его лѣчиться въ Теплицѣ. О ней напоминаетъ не разъ Ш. и далѣе, такъ какъ болѣзнь не покидала Б. и во время его пребыванія въ Вѣнѣ и Пештѣ. Ср. письма Б. отъ 1 и 10 іюля 1838 г. къ Погодину (Письма къ М. П. Погодину.... I, 57—70). Настоящее письмо получено Б—имъ въ Карловарахъ 20 іюля (с. с.).

[2]) Цѣлью, привлекавшей Ш. въ Райградъ, былъ латинскій Мартирологій здѣшняго монастыря; въ этой рукописи (IX—X в.) оказались приписки (впервые найдены Ф. Полацкимъ) кирилловскія, которыя сначала приняли за автографы одного изъ славянскихъ апостоловъ. (Письма къ Пог. I, 60; ср. тамъ же стр. 79). Объ этихъ припискахъ не разъ упоминается и далѣе; ихъ осмотрѣлъ и Б. по дорогѣ въ Вѣну, провѣрилъ показанія Ш. (Письма П. I, 81). Объ этихъ записяхъ, надѣлавшихъ много шуму, писано много; см. Копитара Hesychii

Welice se těšjm na přjchod p. Kirjakowa [1]) (gemuž swé uctiwé služby wzkazugi) sem do Prahy.

Gá gsem w Karlowarech tak byl neduživý, newrlý (?), na prsy slabý, že gsem s njm ani gen dle wůle a žádosti srdce mluwiti ne mohl. Daufám že to w Praze lépe bude.

Ručnjk od domácj Panj mezi mé prádlo se ne dostal žádný. Ona po tom ručnjku giž dnem před mým odchodem u mne se ptala. W našem pokogi se žádný ručnjk neztratil: muselo se to státi w ginėm pokogi.

Moge rodina Wás pozdrawuge: wšicknі gsou aspoň prostředně zdráwi.

Dobře se mégte a brzo se dokonále wyzdrawte, toho přege Wáš upřjmný přjtel Pawel Josef Šafařjk.

3.

Prag den 21 Okt. 1838 n. s.

Lieber Freund! Es hat mich angemein gefreut, aus Ihrem werthen Schreiben von 15 d. M. zu vernehmen, dass Sie Reise durch Mähren glücklich zuruckgelegt haben, und nunmehr zuversichtlich in Wien sind.

Was das Martyrologium in Raygern anbelangt,[2]) so habe ich das Wort λατρεία auf der 15 ten Zeile des 2 ten Blattes ebenfalls ge-

---

glossogr. p. 55; Шафарика. Glagolitische Fragmente. p. 55; Письма къ Погод. II, 221; Срезневскаго—Донесеніе въ Минист. Н. П. (Ж. М. Н. П. 1841. № 8), стр. 27 и т. д.

[1]) О немъ см. письма къ Погодину I, 75 и II, 222. М. М. Кирьяковъ (1810 –1839) учился въ М. У., занимался агрономіей.

[2]) См. второе письмо. Для объясненія этого мѣста въ перепискѣ можно привести изъ письма Б. къ Погодину изъ Пешта (6 дек. 1838 г.): „въ Райградѣ видѣлъ я извѣстную приписку Кирилловскими буквами на полѣ одного листка Martyrologium. Увидѣвшись съ Шафарикомъ, Вы узнаете отъ него лично (1 янв. 1839 г. Погодинъ собирался выѣхать заграницу и побывать въ Прагѣ; см. Письма I, 87, примѣчаніе), или же изъ моихъ писемъ къ нему, о моемъ мнѣніи объ этой припискѣ, равно какъ и *объ одномъ словѣ греческомъ*, въ самомъ текстѣ Martyrologium, *написанномъ нашими церковными буквами*. По поводу этого слова вышло между нами разногласіе“ (I, 90). Погодину Ш. 28 (16) авг. 1838 г. писалъ: „2 авг. (н. с.) отправился я въ Райградъ... и здѣсь удалось мнѣ прочесть старое выцвѣтшее Кирилловское письмо.... Рукоп. латинская.... писана въ 809 году.... Языкъ и орѳографія въ общемъ или въ основѣ древне-

lesen: allein es fiel mir gar nicht-auf, da ich es für griechisch, nicht fur cyrillisch halte. Die griechischen Buchstaben des IX ten Iahrh. unterschieden sich von den gemeinschaftlich cyrillischen desselben Zeitalters in der Form und Gestalt gar nicht. Und entschieden cyrillische Buchstaben, z. B. Y, Ш, Ж, Ц. u. s. w. kommen weder in diesem Worte, noch sonst im Texte der Handschrift vor: wenn sie aber vorkämen, würde ich eher die Handschrift für später und jünger erklären, als glauben, dass es vor Cyrill und Method eine der spätern cyrillischen Schrifts ähnliche slawische Schrift gegeben habe. Die Slawen hatten bis dahin nur Runen (slaw. черты, рѣзы), welche auf hölzernen Tafeln eingeschnitten wurden[1]).

Ich zweifle nicht, dass Sie in Wien reichliche Nahrung für Ihren Forschgeist finden: besonders muss die K. K. Hofbibliothek reich an slaw. Handschriften seyn, und H. v. Kopitar[2]) wird bei seiner Liberalität gewiss nicht austehen, Sie mit diesen Schätzen bekannt zu machen.

Meine Familie ist seit dem 7 d. M. bei mir in der Stadt, und seitdem geht es auch mit der Gesundheit meiner Frau schlecht. Die Meinigen lassen Sie herzlich grüssen.

Unter Ihren Kleidern ist ein franzblauer Frack mit gelben Knöpfen: sollen wir Ihnen diesen aufbewahren?

Schreiben Sie mir, wie lange Sie in Wien bleiben, und wohin Sie sich von da wenden—mit Angabe Ihres Quartiers in Wien—damit ich Ihnen das besonsste Geld schicken könne.

Sonst ist bei uns nichts Neues: von Moskau und aus Russland ist bis Dato keine Zeile angekommen. Vale et fave festinatissimo amico P. I. Schafařik.

болгарскія (съ Ѧ и Ѫ), но съ значительными отмѣнами... вѣроятно XI столѣтія... Подробнѣе объ этомъ я думаю при случаѣ написать и издать“.... (II, 220—221). Позднѣе онъ самую рукоп. относилъ къ X в. (Glagol. Fragm.—Prag 1857, S. 18).

[1]) Ш. исходитъ изъ объясненія извѣстнаго свидѣтельства Храбра. Позднѣе онъ повторяетъ туже мысль, но осторожнѣе: Jedoch wird hiedurch (изъ свид. Панион. легенды и Храбра) die Bekannschaft der Slawen mit Runen черты), deren sie sich beim Zählen und Wahrsagen, zu Haus—und Hofmarken u. s. w. bedienten keineswegs ausgeschlossen: diese waren aber keine Bücherschrift (Ueber die Ursprung.... des Glagolitismus (Prag 1858, S. 5).

[2]) Б. Копитаръ, изв. славистъ, (1780—1844 былъ въ это время библіотекаремъ Придворной библіотеки.

4.

W Praze 31 Rjgna 1838.

Přemilý Přjteli!

Ohledem řeckého slowa λατρεια w Martyrologium Rayhradském Wám nic giného psáti nemohu, nežli co gsem psal. Gá gsem ge četl ginak a Wy ginak: geden z nás ge mylně čjsti musel[1]). Poněwadž nynj ani gá rukopisu před očima nemám, ani Wy, daremná o tom hádka. Gestliže, gak prawjte, slowo to w samém latinském contextu s cyrillským ѧ psáno gest, ne může list ten, na kterém to stogj, z wěku Karlowa býti—w contextu prawjm nikoli na kragi (in margine), neboť na kragi i gá sám gsem to slowo několikrát tak s ѧ psáno našel, tauž rukau, kteráž pozděgi množstwj cyrillských slow, na gednom mjstě celau průpowěd z Biblj, pjsmem bledým a giž newidomým připsala.

O mé sbjrce: Monumenta Illyrica[2]), gsem několikrát s Wámi mluwil a přjprawy k nj ukazowal. Můg synowec, gsa co pomocnjk

---

[1]) Ш. читалъ, какъ приводитъ въ письмѣ, а Бодянскій латрія, т. е. предполагаетъ кирилловскую букву въ греческомъ словѣ. Текстъ, гдѣ имъ встрѣтилось это слово, читается: At illo cultu, qui graece латрія dicitur, latino uno verbo dici non potest. Надъ словомъ латрія мелко той же рукой написано: latria. Позднѣе Б. вернулся къ этому слову: онъ сперва призналъ это слово писаннымъ славянской азбукой, писаннымъ до Кирилла: это была славянская азбука, еще не *устроенная* Кирилломъ (а это имъ и сдѣлано, по свидѣтельству Храбра) (Донесеніе Б-аго г. Попечителю Моск. Уч. Окр. въ Ж. М. Н. П. 1839 г. XXIII, отд. IV, стр. 17—30). Но затѣмъ онъ поколебался въ своемъ воззрѣніи на это слово, узнавши изъ „Донесенія И. И. Срезневскаго", что листъ, гдѣ это слово встрѣтилось, прибавленъ *послѣ*, и пришелъ къ выводу, что это слово ничуть не измѣняетъ дѣла слов. апостоловъ. (О времени происхожд. слов. письменъ— М. 1855—стр. 327).

[2]) Подъ этимъ заглавіемъ Monumenta illyrica, seu Slavorum gentis Illyrici provincias incolentis omnis aevi documenta cyrillicis literis consignata (I Diplomata, II Inscriptiones, III Specimina e codicibus, стр. 47) въ 1839 г. Шафарикъ напечаталъ для своихъ занятій программу этого собранія всего лишь въ 30 экземпл. Она должна была служить для облегченія его дальнѣйшихъ занятій, а также была разослана имъ славянскимъ ученымъ съ просьбой о дальнѣйшемъ содѣйствіи. О ней 1-го іюля (н. с.) Ш. писалъ Погодину: „Еще въ теченіи осени собираюсь я напечатать программу (Prospectus) моихъ Monumenta Illyrica, именно обзоръ содержанія и, въ качествѣ образца, житія св. Константина и св. Симеона (сочин. его сына, св. Саввы)".—II, 217. Позднѣе часть постепенно собраннаго матеріала вышла въ Památky pisemnictví jigoslowanůw (Praha 1851, 1873. 2 изд.),

při registrowánj w. c. M. Archiwu potřebowán, přepsal s powolenjm panůw archiwarůw několik srbských diplomůw pro mne, k gegichžto tištěnj a dalšjmu zdělowánj gá posawad geště wyššjho powolenj nemám. K dotaženj tohoto powolenj gá sám o welikonoci 1839 do Wjdně pogedu: čehož nedosáhnuli kopie ty nedotknuté do archiwu zpátky wrátjm, bych sebe, synowce i panůw archiwarůw w mrzutosti nezapletl. Naproti, budeli mi powoleno, přepjši geště wjce diplomůw srbských. O rusských rukopisech a diplomech w c. M. archiwum gá gsem nikdý nic neslyšel, a pochybugi, že gich tam gest.

Welice schwalugi aumysl Waš, že se přes zimu mezi Illyry zdržowati chcete. Gestliže mé uprjmné a přátelské rady uposlechnauti chcete, zaberete se přjmo přes Prešpurk a Pešt do Nowého Sadu i Karlowce. Wůbec bych Wám radil, byste se we Wjdni a Pešti dlauho nezdržowal, anto k záměru Wašj literarnj cesty méně prospěšné. We Wjdni atd. nasbjráte mrtwé učenosti dost; ale narodůw slowanských, gegich gazyka, nářečj, různořečj, mrawůw, obyčegůw nepoznáte. Té mrtwé učenosti giž máme dost, až nazbyt: něčeho giného se nám nedostáwá, což nám Chodakowský, Kucharský slibowali, než bohužel nesplnili!

— Exempla terrent!—We Sremu, w Illyrsku, po malýh městečkách, wesnicjch, klášteřjch atd. se Wám otewře pole, na nemž Wy pro swé budaucj potřeby něco giného nasbjrati můžete, nežli w polospráchniwělých rukopisech, kteréž mimo to pro literaturu naši giž nezahynau. To gest upřjmné mjnenj mé, a Wy udéleyte gak libo.

Z té duše rád Wám pošlu poručenj k srbskému Metropolitowi, ačkoli Wy i bez toho od ňeho wljdně přigati budete. Psanj toto k metropolitowi spolu s penězmi pošlu giž gen přimo do Budjna, ke swému přjteli Mart. Hamuljákowi, u něhož ge Wy naleznete. Oznamte mi čas odchodu Wašeho z Wjdně.

Onehdy gsem Wám poslal psanj z Moskwy do Wjdně poste restante.

Spjsku Kop. [1]) proti mně a Pal. posjlati netřeba, budu to i ginak čjsti.

Zdegšj přátelé Wás srdečně pozdrawugj.

W mé rodině zase nemoci se rozmohly: i gá sám negsem zdráw. Pospjchegte i pro swé zdrawj do teplého Sremu. Wáš upřjmný přjtel Paw. Jos Šafařjk.

---

[1]) Т. е. Копитара.

5.

W Praze 25 Listop. 1838.

Milý přjteli!

Psanj Waše 18 t. m. datowané, než gen 20 na poštu dané, gak z poštowského znaku widjm gá teprwé wčera, 24-ho, dostal gsem.

Připomjnám to, byste wěděl, proč, dlé Wašj žádosti, giž k 29 t. m. s listem swým a zasilkau dostáti gsem nemohl. Dnes ge neděle; pročež teprwé zegtra 26-ho penjze na poštu dáti mohu.

Přiložené zde 50 zl. stř. gsau z těch peněz, které gsem Kronberger-Webrowi odewzdáti měl a pro rozličné přjčiny geště neodewzdal byl. Podlé toho Kronberger-Weber zegtra dostane ode mne na Waše aučty gen 20 zl. stř.

Gestli do Zahřebu, gakož aumysl Waš gest, se na zimu odeberete, daufám, že na welmi dobrem a prospěšném mjstě k záměru Wašemu nalezati se budete. Nežli gestli byste snad i ginak miniti přinucen byl a k Srbům gel, ne budete toho litowati. Wždy budete mezi dobrými Slowany.

Pozdrawenj přátelům! Přegi Wám dobrého zdrawj a gsem Wáš upřjmný přjtel P. J. Šafařjk.

Z Moskwy ani slowjčka nepřjšlo!!

6.

W Praze 8 Pros. 1838 n. s.

Milý Přjteli!

Přede wčerem přišlo psanj od Pogodina, w němž bylo přiloženo i dwoge pro Wás, což Wám tuto zasjlám. Z prwnjho gsem tu i tam něco přečetl, z druhého nic, pro drobnost a nečetnost pjsma. Mně pjše P., že se giž w Lednu na cestu wydá, ačkoli newj, kterým směrem a kudy?

Schwalugi, že gste přjčinau swého léčenj w Pešti zůstal. Zima gest nepřjhodný čas k cestowánj. Radil bych Wám, abyste z Pešti do Nowého Sadu a Karlowce odgel, w Březnu a Dubnu w Srbsku pobyl, léto pak, od Máge do konce Zářj wynaložil na cestowánj přes Záhřeb, Dalmatsko, ostrowy do Černéhory. Weliké a obtjžné cesty musjte w létě konati, a w zimě sedeti kde teplo: neučinjteli to tak, ne bude z toho nikdy nic. W Pešti čas swůg owšem dobře wyplniti můžete: gest tam hodných Slowanůw každého nářecj hognost. Než hleďte přede wšjm swého zdrawj k dalšjm cestám poopravwiti.

Gá nynj při Musegnjm časopisu sedjm [1]), mage s njm dosti práce, an pomoci odginud málo. Nowého w literatuře nic nemáme. Paláckého historie 2-hý djl se tiskne. Jungmannůw slownjk též ku konci kwapj.

Tužebně očekáwáme vygitj Bohyně Sláwy, též almanachu Zoře [2]).

Pozdrawenj wšem přátelům!

Chmelenský [3]) gest welmi nebezpečně nemocen, a slabá naděge, že zůstane žiw.

Dobře se měgte! Wáš upřjmný přjtel Paw. Jos. Šafařjk.

7.

W Praze, 9 Prosince 1838.

Milý Přjteli!

Wčera gsem dostal od prof. Purkyně Žurn. Min. proswěšč. 1838 Iuli [4]). Četl gsem tam s podiwenjm wýtahy, z mých a Wašich listůw, týkagjcjch se mne, zdělené od Pogodina redaktoru. Proti literárnjm nowostem nic nemám; takowé zpráwy se proto pišj, aby se zdělowaly a tiskly: ale co tam o mé osobě, o mém domácjm stawu, nauzě a bjdě atd., o sbjránj a zasjlanj penez i knih pro mne atd., tištěno, to mi gest welmi nemilé a welikou žalost mi to působj.

---

[1]) Ш. принялъ тогда редакторство Часописа отъ Ф. Палацкаго; ср. II, 230.

[2]) Разумѣется сочиненіе Коллара, о которомъ см. ниже въ примѣчаніи къ письму 8.—Альманахъ Zora (na rok 1839). Treti Ročník W Budine (т.-е. Будапештѣ) заключалъ двѣ статьи Hamuljaka, повѣсть Отмайера, поэму Яна Голаго Sláwa, а также оды и елегіи этого славацкаго поэта. Изданіемъ руководилъ Hamuljak, о которомъ Шафарикъ упоминаетъ выше въ предшествующемъ письмѣ. Рецензія на этотъ альманахъ была напечатана въ Čas. 1839. Sw. 2. Это были писатели, которые, слѣдуя Бернолаку, трудились надъ литературной обработкой словацкаго нарѣчія. Во главѣ ихъ стоялъ Янъ Голый. Рецензентъ заканчиваетъ рецензію выраженіемъ сожалѣнія по поводу стремленія Словаковъ отдѣлиться отъ Чеховъ.

[3]) *Хмѣленскій*, чешскій поэтъ, особенно близкій къ Челяковскому, вскорѣ умеръ. Въ письмѣ отъ 3 января 1839 г. къ Винарицкому Челяковскій пишетъ: „нашего Хмѣленскаго нѣтъ больше въ живыхъ. Сегодня въ полночь Богъ призвалъ его къ себѣ". F. L. Čelakovského Sebrané listy, 426.

[4]) *Янъ Пуркиня* (1787—1869), знаменитый ученый профессоръ физіологіи въ Вратиславлѣ (Breslau), извѣстенъ также и какъ авторъ многихъ рецензій и статей по чисто литературнымъ вопросамъ. Есть его біографія Ianusz Ferd. Nowakowski—Z'ycie i prace naukowe Iana Purkynego (Warszawa 1862).

Gá nepochopugi, kterak mohl takowé wěci zaslati a tisknauti dáti, a téměř bych se domnjwal, že mu někdo to psanj ukradl, by ge k mému pohoršenj a zneuctěnj a gako zbraň mým posměwačům a utrhačům do rukau proti mně wytisknauti dal! Takowáto přátelská tagemstwj musegj zůstati tagemstwjm. Mimo to, wec sama, gakž tam stogj, gest zweličená a nad prawdu nadsazená. W takowé nauzi a bjdě gá s rodinau swau nikdý gsem nebyl, gakž se to tam wystawuge. Wám dobře powědomo, že gá gakožto censor nyni ročnjho platu mám 400 zl. stř., a za honorár při časopisu 120 zl. stř. To wynášj 520 zl stř. čili 1200 Rubl. ass. ročně, což pro mne, při mém mjrném a skrowném žitj, dosti gest. Gestli gsem při wydáwánj Starožjtnostj, gegichž tisk mně 1500 zl. stř. stál, někdý peněz neměl, nenj diwu, to se i bohatým přikázjwá, a gá negsem bohatý.

Z té přjčiny Wás prosjm přátelsky, byste po přigetj tohoto mého psánj hned druhý den Pogodinowi psal, Wašjm gménem, a geho prosjl: 1) Aby podobných zpráw o mé osobě, o mém stawu, žitj atd. do žádných žurnalůw nezasjlal. 2) Aby, poslal li něco, to hned zpátky požádal. 3) Aby mně žádných peněz neposjlal. Daufám, že Wás poslechne, nebot' se nedomnjwám, žeby mne gešté wjce zkormautiti a nešt'astným učiniti chtěl. Psal gsem mu o tom 1) a 2) na krátce giž i sám [1]). Dobře se mégte. Wáš upř. př. P. J. Šafařjk.

Gá žádnau hodinu negsem gist, že hladowi žurnalisté Poláci, Němci, Francouzi atd. ty zpráwy ne budau tisknauti a po celé Ewropě roztrušowati—powažte sám, gaká to wěc pro mne [2])!

---

[1]) См. Письма къ Погодину II, 231—232. Повторяя почти тоже, что въ издаваемомъ письмѣ къ Б., Ш. добавляетъ: Sie werden gewiss selbst bei ruhigem Nachdenken das Undelikate und Unschikliche darin (т. е. въ опубликованіи писемъ) finden.

[2]) Желаніе Ш. было исполнено аккуратно Б—имъ: письмо Ш. получено 4 дек., а 6 дек. оно въ подстрочномъ русскомъ переводѣ было переслано въ письмѣ къ Погодину (Письма къ Пог. I, 87 и сл.). Поводомъ къ этому неудовольствію Ш. послужили выписки изъ его писемъ и писемъ Б-го о Ш. въ Ж. М. Н. П. № 7, 1838 г. гдѣ находятся свѣдѣнія о печальномъ семейномъ и стѣсненномъ положеніи Ш., о его слабомъ здоровьѣ. Въ письмѣ отъ 8 марта 1837 г. (Письма къ Пог. II, 197) Ш. писалъ: „Если обстоятельства позволятъ вамъ, вы могли бы мнѣ доставить большую радость, доставивши мнѣ просимые 500 рублей, возможно скорѣе, въ долгъ, съ тѣмъ чтобы я могъ возвратить, когда мои дѣла поправятся. Я очень озабоченъ счетами по 6-й тетради „Древ-

8.

W Praze 28 Pros. 1838.

Milý Přjteli!

Onehdegšj Waše psanj gsem pořádně obdržel, a rád z něho wyrozuměl, že se s Wašjm zdrawjm lepšj. Radil bych Wám, abyste dokonalého wyléčenj, též přigetj penez, w Pešti docekal: nedostatek gednoho i druhého by Wám na dalšj cestě překážeti mohl.

Posjlám Wám psanjčko od Pogodina. Gest sice 16 Nov. datowané, než gen 21 na poštu dané. Ono předešlé datowané gest 22 Sept., než podlé štemplu na obálce bylo teprwé 3 Nov. (starého) na poštu dano!

Panj Pogodinowa porodila syna Michala. Pogodin chystá se na cestu 1 Jan. 1839, negprwé do Wlach, potom do Čech atd. Než powolenj gešté neměl. Giných důležitých nowin málo co pjše. Gá mu před geho odchodem z Moskwy giž wjce psáti nebudu.

Nepochybugi, že Pogodin ty listy w dobrém aumyslu wytisknauti dal. Než k dobrým cjlům potřebj též užiti dobrých prostředkůw: a tento prostředek, kolik s gedné strany prospjwá, tolik a wjce škodi s druhé [1]).

Knihkupectwj Wám zde posjlá summarium auctůw. Račtež mu po přigetj penéz, aspoň dwě třetiny zaprawiti, a ostatnj třetinu můžete potom po čtwrtletj.

Obdržel gsem z Rayhradu facsimile slowa, латрии, kteréž tam tak psáno, gak gste Wy ge četl. Ga gsem si slowa řecká, anobrž ani wšecka cyrillská, nepoznamenáwal, a proto mne pamět z ohledu

---

ностей“; эту тетрадь задержать нельзя: ею заканчивается первый томъ“. Погодинъ послалъ деньги и получилъ 18 іюля того же года благодарственное письмо (Письмо къ Пог. II, 199). Первое письмо также напечатано въ Ж. М. Н. П. (стр. 196), съ примѣчаніемъ Погодина: „Эти 500 р. получены были мною отъ г-жъ Апраксиной, Бахметевой, княжны Грузинской, гг. Голохвастова, Гусятникова, Любимова, Самарина, гр. Толстого, Царскаго. Кому угодно еще принять участіе въ этомъ святомъ дѣлѣ науки, тотъ можетъ доставлять свои пожертвованія ко мнѣ по адресу, въ университетъ. Отъ русскихъ ученыхъ и авторовъ, увы! я не получалъ еще ничего въ пособіе ихъ знаменитому собрату“. Эта замѣтка и обидѣла Ш., котораго кольнулъ самый способъ добыванія денегъ и опубликованіе интимной просьбы.

[1]) См. примѣч. къ предъид. письму.

geho zmýlila. K wyswětlenj tohoto úkazu gá nic powěděti neumjm, poněwadž mu naskrze nerozumjm [1]).

S welikau radostj gsem wyrozuměl, že přjtel Kollar tak pilně w mythologii slowanské praonge. Bude to oprawdowé obohacenj literatury našj, gakož wšecko, co z geho péra pocházj [2]).

Mogi negsau zdráwi: tchyně giž druhý měsjc ležj, a žena se před wánocemi welmí rozstonala. Nynj ge s nj trochu lépe.

Pozdrawenj přátelům.

Přegi Wám dobrého zdrawj a stálého štěstj w dalšjm putowánj Wáš upřjmný přjtel P. J. Šafařjk.

P. S. Časopis ministerstwa s počty zde dwoge čtenářské towaryštwo čte, a slyšjm že i we Wjdni pilně čten býwá.

9.

W Praze 5 Unora 1889. n. sl.

Přemilý Přjteli!

Psanj Waše ode dne 4 Ledna t. r. n. sl. gsem řádně obdržel. Těšilo mne welice, že gsem z něho gistoty nabyl o skutečném polepšenj Wašeho zdrawj. Deyž Bůh, abyste dokonále pookřál, a k dalšjmu cestowánj sjly nabyl! — U mne se to pořád střjdá, gako slunce s mračny, nynj gsme chwála Bohu! wšickni aspoň snesitelně zdráwi.

Onehdy (t. giž minulého měsjce ledna) přišlo ke mně psanj z pošty Wám schazicj, gehož adressu gsem gá poopravil a zase zpátky na poštu odewzdal. Daufám, že gste ge giž dáwno dostal. Bylo z Moskwy.

Před několiko dni nawštjwil nás Kiréjewsky. Pospjchal z Němec zpátky domu. Gazykow zůstal nemocný w Hanawě; gest wšak naděge, že se wyzdrawj.

Gá Pogodinowi psáti nemohu, proto že newjm, doma li ge geště, čili na cestě. Wy byste mu ale měl psáti skrze někoho w Moskwě, který by mu Waše psanj odewzdati mohl, gestli géste neodgel. Aže

---

[1]) Это мѣсто письма, касающееся литріи, въ переводѣ цѣликомъ приведено Б—имъ въ его диссертаціи „О времени происхожденія Славянскихъ письменъ" (М. 1855), стр. 326. Ср. письмо № 4.

[2]) Дѣло идетъ о подготовляемомъ Колларомъ сочиненіи—Sláva Bohyně a půwod gména slawůw čili Slawianůw w listech k P. J. Šafařjkowi, вышедшемъ въ Пештѣ 1839 г. (8° стр. 358). Ср. Письма къ Пог. I. 51, 91.

neodgel, domýšljm se. Neměl zagisté, když mi poslednjkráte psal, gestě ani powolenj, ani pasu.

Pokračowánj dne 10 Unora.

Pro nahodilé přjčiny nemohl gsem před pěti dni psanj toto dokončiti—i zůstalo tak ležeti až do dneska.

W literatuře našj snad nikdý nebylo tak ticho, gako nynj. Negen že nic důležitého newycházi, ale ani se gen nehotuge, pokudž mně wědomo.

Palacký mně posud ani slowa nepsal. Zdržuget' se w Řjmě. Geho historie druhý djl se měl tisknaut, než kdesi uwáznul. Jungmannowa slownjka gestě dwa swazky wygdau, pak bude celý hotow.

Mug synowec gestě zde zůstáwá, a teprwé w Dubnu do Uher se nawrátj.

Z Moskwy nemám žádných zpráw. Přátelé, pokudž mi wědomo, wšickni gsau zdráwi. Wás často zpomjnagj a pozdrawugi.

Zprawte mne brzo o Wašem zdrawj a plánu dalšjho cestowánj.

Pozdrawenj přátelům. Mégte se dobře! Wáš upřjmný přjtel P. J. Šafařjk.

10.

W Praze dne 3 Března 1839.

Přemilý Přjteli!

Nemage giž tak dáwno žádných zpráw od Wás, obáwal gsem se, že gste snad nemocný a bázeň tato má stwrzena zpráwau od Kampeljka z Wjdne, kterýž wšak spolu doložil, že se giž trochu lépe máte. Litugj z celého srdce, že se s Wašjm zdrawjm tak zhoršilo, než daufám, že s pomocj dobrého lékaře opět brzo se wyzdrawjte.

Michal Petrowič, gak giž wjte, byl zde dwa dni, 14 a 15-ho t. m. i pospjchal se swau panj přes Wjdeň do Řjma i Pařjže, odkudž w měsjci Červnu (Junius) do Marianských láznj (Marienbad) se nawrátj.

O Wás gsme mnoho mluwili, i radjme Wám oba srdečně, aby nabyw něco lepšjho zdrawj bez prodlenj do Moskwy gste se nawrátil, a dalšj cestowánj k ginému času odložil. Russké klima Wás neylépe wyléči. A cestowati můžete i pozděgi gakožto professor. Tato gest srdečná naše rada i prosba k Wám.

Wjm giž, že gste nebyl we Wjdni, kamž Wás Michal Petrowič byl pozwal. Neydůležitégšj, o čem s Wámi mluwiti chtěl, bylo to,

abyste bez prodlenj do Moskwy nawrátil. Zachowánj zdrawj gest nade wšecko: nemocnému a slabému nelze cestowati.

Z Budjna a Pešti mi žádný ani gen slowjčka nepsal o Wás a stawu Wašem! Moje rodina a přátelé Waši zdráwi: wšickni Wás srdečne pozdrawugj, a spolu se mnau potěšitelných zpráw o Wašem wyzdrawenj čekagj.

Bůh Wás ochraňug! Wáš upřjmný přitel P. J. Šafařjk.

11.

W Praze dne 20 Března 1839. n. sl.

Milý Přjteli!

Poslednj Waše psanj, w nemž mi zprávu dáwáte o dokonalém polepšenj Wašeho zdrawj, mne welice potěšilo. Byl gsem zagisté w nemálé bázni o Wás, čehož přjčina byla ta, že zde rozličnj hlasowé z Wjdně a z Prešpurku o Wašj nemoci byli, a gá předlauho žádného psanj od Wás gsem nedostal. Tjm lépe, že se to šťástně skončilo, a Wy dalšj swau cestu nastaupiti můžete. Nemysljm žeby Michal Petrowič něco o Wás byl do Moskwy psal: ostatně Wy mu o tom sám do Řjma zprávu dáti můžete, a gá též připomenu. Pište mu «poste restante»: budeť on w Řjmě celý měsjc April, a Mág celý w Pařjži. Při wšem při tom bych Wám upřjmně radil, abyste co možné swau cestu skrátiti a do Moskwy pospjchati hleděl. Se zdrawjm nenj co žertowati, a nenaděgte se, že w Srbsku a Cernohoře tak pohodlně léčiti se budete moci, gako w Pešti aneb we Wjdni. Po několika letech můžete, co nynj zbude, i z Moskwy gakožto professor nawštjwiti. Gsau gisté doby w ziwotě, když člowěk gistému neduhu podléhá, kteréž se přečkati musegj—násilně se neduh wykořeniti nedá, ale časem se zmjrnj a ztratj. Gá gsem w Nowém Sadě za tři léta těžkými nemocmi stjhán byl, a předce Bůh z toho pomogl. Moskewské klima, čisté, čerstwé, studené powětřj, bude snad neylepšjm lékem pro Wás. Toť gest mé mjněnj, Wy wšak se w těch wěcech řiďte swau rozwahau, swým saudem.

S Weberem gsem geště nemluwil, poněwadž welmi pořjdku do Starého města wycházjm, a wšak budu mluwiti při prwnj přjležitosti, a on se, wol newol, poddati musj, čehož změniti nelze, gakkoli mu to nepohodlné bude, neboť wjm, že peněz potřeben gest, an ge Leipziger Messe [1]) před wráty.

[1]) Извѣстная Лейпцигская книжная ярмарка, бывающая въ теченіи 3-хъ недѣль послѣ 3-го воскресенія по пасхѣ.

Michal Petrowič byl zde gen dwa dni, obležen a zaugat ze wšech stran. O hrabeti Curatorowi [1]) ani gen slowem se nezmjnil. Zdá se, že negsau w neylepšjm srozuměnj.

Museum naše geště nemá Praesidenta, a snad ho dlauho geště mjti nebude. Newj se, komu se ta čest dostane. Komukoli, Šternberka nenj a nebude [2]).

Strany knihy Danilewského by neylepšj bylo, aby gj knihkupec G. Kilian Senior od Kronberger-Webera požádal. On mu gi, máli gi geště, rád pošle.

Psanj z Moskwy gsem zde skrze Briefträgera zpátky na poštu odewzdal, a adressu náležité pooprávil: pročež mi welice diwno, že gste ho nedostal. Budaucně to udělám tak docela, gak pjšete a žádáte.

Kirějewský, wracuge se z ciziny, sám nic nowého neweděl. Gazykow se léčj w Hanawě, a po wyléčenj wráti se ne do lázňj, ale přjmo do Moskwy. Bratr geho [3]) ge s njm w Hanawě.

Wýraz, že Waše sbjrka djlem ze staršjch rukopisných powstala, wztahuge se k tomu, co neprostředně wýš o Chodakowském řečeno [4]), že některé částky a ostatky geho sbjrky od Wás gsau zachowány. Čest nemenšj gest cizj dobré sbjrky zachowati, nežli nowé sebrati, a kdo bohaté sbjrky má, nemůže sám každau pjseň z úst lidu wypsati, nýbrž musj shromážditi přjnosy částečny od zběračůw. Ge tam řeč o rukopisech.

Cybulski [5]) gest w Poznani, s njmž gá geště mnoho známosti

---

[1]) Т.-е. о Гр. С. Г. Строгановѣ, кураторѣ Московскаго округа (1935 — 1847).

[2]) Графъ *Кашпаръ Штернбергъ* (1761—1838) былъ основателемъ Чешскаго музея и заботливымъ о его преуспѣяніи президентомъ. Въ sw. 3 Casop. за 1838 г. посвящены его памяти стихотвореніе Гулаковскаго и рѣчь графа Іосифа Ностицъ, въ которыхъ въ теплыхъ словахъ вспоминаются заслуги графа, какъ покровителя чешскаго просвѣщенія.

[3]) Вѣроятно, Петръ Васильевичъ, извѣстный собиратель пѣсенъ († 1856).

[4]) *Ходаковскій З. Д.* (псевдонимъ Адама Чарноцкаго), литовецъ по происхожденію, трудолюбивый собиратель древностей и этнографъ (1784—1825). Собранные имъ матеріалы перешли въ значит. большинствѣ къ М. П. Погодину. Писалъ по-русски, частью же и по-польски. Въ Россія принадлежалъ къ кругу Румянцева. См. А. Н. Пыпина „Исторія русской этнографіи“ III, 40 и сл. Въ Casop. 1842 Sw. II была помѣщена статья о Ход., написанная Запомъ.

[5]) *Цыбульскій Войтѣхъ* (род. 1812), позднѣе смѣнявшій Челяковскаго на каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій въ Бреславльскомъ у-ѣ; по славянскимъ древностямъ изъ его сочиненій извѣстны: Obecny stan nauky o runach slawjan-

nemám. Naši ho welice chwalj: učj se prý welmi pilně češtině. Chce se osaditi w Berlině.

Má ethnografická mappa (censurowaná) giž odwandrowala k Merklasowi. On mi gi ze zwláštnj lásky za 300 zl. střjbra wyryti chce, tabuli gsem kaupil za 18 zl. stř. K tomu tisk a (barwenj) [1]). Bude to tedy slaná lahůdka. Slibuge gi shotowiti tohoto roku.

S dychtiwostj čekám nowý spis přjtele Kollára. Wzkazugi mu swé srdečné pozdrawenj. At' mi toho za zlé nemá, že gsem mu tak dlauho nepsal. Práce práci stihá; mé zdrawj pak se pořád wiklá, a giž wěru ke wšemu nestačjm.

Palacký mi ani slowa nepsal: gen z daleka doslychám, že ge w Neapoli. Geho historie druhý djl se tiskne: 20 archůw hotowo. Kdy wygde, newjm. Slownjk s koncem Máge bude hotow.

Rodina zdráwa: ona a přátelé Wás pozdrawugi. Synowec se s koncem Aprila wrátj do Pešti a ke swým rodičům.

Poraučjm Wás do ochrany Božj a přegi Wám stalého zdrawj k dalšjm, obtjžným cestám.

Wáš upřjmný přjtel P. J. Šafařjk.

12.

W Praze 28 Března 1839 n. sl.

Milý přjteli! Onehdy gsem Wám psal, že s Kronberger-Weberowu při pohodlné přjležtosti promluwjm. To se i stalo. Než když gsem mu oznámil, aby strany peněz za knihy asi do m. Čerwna gestě poshowěl, welice byl nespokogen. Prawil mi, že ty penjze zagisto giž k nowému létu čekal, a tjm wjce nynj k garmarku lipskému, gešto pry naramně mnoho splaceti má a wšecko hotowě zaplatiti musj. Kronberger i Weber se dělj, a Kronberowa wdowa zůstane sama, i my gegj dlužnjci. Prosjm Wás, pište hned zase do Moskwy strany těchto mimořádných peněz na knihy: nebot' nesplatjme li toho w měs. Čerwnu, potom giž newjm, co si počnu. Znamenám, že w knihkupectwj giž o ty penjze se bogj. Gábych na to zaplatil něco sám: ale mé dluhy gsau též nesmjrné—gen Kronberger-Webrowi do 400

---

skich (Poznań 1860), гдѣ онъ высказался противъ Коллара, доказывая, что Бамбергскій идолъ вовсе не есть идолъ божества вообще, а Чернобога — подавно; Slawische Ortsnamen der Insel Potsdam und der allernächsten Umgegend. (Berl. 1859).

[1]) Вырванъ клочекъ.

zl. stř. gsem dlužen (w loni se neprodalo nic Starožitnostj, než za 90 zl. stř.!), Kalwowcům přes 200 zl. stř—pročež sám newjm, které djry držwe zacpáwati mám. Prosjm Wás, pečugte o tu wěc, neboť mi mnoho starosti dělá. Kupci gsau kupci: gegich Bůh i srdce—penjze.

Dobře se mégte Wáš upřjmný přjtel P. J. Šafařjk.

13.

W Praze 21 Máge 1839 n. sl.

Milý přjteli!

Ze psanj Wašeho ode dne 13 Máge gsem s radostj wyrozuměl, že se zdrawjm Wašim pořád se lepšj a že daufáte, brzo dokonále zdráw býti.

Co se peněz dotyče, saudjm, že dosti bude, gestli Kronbergerowi (nebo Weber giž s rodinau do Pešti odgel) hned po přigetj Wašj třeti asi 200 zl. stř. pošlete, a to ostatnj potom může zůstati až do giné třeti—aby i Wám něco na dalšj cestu w rukau zůstalo. O náhradě promluwjme pozděgi.

O Gajovi, zdá se mi, že tuze přjsně saudite. O wěcech tak temných a pochybných každému mysliti a psáti wolno, se slušnau mjrnostj a bez wášnj, gakož to on učnil.—Co se gména Illyrowé dotyče, dalo by se o tom mnoho mluwiti, než nenj k tomu čas. Ono gest gistě, gakožto genericum, pro wšecky gižnj slowany peypřiměřeněgšj, budiž domácj nebo cizj. Gižnj Slowané ge zdědili, gakož sewernj swé «Rusi», a dnešnj Gallowé swé Franci (od Němcůw!). Bylť čas, a nenj to dáwno, že i řečtj Srbowé ge sobě rádi přikládali, a gjm se honošeli. Čas wše měnj! Proto nenj potřeby, aby Srbowé swé specialnj gméno zawrhli a zanedbali. Každé má swau zwláštnj cenu. Snášeliwost gest Slowanům neypotřebněgšj, a té nemagj naskrze.[1])

---

[1]) *Людевитъ Гай* (1809—1872) одинъ изъ передовыхъ дѣятелей хорватскаго возрожденія. Съ наибольшей полнотой рассматривается его литературная и политическая дѣятельность въ сочиненіи П. А. Кулаковскаго „Иллиризмъ“, Варшава, 1894г. Что касается имени „Иллиры“ для всѣхъ южныхъ Славянъ, то послѣдствія ясно показали, что искусственныя имена, какъ бы ни поддерживали ихъ тѣ или другія литературныя теченія, не могутъ вытѣснить именъ народныхъ, каковы „Сербъ“ и „Хорватъ“; двойственность именъ въ данномъ случаѣ менѣе вредитъ сознанію народнаго единства, нежели раздвоеніе культурное (православіе, католицизмъ).

Mů̊g synowec dne 18 odgel a okolo 28 — 30 Máge přigde do Pesti. Nepjši tedy nic o našich wěcech: on Wám wšecky wyprawj. Litugi, že Wám «Slaw. Drew. sw. III» poslati nemohu, an to giž pozdě gest, a gá djlem na to gsem zapomněl, djlem i o Wašem zdržowánj w Pešti pochybowal.

Nowých zpráw ani od západu [1]), ani od seweru nemám.

Přigde li gaké psanj, pošlu Wam to do Pešti. Dobře se megte! Wáš uprjmný prjtel P. J. Šafarjk.

14.

W Praze 20 Řjgna 1839 n. s.

Milý Přiteli!

Chtěge žádosti Waši dosti učiniti, pjši Wám do Pešti, aby Wás tam mé psanj zastihlo. Bůh wj, kdy Wám budu psáti moci, a kam? Wčera wěcer gsem dostal Waše psanj s 70 zl. stř. Při prwnj přjležitosti odewzdám to Kronb. (dnes ge neděle), a dluh bude do čista zaplacen. Auroků̊w a náhrady nebude tušjm potřebj.

Schwalugi Waše předsewzetj, že se do gižnjch Slowan obracjte. Pobuďte w Srbsku, w Záhřebu, pak z Dubrownjka nebo z Terstu blizká cesta do Řjma. Wybereteli se do Řjma, oznamte mi to časně, abych Wám psáti a Wás o přepis Legendy o Cyrill. a Meth. we Watik. bibl. požádati mohl.

W literatuře našj nemáme prachnic nowého. Palacký teď w Drażďanech, w Lipsku atd. Pracuge w bibl. a archiwech. Jungmann gest Rectorem uniwersity, toho roku si wystawěl nowý dů̊m. W 2 oddčl. Slownjka pracuge geho bratr Antonjn [2]) ale nebude to brzo hotowo. Čelakow. sedj při etymol. Slownjku, než bude hotow, ugde půlžiwota. Gsau to práce obrowské, téměř nadlidské. Zatjm «Ohlas pjsnj českých» [3]) od něho w tisku. Staněk tiskne anatomii [4]). Presl a Ammerl.[5]) chystagj množstwj děl do tisku. Mělká belletristika a žurna-

---

[1]) Т.-е. отъ М. П. Погодина, бывшаго въ это время въ Парижѣ.

[2]) А. Юнгманнъ (1775—1854), сперва учитель математики, позднѣе медикъ, писатель преимущ. по спеціальности.

[3]) Вышелъ одновременно съ Růže stolistá въ 1840 г.

[4]) См. письмо 1-е; у него совѣтывался о своей болѣзни Б.

[5]) *Пресль* Я. С. (1791—1849) извѣстный профес. естественныхъ наукъ въ у-ѣ въ Прагѣ, ему обязана чешская лит-а многими сочиненіями по прикладнымъ наукамъ; его помощникомъ и ассистентомъ былъ Аммерлингъ (Фридр.), плодовитый писатель по естеств. наукамъ.

lismus požjrá naši literaturu, gako celoewropegskau. Maciej: [1]) byl w Karlowarech. Wydal «Pamiętniki slow.» 2 dily [2]) Ethnogr. Mappa u Merklasa w robotě: dwě tabule zkazil, byla špatná med' Pražská! Ted' začal třetj, gest z Drážd'an. Na samé tabule wydal gsem giž asi 50 zl. stř. Za dwě nebo tři leta bude snad s ethnogr. mappau hotow. Gá sedjm co den při historické mappě, asi třetina hotowa. Gest to práce nesmjrná, než daufám, že bude užitečná, snad aspoň našim budaucjm potomkům, nebot' naše pokolenj zdá se že hellenismus, mělkost, fantastičnost a bezkritičnost, slowem neohut' k realnosti a prawdě, a libowánj si w blyskotkách a mamu, giž k zachutnánj důkladných wědomostj wjce nepřipustj.—Tyto nowůstky liter. pjši gen Wám, a nechci abyste ge té potwoře, žurnalismu k sežranj předložil.

Z Moskwy, přigdeli co, pošlu, kam nařjdjte. Pozdrawenj přátelům! Cestugte št'astně a zdráw! Toho přege Wáš upř. přjt. P. J. Šafařjk.

15.

W Praze 29 Ledna 1840 now. sl.

Přemilý Přjteli! S dopisowánjm se nám gaksi stegně wedlo: oba gsme byli na omylu a daremně se očekáwánjm trampotili. Gá čekal každého dne psanj od Wás a Wy ode mne! Že gsem gá hned z počátku nepsal, byli pauze nahodilé přjčiny: potom gsem pochybowal, zdaliž gste skutečně w Srbsku, čili snad dle swého zwyku opět plán swůg někde na cestě změnil. Djka Bohu, že gste št'astně cestowal a že wšecko dobře se wede! Z ohledu na mé dalšj mlčenj neděleyte si žádných starostj.

Teprwé o wašich wěcech. Psanj Waše se změnkau (penězmi) gsem poslal do Moskwy a recepisse u mne ležj, gakož i recepisse od Kronbergera o wyplacenj knih. Z Moskwy pro Wás nic nepřišlo. Pogodin mi po swém nawrácenj psal gen gednau a to na krátce. Od té doby žádných zpráw gsem nedostal. Přišlé z Pařjže psanj posjlam Wám zde. Knihy Waše gak z. . . . [3]) lenu tak z Pešti poslané, přišly wšeckny, a u mne gsau složeny.

Rád gsem z listu Wašeho wyrozuměl, že Waše cesta do Srbska a Sremska w literárnjm ohledu nebyla prázdna: že gste mnoho sta-

[1]) В. А. Мацѣевскій родился въ 1792 г.

[2]) T.-e. Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Slowjan Спб. (1839).

[3]) Вырвано печатью.

rých srbských rukopisůw a prwotiskůw w rukau měl, prohljžel a popsal. Z wydánj Sbornika listin Srbských [1]) se těšim: mému wydánj, ač přigdeli toto někdy we skutek, to nic nebude na ugmu a škodu. Gá chci wydati něco docela giného, nežli pauhé listiny [2]). Dobře tedy učinili, že co sebrali, wydali. Ostatně celá historie toho sebránj mně giž dokonále známa.

U nás wyšlo několiko dobrých knih, gež po swém k nám nawrácenj sám uwidjte, pročež o nich nepjši. Čelakowský wydal: Ohlas pjsnj českých, a nynj wydáwá Růži stolistau [3]). Započat od mladšjch našich spisowatelůw dobrý spis pokračugjcj: Wlastimil, gehož 2-hy sw. se tiskne.—Hanka wydal zpráwu o Remešském ewangelium [4]), giž u Gaje naleznete. Uwidjte, že cyrillská polowice psaná rukau sw. Prokopa, genž kwětl w Čechách od 1010 do 1053, w ktorémz zemřel, a že onen Weliký Kritikus we Wjdni [5]) a geho wěrný učenjk Sergej Strojew trefili prstem do ..... [6]).

Ethnografická mappa 2 polowice hotowa: ted' se ryge pjsmo. Gá pomalu skládám historickau, a pracugi w rozličných giných předmětech.—Sněmy a Ewangel. půgdau brzo do tisku, nákladem učené společnosti. Radilbych Wám (abys)te, pobyw w Záhřebu, obrátil se přez Si .... (kdež D-r Petranović) [7]) do Dubrownika (kdež-Gagić) [8]) a

---

[1]) Разумѣется первое собраніе сербскихъ грамотъ, которымъ позднѣе воспользовался Миклошичъ въ Monumenta Serbica, составленное трудами Павла Карано Твртковића и вышедшее въ Бѣлградѣ въ 1840 г.

[2]) Имѣются въ виду Památky jihoslov. pisemnictví (Praha).

[3]) См. предъидущ. письмо.

[4]) Osudové rukopisa emmauzského (Сазавоэмаузской рукописи) — перепечатаны съ русскимъ переводомъ въ изданіи (Ганки) Реймсскаго ев. (Прага 1846).

[5]) Копитаръ.

[6]) Точки въ подлин. Копитаръ, а за нимъ его „ученикъ" С.- Строевъ, относили кирилловскую часть къ XIV в., противъ чего энергично возражаетъ Ш. и въ письмѣ къ Погодину (II, 258). По мнѣнію А. И. Соболевскаго кирилловская часть этого евангелія есть памятникъ рус. письменности XI—XII в.; значитъ въ опредѣленіи времени Шафарикъ былъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Копитаръ.

[7]) Феодоръ (Божидаръ) Петрановичъ (1809—1874 гг.) — основатель и первый редакторъ „Далматинскаго Магазина" (1836—1840), самъ писатель повѣстей и историческихъ очерковъ, игралъ видную роль въ исторіи западныхъ Далматинскихъ Сербовъ. См. о немъ въ книгѣ Кулаковскаго Иллиризмъ 043.

[8]) Іеремія Гагичъ, сербъ родомъ, былъ русскимъ консуломъ въ Дубров-

odtud do Černéhory. Píšte mi časně, kam psanj adressowati mám. W Černéhoře spište pro mne gména wšech wesnic, oč gsem giž Gagiće žádal, ale odpowědi nedostal. Zdegšj přátelé zdráwi a Wás pozdrawugi.

Mé srdečné pozdrawenj přjt. Gajowi a ostatnjm chrabrým Illyrům!

S Bohem! Wáš upř. přjtel P. J. Šafařjk. Rodina má djka Bohu zdráwa.

16.

W Praze 11 Máge 1840.

Milý Přjteli! Překwapen gsem nemálo, wěda Wás, dle Wašeho psánj od 27 Apr., opět we Freiwaldawě. Přegi srdečně, abyste brzo dokonále ozdrawěl: i nepochybugi, že Wám ty wody ted' opět prospégj, an Wám w loni tak znamenitě pomohly. Potahmo na Waše psanj oznamugi Wám, že knihy z Nowého Sadu giž dáwno přišly, a ony ze Záhřebu giž z Wjdně sem na cestě gsau.

Z ohledu těch mincj to bude wěc těžká. Morawie tu u žadného z mých známých nenj, ani w Bibliothekách, pokudž gsem wyrozuměl. Bude potřebno obrátiti se do Brna, kdež časopis ten wychodj. Pan Hanka swou sbjrku mincj prodal p. Pogodinowi: než budeme s njm mluwiti, zdaliž by pro Wás něco sebrati nemohl. On gest zde gediný, genž se tjm zanašj: mně, gak wjte, to pole docela cizj a neznámé.

Liternjch zpráw od Pogodina na ten čas málo mám: že se w literatuře pracuge, a množstwj spisůw pořád wydáwá, to sobě mysliti můžete. Archeogr. Kommissj tiskne nynj Letopisy.

U nás též leccos se znowa hýba: Čelakowský wydal: Růži stolistau — básně, genž se welmi ljbj. Matice chce wydáwati Bibl. starých českých spisůw: nynj půgde Wšehrd o Práwjch k tisku.

Palacký bude wydáwati Archiw český [1]), t. listiny a psanj z XIV a XV stol. Ode mne a Palackého nynj se tiskne 8 mý arch spisu: Die ältesten Denkm. der böhm. Sprache (Sněmy, Ewang., Leitmeritzer Urkunde, Glossen der Mat. Verb.). Wšeho bude asi 25 archůw w 4° [2]). Giné mnohé spisy se chystagj.

никѣ. Этотъ постъ имѣлъ въ то время особое значеніе, потому что Дубровницкій консулъ велъ сношенія съ Черногоріей.

[1]) Первая книжка вышла въ томъ же 1846 г.; до 1849 г. вышло еще 3 книги; затѣмъ только въ 1861 г. вышелъ 5-й томъ.

[2]) Палацкій издавалъ ихъ вмѣстѣ съ Ш.; книга вышла въ 1840 (Prag.).

P. Sreznewsky welmi pilně pracuge w gazyku a lit. české. Ont' giž mluwj česky. Preis nepřigel, ani žádný giný.

Odpusťte, že tak na krátce pjši. Budaucně obšjrněgi.

Žádage Wám dokonalého wyléčeni a posilněnj gsem Wáš upř. přjt. P. J. Šafařjk.

17.

W Praze 13 Čerwna 1840.

Milý Přjteli! Že na poslednj Waše psanj něco pozděgi odpowjdám, nenj tak weliká wina, gako že nedostatečně. Chtěl gsem Wám žádaný katalog polských knih poslati, než nemohl gsem ho nalez-nauti. Při Kozáckých Powěstech nenj: a Wernihora, ten nynj s ginými Wašimi knihami wložen do bedna, na kterémž bedně několiko beden ležj, wše to w mé špižjrně. Rozkládánj a přehledáwánj těch knih by mnoho i práce i času stalo: k čemuž teď přistúpiti nemohu. Ani bedno ze Záhřebu gsem neotewřel: než w těchto dnech přigde sem p. Gaj, pročež od něho se dowjm, zdali žádané knihy pro Wás kaupil. Morawia ge časopis německý a němčinau naplněný: nenj tedy diwu, že naši Čechowé zde o něm nic newědj [1]). Ostatně gá gsem mluwil gen o swých známých: nebo o giných sauditi nemohu. Z ohledu mincj bude potřebno s p. Hankau gednati: Což pak, kdyby p. Pogodin swau od Hanky kaupenau bohatau sbjrku hraběti Str. [2]) prodal? Pište Pogod. o tom.—Sreznewsky odgel do Wjdně atd. Prejs w Berljně gest.

Tiskneme 18—tý arch Starých česk. památek (wšeho bude 30 archůw), a nynj i Časopis na péči a práci mám.

---

[1]) Б. интересовался этимъ журналомъ потому, что „г. Бочекъ, учитель Брнской гимназіи, въ 1838. г. описалъ въ дневникѣ *Моравія* № 84" древнѣйшую славянскую монету, о которой идетъ рѣчь далѣе, см. Письма I, 130, ср. тамъ же стр. 111—112.

[2]) Гр. С. Г. Строгановъ, собиравшій монеты. Порученіе собирать для него монеты было имъ дано и Б—ому. Дѣло идетъ объ упомянутой въ предъид. примѣч. древнѣйшей монетѣ съ славянской надписью. У Ганки былъ экземпляръ, найденный около Литомышля и носившій имя Ростислава, князя Великоморавскаго (818—846). Оцѣнка этой монеты съ точки зрѣнія ея значенія для исторіи слав. алфавита приведена Б. въ письмѣ къ Погодину отъ 24 апр. 1841 г. изъ Фрейвальдаи (письмо I, 129—133), откуда выдержки напечатаны въ „Москвитянинѣ" 1841, № 8, стр. 485. Ср. „Письма" II, 300.

Domácj položenj neweselé: tchyně nemocná a Panj moge nenj zdráwa. Gak se Wám wede?

Dobře se měgte! Wáš upř. př. Šafařjk.

Ethnogr. mappa se ryge pilně. Gá sestawugi historickau. Wygde nowé wydánj čili sbjrka Gungm. spisůw.

18.

W Praze 2 Aug. 1840.

Milý Přjteli!

Poslednj, obšjrné psanj Waše četl gsem s potěšenjm, než odpowěd' na ně odložiti gsem musel, neywjc pro smrt mé tchyně. kteraž dne 7 Julia po dlauhé nemoci w Pánu zesnula. Wygma tento zármutek, wšickni na ten čas zdráwi gsme.

Z ohledu mince poručil gsem wěc p. Hankowi, aby s Neupergem gednal. Než půgde to těžko, nebo Neuperg sám sběračem gest— a tedy od wlka těžko beránka kaupiti. Ostatně gá o minci té sauditi nemohu, negsa numismatikem a nemoha se nynj do toho studium zabrati: že napis ten ze slow. gazyka wykládati se dá, rád připauštjm.

Naše Denkm. d. Böhm. Sprache giž wyšly—než mámli Wám ex. po pošt. wozu poslati, čili snad gen zde mezi Waše knihy položiti, geště w pochybnosti wězjm. Zde se tiskne Wšehrd o star. práwjch českých [1]). Též Jungm. spisy (sebrané, drobné i wětšj) brzo k tisku půgdau.

Z Moskwy nowých zpráw nemám. Michal Petrowič dostal synáčka—Petra. Šewyrew tady přes Prahu cestowal do Moskwy. Sreznewsky ted' we Slezku a Lužici. Preis geště nebyl zde, nepohybně w Berlině se zdržuge.

Cestopis Dan. Schlattera, poněwadž gsem geg dle Wašj zpráwy důležitým býti seznal, opatřil gsem giž pro sebe u zdegšjho knihkupce. Merklas na ethnogr. mappě pořád piplá, a Bůh sám wj, kdy to bude hotowo.—Gá w hist. mappě s chutj pokračugi.

Žádostiw gsem zwěděti, gak s Wašjm zdrawjm stogj, a gaké gsau Waše plány strany dalšjho cestowánj?

---

[1]) Полное заглавіе: Knihy devatery o práwiech, a súdiech i o dskach země České; это сочиненіе Викторина Корнелія ze Všehrd (род. 1460) издано трудами В. Ганки въ 1841. (1-й т. Staročeské bibliotéky).

Odpustite, že tak málo pjši: než na ten cas gižto ginak býti nemohlo. Mcgte se dobře!

Wáš upř. přjtel P. J. Šafařjk.

19.

W Praze 28 Pros. 1840 n. sl.

Milý Přiteli!

Srdečně litugi, že, gak z Wašeho psanjčka se dowjdám, geště tak dobrého a stálého zdrawj nepožjwáte, gakého bychom Wám my wšickni přátelé Waši z té duše dopřáli. Poněwadž, gak pjšete, lékař ugištuge, že brzo lépe bude, dlužno gemu dowěrowati a nadjti se dokonalého polepšenj.

Michal Petrowič mi psal posléze 28 Sept. n. sl. Byl zdráw, a hotowil s Šewyrowym wydáwánj nowého Časopisu «Moskwič», a Nowin «Kremlewskij Časowoj» s rokem 1841 [1]). Nediwte se tedy, že nepjše, nebot' gistě mnoho práce má. Za odměnu Demidowskau, kterau dostal za Nestora [2]) 5000 r., kaupil množstwj cyrillsk. Rukopisůw, mezi nimiž bulh. Psalter. interpretatum z XI stol. [3]), letopisy etc. etc.—W Rusku weliká činnost w literatuře panuge, a množstwj knih se wydáwá.

U nás wygde Wšehrd (giž poslednj archy se tisknau) okolo Nowého Roku. Gungm. Drobné Spisy gdau práwě k tisku [4]).

Sreznewsky i Preis geště gsau zde. Mé wěci gdau gak obyčegne: k tisku nemám nic hotowo, ale chystám gedno i druhé.

Merklas slibuge s mappau we Febr. 1842 hotow býti.

Dobře se měgte, a můžeteli, pište mi brzo Wáš upř. přjt. P. J. Šafařjk.

---

[1]) Ср. письма II, 277. Съ этого года началъ выходить „Москвитянинъ„. „Москвичъ“—газета, издававшаяся П. Андреевымъ въ Москвѣ въ 1868 г. У Н. Барсукова (Жизнь и Труды М. П. Погодина)—объ этихъ изданіяхъ не упомянуто.

[2]) Т. е. „Несторъ, историко-критич. разсужденія о началѣ русскихъ лѣтописей“ (въ 1839 г.); эта премія, дѣйствительно, пошла значительной частью своей на покупку рукописей. См. „Біогр. Слов. професс. М. У.“ II, 262; Письма I, 112.

[3]) Извѣстная Погодинская Псалтирь, см. Archiv für slav. Phil. B. XIV, s.

[4]) Sebrané spisy—Юнгмана изданы Чешской Матицей въ 1842 г.

20.

W. Praze 25 Unora 1841.

Milý Přiteli! Na poslednj Waše, mně giž 19 Ledna doručené psanj gsem bohužel asi posawad odpowěděti nemohl. Z počátku gsem čekal na wygiti Wšehrda[1]), potom mně zastihly rozličné milé i nemilé práce a péče, tak že sem ducha popadnauti nemohl. Nynj Wám gen tolik oznamugi, že zegtra nebo pozegtřj posjlám baljk s knihami pro Wás. Naleznete w něm i otewřené psanj odpowěd' na Waše.

Prosjm Wás, pište mi hned bez odkladu, gak dlauho we Freiwaldawě zůstati mjnjte? Záležj mi na tom mnoho. Chci Wám psáti o důležitých, mne se týkagjcjch wěcech, k nimž dnes nestačjm, a asi do 1-ho Března stačiti nebudu.

Gednu minci Mojmjra či Rostislawa p. Hanka giž má. Prawil sem mu, aby gi pro hrab. Stroganowa odložil.[2])

Sreznewský we Wjdni. Preis 1 Března pogede do Wjdně Potom oba do Dalmat, Bosny, Srbska, Bulhar atd. Hodnj, dobřj, učenj to muži.

Pište mi hned odpowěd', a gak ge s Wašim zdrawjm?

Wáš uprjmný přjtel P. J. Šafařjk.

21.

W Praze 25 Března 1841 n. sl.

Milý Přjteli!

Z přiloženého psanj widjte, že Wám p. Hanka drahocenný penjz morawský, od Rostislawa, gakž se on domýšlj, pro hrab. Stroganowa za 15 zl. stř. postupuge[3]) Penjze račte gemu samému poslati, načež on Wám tu minci po pošt. wozu zašle: gá zagisté daleko od něho bydljm, a někdy celý měsjc s njm se nescházjm. On pak má posluhugjcjho u Museum pro poštu.

Z nowin giž wjte, že w Berljně a Wratislawi slowanské professury zřjzeny. Gá gsem byl pozwán do Berljna, než poděkowal gsem se gim z toho, a zůstal zde. Z počátku gsem byl na rozpacjch. A to gest to, co gsem w poslednjm psanj myslel.—Ted' ge to, co se mne

---

[1]) См. выше письмо 18-е.

[2]) См. выше письмо 17-е.

[3]) Подтверждается письмомъ Б—аго къ Погодину см. I, 153.

dotýče, rozhodnuto. — Kdo powolán bude, gá newjm. Čas nám to ukáže.

Posjlám Wám Wšehrda.

Roepell[1]) ge priwatdocent na univ. Halské, Němec, umégjcj (trochu, či dobře newjm) polsky. Pałacký geho osobně nezná.

Z Moskwy od Pogodina gá giž půlleta žádného psanj nemám! Psal gsem mu toho roku dwakrát, w Lednu a Březnu. Prosjm Wás pište mu co negdřjwe několik slow, a upomeňte ho na mé psanj, gemu r. 1839 do Bilska (Bielitz) poslané, a na geho swatý slib, mně r. 1840 dne 17/2, Máge učiněný.—Týká se ta wěc zasjlánj peněz. Sapienti pauca.[2])—Učiňte to co negdřj(we a)[3]) opatrně. Nowého u nás w literatuře málo.

Gungmann. drobné spisy geště newyšly.

Mé zdráwj welmi nestálé. A doma, zwlášte u ženy, to gest hůri.

K tomu ke wšemu mi tohoto léta (w Červenci) nastáwá ztěhowánj do giného bytu, což mi welmi nemilé gest, gežto bych zrowna w létě pohodlně pracowati chtěl.[4])

Bůh Wám dey zdrawj! Wáš upř. přjtel P. J. Šafařjk.

22.

W Praze 19 Zařj 1841 n. s.

Milý Přjteli! Tohoto léta z ohledu zdrawj ani gá šťástny negsem. Giž na druhý měsjc sužuge mne bolenj očj, chronický katarh. Tať ge přjčina, že i dřjwe tak málo gsem Wám psal, i teď to gen na krátce odbyti musjm. Léčjm se wšemožně i daufám, že to naposledy předce lépe bude.

Wám snad giž p. Hanka psal, že Geho c. Kr. Milost naš Cjsar ráčil mne gmenowati nadpočetnjm kustosem zdegšj kr. biblioteky s 800 zl. stř. platu. Gak to s censurau bude, geště newjm: gá žádal o oswobozenj. Poněwadž starý kustos geště úřaduge, gá málo práce mjti budu - posud gsem nic nezačal w bibl. pro oči. Daufám, že

---

[1]) Этотъ Репель, одновременно съ Ш. получилъ приглашеніе на каѳедру слав. нар. въ Бреславль; онъ приглашеніе принялъ (Годъ въ чужихъ краяхъ, I, 83).

[2]) Мѣсто почти цѣликомъ приведено у Бодянскаго въ письмахъ къ Погодину; см. Письма I, 126 и 129.

[3]) Заклеено въ корешкѣ переплета.

[4]) И это мѣсто о состояніи Ш. и его семьи приведено тамъ же I, 129.

4

i potom w literatuře pracowati nepřestanu: gen kdyby to se zdrawjm lépe bylo. O tom promluwjme, až do Prahy přigdete. Gá Wám wždy chtěl psáti, obšjrně o té wěci, než nemohl pro oči.

Curator okruhu Odesského Kniažewič a s njm společně geho přjtel Nadeždin byli zde. Sreznewsky a Preis ted' w Záhřebu, na zpátečnj cestě z Černéhory.

Pogodin psal 13 Aug. (Srpna) n. s. On ted' cestuge po sewernjm Rusku. Pozdrawuge Wás. Psáti Wám, prý proto nechce, poněwadž wšecka geho psanj na poště se tratj. W Moskwě Wás prý tužebně očekáwagi, i on Wás prosj, abyste pospjchal nawrátiti se a zaugjti stolici učitelskau.

Mám li Wám s koncem tohoto měsjce poslati Časop. a Archiv sw. 5 do Freiwaldawy? Gak dlauho tam zůstanete? Gak Waše zdrawj?

Dobře se měgte! Wáš upř. př. Šafařjk.

23.

W Praze 11 Ledna 1842.

Milý Přjteli! Poslednj Waše psanj 3 Pros. (20 List.) řádně dostal gsem, než čekage na Časopis, se zásilkau až posud gsem poodložil. Tu Wám posjlám:

1. Časopis sw. 4 (giž dřjwe zaplacený).
2. Palacký Gesch. II, 2. 1 zl. 30 kr. stř.
3. České pjsně 40 kr.

Přikládám tu přepis dwau pjsniček maloruských, abyste to pro mne pooprawil a přepsal latinskými literami, zwláště z ohledu i a y, též ł a l. Pošlete mi Wáš přepis ordinárnj čili listownj poštau.

Prwnj mám z Haliče. Při wariantách druhé pjsně měgte pozor negen na wyslowenj maloruské, ale i na metrum a werš. Pro metrum a werš někdy gsau w pisněch archaismy.

Chci mjti česky psaný wzor oprawdowého národnjho wyslowenj maloruského.

Sreznewský we Wjdni. Preis w Srbsku.

Waši zdegšj přátelé zdráwi.

Illyrůw musjme nechat', až se wystřjzwj. Kdoby wšem hlawy naprawowal. Gest giných důležitěgšjch pracj.

Dnes wjc psáti nestačjm. Wáš upř. př. Š.

Z Moskwy ode třj měsjcůw ani slowjčka!

24.

W Praze 15 Února 1842.

Milý Přjteli! Welice gsem byl potěšen Wašjm posledňjm psanjm, zwláště wida, že giž tak daleko zdráw gste, že gste i do Wratislawi cestowati mohl. Pomáheg Bůh i dále! I pomůžet', nebo dobry gest Pán a dobrým rád pomáha!

Djka za přepis pjsnj. Waše připomenutj ge sprawedliwé. Mateli wydánj Maloros. Pěsnj. Mosk. 1827. 16°, přepište mi asi dwe pěkné pjsničky, na ten spůsob, gako ony karpatoruské. Dlauhých nemohu potřebowati.

Snažjm se s Wámi, co gste psal o naměřenj našeho Purkyně. Gest to nepraktické, i bogjm se, aby Dubrowski[1]) toho pozdě nepykal.—Ostatně pro wěc samu netřeba se ničeho báti. Gest to stéblo slámy do Dunage hozené, aby ho zastawilo!! Gen toho při tom litowati, že maudré hlawy na takowé scestnosti přiházegj, gěštoby měly něco lepšjho dělati.

Že Erben Kollára necituge, nemysljm, žeby naschwál se dálo. Nemat' on bezpochyby Kollárowy sbjrky, proto že ge chudáš a kniha drahá. Učinilli zaumyslně, nechwalno. Kazilá strannost, nesprawedliwost hnusna. Na aucty poslaných peněz dostanete asi za týden něco českých knih. Musegnjk 1842. I. wyšel; čekám gen na spis hraběte Thuna o lit. české[2]). Mámt' i giné wěci pro Wás. Dostanete to welmi brzo: snad pošlu giž okolo 20 t. měs.

Wáš upř. přjt. Šafařjk.

Ty pjsně malorus. přepsané mi pošlete až potom pozděgj, když dostanete baljk—budau tam giné otázky.

25.

Milý Přjteli! Zdet' Wám některé literárnj nowosti! Na Časop. gsem pro Wás předplatil ročnjk 1842. Hraběte Thuna spis 48 kr. Der (?) Slawismus[3]) 45 kr. stř. To gen pro statu notitiae. Hinrich's Verg. gratis: gá dostal od rozličných knihkupcůw tři.

---

[1]) *П. Дубровскій* (род. 1813) польско-русскій писатель въ 1842—43 г. былъ редакторомъ „Денницы", позднѣе (съ 1845 г.) цензоромъ польскихъ книгъ въ Петербургѣ.

[2]) Вѣроятно идетъ рѣчь о брошюрѣ *I. M. Thun'a*, изданной въ Лейпцигѣ: Der Slavismus im Böhmen. Графъ Тунъ (1799—1868) былъ покровителемъ и президентомъ Чешскаго музея.

[3]) См. выше. Странно, что въ Slovn. nauč. (IX, 425) годъ выхода—1845.

Brzo wjce. S Bohem! Wáš upř. př. Šafařjk. Dne 21 Února 1842. now. sl.

Slawismus, ač máteli giž pro sebe giný, mohlby gste snad něgak do Moskwy poslati?

26.

W Praze 1842 Března 4.

Milý Přjteli! Oznamugi Wám na krátce, že ethnografická mappa hotowa, ale knjžka k nj patřjcj geště w censuře—gak náhle rukopis dostaneme, začneme tisknauti, a budeme mjti ke Swátkům Swatodušnjm nowý koláč. Bude toho asi 12 archůw. Dnes Wás prosjm, pošlete mi co neydřjw přepis gedné z neypěknégšjch maloruských pjsnj ze sbjrky Maksimowiče: Ukrainsk. narod. pésni 1834. 8°, třebas delšj, gen latinsko-česky ortografowanau, gakž mi ondy halicko-ruské přepsal gste. Potom, oznamte mi, která gména z těchto — spisowatelůw to maloruských — gsau oprawdowá, ktera wymyšlená (pseudonim): Hrebenko (psal Maloross prykazky 1834), Osnovjanenko (powěsti, svatanje atd.) Dovhonosenko (Cyhanjska Soloputnjana 1836) Topola (Čari 1837), Mogila (Dumki 1839), Halka (Sawwa Čalyj 1839) Mně gen to známo, že Mogila ge Ambrož Metlinský, I. Halka=Nik. Iw. Kostomarow: ale kdo gsau Hrebenko, Osnowjanenko, Dovhonosenko, Topola [1]? Neznáteli gich wšech, aspon mi wyznačte, které gméno za oprawdowé, které za ginotagitelné držjte.—Mezi nowěgšjmi básnjky maloruskými nacházjm gména: Lew Borowikowský, Athanas Špihocký, Ruslan Šaškewič [2]): snad

[1]) *Е. Гребенка* (1812—1848) авторъ „Малороссійскихъ приказокъ", перевода на малороссійскій „Полтавы" и цѣлаго ряда повѣстей. Сочиненія его изд. въ 1862 г. (Спб.). *Основьяненко* псевдонимъ *Квитки* (1778—1843); о немъ см. Петрова Н. П. Очерки исторіи украинской лит. XIX (Кіевъ 1884) стр, 87 и сл. *Довгоносенко*—современникъ Квитки (см. Петрова, ibid. p. 108). *К. Тополя*—кромѣ указаннаго писалъ—„Чуръ чепуха, или нѣсколько фактовъ изъ жизни украинскаго панства" (Казань 1844). См. Петрова id. p. 119—121. *А. Метлинскій* (псевдонимъ его *Могила*) (1814—1870), извѣстный и какъ собиратель пѣсенъ (народныя южно-русскія пѣсни Кіевъ 1854). См. Петрова id. p. 128 и сл. Ср. также—М. Макарова „Покажчикъ новоі украинськоі литератури" (Кіевъ 1883).

[2]) *Л. И. Боровиковскій*—началъ литературную дѣятельность въ 1829 г. (въ Вѣст. Евр.), извѣстны его Вирші и байки (1841), Байки и прибаутки (1852). См. Петрова о. с. p. 140—146. *Шашкевичъ Маркіанъ* — одинъ изъ издателей „Днѣстровой русалки" (перваго галицкаго этнограф. журнала—въ Бу-

některý z těchto pod oněmi Hrebenko atd. ukrytý? Potom gak gich uwodit'? Gá mysljm takto: neynowěgi psali malorusky: Mohyla (t. Metlinský), Halka (t. Kostomarow) atd.—Gá we swé knize položjm pauze gména: nic wjc o nich. Odpowědi do 19 Března čekati budu.

Bůh Wám dey zdrawj! Wáš upř. př. Šafařík.

27.

W Praze 27 Března 1842 n. s.

Milý Přjteli! Djka za poslané přepisy maloruských pjsnj! Gsau tak, gak gich práwě potřebugi. Gen na dwau mjstech mám pochybnosti. We werši: Ta spustymo sja na dno do morja, psal gste «spustymo» mjsto Wahilewičewa спустѣте. Dobřeli? Gako futurum? Nenjli to imperativ, a nemáli misto ѣ (ě) psati se i. Dále: Vojšov Ivasenko do svitłyci, u Wás slovo «Vojšov» omylně psáno «Vvjijšov». Gá položil «Vojšov» Dobřeli? Potom: pjšete wšudy: «myni, mysjačok». Analogie zdá se žádati: «misjačok», t. i mjsto ѣ. Či to snad wýmjnka? Prosjm, poučte mne.

Litugi, že gsem Wám přepis článkůw o maloruštině a běloruštině poslati nemohl. Ten den, co gsem Wáš list dostal, odewzdal gsem rukopis impressj. Přepisowačůw tu nenj při ruce. I sám gsem tuze zaneprázněn, tak že často ani lžjci poljwky pokogně snjti nestačjm. Pošlu Wám tedy korrekturu, a budu čekat s tiskem na ni. Práwě se to házj. Daufám, že hrubých omylůw tam nebude. Bral gsem to wšecko z Wašich zpráw a z národnych pjsnj. Buďte tedy bez péče.

O Rusjnech a Uhřjch w Čas. Mus. psal Hołowacky[1]). Než nechce býti znám—Srezn. we Slowácjch. Preis w Srbsku—Kolár dáwno doma w Pešti: We Wlaš. byl pro zdrawj.

днѣ въ 1837 г.); имя Руслана было имъ принято въ журналѣ, см. А. Н. Пыпинъ „Исторія русской этнографіи" III, 136. *А. Г. Шпигоцкій* — одинъ изъ сотрудниковъ М. А. Максимовича по изданію „Украинскихъ народныхъ пѣсенъ" (ч. I. М. 1834).

[1]) Я. Ѳ. Головацкій (1814—1888) въ 1833—9 гг. совершилъ рядъ путешествій по Галиціи и Венгріи (главн. обр. по восточной части), наблюдая нравы, собирая пѣсни; его записки по Чешски изданы съ его иниціалами (J. F. H.) въ Časop. 1841—42 г.: Cesta po halické a uherské Rusi, въ рус. и польск. перев.—въ „Денницѣ" 1842 г.

Fabricia a podobných bláznů musjme nechati. Pán Bůh gim pomoz k rozumu.

Lidská pomoc tu neplatj.

Přiložené tu welkoruské pjsně, prosjm, oprawte dle wyslowenj Moskewského, to gest conversačnj mluwy, mjsto bezpřjzwučného *o* položte *a*, a deyte pozor na ł a l. Pošlete mi to prosjm hned prwnj poštau, gakož i poučenj z ohledu hořegšjch otázek «spustymo», «vojšov» a «mysjačok». Se sázenjm a tiskem se welmi pospjchati bude, abych w létě byl swobodný. Korrekturu dostanete w několika dnech.[1]) Též Časopis, gehož se poslednj arch tiskne.

Bůh Wás opatrug! Wáš upř. př. Šafařjk.

28.

13 Dubna 1842 n. sl.

Milý Přjteli! Posjlám Wám korrecturu, gak wysázeno od sazeče, gen tu i tam gsem něco na kwap korrigowal: Český text skorrigugi sám: Wýpečugte, aby w malo—a běloruských slowjch omyly nezůstaly. Gsau to gen zlomky—systém sem nepatřj—než do grammatiky. Můg spis ge populárnj.

Pročež nepečugte o rozmnoženj a zdokonalenj, ale gen o odstraněnj omylůw w tom co podáno.

Knihy (Čas. a Čes. Besedy) Wám posjlám po pošt. woze.

Pogodin zdráw a přigede do Marianských láznj w Čerwnu.

Srezn. w Prešpurku. Preis w Srbsku. Milutinowič [2]) žige w Bělehradě srbském, má pensj.

U nás w Praze Welkorus Panow historik. S njm sem skorrigowal o Welkorusech. S Bohem.

W českém textu gména zeměpisná nepsána podlé zwláštnosti nářečj, než welkorusky, a zčeštěné.

29.

W Praze 30 Dubna 1842.

Milý Prjteli! Kronberger a Řiwnáč, sauhlasně s Wašj žádostj, ochotno přigme bedny s knihami přes Brno wyslané, a po Wašem

---

[1]) Малорусскія пѣсни, которыя Ш. посылалъ Б—ну для исправленія текста и правописанія, вошли въ приготовлявшееся имъ второе изданіе Národopis'а стр. 154—158 (1842 г.), гдѣ напечатаны: 2 пѣсни за подписью Б—го, одна изъ Вагилевича и одна изъ Голембовскаго.

[2]) Сима Милутиновић Сарајлија, извѣстный сербскій поэтъ (1791—1847).

přjchodu hotow wyprawiti wšecky Waše knihy skrze swého expeditora Pfeifera, kam poručjte.

Za korrektury děkugi: než přišla bohužel o několik hodin pozdě! K čertu s Wašimi Freiwald. poštami! Z Pařjže a Londýna gde čerstwěgi. Neyhrubšj omyly oprawil sem w presu: ostatek musj zůstati pro budaucnost. Zůstane mi to wždy wzácné a drahocenné. Ostatně Wy by tam byl méně nedostatkůw widěl, kdyby ste spisu mého byl neuważowal gako porownáwagjcj grammatiku a saustawnau historii literatury, čjmž on nenj a býti nemá. Můg spis gest pro ty, gjmž posud sotwy gméno Malorusůw známo, a pro ty to tam dost. Gména uwodjm těch, genž buď sami psali, buď aspoň wydali něco malorusky. Špyhocký psal mnoho drobných básnj, gež gsem u Srezn. widěl a Čelák. některé z nich pro Čas. mus. přeložil. Sreznewský mi též w rukopisu swé maloruské spjsky ukazowal, a mimo to pracuge w maloruské literatuře sbjránjm, přepisowánjm, wyswětlowánjm a wydáwánjm maloruských spisůw. Widěl gsem u něho zásobu pro maloruský sbornjk.—O Maksim. w Čas. mus. oprawjme budaucně: ostatně byť i chyba byla, nenj tam nic pro něho pohoršliwého. Zdaliž každý zloděg, kdo cizj wěci wydáwá? Chod. [1]) umřel, a z geho posůstalostj wydáwáti zásluha gest, Do Maksim. sbjrky se mohly přepisy z giných sbjrek dostati, o nichž znad sám newěděl, odkud gsau... [2])

30.

W Praze 9 Řjjna 1842 n. s.

Drahý Příteli! Poslední Waše a sice welmi obšírné psané z Waršawy pořádně jsem obdržel. Saudím podlé toho, že již doma, w zlaté a swaté wlasti jste, ano že jste již i trochu poodpočiuuli. Proto píši, ač na krátce, nechtě již děl odkládati.

Po Wašem odchodu, trápen jsa bolením oči, cestowal jsem po sewerních Čechách, pak jsem se léčil w Marianských Lázněch. Trochu jsem pookřál. Michal - Petrowič byl w mé nepřitomnosti w Praze, než potom jsme se sešli w Marianscských Lázněch a byli tu spolu asi přes dwa týdne spomínajíce Wás často. On odjel do Kodoně (Kopenhagu), a zpátky přes Frankfurt, Mnichow, Wídeň atd. Kde je teď, sám newím.

---

[1]) Ходаковскій; см. выше письмо.

[2]) Заклеено въ переплетъ.

Nawrátiw se, ponořiw jsem se w prácech až po uši—jenž již na mne čekali. Národopisu 2-he wydání ted' nedáwno wyšlo. Posílám pro Pogodina a Wás 50 exx. do Wídně: Michal Petrowič to wezmo (se) sebau Wíc neposílám, abych ho neobtčžowal. Než pošlu s Wašimi knihami, t. j. s těmi, co já a Riwnáč sbíráme pro Wás.

Wám nepochybně powědomo, že mi akademie ruská poslala minulého měsíce pomoc k tomuto wydání. Mappu historickau začneme rýti: prawě wčera jsem dostal překrásnau měděnau desku z Dražd'an za 25 zl. stř. Přičiníme se, aby to šlo čerstwěji.

Wás prosím, abyste, dostaw 2-hé wyd. mého Narodopisu [1], s překladem na rusko neodkládal, nýbrž s chutí se do práce dal. Některé maličké chyby w ruském oddílu můžete oprawiti mlčkem sám. Na 3-tí wyd. by dlauho bylo čekat', a knížka může i tak, jak jest, dobře poslaužiti. Pomněte, žet' jen po stupních k dokonál(osti) [2] se jde, a kdo hned wšeho dokonalé míti chce, stáwá se Fabius Cunctator (asi jako náš Kiréjewskí!) a nikdý ničeho nedowede.

Hřiwnáč Wám bedny s knihami zaslal, a nyní sbírá jiné pro Wás. Přiložím i já, co se zatím sejde. Než pište nám, kdy a jak se Wám to poslati má.

Pogodin přinesl sebau pro mne: Wostokowa Opis. Rukop. (ješte neauplný ex.), Skalkowského Istor. Nowoj seči, Soč Pososkowa a Gogolůw nowý spis. Jiného mi ani r. 1841, ani tohoto 1842 neposlal (wyjma několik swazků Moskwit. [3]), tak že z literatury ruské od r. 1840 — 1842 důležité spisy pro sebe nemám Naději se, že ste odewzdaný Wám zde rozpis mých Desíderatůw z ruské literatury neztratil. Mohu Wám poslati jiný, než později, ted' nestačím. Prosím Wás, sesbírejte přes zimu, kolik možno, a pošlete hned z jara s prwním parochodem na kupecký dům „Ernst Heinrich et Dietrich Cordes“ w Hamburgu. Nezapomeňte na Pawského Filolog nabljudenija nad sostawom Russkago jazyka. S. P. 1842, potom na Kowalewského Čtyry měsíce w Černéhoře. [4]) Nejwíc ale mi na srdci leží díla co loni a letos od archeografické kommissí wydané. Posawad jsem dostal z dobroty akademie, za presidenstwí neb. Šiškowa a sekretářstwí Jazykowa.

---

[1]) Вышло въ 1842. 8°; въ слѣдующемъ году вышелъ и переводъ этого изданія, сдѣланный О. М. Бодянскимъ (Славянское народописаніе—Москва 1843).

[2]) Поправка.

[3]) Москвитянина.

[4]) *Е. П. Ковалевскаго* „Четыре мѣсяца въ Черногоріи“ Спб. 1841. 8°, 151. Объ этой книжкѣ и картѣ, къ ней приложенной, далѣе рѣчь не разъ.

1) Akty sobrann. Archeograf. Expedic. 1836. 4°. 4 tomy i s registrem.

2) Akty juridičesk. 4°, díl bez registru. Pogodin mi prawil, že již wyšly:

1) Akty Istorič., 3 díly.

2) Akty Zagranič., 1 díl.

3) Lětopisy, 1 díl.

(Bez pochyby i Register k Akt. juridič).

Tedy 5 kwartantůw. Tyto nemám. Prosím, můžeteli, pište o to akademii [1]) t. j. samému pánu presidentu ministru, zdaliž by mi neráčila akademie to pokračowání poslati? Jestli ne, prosil bych Wás, abyste to pro mne kaupil. Pogodin prawí, že již o to dáwno psal. Ale já posud nic nedostal. Možné, že na to pozápomněli, aneb že nyní to tak nejde, jako za neb. Šiškowa a sekretářstwí Jazykowa [2]).—Widíte sám, že bez těch knih w 2-hém oddělení Starožitností pracowati nelze. Dělejte tedy co možné. Pogodina já w ničem neobwinuji: on má práce nad potřebu i silu. Wy ste mladší: ujměte se Wy teď wšech zásilek knih pro mne, a wšeho sbírání.

Sbírání knih pro r. 1843 si tak spořádejte, abyste mi dwakrát do roka balík přes Hamburk poslati mohl, t. z jara, jak se plawba otewře, a na podzim, dříwe než přestane.—Tak též učiníme zde pro Wás.

W literatuře naší od Wašeho odchodu ještě málo nowého. Nez chystá se leccos.

Přátelé Waši zde, jakož i moji domácí, zdráwi. Pozdrawují Wás wšickni.

Bůh Wás opatruj. Wás upř. př. Paw. Jos. Šafařík.

31.

14 Listop. 1842 n. s.

Přemilý Příteli! Pokládám za jisto, že Wy již dáwno w Moskwě a mé prwní psaní do Moskwy onehdy poslané dostal jsté, než že jste tuze zanesnáznen a proto nepíšete. Snad již psaní na cestě ke mně.

Ponewadž čas utíká, píši dnes opět, zwláště za příčinau knih

---

[1]) Ale swětle: aby neposílali to, co již mám.

[2]) *Д. И. Языковъ* (1773—1845) переводчикъ Шлецера, авторъ—Собранія путешествій къ татарамъ въ XIII—XV в. (1838) и др.

abyste jich přes zimu s Pogod. něco sebrati a hned z jara ke mne wyprawiti mohl. O tom hned wíc.

O naší literatuře české jen tolik, že se mnogo nowého a dobrého chystá. Tomkůw Dějepis Český již s koncem tohoto měsíce wyjde cele. Budete tehdy míti knihu ke čtení s Wašimi posluchači. Mého Národopisu poslal jsem po Pogodinowi 50 exx. Ješte 50 nebo i 100 pošlu po Kronbergerowi, chcete-li?

Prosím Wás, dejte se do překládáni Národopisu. Mappu dejte w Petrohradě rýti: u Merklasa to s ruským písmem dodře nepůjde. On sám málo pracuje, a schopných lidí nemá.[1])

Potřebujeteli matrice pro české písmo od Házůw?

Já s koncem tohoto roku odstupuji od redakcí Časopisu Musejnika a i jinak si polehčim, abych se cele 2-hému dílu Starož. a historii literatury oddati mohl. To již jisto.[2]).

Přátelé Waši zdější zdráwi, a často si Wás připomínají. Erben podal 2 díl Nár. písní do censury.

Kronberger nepochybně wí, jak Wám budaucně knihy posíláti má? Zbírám i já pro Wás.

O Pogod., že jsem s ním w Mar. Lázněch byl, a že okolo 1 List. z Wídně do Moskwy odjel, nepíši: nebot' on jistě dříw doma bude, než mé psaní u Wás.

Psal jsem Wám, že jsem l. 1841 a 1842 žádných knih z Ruska nedostal, wyjma co mi Pogod sám přinesl. Mám hrozně mnoho defektůw. Poznamenám wšecko na obratné straně. Čiňte, co možné: k nemožnostem nejste zawázán. Snad Sreznewsky též přispěje.

Bůh Wám dej zdrawí!

W. u. p. P. J. Š.

Zasílaní knih rozdělte na dwakrát: z jára w Máji, pošlete, co do toho času seberete: ostatek odložte na podzimek, do Září.

Neauplné knihy, u mne:

---

[1]) О томъ же еще подробнѣе въ слѣдующемъ письмѣ.

[2]) Первый вып. Часописа за 1843 г. подписанъ еще Шафарикомъ P. J. Šafařík odstupující redaktor, но съ увѣдомленіемъ о томъ, что редакція передается Яну Эразму Воцелю. Второй вып. уже подписанъ новымъ редакторомъ, который, выражая сожалѣніе, что Ш. оставляетъ редакцію, находитъ утѣшеніе лишь въ томъ, что большій досугъ дастъ ему возможность отдаться трудамъ, важнымъ для всего чешскаго народа. Сознавая, насколько журналъ обязанъ своей извѣстностью славнымъ именамъ Палацкаго и Шафарика, новый редакторъ признаетъ слабость своихъ силъ и надѣется на помощь сотрудниковъ.

1. Sacharowa. Pěsnj rusk. nar. S. P. 1838. 16°. Mám 1. 2. 4. 5.—chybí část' 3.

2. „ Skazan. rusk. nar. 1836. 8°. Mám 1. 2—chybí část' 3 a sleduj.

3. Passeka. Očerki Rossii M. 1840. Mám knihy 2 a 3,—chybí 1, 4 a sleduj.

4. Encyklop. Leksikon. Mám č. 1—14, chybí 15 a násled.

5. Tatiščewa Franc. ros. slowar' M. 1839. 4°. Mám tom I A—G.,—chybí tom II a sled.

6. Ustrjalowa Rusk. istor. Mám č. 1, 2, 3—chybí část' 4 a 5.

7. Sbornik kn. Obolensk., mám swazkůw deset,—chybí jedenáctý a sled.

8. Makarowa Rusk. predan., mám část' 1 a 2;—chybí 3 a sled.

9. Symfonia na knigu Psalmow. M. 1821. 4°—U mne neauplny ex.

10. Symf. na četyrenadesjat poslanija. M. 1821. 4°. též neauplný.

11. Tatiščewa Istor. mám 1, 2 a 3 díl—chibí 4 díl.

12. Rusk. Istor. Sbornik, od Mosk. společn., mám 1, 2 a 3 díl čili ročník; chybí ročník čili tom 4 a sled.

13. Wostokowa Opis. rukop. Rumjan. Mus. Mám archy 1—103, 105—106,—chybí archy 104. 107 atd., též titul a předmluwa.

Těchto knih žádostiw jsem:

1. Liturgiarion čili služebnik, pro Bibliothekaře kláštera Tepelského slibil Pogodin. To je dluh, prosím nezapomenauti.

2. Adres-Kalendar' ili obščij stat Ross. imp. na 1842 g. w 2 častjach.

3. Pawskij. Fil. nabljud. nad sost. rusk. jaz.

4. Ewers'. Gesch. d. Russen. Dorpat 1816. Band 1. (U nás nelze dostati!)

5. Daškowa. Opis. olonec. gub. SP. 1842.

6. Strojewa. Opis. staropeč. knig, dopoln. k opis. Tolst. i Carsk. Mosk. 1841 8°.

7. Oldecopa. Geogr. des russ. Reichs. 1841 čili 1842?

8. Kowalewskago. O Černogorii. S. P. 1841 (Prosím nezapomenauti, potřebuji mapku, co při tom).

9. Putešest. Was. Grig. Barskago. S. P. 1778. aneb 1793 4°. (jedno z těchto wyd. možnéli, nejstarší)!

10. Maloruské knihy od r. 1841 sled.

11. Maksimowič a Ščekatow. Geogr. slow. nowé wyd. (staré mám).

12. a) Plan stol. god. S. Pet.—Plan stol. gor. Moskwy.

13. Iwaškowský. Řecko-Ruský slowník. Nákladem Zosimy. 1838. 4°. 4 tomy.

14. Sočin. Lomonosowa.

15. Karamzina. Istor., nowe kompaktní wydáni.

16. Jewgenij. Istor. knjaž. Pskowsk. Kijew. 1831. 8°. 4 č.

17. Jewgenij. Letop. gor. Izborsk. S. Pet. 1825.

18. Tepljakow. Otčet o pamjat. w Bolgarii 1829. 8°.

19. Enegolm. Zapiski o gorodach Zabalkanskich 1830.

20. Zubowa. Kartina Kawkaskago kraja.

21. Legkobytowa. Opis kawkas. kraja.

22. Karta kawkazsk. kraja, izdan. Petrom Kolokolowym.

23. Bercha. Drewn. gosud. gramoty. S. P. 1821. 4°.

Nowých léta 1841 a 1842 wyšlých knih neznám: wyberte z těch sám, co pro mne důležitého. Z nowých knih poznamenáwám:

1) Národn. pésni Wolog. i Olonec. gub. sobr. Studitskym S. P. 1841.

2) Puškarewa. Opis. S. Pet. gub. S. P. 1842. (jestli je k něčemu)!

Ještě neauplné knihy u mne.

14. Sacharowa. Rusk. narodn. skazki 1841. 8°. Mám jen část' I.

15. Semenowa Bibl. inostrann. pisat. o Rossii S. P. 1836. Mám tom I.

16. Pogodina. Obrazcy slaw. rusk. drewlepisanja. Mám tetrad' 1, chybí 2.

Od archeogr. Kommissí wydané mám jen tyto:

1. Akty sobran. archeogr. expedic. 4 tomy s rejistrem.
2. Akty juridičeskija, 1 tom, bez rejistru.

Chybí mi tedy:

1. Registrum k aktům juridič.
2. Akty istoričes. 3 tomy (či již 4?)
3. Akty zagraničn. 1 tom.
4. Letopisy—1 nebo 2 tomy.

Též ten důležity, we Švedsku nalezený spis; to jest: Kosichina. O Rossii w carstwow. Aleks. Michajlowiča.

Prosím, ostřihejte toto poznamenání knih, abych to podruhé spisowati nemusel. Srownejte s tím, co sem Wám tu w Praze dal, ač máteli to, též co sem 1841 a 1842 od Pogodina požadowal atd. S Bohem!

Ještě jedno! Chodakowského. Geogr. slow. tom třetí, jenž u mne ne(byl) [1]).

32.

11 Prosince 1842 n. s.

M. P! S welikau radostí četl jsem Waše psaní ode dne 27 Října b. r., prwní to z Moskwy po Wašem šťastném do wlasti nawrácení zwlaště wida, že zdráw jste a že weci Waše dobře se wedau a napřed jdau. Abych Wám na wšecky články wzácného psaní Wašého ted' hned podrobně odpowěděl, toho ne očekáwejte, nebo mi na ten čas možné není. Přičiním se, abych aspoň důležitější předměty podotknul.

Dejž Bůh zniku a zdaru na učitelské stolici slowanské!

Potřeby jsau weliké, očekáwání weliké: nuže, přičiňte se, aby ste swé misto mužně wyplnil. Nerád z listu Wašeho wyrozumíwám, že již opět na cestowání myslite.

Tot' je časně. Dosti bude po peti nebo i desiti letech. Nyní jiných prací potřebí, jichž na cestách dělati nelze. Pomyslete, že knih pro slowanské professory není. Od koho jich práwem očekáwat, požadowat, jestli ne od Wás, Prejsa, Sreznewského, Čelakowského?

Z ohledu zemewidu opětuji danau radu. Wyznám se upřímně, že k Merklasowi důwěry nemám. Latinskym pismem od něho ničeho dočekati se nelze (zkušujeme to nyní při mapkách pro Sbor a Matici): co bude při ruském, jehož naskrze neumi, a teprwé učiti by se musel. Jaké to bude pismo! A kdy se té mapky dočekáte! Mnoho jestli za pět let, a může i za deset let. Okolo mé piplal 3½ léta.

Radím tedy, abyste nějakého prostředku w Moskwě nebo Petrohradě gledal wydati to bud' w medi bud' kamenopisem.—Nedáwno wyšlo polske přeložení mého Národopisu we Wratislawi u Schlattera od jakéhos Dahlmanna, bez mappy. Fabrikanstwí. Podobně to přeložil a wetkal jakýs Němec či Poloněmec (Iordan?) do swé knihy: Slawen, Germanen etc. w Lipsku. Fabrikantstwí a opět fabrikantstwí.

Pro historickau mappu ke Starožitnostem deska meděná ještě u mne leží. Newím, kam se s ní obratím. Tento měsíc jest tak mlhawo

[1]) Заклеено.

a temno, že w mappach nic pracowati nelze. — O wydání wetších mapp budeme pečowati budaucně. Dlužno míti strpění takowé wěci se tak nakwap sfúknauti nedaje. Dobrých, stálých, wytrwalých pracowníkůw wšudy málo. Jen po stupních jde se k dokonalosti.

Wydání Manassesowých letopisůw schwaluji. Wůbec—katalogůw staroslov. čili cyrill. knih máme již mnoho, a mezi těmi i dobré: textůw posud tištěno málo. Hlawní jest wytisknauti wěrně a správně. A to není maličkost!

Prosím o wěrný a správný přepis pochwaly Wladimiru welikomu. Kde jest original pergamenowý, o němž jsem mnoho slyšel? U Carského?

Wůbec wycwičte mezi swými posluchači dwa nebo tři písce pro přepisowání starých knih. Poprosím brzo Wás i Michala Petrowiče též o jiné přepisy. Bude toho ne málo: než kdo bude přepisowati?

Slowo cъребро jsem w rukopisech tak nečetl. Wede to k russkému wyslowení: *се*ребро a jest znamení wysokého stáří, než wěku pauze podlé toho určiti nelze.

W naší literature ted', jako jindy ne mnoho důležitého wycházi.

Tomkůw dějepis český hotow, i dostanete ho s jinými knihami. Hanka tiskne swůj něm. čes. slowník u Spurného. Stánkůw přírodopis též se tiskne.

Amerlink swé stawení dohotowil a tento týden již se pry mají začíti čtení, o čemž wšak pochybuji.—Čechowé mají ted' radost nad českým diwadlem, w domě Stögerowě. Býwá wždy plno.

Přátelé wšickni zdráwi; a pozdrawují Wás. Rowněž i moji.

O zasílání peněz za knihy tak tuze nepečujte a ne pospíchejte: wůbec čiňte to we srozumení s Michalem Petrowičem.

Já nejsem zdráw tak a docela, jak bych si přál. Tyto měsíce máme špatné počasi, nejhorší pro mne.

Zesnutí Passeka lituji srdečně! Ztráta to weliká.

Z ohledu těch prošených knih opětuji, což jsem již dříwe psal: do jara seberte, jen co nejdůležitějšího, a ostatek odložte k podzimku. Přičiňte se, abyste mi tu prwní zásilku již na začátku Máje do Petrohradu a dále wyprawiti mohl. Léta 1841 a 1842 jsem nic od Michala Petrowiče nedostal, wyjma to, co jsem Wám psal.

Mimo již poznaménané defekty mám ještě tyto neauplné:

Moskwitjanina r. 1841 sw. 1, 2, 3, 4, r. 1842 sw. 1, 2. 3, 4, 5, 6, tyto swazky mám: ostátních jsem nedostal.

Dále prosím o:

Кирилъ и Меѳодій. Пер. съ Нѣм. (Мих. Петр. Погод). Моск. 1825 4°. Pro mne: nebo já té knihy až posawad nemám.

W té zásilce z jara prosím, aby ne chyběly následující knihy:

1. Chodakowski Zemep. Slowáre díl 3-tí, později od Mich. Petrow. zakaupený.
2. Tepljakow Otčet o pam. w Bolg.
3. Enegolm zapiski o gorod. Zabalkansk.
4. Kowalewský Černogor.
5. Pawský Nabljud. nad rusk. jaz.
6. Drewn. gramoty, Bercha S. P. 1821.
   (NB. O «Akty» istor. a jiné psal jsem nedáwno akademii).
7. Iwaškowský· Řecko-ruský slowař. Wydán od Zosimy.
8. Symfonia—jakž jsem psal—jen 2 swazky: ostatní mám.
9. Pamjatn. knižka—též Adres-kalendar 1842.
10. Karamzina nowé kompaktní wydání.
11. Putešest. Barskago.
12. Košichin—o Rusku.
13. Strojew. Opis. star. knig. slaw. služašč dopoln. k opis. bibl. Tolstowa i Carsk. Mosk. 1841. (Jen tuto, ostatní mám).

Iestli mi snad později něco důležitého na mysl připadne z ohledu požadowaných knih, napíši o tom jindy.

W Illyrsku literatura zase nějak spí. Tam samé rozepře s mad'aromany. Kola wyšel prý 2 hý díl: ale jsem posawad newiděl. Prosím Wás, adresujte swé listy jen co nejjednodušeji na mne: dosti bude, mimo jméno, položiti jen «k. k. bibliotheks-Custos», nic wíce.

Ještě leccos na mysli se snuje—než přínucen jsem přetrhnauti a poslati tento list tak jak jest. Ostatek budaucně. Neweda, máteli již 2-hé wyd. Národopisu, posílám Přídawky a Oprawy.

Bůh Wás opatruj a dej Wám stálého zdrawí. W. u. p. P. J. Š.

Dokončeno a posláno 15 Pros. 1842 n. sl.

33.

26 Pros. 1842 n. s.

M. P.! Wy najednau dostáwáte ode mne wíce psaní, nežli snad očekáwáte, nechci říci, nežli Wám snad milo.—Já jsem se teď zabral a pohřížil do historické mappy, aby již jednau dokončena, rytci odewzdána a wydána býti mohla. Toče se po Srbsku a okolo Černéhory, znamenám, žeby wýsledky mé byly jistější, kdybych Kowalewského mappu w rukau měl [1]). Tam na Zetě, Morači, u Skadru,

[1]) См. выше письмо 30-е.

okolo hor Kuče a Komu, jadro staré historie srbské. Pročež Wás úsilně prosím, abyste hned jak toto psaní dostanete, mappu Kowalewského z knihy wystřihnul, bílé kraje dle potřeby ostřihal, a ji do listu zložil i pod obálkau jako obyčejný list po ordinární poště mi poslal. Wětší porto já rád zaplatím.

Potom mi knížku s knihami pošlete bez mappy.

W Sew. Pčele jsem četl, že Markewič wydal hist. Maloruska [2]). Má tam býti mnoho listin, písemností, důležitých dokumentůw. Snad se i něco pro Starožitnosti čerpati dá? Můj plán jest, dohotowiti a odewzdati rytci historickau mappu, pak se dáti do spisowání krátkého rysu hist. slow. literatury [3]) (k němuž již zásobu chystám, jsem w oddílu církewnoslowenském) a potom do 2-ho dílu Starožitností [4]).—Práce ta na několik let.—Co mimo to k tisku již téměř přichystané mám, dowíte se z přiloženého psaníčka Michalowi Petrowičowi [5]).

Prosím, starejte se s ním společne, aby ten Žaltář pro mne přepsán byl. Učiníte mi wěc welice milau. Známť obtížnosti pri tom, ale—labor omnia vincit.

Franta a Spurný tisknau něm-čes. Slowník, 1 sw. se do dotiskuje [6]): bude dosti dobrý a wyhowj welkému nedostatku. Erben a Pospišil tisknau 2 díl nár. písní. Tomkowa Hist. česká wytištěna s 3 histor. mapkami. Staňkůw [7]) přírod. w tisku.

---

[2]) *Андр. Ив. Маркевичъ.* Исторія Малороссіи (М. 1842—1843).

[3]) Это, надо полагать, имѣетъ въ виду „Gesch. der südslaw. Litter.“, изданныя уже послѣ смерти Ш-а I. Иречкомъ.

[4]) Второй томъ такъ и остался не изданнымъ; сохранилась только его программа (она издана при 2-мъ изданіи Starožitností—Иречкомъ).

[5]) Издано въ „Письмахъ къ Погодину“ II, 318—319. Въ немъ Ш. сообщаетъ о своемъ намѣреніи издать для болгарскаго языка книжку, подобную его Serbische Lesekörner (Pesth 1833), для чего ему и понадобилась копія съ погодинской Толковой Псалтири XI в.).

[6]) *Franta* (настоящее имя его Іос. *Шумавскій*) предпринялъ съ книгопродавцемъ Спурнымъ изданіе нѣмецко-чешскаго словаря, для котораго получилъ и богатый матеріалъ, собранный Антониномъ Юнгманомъ (см. выше, письмо 14). Въ 1843 г. вышелъ I-й томъ всѣми ожидаемаго словаря: Deutsch-böhmisches Wörterbuch von Josef Franta-Šumavský. Вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ I. Ранкомъ онъ издаетъ и Карманный словарь (Taschenwörterbuch der böhmishen und deutschen Sprache), вторая часть коего чешско-нѣмецкая вышла уже послѣ его смерти (1859 г.).

[7]) Přírodopis prostonárodní (третій томъ изданной Матицей — Malé Encyklopedie)—въ 1843; второе изд. 1851.

W Záhřebu wyšel 2 sw. Kola. Zanímawý Seljan wydal tamže 1. díl zeměpisu Illyrska. Prostřední ceny. Mappa ještě newyšla.

W Pešti tiskne Bogojew 1 swaz. Bulharských národních pisní—malenké to písemce, asi 3 nebo 4 archy [1]. Týž tamž i jinau bulh. knihu, zeměpis, jíž ještě neznám.

Swým časem wšecko dostanete. Než třeba tu trpěliwosti. Jsme daleko.

Jak pak se Waše práce daří? Čím se nejwíc zanášíte? Čeho nejdríw od Wás očekáwati můžeme? Smilujte se nad naší chudobau w naučných knihách a popracujte nad dobrau chrestomathii, sbírkau (wybraných) národních pisní, srownáwající grammatikau atd. Toho swět od Wás, slowanských professorůw, očekáwá. (O Preisowi kde jest, nic newím). Odložte myšlénku cestowání.

Majíce zimu, pijeme i my u mne z lásky Boží častěji čaj, a při tom i Wás si přátelsky na mysl připomínáme—arci jen čaj, o němž nás Amerling, když poprwé pil, prawil, že je diwizna, seno—ale co škodí—my si myslíme, že není lepšího, a newěříteli, pošlete nám aspoň nějakau činskau knihu o dobrém čaji, bychom se z ní naučili, že jest i lepší na swětě.

Prátelé zdejší zdráwi a pozdrawují Was. W. u. p. P. J. Š.

Z ohledu Kowal. mappy opětuji: Bis dat qui cito dat [2])

34.

5 Unora 1843 n. s.

M. P. Oznamuji Wám, že sem na Waše prostředkowání od jeho Sijatelstwa kníž. Šichmatowa-Širinského obdržel Akty i Lětopisy, co jich do konce 1842 wyšlo. Poděkowání budu brzo psáti: mezitím napište i Wy ze swé strany knížeti několiko slow. Ne bude to škoditi, a může prospěti.—Přítel Pogodin mi psal, že o ty 50 Exx. Národopisu, jakoby pochybnost 'a hádka, komu poslány. Wyznám

---

[1]) Български народни пѣсни и пословици — Сѫбра *И. Богоевъ*. Книжка пѫрва Пеща. 1842. 16°. 63 стр.—Больше и не вышло. *И Богоевъ* издавалъ и писалъ также подъ именами: *Андреева*, *Богорова*. Вторая, упоминаемая Ш-омъ книжка изданная Богоевымъ, можетъ быть: „Географія, всеобща за дѣцата (Бардовского) преведи отъ Русскій языкъ Иванъ Андр. *Богоевъ*. 1843. 8°. 421+8. Но издана она въ Бѣлградѣ. См. Сборник. болг. Мин. IX, 38. (Български книгописъ).

[2]) На оборотѣ: Mého národopisu wyšlo polské přeložení we Waršawě od Dahlmana, u Schlettera, bez mappy.

se, že když sem to posílal, myšlel sem wlastně na Wás: nebo k čemu by jich Pogodin tolik potřebowal? Mezitím, rozdělte to s ním, co nejlip můžete, a pište mi, mámli Wám s jinými knihami ještě wíce poslati. Do Wídně nebylo možné wíce: nebo sem kwapil, a mappy nebyly malowané.

Peníze za ty knížky neposílejte. Pošlete mi za to knihy.

Máteli w ruské literatuře knížky pro mládež ke čtení, nejlépe pro mládež německau chtějící se učiti rusky, pošlete mi dwě nebo tři pro mé děti.

Tomkůw Dějepis [1]) wyšel i líbí se. Staňkůw přirodopis, Frantůw Slowník něm. čes. se tisknau. Ostatně málo co nowého: Matice bude dáwati praemia za wydané dobré spisy [2]). Wyšly Thomsonowy Časy roku (Jahreszeiten)[3]) od Dauchy hexametrem.

Amerling se stawením hotow, již se tam i přednáší. Ostatně Amerling nyní zde slawným a šťastným lékařem: jezdí w kočaru téměř celý den po Praze a léčí welmi zdařile, nowým docela spůsobem, až se to diwu a zázraku podobá.

Naše literatura trochu dřímá, nebo se mladí literatoři k bálu chystaji, jenž 8 února má býti. Asi dwanáct mládých českých Básníček (Sappho a Korinna, pod jmény Libuše, Wlasty) složily a wydaly k tomu «Pomněnky». Redaktorem Časopisu Jan Erasim Wocel, býwalý pěstoun u hrab. Harracha, skladatel Přemyslowcůw a nyní (w rkp.) Meče a kalicha (weliké Básně o husitské době)[4]).—W Záhřebu literaturu potkaly nemilé případnosti, t. j. Gaje: musel nápis Nowin a Danice poněkud proměniti. Jméno Illyr zapowěděno. Kola od Wukotiny, Vraza a Rakowce wyšel 2-hý swazek. Těz Se-

---

[1]) Dějepis města Prahy (Praha 1843).

[2]) Правила о преміяхъ съ извѣстіемъ о ихъ учрежденіи напечатаны въ 1-мъ вып. Часоп. за 1842, стр. 156—160, при чемъ было объявлено, что выдача премій начнется съ 1844 г. за сочиненія, вышедшія въ 1843 г.

[3]) *Thomson Jak.* (1700—1748) англійскій поэтъ; поэма вышла подъ заглавіемъ Počasy въ переводѣ Доухи въ 1842 г. (Прага). *Fr. Doucha* (1810—1884) извѣстный переводчикъ на чешскій Шекспира, Данта, лексикографъ и библіографъ.

[4]) *Jan. Erasim Vocel* (1803—1871) разносторонній ученый, преимущественно археологъ (его статьи помѣщались главн. обр. въ „Часописѣ" и въ Pam. archeól.), языковѣдъ (его разборъ Лобковицкой библіи XIII в.), наконецъ поэтъ: его „Přemyslovici" вышли въ 1838 г., „Meč a kalich"—въ 1843.

ljana Zemĕpis Illyrska 1-ní díl. W srbském nářečí málo dobrého wychází. Nyní se tisknau w Pešti a Budínĕ: Srbski Spomenici iz istor. Byzantijske od Isidora Nikolíca [1]); Bosilje, stichotwor. spisanja od Jow. Subotića [2]); Powĕst' bibličeska od biskupa Budinsk. Platona Athanackowića [3]) atd. W Turecku, w srbském Bĕlehradu wychází při nowinách zábawný a poučný list: Podunavka [4]). Mé Starož. se též překládají na srbsko. W Lipsku wyšla s hlukem knížka od Mosiga [5]) z Aerenfeldu: Slawen, Russen und Germanen [6]). A ted' od Jordana (a Kuniga i jíných): Iahrbücher für slaw. Lit., Časopis, swaz. I. Co z toho bude, čas ukáže [7]) —Lužických nár. pís. dokončen tom I. swazkem 5-tým.— Štúr [8]) ještĕ nedostal powolení wydáwati Nowiny.

Práwĕ když sem tato slowa psal, dostal sem Wašĕ psaní s mapau Černohory Kowalewského. Díka Wám. Přečet psaní budu Wám psáti obšírnĕji. Dnes již nestačím. — Dejž Bůh jen žiwota a zdrawí, ostatní wšecko bude. S Bohem! W. u. p. Š.

Moji zdráwi a pozdrawuji Wás. Bohdan roste a bude 16 tohoto mĕsíce od prsau odstawen.— Můj synowec Jan w Now. Sadĕ se oženil! [9]).

35.

25 Brezna 1843 n. s.

M. P. Na poslední Waše psaní (4 Ledna s. s.), s mapau Kowalewského, chtĕl sem Wám obšírnĕji odpowĕdĕti, an zatím čas

---

[1]) Полное заглавіе: Спомени народа сербскогъ. У византинскимъ списательима скупіо и издао И. Н., бачке вармеђе великій нотарій (с родословіемъ и мапомъ). У Будиму 1843. 8°, стр. VII+223. Это, повидимому, простой переводъ изъ Штритера.

[2]) Босилѣ. Стихотворна списанія. У Будиму 1843. 8°, стр. 176. Перепечатано въ 1858 въ собраніи сочиненій І. С.

[3]) Библическа повѣсть старога завѣта, за юность.... І. частица. Отъ созданія свѣта до царева. Будимъ 1843. 4°, стр. 184.

[4]) Прибавленіе къ „Србскимъ Новинамъ", выходило съ 1843 по 1848 г. еженедельно, подъ редакціей Милоша Поповича.

[5]) Имъ же въ 1843—44 (вмѣстѣ съ Wutske) изданы по-нѣмецки „Древности" Ш.

[6]) См. Письма II, 322—3.

[7]) Письма II, 322: ich erwarte davon nicht viel gutes.

[8]) *Людевитъ Штуръ* братъ Карла, словацкаго поэта (1815 — 1856); его газета Národnie Noviny, съ приложеніемъ Orel Tatranskij—начала выходить только въ 1845 году.

[9]) Внизу приписка: P. T. Příteli Ios. Bodjanskému.

ušel! Na štestí, že sem tehdáž z toho psaní wýtah učinil: sic bych ho dnes wíce čísti nemohl. Předewším Wás prosím, abyste trochu wětším písmem a hrubším perem psal. Mé oči tuze slabnau, a toho, kdoby Waše písmo přečetl, mimo mne w Čechách není. Škoda, že těch liter. zpráw ani pro naše časopisy užiti nemůžeme! Já jsem to jednau pracně pro sebe přečetl: ale podruhé pro jiného bych nečetl za žádnau odměnu.

O wyplnění Wašich žádosti wšemožně se starám Práwě teď se tisklo 250 map pro Wás, a budau malowáný. Knihy pomálu sbíráme. Pošleme wšecko najednau. Poněwadž sem posud Hartensteinowi nic neposlal, sem na rozpacích, nemámli to radče wšecko najednau po lodi. S tím židem wřtkawým těžko co počiti. Ostatné ještě uwidím. Snad mu předce pošlu Tomka, Kollárůw cestopis [1]) a Rukop. Králodw. pro Wás.

U nás se w literatuře welmi zdlauhawě pokračuje. Znáte sám dobře, jak málo zde dobrých spisowatelůw, jak slabé síly—samé žebráctwí.

Nejnowější nowina, že Gaj s illyrismem docela padl, Wám již známa. Patrno, že mad'arstwí swítežilo, slawně. Zapowěděno i užiwání jména Illyr po celém močnářstwí [2]) Ubozí slowáci agonizují, jakž jináč býti nemůže. Tak hle přišel na zamý autlý kwět mráz a led!—Srbská literatura jak jest chudá a bídná, neuznati nelze. O wyšším znazění a směru—ani mysli.

Že mnoho práce máte, zwláště teď ze začátku, wěřím rád. A wšak toho žádný maudrý od Wás žádati a očekáwati nebude, abyste hned wšecko sám udělal. Festine lente. Hlawná wěc jest, dle mého zdání, abyste sobě 12 dobrých učedlníkůw wychowal, kteřiby

---

[1]) Cestopis po horní Italie, se slovníkem slovjanských umělců všech kmenů (Pesth. 1843).

[2]) Идея общаго соединенія югославянскихъ народностей (Иллиризмъ), сначала принятая правительствомъ благосклонно, но, какъ политическое ученіе, ставшая опасной для Мадьяръ, возбудила протестъ правительства, особенно мадьярской его части. Несомнѣнно, въ самый иллиризмъ, рознь внесена была и Сербами, боявшимися что онъ помѣшаетъ назрѣвавшему уже возстановленію Сербіи, и Хорватами, не особенно увлекавшимися этой идеей, желавшими сохранить свое имя и потому оправшимися и игравшими въ руку Мадьярамъ. Началась борьба между Хорватами и Иллирійцами, особенно въ 1842 г. Въ 1843 г. назначенъ баномъ графъ Фр. Галлеръ, который по именному указу императора (11 янв. 1843) запретилъ имена *Иллирія*, *Иллиріецъ*, *Иллиризмъ* въ литературѣ и обществахъ. Вмѣсто этихъ терминовъ сталъ всюду употребляться терминъ народный. Съ 1848 г. вм. иллиризма—появляется терминъ,—„югославянство“.

Wám pomáhali. Psalste mi, že žiwot Wladim. sám pro mne přepíšete. Děkuji srdečně: ale škoda Wašeho drahého času. Wy byste mohl něco wětšího a lepšího dělati. Což se nenalezne mezi mladšími Wašimi posluchači a známými hodný přepisowač? A Wy abyste jen conferowal, srownal s podlinnikem. Arci, jaký přepis mi Mich. Petr. poslal žiw. sw. Konst., chraň Bůh! Myslím, žeby to již ani sám přepisowač s dokonalau jistotau čísti nemohl.

Rusowé si ztěžují do Wás, ze opět welmi literně a nedost čistě rusky Národ. překladáte, jako Starož. To tě zle. Waše publikum je i tak zkažené a upýpawé: pročež byste ho neměl drsna tostí formy od čtení přísných wěcí odstrkowati. Radcě oprawte i můj sloh, kde není dost hladký a plynný. Zprawujte se podlé potřeb a žádosti Wašeho obecenstwa. Sic jinak—darmo budete psáti—nebudau čísti. Wasě publikum má jiný žaludek než i naše: naše by sežralo a ztráwilo i skály i psa se srstí a kostmi. Chraň Wás Bůh, jak se u nás piše a stylizuje—ale našemu obecenstwu to wšecko chutná, jako ty nejlepší lahůdky.

Prosím pošlete mi hned s prwní zásilkau: Реестръ старопечатныхъ слав. книгъ, въ библ. *А. С. Ширяева* Моск. 1833. 12° 162 str. Spisuji teď w histor. liter. oddíl církewního nářecí. Z ohledu katalogůw rukopisůw synod. a klášterních mluwte s Mich. Petrow. Potřebowalbych jen wýtah z katal., wýčet rukop. [1]), nikoli wypsání; zwlaště díla sw. otcůw a jina (nebo bohoslužm. rukopisy s pozdější doby nenáleží do mého plánu). Dělejte co možné.

Pozdrawuji p. Hawlíčka [2]). Budu mu swým časem psáti. O Preisowi ani slowa newím. Jeho wěci leží u mne, a on téměr ode dwau let nic nepíše! O! O Oh!

Přátelé Waši a moje rodina Wás pozdrawují. S Bohem! W. u p. Š.

36.

17 Dubna 1843 n. s.

M. P. Předewčerem jsem se dowěděl u Kronbergera-Řiwnáče, jaky omyl se Wám s jednau bednau stal, že ste místo swé cizé dostal. Jest to welmi nemilá wěc. Ještě newím, jak se to wyswětlí. Bodejž jen nebyla někam do Ameriky zaslána!

---

[1]) Таже просьба Погодину; Письма II, 236.

[2]) Онъ былъ въ это время домашнимъ учителемъ у дѣтей С. П. Шевырева, подробности см. въ Письмахъ II, 322—323.

Podlé žádosti Waši dal jsem pro Wás 250 map (Zemewidu) wytisknauti[1]). Již jsau hotowy, a s počátkem měsíce Máje pošleme je Wám spolu se sebranými knihami tau cestau, kterau jste Řiwnáči určil. Za tyto mapy jsem wydal do hromady 87 zl. 10 kr. stříbra (totiž za papír 17 zl. 10 kr., za tisk 20 zl., za malowání 50 zl., dohromady 87 zl 10 kr. stř.). Prosím Wás uctiwě a snažně, jestli máte zbytečné peníze anebo jestli Wám nějak možno, račte mi aspoň tyto peníze bez odkladu poslati. Nemohu zajisté newyznati se, že swau neopatrností k welikému swému neštěstí do welikých nesnází jsem uběhl, totiž že jsem se u knihkupcůw welice zadlužil. Powážíteli, w jakých okolnostech jsem se ode 20 let nalezal, a že teprwé od léta 1841 milostí dobrotiwého císaře našeho Ferdinanda[2]) wezdejším chlebem jakž takž zaopatřen jsem, nebudete se tomu diwiti. Již jsem sice nejhrubšího a nejtěžšího se witáhl a wysekal, ale ještě wždy Wám knihkupcům zplatiti dluhůw zastaralých mezi 500 a 600 zl. stř., čehož wětší částka tohoto roku zaprawena býti musí! Pokud s tau nehodau nejsem w pořádku, nejen se swau ctí jsem w nebezpečí, ale i we wšem swém počínání, zwláště we wydáwání knih, wázán. Posawad z mých knih měli jen moji wěřitelé knihkupci zisk, já jen práci a mozoly při tom. Budaucně si to musím jináče zříditi, ač nenili již pro mne sero sapiunt Phryges[3]).

Na knihy pro Wás pamatuji: co se starších knih dotýče, musím se pustiti directe s anticwáry we swazky. Skrze zdejší knihkupce tu nelze mnoho pořiditi. Dříwe wšak musím swé penežité záležitosti w lepší pořádek uwesti. Píši Wám o tom upřímně, abyste wěděl jak to se mnau stojí.

W literatuře naší tak málo důležitého se jewí, že newím, co nowého Wám oznámiti mám. Tý dni přišel Kollarůw[4]) Cestopis. Než po Hartensteinu již nic neposílám, nebo 1 Máje již není daleko. Tehdáž wyprawíme bednu pro Wás, a po moři teď w létě to půjde čerstwě.

---

1) См. Письма къ Погодину II, 326.

2) См. выше письмо 22.

3) Всѣ свѣдѣнія о стѣснительномъ матеріальномъ положеніи почти буквально повторены и въ письмѣ къ Погодину, писанномъ одновременно съ издаваемымъ; см. Письма II, 326.

4) Тоже буквально почти въ письмѣ къ Погодину (II, 326—327), которое кончается и тѣмъ же греческимъ выраженіемъ.

Pište mi, prosím, o času, kterého ste balík pro mne zaslal: abych již na před aneb stejným časem do Hamburku na kupce Cordesa psal a upomínal. Opatrnost neškodí.

Že ted' nejwíc w hist. liter. pracuji, již znáte. Práce ta mne nad jiné těší.

O Preisowi tu ani slowa newíme. Jako by se byl na swých cestách z Lethe napil! Sreznewský psal.

Přátelé Wás pozdrawují. Ἔῤῥωσθε! W. u. p. P. I. Š.

37.

28 Máje 1843 n. s.

M. P. Wčera sem dostal Waše psaníčko ode dne 16/28 Února, poslané po p. Dwořáčkowi [1]). Přinesl mi je Palacký z Wídně. Knih mi nepřinesl žádných, ačkoli ste psal, že posíláte. Než lépe po takowých příležitostech žádných knih neposílat: nebo jich téměř nikdý nedostáwám. Domniwám se, že je zásilka již na parochodu.

Já a můj Wojtěch—jenž pomalu pomáhati se učí—práwě dnes jsme zaměstknáni pakowáním mapp a knih pro Wás. Půjde to bez odkladu do Lipska, a odtud knihkupeckau cestau k Wám. Daufám, že dostanete wšecko pořádně. Rozpis poslaných knih Wám pošlu pozdějі. Wšecky jsau ode mne pro Wás a některé pro Pogodina sebrané a zakaupené. Přičiním se aby, co nowého wyjde a co ze starých dostanu, na podzim, dříwe zawření plawby, k Wám wyprawil. A tak w tom budu rok po roku pokračowati.

O mých nynějších pracech a potřebách něco se dowíte i z přiloženého zde lístku příteli Pogodinowi, kterýž prosím čtěte a odewzdejte [2]). Wyhotowení stručné historie literatury mi ted' nejwíce na srdci leží. Toho léta w církewním oddílu pracuji. Jest to poněkud nejtěžší pro mne: nebot' zde teprwé sbírati a systematicky sestawowati musím. Pro jiné sem již mnoho sebral. Prosím Wás, mějte zřetel k této mé potřebě. Sestawte nějaký katalog aspoň důležitějších rukopisůw, u Pogodina skupených [3]).

---

[1]) Вѣроятно, Jan Dwořáček, бывшій въ Вѣнѣ адвокатомъ; извѣстенъ также своей дѣятельностью въ 1842 г. въ Петербургѣ (при заключеніи почтоваго союза), въ Прагѣ 1848 (по славянскому съѣзду); много путешествовалъ по Россіи, Польшѣ и Сербіи; наконецъ, былъ горячимъ защитникомъ чешскаго меньшинства на Моравѣ въ сеймѣ.

[2]) См. письма II, 327.

[3]) Сюда относится приписка на полѣ: Též Strojewa Cesté do Paříže, w níž o slowanských rukopisech. Рѣчь идетъ о книгѣ С. Строева — Описаніе памяти. Слав. литер. въ загр. библ. (М. 1842).

O jiných wécech a potřebách budaucně: wšeho najednau délat nélze; to mi je ted' nejbližší. Nespusť te toho s oka, mně k wůli.

Řiwnáč mi prawil, že ten, jemuž wyměněná bedna se šatmi, Wám dostalá, náleží, již před několika lety umřel! Kam se Waše bedna s knihami dostala, ještě se wystwětliti nemohlo a těžko bude na stopy přijíti.—Ale jiná Waše bedna s knihami leží u p. Kaškchadamowa Rusa, wychowatele čili učitele we Wídni, jak Wám o tom obšírněji powí Panow, jenž ty dni k Wám do Moskwy přijde. Jest to bedna, jenž byla u Meglického [1]).

Prosím, pošlete mi na podzim, ještě před zawření plawby:

Mineji Četji, knigi žitij Swjatym. Mosk. 1835. fol. 3 kn.

Prolog ili Synaxarij. Mosk. 1817. fol. 3 kn.—Aneb třebas starší, čisté, t. pro oči dobré wydání.

Též můžeteli nowé wydání Kormčí knihy před pár lety wyšlé s řeckým textem: nebo wydání l. 1834 bez řeckého textu mám [2]).

W literatuře nic důležitého nemáme. My jen malé kroky dělati můžeme. Zatím chysta se to i ono, k čemuž Bůh pomoci dej. Zwláště matice dobře působí.

Sreznewský mi po dwakrát několik slow psal: já jemu ještě nestačil. O Preisowi jen slyším, že je již doma. a již učí: on sám se ještě neohlásil:

Přátelé Waši zdráwi i pozdrawují Wás, jakož i rodina moje.

Já sice docela zdráw nejsem: než k té neřesti (?) a bídě již tak přiwyknul sem, že když jen ležeti nemusím a pracowati mohu, nic nedbám. Dobře se mějte. W. u. p. Š.

38.

21 Čerwna 1843 now. sl.

M. P. Předewším Wám oznamuji, že psaní Waše, dne 17-ho Máje st. sl. dokončené, pořádně sem dostal. Děkuji Wám za ty rozmanité, dílem welmi radostné zpráwy. Waše wynálezky a objewy sau welmi důležité. Co mi o «inoku Theodosiowi a knížeti Swjatoslawowi» píšete, bylo mi docela nowé, i wěřím rád, že to wšecko tak jest, aniž, cobych k tomu přidati měl, wím, nemaje rukopisu

[1]) Гавр. Тихон. Меглицкій — священникъ русской посольской церкви въ Вѣнѣ.

[2]) См. Письма II, 328. Къ этому списку надо отнести приписку на полѣ: Též prosím o Sobran. drew. gramot i aktow gorodow Wilny, Kowna, Trok.— Wilna 1843. 4°. 2 tomy.

před rukama. Tyto a jiné staré památky swým časem arci wydati bude potřebí: než nemá se tím kwapiti, a hlawní wěc při tom jest, aby se to stalo s prospěchem a pokrokem nauk. Co se mne týče, wyznám se upřimně, žebych radče widěl, kdybyste Wy společně s pp. Preisem a Sreznewským ujali se zhotowení učebných knih pro slowanské kathedry: porownawající grammatiky, chrestomathie, historie slow., histor. liter. slow., anthologie slow. národních písní atd. atd. Jestli tyto knihy nebudau spisowány od professorůw slowanské literatury, kdo je má spisowati? Až nám Wy, Preis a Sreznewský wychowáte slowanské filology, potom to s wydáwáním starých spisůw přijde snáze. Wíce dělníkůw, wíce dowedau. Wy předewším hleďte sestřediti swau činnost okolo několika hlawních předmětůw, a držeti se jistého plánu.

Ἀδύνατον οὖν πολλὰ τεχνώμενον ἄνθρωπον πάντα καλῶς ποιεῖν (fieri certe nequit, ut is qui multis artificiis occupatur, omnia recte faciat). Tuto průpowěd by si i naš milý přitel Michal Petrowič měl na psací stůl napsati, aby ji wždy před očjma měl: potom by snad od swé πολυπραγμοσύνη poněkud upustil, a o to se přičinil, aby nám ještě s této strany hrobu «historii ruskau» napsal [1]).

Rozumí se, že na Waše psaní, t. j. některé jeho články, obšírnější odpowěd jen budaucně následowati bude moci. Dnes jen na poskoku něco. 1) Bedna Waše s knihami illyrskými se našla. Leží we Wídni na celnici (Hauptmanth).—Druhá Waše bedna s knihami od Meglického leží u Kaškchadamowa ruského učitele we Wídni.— Widíte, jak já o Waše wěci pečuji!

2) Pan Dwořáček poslal později knihy ruské, od p. Šewyrowa jemu dodané. Prosím, že mé díky oznamíste, kam náleží.

3) Recensí nowého spisu p. Čertkowa [2]) sem četl w Žurn. m. prosw. Adrianopol u něhož Bělipra, není ono známé město w Thracii, nýbrž jiné, w dnešní Albanii. Thracie nikdý neslula Macedonie: ale Albanie. Tu, u tohoto, narodil se Basilius Macedo.—Některé překlady starých historíkůw nebyly p. Č. známé. Mámeť i celého Zonary přeložení welmi staré, bulharské.

4) Mezi knihami ode mne Wám poslanými jest i glagolitská «Isprawnik za ierei» pro Mich. Petrowiče [3]).

---

[1]) Ср. совѣтъ его въ письмѣ къ Погодину; Письма II, 343.
[2]) Описаніе войны Святослава противъ Болгаръ (М. 1843).
[3]) Ср. Письма II, 331.

5) Welice mne zarmautilo, že ste knihy pro mne ještě byl newyslal! Tím můj plán welmi zmaten, a mé práce o půlleta opozděny [1]). Non quam multa, sed quam cito. Pamatujte, že ty knihy, půjdauli w létě, budau šest měsícůw na ceste, padnauli do zimy dewět. W každém městě poleží měsíc i wíce. Dosti bylo, poslat 5 nebo 6 nebo 10 knih nyní pro mne při spisow. hist. liter. církewní potřebných, jež sem Wám byl naznačil: s jinými pospíchati netřeba; třeba po létech.

6) Literárních nowostí u nás málo. Můj synowec Jan (dokt. med.) jest professorem w Bělehradě srbském [2]). Od něho očekáwám některé nowé srbské knihy. Co se rozdawání odměn od Matice týče, ještě wěc není dokončena: neboť ještě nepotwrzena od wrchnosti. Hrabě Lew Thun wydal: Die stellung der Slowaken in Ungarn. Prag 1843. 8°. 63 str. Obsahuje: Briefwechsel mit Hrn. Pulsky, a Ueberblick.

7) Waše psaní poslední bylo čistě psáno, a mohl sem je bez obtíže nebo namáhání očí čísti.

Prosím, čtěte psaníčko Michalowi Petrowiči poslané: neboť jedno druhé doplňuje.

Přátelé i moje rodina zdráwi a pozdrawují Wás. S Bohem!

W. . p. Š.

Knihy české a jiné, co sem poslal, jsau pro Wás: jen z duplikatůw podejte něco Pogodinowi. — Prosím, opatřete mi knížku a pošlete: (Ciceronis) Rhetorica ad Herennium. Edidit Matthaei. Mosquae 1810 [3]).

39.

22 Okt. 1843. n. s. [4])

Předrahý Příteli! Odpusťte, že na poslední Waše psaní obšírněji a auplněji ani posud odpowěděti sem nemohl ani teď nemohu. Bez dokonalého zdrawí nejde žádná práce k duchu — a co jest w Praze dna (arthritis), to wíte sám, nebo ste zkusil. Již ode dwau měsícůw, co se mi dna zatáhla do hlawy, sem ku pracem téměř docela neschopný.

---

[1]) Письма II, 331.

[2]) Ср. Письма II, 331—332.

[3]) Все письмо стоитъ въ связи съ письмомъ къ Погодину, дѣйствительно, дополняетъ его и дополняется имъ. См. Письма II, 329—332.

[4]) Въ тотъ же день писано письма и Погодину (Письмо II, 432 и сл.).

Hanka obdržel změnku na peníze, ale posawad nikomu newyplatil, snad ze sám ještě nedostal. Mezitím on s knihami, jak snad již wíte, jinau pořádnost učinil, prodaw je do S-Petrohradu. Poslanau mně secunda změnku hned sem zničil, jako nepotřebnau.

Knihy do Hamburku pro mne poslané posud nepřišly. Nestala-li se nějaká chyba w zasílání? Dobřeli adresowáno na Cordesa pro mne? Jestli do Nowého roku nepřijdau, bude zlé znamení.

Já sem onehdy opět některé pro Wás sebrané knihy Kronb— Řiwnáčowi odewzdal. Mezi těmi jsau dwě německé pro Pogodina.

Knih již tohoto roku a w zimě neposílejte žádných. Odložte wšecko až do jara: ale wyprawte časněji, w Máji.

Oznamte mé díky prof. Šewyrowu za knihy. Kdyby již jen zde byly! Knížeti Golicynu sám sem zde w Praze děkowal za skwostné dílo o starožitnostech Moskwy.

O mé historii literatury slowanské daremné rokowání a rady— pokud není napsána. Dříwe pečeně—potom rožeň. Bude-li napsána, uwidíme, co jak s ní.

Z Wídně bedna Záhřebská s knihami posud nepřišla. Budeme muset písemně prosbi na auřad o wydání podati.

Zpráwy e literních záležitostech odložiti musím až na budaucí lepší časy. Bodejž kdy pro mne přišly!

W mé rodině wšickni zdráwi i pozdrawují Wás.

P. Jelagin zde zdráw a wesel. Ἔῤῥωσο! W. u. p. Š.

(На оборотѣ). Semenowa Akty gor. Wilny etc. 1843. 4° již mám.

Matthaei. Ciceronis Rhetor. Mosquae 1810. programma, nepotřebuji wíce.

40.

31 Pros. 1843. n. s.

Přemilý Příteli! Wčera zawítalo ke mně Waše nejnowější psaní, i nemálo sem byl jím potěšen. Srdečně díky za wšecky ty radostné zpráwy z oboru literatury. Pokračujtež w nich i budaucně, a pište mi často, nic se na to neohlédaje, že ja málo píši. Ten poslední čas sem mnoho postonáwal, a doma w rodině měl nemocné. Nyní pomálu počíná býti líp a líp. Přičiním se, abych literárním žádostem Wašim podlé možnosti dosti učinil. Do Wídně budu museti znowu psáti. S přepisowaním starých Dubrownických básníkůw to půjde těžko: zde jich málo máme anebo nic, a mimo to zkušených w illyrštině přepisowačůw není. Bez pochybu se budeme museti do Záhřebu

obratiti. A w Záhřebu, to wíte sám, jak jest: tam lidé o wšecko jiné wíce pečují nežli o literaturu [1]). Dobrých dělníkůw u nás málo.

Těším se z toho, že Waše přednášení a wyučowání tak se daří. Dobře učiníte, jestli z počátku budete podáwati wíce mléka, nežli těžké nezážiwné korné. Nezapomínejte, že sme začátečnici. Jábych na Wašem místě přednášel historii liter. wšeslow. (w přehledu), z porown. gramm jen co nejdůležitější o nař. pol. čes. a srb., pak bych wykládal některé z lepších plodůw, n. p. Rkp. Kralodw., Srbské a illyr. básně, a do podrobností nářečí a nářečíček, nercili podřečí a podřečíček bych se docela a naskrze nepauštěl. Dosti jest, otewříti brána a poukázati cestu. kdo chce byti slow. filologem, at' jde sám dále. Než Wy suď'te sám, co za nejlepší uznáte:—sed respice finem.

Dnes musím přestati. Daufám, že Wám brzo budu psati obšírněji. Prosím, přečtěte psaní Mich. Petrow. psané [2]).

Mějte se blaze. W. u. p. Š.

41.

6 Čerwna 1844 n. sl.

M. P.! Widíte jak to s dopisowáním zdlauhawé a znenáhlo jde! Já jsem Wám owšem dáwno nepsal, než i od Wás již dáwno, dáwno, žádného psaníčka nedostal. Nechci se pauštěti we wyšetřowání příčin, než raději napíši několik slow, abych to poněkud naprawil a další mlčení přetrhnul.

U mne nic nowého. Auřední práce a domácí wěci stojí jako předtím. Toho roku se mi starostí s dětmi přímnožilo: rostau rok po roce, a o jejich wychowání se musím oprawdowě ujmauti.

Z Wídně z ohledu knih ještě žádné rozhodnutí nepřišlo. Knihkupec Möeschner se dotazowal w auřadě; než ničeho se nedowěděl, leč že se **j e d n á** o mé žádosti. Wěc ta, jak widím, nebude míti konce. Dříwe se museji acta a protokolly s několik wozůw nakupiti! Kdo zaplatí za wozné do Moskwy a z Moskwy? Máteli kufr i wěci ještě? Schowejte to a chraňte pro budaucnost. Kdybych jména těch

---

[1]) Намекъ на политическую борьбу между Хорватами, Сербами и Мадьярами; см. выше письмо.

[2]) Письма этого не сохранилось ни въ подлинникахъ писемъ къ Погодину, ни въ извлеченіяхъ, печатавшихся въ „Москвитянинѣ". См. Письма II, 334. И между письмами къ Бодянскому большой довольно пропускъ—до 6 іюня н. с. 1844 г., которымъ помѣчено слѣдующее письмо.

dědicůw wědél, hledělbych to s nimi po přátelsku wyrownati Mezitím lépe bude, Wašich knih illyrských nyní již ani nečekati. Budeme sbírati jiné. Něco jisté máte. Jiné rok po roce budeme dostáwati. Tyto dni Wám zase několik nowých pošlu. Pro Waši potřebu budete míti dosti. Wšeho i tak nelze nikdy sebrat.

Tyto poslední časy wyšlo opět několik dobrych knížek w jižních Slowanech. Mezi nimi Osman Gunduliće [1]) od Matice Záhřebské [2]). Dostanete ho. Matice Záhřebská hezky roste, a slibuje plodonosnau činnost. Bohužel že toho nelze říci o Matici srbské w Pešti [3]). Ti lidé se sami škrtí. Wydali sice nyní cenné otázky: ale co to platno? Dajíli se takowá weliká díla za rok nebo dwa improwizowat, zwláště tam, kde důkladně wzdělaných oswícených a přitom horliwě činných mužůw není? Wedlé toho wydáwají matičáři pamflety a paskwilly jeden na druhého, udáwajíce se z krádeže a laupení Matice! A tento smrad se rozšiřuje o nich po celé zemi!

Lepší jest naděje w Srbsku, tam skutečně w Bělehradě nekolik dobrých knížeček wyšlo.

We Slowácích wšecko w starém spůsobu. Štur [4]) musel přestat přednášeti: sedí sice w Prešpurku a čeká na powolení k Nowi-

---

[1]) Первое изданіе (1844) съ 14 и 15 пѣснями, авторомъ которыхъ считается *Иванъ Мажураничъ*, извѣстный поэтъ и государственной дѣятель въ Хорватіи.

[2]) Иначе Matica illyrska; основана въ 1842 г. Draskovic'емъ, какъ издательская фирма при обществѣ читателей; цѣль ея—изданіе сочиненій дубровницкихъ писателей, писавшихъ по хорватски. Съ 1851 г. она становится самостоятельнымъ обществомъ и существуетъ донынѣ.

[3]) Это старшее учено-литературное общество въ средѣ западныхъ и южныхъ Славянъ; основана Магарашевичемъ, въ сотрудничествѣ съ Хаджичемъ, Мушицкимъ и Шафарикомъ въ Новомъ Садѣ, въ 1826 г. съ органомъ „Летопись Матице српске"; затѣмъ перенесена была въ Пештъ; въ 1864 г. обратно вернулась въ Новый Садъ, гдѣ существуетъ и теперь.

[4]) *Людевитъ Штуръ* (1815—1856), братъ поэта Карла (1811—1851), былъ учителемъ въ Пресбургѣ стоялъ въ главѣ видныхъ литературныхъ дѣятелей; по проискамъ Мадьяръ, стремившихся прекратить существованіе литературнаго студенческаго кружка въ Пресбургѣ при лицеѣ, Л. Ш. лишился мѣста (1844). Съ 1845 г. онъ издаетъ журналъ Národnie noviny a orel Tatranski, основываетъ съ Гурбаномъ литературное общество Tatrin. Славился, какъ талантливый ораторъ и энергичный вождь и защитникъ словацкой народности.

nám, ale ostatně nic nedělá. Kollarowých kázaní o národnosti wyšel druhý díl, a welmi se libí.

Jordan [1]) tiskne w Lipsku lužicko-německý slownik, jehož prwni arch čili wzor sem widěl. Totě chwalné.

Česká naše literatura, ač mnoho drobnůstek wyšlo, ničeho nesplodila, cožby obzwlášhního wytčeni zasluhowalo.

Palackého Archiwu dílu III. wyšly swazky 1. 2. 3. Jeho historie nowý díl se nyní tiskne.

Čelakowský zarmaucen smrtí swé manželky. Jungmannowi umřel druhý, mladší zeť, Lauerman. On zakročil o swé propuštění na odstawku. Čas jest.

Nepřízniwci slowanské literatury a národnosti nepřestáwají osočowati pořád a ze wšech stran. Hanliwých spisůw wychází w Němcích množstwí. A slowané mlčejí jako ryby. Co mají dělat?

Nu, jak se daří Waše práce? Dáwno, dáwno již nic sem neslyšel o Wás, Sreznewském, Preisowi!

A předce, tyto dni sem četl nawěští o n o w é m časopisu w Moskwě, při němž Wy, Šewyrew, Pogodin a dr. aučastni. Z toho widím, zě ste zdráw a wesel.

Mezi knižkami, které tyto dni seberu a Kronbergu k zasláni odewzdám, naleznete rp. (?) zpráwu o ústawu Prešpursk. od Štúra. Tuhle přikládám jeho psaní. Widím, že Štúr a někteří s ním chtějí we spisowním jazyku pro Slowáky nowotiti. Bojím se, že to nepowede k cili, nybrž jen k nowým zmatkům, k chaosu.

Příteli Pogod. píši také tyto dni [2]) Prosím Wás, račte mi společně s ním opatřiti: N. A. L u k'j a n o w i č a. Opis. tureck. wojny 1828—1829. SPet. 1844. Myslím, že je pro mne důležito p r o m a p p u.

Přijmětež za wděk s tímto nakwap napsaným listkem. Dnes musím končit, a déle sem odkládat nechtěl.

Bůh Wám dej zdrawí a wšeho dobrého! W. u. p. P. J. Š.

Pozdrawuji srdečně wšech přátel.

---

[1]) *Янъ Петръ Іорданъ*, бывшій проф. славистики въ Лейпцигѣ, лужицкій патріотъ; о немъ см. Пыпинъ и Спасовичъ „Истор. Слав. Лит." II, 1083 и сл.

[2]) Этого письма въ перепискѣ Погодина не сохранилось; см. предъид. письмо, прим.

42.

18 Září 1844 n. s.

M. P.! Wy ne bez příciny na řídkost a krátkost mých psaní si stěžujete. Jest to wěc, jíž zapírati nemohu. A předce ani na lepší stranu na ten čas jí změniti nemohu. Můj zrůstající k západu pospíchající wěk, můj nepřemožený neduh, domácí rodinné peče a starosti—wšecko to budí žádost po odpočinutí — an zatím u mne naopak auředních prací přibýwá, w tom wěku, kdež jiní již na polehčení myslí. Já ted' často w takowém ducha i těla položení, že mi psaní trudné, namahawé: jest to wěc nemožná. Naproti tomu bud'te ubezpečen, že dokud žiw sem, podlé možnosti a o wěcech nejdůležitějších Wám dopisowati nepřestanu.

Waše obšírné psaní od 13 Iul. sem četl s potěšením, a děkuji Wám za mnohé zanímawé zprávy. Pokračujte i budaucně we zpráwách o literatuře ruské. Abych se Wám aspoň něčím odměnil, tu hle sem napsal něco z paměti o naší literatuře—německy, aby to i Pogodín čísti mohl (jemuž sem přede dwěma dni psal) [1].

Nyní, maje před očima Waše psaní, některé odpowědi na otázky, některá wyswětlení k odstranení pochybnosti a nedorozumění.

Knihy přátelům do Záhřebu, Uher a Lwowa určene sem poslal později po saukromých příležitostech, po přátelích. Nyní to již bude wšecko na swém místě. Ani po postě, ani po knihkupcích sem to poslati ne mohl, pro hlaupost některých censorůw w Uhřích, nepřátel slowanůw, kteří nečtauce nic rusky wšecko zamítají.

W Národopisu já udělal, co bylo možno. Jiní at' jdú dále. A wšak s rozwahau a důwody. Posud sem nic důkladného nečetl. Newšecko—co se komu na mysli zwrtne, před střízliwau, saudnau kritikau obstojí. I w jazykozpytu jako wšudy mnohé wěci—pauhé domysly— ba, somnia delirantium. Wšecko záleží na methodě, na důwodech, na logice.

Ze Lwowa posud sem čekaný Sborník červonoruských písní pro Wás nepřišel. O Waši bednu s knihami we Wídni sem již písemně a auředně zakročil. Wěc ted' leží před auřády. Než u nás to jde zdlauhawě.

Z ohledu Záhřebského nářečí rozluštění wěci očekáwati dlužno

[1]) Также этого письма нѣтъ у П.

od Mažuranića [1]) a jiných. Mý wzdáleni. Ať nám oni to podají— ale důwodně!

Žalostné, co píšete o Wostok. než já myslím, že to není tak zlé, a že wíce hluku—jak to u lidí býwá.

Holého [2]) některé spisy—po nichž taužíte, sem Wám poslal.— Palackého 4. díl newyšel: swým časem jej dostanete, třebas po poště, jestli tak poraučíte. Ještě newím ze zkušenosti, přijímajíli balíky s knihami (dle nowé konwencii—před tím nepřijímali).

Hawlíček přinese čaj: děkuji Wám srdečně. Rozdělil sem se Stankem a jinými přáteli. Amicorum omnia.

(Owdowělý Čelakowský chce se podruhé ženit s Antonií Reisowau, sestrau paní Stankowé).

Knihy o nichž píšete, že ste poslal na Kronb. a Řiwnáče, posud nepřišly.--Písemka Waše sem poslal. Štúru a Holowack.

N. B. Prosím Wás, račte mi opatřit od Sacharowa (?)[3]) ty nowě nalezené bulharské historické zpráwy, důležité pro genealogii bulh. panowníkůw. Nezapomínejte na to. Wyžádejte si mé psaníčko přede wčerem Pogod. psané. — Jedno druhé doplňuje.

Pozdrawte wšech přátel! A pište brzo. W. u. p. Š.

Mužeteli, opatřete mi s Pogodinem Luk'janowiča Istor. turec. wojny 1828—1829, a Ostromirowo Ewangelium. Nemám ani jedno ani druhé.

Literarische Neuigkeiten.

(Für beide Freunde: Pogodin und Bodjansky). In der Lausitz ist das wichtige Werk: L. Haupt und. I. E. Schmaler Volsklieder der Wenden in der Ober-und Nieder Lausitz. Grimma 1841—1844. 4°. soeben mit dem 4-ten Heft des 2-ten Bdes geschlossen Es bildet 2 Quartbände und ist für jeden gelehrten Slawen, der die lausitzische Sprache und Volkspoesie studieren will, unentbehrlich. Der bekannte Univers. Privatdocent Jordan in Leipzig hat soeben ein Lausitzisch-

---

[1]) *Антонинъ Мажураничъ*, братъ поэта Ивана М.,—одинъ изъ первыхъ дѣятелей по возрожденію у хорватовъ, сторонникъ иллиріума; извѣстенъ, какъ авторъ рода руководствъ по хорватскому языку и знатокъ языка. См. Dopisy Š. Janu Kukuljevici, стр. 6.

[2]) Словацкій поэтъ *Янъ Голый* (1785 — 1849); о немъ см. Пыпинъ и у Спасовичъ „Исторія Слав. лит." II, 1021 и сл.

[3]) Савельева Н. В., см. ниже письмо.

deutsches Wörterbuch angekündigt und ein Probeheft drucken lassen. Sehr verdienstliches zeitgemässes Unternehmen.

Hier in Böhmen wird Kosten des böhmischen Museums-fondes (Matica česká) gedruckt: 1) Wýbor literat. české, 1-ter Band, bis zum J. 1404; 2) Marek's Logik und Metaphysik. 3) Jungmanns Slowesnost und Anleitung zum böhmischen styl. 4) Presl's Botanik, ein grosses Werk, in 2 grossen Bänden. Erschienen ist von der Malá Encyklopaedie česká der 4-te Band: Psychologie, von Hyna. Palacký lässt so eben das 5-te und letzte Heft des 3-ten Bandes seines Český Archiw drucken, so wie auch das 4-te Heft seiner Geschichte, die Genesis des Hussitismus enthaltend. Týl gibt seine gesammelte Schriften heraus (bis jetzt 3 Hefte), ausserdem erschien von ihm ein neuer Roman: Poslední Čech. Malý gibt ein: Prostonárodní dějepis český heraus—für das Volk, sehr gut lesbar. Wocel, redakteur des Museums, druckt einen Leitfaden der Böhmischen Alterthumskunde (Archäeologie), deutsch und böhmisch (separat). Dr. Kodym gibt heftweise eine populäre Physik für's Volksbibliothek, Uebersetzungen meist deutscher Volksschriften (von Pečírka) enthaltend, schon mehrere Hefte. Štulc[1]) gibt Leben der heiligen heraus: ein Band fertig. Von Burian's bekannter böhm. Gramm. ist die 2-te Ausg. erschienen[2]). Eine Menge auch Kleinigkeiten. Franta's Deutschböhmisches Wörterbuch[3]) ist noch immer nicht beendigt—es ist das 1 Heft von 2 Bande heraus: so wie überhaupt an Hand-und Taschenwörterbüchern ein Mangel! Der kathol. Pfarrer und Schrifftsteller Sláma ist todt[4]).

Von der Literatur der Slowenzen in Krain etc. wissen wir hier wenig: wahrscheinlich erschien nichts von Bedeutung. Jhre Bauerzeitung[5]) in Laibach hält sich und soll viele Abnehmer zählen.

---

[1]) *Штульцъ Вацлавъ*, священникъ, одинъ изъ основателей Чешской Матицы. Въ 1843 — 1844 издалъ серію житій (въ Прагѣ). Životy sv. Cecilie, sv. Alžběty, sv. Anny, sv. Barbary, sv. Maří Magdaleny, sv. Ferdinanda, sv. Františka Scrafského, sv. Iosefa a sv. Vincence de Paula.

[2]) Ausführliches theor. prakt. Lehrbuch d. böhm. Sprache für Deutsche (1843); 1-е изд. въ 1839 г. 3-е въ 1850.

[3]) См. выше письмо.

[4]) *Слама Францъ* (Боеницкій) (1792—1844) видный дѣятель по народной школѣ въ Чехіи, врагъ нѣмецкой системы воспитанія.

[5]) Kmetijske in rokodilske Novice основаны въ 1843 г. Янонъ Блейвейсомъ, извѣстнымъ дѣятелемъ возрожденія у Словенцевъ; въ 1844 г. имъ введено новое (нынѣшнее) правописаніе. См. Пыпинъ и Спасовичъ, I, 295.

Bei den Slowaken in Ungarn erschienen: Zrcadlo Slowenska, von verstorbenen Čerwenák (Pesth 1844 8°) [1]), sehr interessant, historischethnographisch. Dann: Nitra Almanach für's J. 1844. schon mit der neuen Orthographie und Schriftsprache [2]).

In Agram, ausser Gundulič's Osman, den ich bereits schickte, nichts von Bedeutung: aber in Belgrad eine sehr interessante kleine Schrift: Šta naměravaju Iliri? U Biogradu 1844. 16° (136 str.). Der Verfasser ist mir unbekannt. Zu Wien: Slavianska Anthologia iz rukopisah Dubrovačkich Pěsnikah. (Izdao Orsat Pocić [3]) U Beču 1844. 8° (Mehrere Hefte sollen folgen). In Zara (ill. Zadar) erscheint die Zeitschrift: Zora dalmatinska, redigirt von Kuzmanić [4]) und wird gelobt—ich kenne sie nicht näher.

Bei den Serben in Ungarn ist wenig geistige Rührigkeit zu spüren. Das Blatt Skoroteča [5]) in Pesth ging ein: es war miserabel.

Dagegen hat Bogdanowić, ein talentvoller Serbe, die Concession erhalten, ein neues serb. Journal in Neu-Satz (Nowy Sad) he-

---

[1]) Издано М. Гурбаномъ. *Веніаминъ-Православъ Червенакъ* (1816—1842) одинъ изъ горячихъ патріотовъ Словаковъ, сотрудникъ Л. Штура, замѣнявшій въ отсутствіе Штура какъ руководитель пештскаго литерат. общ. при лицеѣ (1838—39). Zrcadlo заключаетъ въ себѣ важныя свѣдѣнія по исторіи, вѣрованьямъ Словаковъ. См. Пыпинъ и Спасовичъ II, 1028.

[2]) Это была 2-я книжка альманаха (изд. Гурбана) первая книжка на народномъ Словацкомъ. Въ концѣ ея (стр. 310—312) помѣщена интересная статейка Гурбана, въ которой онъ оправдываетъ свою рѣшимость издавать Нитру на словацкомъ нарѣчіи (1-я книжка б. издана на чеш. яз.) и защищается противъ возраженій Чеховъ. Въ слѣдующемъ году на этомъ же языкѣ выходить стали Národnie noviny (газета) Л. Штура съ этихъ поръ начинается отдѣленіе словацкой литературы отъ чешской. Колларъ и Шафарикъ были противъ Штура и Гурбана. См. Пыпинъ и Спасовичъ. Истор. Слов. II, 1031—1032.

[3]) Правильнѣе Pocić; извѣстенъ подъ именемъ Медо Пуцича (или Пучича), одинъ изъ крупныхъ дѣятелей въ эпоху иллиризма, переводчикъ Гундулича на итальянскій, составитель сборника по исторіи Далмаціи (Споменици српски). См. Пыпинъ и Спасовичъ I, 253.

[4]) *Кузманичъ Антонъ* (род. 1807) учитель въ Задрѣ былъ защитникомъ стараго правописанія въ сербскомъ, принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ новаго письма, благодаря чему его „Зора" погибла (1848). Съ 1849 по 1854 былъ редакторомъ „Гласника Далматинскаго".

[5]) „Пештанско-будимскій Скоротеча", основанный въ прошломъ году, (изд. Дм. Іовановић) въ 1844 уже прекратился.

rauszugeben [1]). Videbimus! Wuk druckt in Wien den 2-ten Theil seiner Lieder: könnte er nur auch sein Wörterbuch und eine serb. Grammatik neu herausgeben! Ein serbischer Beamte Bugarsky in Belgrad hat eine serbische karte von Serbien angekündigt: sie wird in Wien gestochen. In Belgrad sind, nebst vielen andern, erschienen: Zakonik gradjanski za knjažestwo Srbsko, u Beogradu 1844. 4°. (159 str.). Es ist dies das vom Neusatzer Senator Dr. Ioann Hadžić [2]) ferfasste, vom Jüristen und Senat sanctionirte neue bürgerliche Gesetzbuch Serbiens: also ein wichtiges Werk. Interessant sind: Narodne srbske pripovedke, izd. A. Nikolić [3]). U Beogradu 1842—1843. 8° 2 Hefte, als zur Volksliteratur gehörig. Von Isidor Stojanowić, Prof. am Lyceum [4]), ist erschienen: Prechodnica sveobšte historie sveta, Belgr. 1844. 8°, wo ein merkwürdiger Nachtrag steht: Karadjordjewa smrt, pag. 119—140. Lesenswerth.

Dr. Miklousić in Wien, ein Krainer, druckt so eben, wie ich höre: Radices linguae slavicae, mit dem Sanscrit verglichen [5]). Also auch die höhere Philologie ist bei uns nicht ganz eingeschlafen.— Caf [6]) in Steiermark arbeitet an einem vergleichendem und etymologischen Wörterbuche der Slowenischen Mundart, d. i. der Windischen in Krain, Kärnten und Steiermark.

Ueber die Erzeugnisse der Polen in Lemberg schweige ich gänzlich: weil ich darüber nichts Lesbares zu sagen weiss. Ob an Wahylewić's censirter und admittirter Karpato-Kleinrussischer Grammatik [7]) schon gedruckt wird, ist mir nicht bekannt.

---

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о журналѣ Конст. Богдановича — „Вѣстникъ". Этотъ журналъ сталъ выходить только въ 1848 г. съ марта въ Пештѣ, съ мая того же года перенесены въ Карловцы, гдѣ продержался и еще годъ. Другаго журнала Богдановичъ, извѣстный въ это время, какъ писатель, не издавалъ. См. Ст. Новаковић—Српска библиографија (Біогр. 1869), 300 (также указатель подъ Богдановић К.).

[2]) Одинъ изъ основателей Сербской Матицы въ Новомъ Садѣ (1826).

[3]) Кромѣ того издалъ въ 1844 г. Искусни земљедјелац.

[4]) Въ Бѣлградѣ, нынѣшняя Велика Школа.

[5]) Radices Миклошича вышли въ Лейпцигѣ въ 1845.

[6]) *Орославъ Цафъ*, филологъ, сотрудникъ Блейвейса. Его некрологъ см. въ Ж. М. Н. П. 1874. № 4, 107—110.

[7]) *J. Wagilewicz* — Gram. języka małoruskiego w Galicyi. Lwów, 1845. Вагилевичъ Иванъ (1811 — 1866), началъ свою дѣятельность въ „Днѣстровой русалкѣ", за свои сношенія съ славянскими учеными (напр. съ Шафа-

So viel und so wenig für diesmal aus dem Gedächtnisse! Valete et favete!

43.

10 Listop. 1844.

M. P.! Jsaut' doby, kde lépe něco, jakkoli málo, psáti nežli nic. W takowé době se já nyní nacházím. Abych Wám pořádně a mnoho psal, k tomu znemoženého ducha připuditi nemohu. Přijmětež tedy za wděk s málem.

Oznamuji Wám, že knihy dne 19 Okt. pořádně došly. Děkuji i Wám i ostatním přátelům. Co bylo jiným, rozeslal sem: jediného Wahylewiče jsau ještě zde, ale sem mu to oznámil písemně, a čekám, aby udal cestu, jak mu to wyprawiti.

Mnohé knihy mne potěšily. Opětuji Wám swé wřelé díky. Ale bolestne sem pohřešowal:

1) Ostrom. Ewangel. od Wostokowa.

2) Luk'janowiča. Opis. Tureck. wojny 1828—1829. S. Pet. 1844. 2 tomy.

Píši o tom i příteli Pogodinowi, a Wás též snažně prosím, račte mi tyto dwě knihy s přátely opatřiti a buď po Deubnerowi na Kronb. anebo directe po pošt. wozu sem poslati (a třebas skrze cestuj. Rusa, jestli kdo do Berlína nebo sem jel, z Berl. by to po knihkupcích nebo poště sem poslati mohl). Přátelé Jelagin, Walujew, Panow etc. etc. etc. sami se nabízeli ku pomoci we knihách: ej hle teď bych jich prosil, aby mi té swé tak horliwě a plamenně oswědčowané lásky skutkem prokázali! Promluwte s nimi, a učiňte co možné. Lépe, ať ty knihy dwakrát dostanu, nežli ani jednau. Duplikaty odewzdáwám do Museum a jiných našich ůstawůw. Jeho Excell. hrabě Uwarow slíbil mi sice Ostrom., ale zapomněl, a psáti o to i upomínati neslušno. Jak welice lituji, že nyní, když staročeskau gram. spisuji, toho spisu pohodlně užiwati nemohu! Náš ex. w Museum neplný, jen polowice (archy od J. Exc. p. Uwar. tu nechané w čas cestowání) a putuje z ruků do ruků, z Prahy do Wídně a semo-tamo.

Spisuji k I dílu Wýboru literatury Čes., grammatiku nejstar-

рикомъ) терпѣлъ гоненія со стороны Поляковъ; позднѣе разошелся съ народниками малоруссами, сталъ писать преимущ. по-польски по исторіи, языку и археологіи Галиціи, работая по архивамъ и библіотекамъ. См. Пыпинъ и Спасовичъ о. с. I, 415—416. Ср. ниже письмо 49.

šího českého jazyka [1]). Okolo nowého roku 1845 snad budu hotow s polowicí, a tisk se začne.

Od p. Walujewa poslané knihy Kronb. Řiwnáči přišly, a mezi těmi i pro mne. Děkuji i jemu, i ostatním zasílatelům.

Wyšly u nás:

Konečného. Ruční slowník českoněmecký (Dle Juugmanna) We Wídni u Wenedicta.

Wocel. Böhmische Archäologie (německy), tu w Praze.

Markowa Logika a Metafysika.

Týlowy Spisy. Téhož román: Poslední Čech. (Welmi zanímawý).

Jordan. Poln. Grammatik. Lpz. 1844. (Následowat budú i jinoslowanské: tedy bude to cyclus grammaticarum slavicarum).

Objasnění geneal. bulh. od Saweljewa sem četl w Žurn. Minist. № 6. čili Jun.[2]) Mně to bylo již odjinud, z reckých legend a pramenůw, známé. Neníli nic wíce nalezeno?

Poslalste mi několik archu katalogu: I. Церковно-служебныя книги. Od koho to—nenacházím a newím. Škoda že ste nenapsal.

K 1 částce (knihy poselské). Metriky Litewské od. kn. Obolenského [3]) nemám ani záhlawního listu ani předmluwy. Dostal sem to již w loni.

Jungmann Wás pozdrawuje a děkuje za Karamzina. On již w ostáwce s auplnau pensí, ostatně zdráw a pořád welmi činliw.

Mně se toho roku newede dobře. Práce nad sily—a příjmy pod potřebau. Ač nepostonáwám, wšak ani docela zdráw nejsem.

Pozdrawte wšech přátel! Brzo snad wíce! Bůh Wám dej zdrawí! W. u. p. Š.

Že prý nejaké hezké pojednání o Konstant. a Methodowi či žiwot jejich wyšel u Wás? Neposlalste mi toho: čehož mi líto. Pamatujte na mne při takowýchto wěcech. Psal-li a děkowal li sem Wám za čáj po Hawl. Borowském poslaný? Jestli ne, oznamuji Wám přijem a díky: jestli ale, opětuji jedno i druhé.

---

[1]) Počátkowé staročeské mluwnice—Uwod k Wýboru staročeské literatury—вышли въ 1845 г. съ первымъ томомъ Wýbor'а (стр. 118).

[2]) Ж. М. Н. П. 1844 г. № 6, стр. 152—172: Н. В. Савельевъ „Новый источникъ Болгарской исторіи для объясненія хронологіи и генеалогіи Болгарскихъ государей IX в.“ Новый источникъ — Житіе Тиверіопольскихъ мучениковъ—изд. въ III т. сочиненій Ѳеофилакта Болгарскаго (Венеція 1658).

[3]) Сборникъ кн. Оболенскаго. Первый выпускъ (Книга Посольская вел. княж. Литовскаго 1506 г.) вышелъ въ Москвѣ въ 1840 г.

Palackého 3-tí díl ještě newyšel—uhodil na obtížé a překážky. On sám jest s paní a dětmi we Wlaších na celý rok.

W Smyrně prý wyšel bulh. Nowý zákon [1]), též Časopis bulh. tam wychází[2]). Sreznew. má jedno i druhé. Nemohlbyste pro mne 1 Ex. skrze kupce atd. opatřiti? Zde nelze.

44.

24 Ledna 1845.

M. P.! Oboje Waše poslední psaní obdržel sem we swůj čas, jakož obyčejně, řádně: i ačkoli bych přál welice, abych Wám na ně odpowěděti mohl podrobněji, wšak toho mi na ten čas pro tíhotu prací, auřadowání, welmi nestalé zdrawí této celé zimy a zwláště slabost zraku, který mně, půjdeli tak, w kratkém času nemožností čtení a psání hrozí, učiniti toho nemohu. Myslím předce, že lépe bude, abych Wám aspoň na krátce a několik slow napsal, nežli abych dokonce nic nepsal.

Z ohledu knih od Wás Holowackému poslaných nestal se žádný omyl a nemohl se státi: nebo každá kniha Waší rukau jmenem Holowackého znamenána byla. Já jsem jen w onom psaní, co sem Wám byl psal, z ukwapení jméno byl zmátl. Knihy ty sem poslal Holowackému skrze Zapa we Lwowě. Wzal je ode mne a

---

[1]) Новый завѣтъ, переведенный съ славянскаго на болгарскій Iер. Неофитомъ Рыльскимъ, изд. въ Смирнѣ у Даміанова (1840. 8°. 516).

[2]) *„Любословіе* или періодическо повсемѣсячно списаніе“ началось въ 1843 г. Печаталось въ Смирнѣ церковно-славянскимъ шрифтомъ, редакторъ— Константинъ Г. Фотиновъ; издатель Даміановъ. Прошлымъ лѣтомъ (1894 г.) въ Софіи праздновалось пятидесятилѣтіе со времени появленія перваго болгар. журнала, по случаю чего вышелъ „Юбилеенъ сборникъ по случай петдесеть-годишнината на Българската журналистика и чествованието паметьта на основателя ѝ Константинъ Фотиновъ“. Нарежда редакционниятъ комитетъ. София. Печатница Вълковъ. 1894. Здѣсь г-ну Юрдану Иванову принадлежитъ статейка Константинъ Фотиновъ. Въ Литературномъ отдѣлѣ воспоминаніямъ о Фотиновѣ посвящены двѣ статьи: весьма живо написанная статья Попова — „Силата на св. Климентъ и на Сливница“ и Ив. Славейкова „Една страница отъ историята на нашето възраждание, или какъ нашитѣ бащи и дѣди работяли за пробужданието на народътъ“, основанная на замѣткахъ его отца, извѣстнаго болгарскаго поэта П. Р. Славейкова. Другой извѣстный болгар. поэтъ Ив. Вазовъ напечаталъ въ сборникѣ стихотвореніе „Фотинову“, въ которомъ прославляетъ его, какъ „безвѣстнаго труженика въ борьбѣ съ вѣковой ночью, бросающаго первый духовный лучъ въ стихійный мракъ“.

zpakowal i poslal Štorch. Ať se tedy Holowacký jen Zápa [1]) we Lwowě drží.

Co se knih českých a jinoslowanských dotýče: dostanete na jaře buď wšecko, buď aspoň mnoho. Něco sem já pro Wás sebral: ostatek přiloží Kronberger a Řiwnáč, jemuž sem celý popis knih pro Wás poznamenaných podal.

Ze srbskými wěcmi to půjde těžko: ježto co w Bělehradě tištěno, nelze dostati, tak málo, jako co w Číně; a co w Uhřích, to wšecko tak pocartní (?) a málo známé, jako před tím. Wůbec staw našeho slowanského knihkupectwí není ani o mák lepší, nežli byl před tím—leda snad zde w Čechách z ohledu českých zde tištěných knih.—A wšak knih Wám již w Moskwě nechybuje, ani potom chybowati nebude. Co důležitějšího dostanete dřiweji později. Než příliš welice zdáte se mi pečowati o množstwí knih. Quousque tandem. Wěřím pewně, že w Moskwě w rozličných bibliotekách již hezkau zásobu jinoslowanských knih máte, postačitedlnau k Wašim prácem, jejichž centrum, mého dle zdání, předce jen ruština a staroslowanština býti má a musí, ostatní pak jen jako wedlejší příwěsky a pomůcky.

A co se ruštiny týče, toho sem domnění, že již tolik dobrých starých spisůw wydáno a tištěno jest, žeby se dle nich hezká staroruská grammatika sepsati dala. Čekati, až jich wíce wyjde— jest differre (sub plausibili) praetextu ad Calendas Graecas.—Jiné jest slowník: ten se wždy z nowě wydaných starých spisůw rozhojňowatí a obohacowati může a musí. Staroruská grammatika, mého dle zdání, by se s ohledem na rozdíl od staroslow. církewního jazyka psáti musela, a k tomu material postačuje—a mimo to w důležitých potřebách rukopisy w Moskwě a S-Petrohradě jsau před rukama. Labor vincit omnia—ale—labor IMPROBUS! To je to, co je řidší nad bílau wránau.

---

[1]) *Карлъ Владиславъ Запъ* (1812—1871), одинъ изъ видныхъ членовъ пражскаго кружка ученыхъ (Пресль, Ганка, Юнгманнъ, Челяковскій, Палацкій, Шафарикъ), дѣятельный сотрудникъ Květůw и Světozora (ред. П. І. Шафарика). Съ 1836—во Львовѣ чиновникомъ—усердно стремится къ единенію чеховъ съ поляками, изучаетъ русскій языкъ, переводитъ Тараса Бульбу (1839); въ 1845 г. окончательно вернулся въ Прагу, гдѣ принялъ на себя изданія Матицы, касающіяся географіи, составлялъ учебники географіи для чешскихъ школъ и т. д. Въ 1854 становится во главѣ основанныхъ тогда Památek archeologických. Запъ былъ однимъ изъ наиболѣе заслуженныхъ ученыхъ и народниковъ времени возрожденія Чеховъ.

Má staročeská grammatika (to jest «počátky» (Elementa)— tyto dni putuje do tiskárny. Dostal sem ji 13 Ledna. Staročeské Chrestomathie se tiskne 37-mý arch. Bude wšého asi 50 archůw w 1 dílu. Palackého historie ještě newyšla, ale se již dotiskuje. W Záhřebu wydala Matice druhý spis: Dra Demetra drámu Teuta [1]). Dostanete ji! We Wídni wyšla nowá mappa srbské země od Bugarského: ještě sem jí newiděl. W Bělehradě wyšla Golubica na r. 1845 od Wozarowiča. Můj synowec Jan wydáwá starosrbské mince [2]). Kreslí je na kameni tu u nás Šír. W Záhřebu wyšla: Slawonské warošske pěsme. Od Župana 1844 —Ostromirowo Ewangelium, o nemž píšete, že je přítel Pogodin přes Čerwenau Rus wyprawil, ještě nepřišlo. Tak ani Remešské Ewangelium, jenž z Petrohradu od J. Exc. p. Uwarowa sem p. Hankowi a mně posláno bylo, nepřišlo [3]) leč holé psaní—bez knih! Knihy někde na cestě uwázly!—Z ohledu Lukjanow. netřeba pospíchati: pošlete mi to na jaři, když se otewře plawba.

Psal sem Wám, že w Carhradě bulharská tiskárna? Dobře by ste učinil, kdybyste hleděl nějaké stálé swazky s Odessau a Carhradem strany bulharských knih osnowati.

W Smyrně wychází časopis bulharský. W Belgradě wyšla: Istorija na Welikij Aleksandra Makedonca. Wyd. Christo, P. Wasiliew Protopopowič 1844 8° blgarsky [4]).

---

[1]) *Demeter Dimitrija*, Doktor medicine u Zahrebu. Dramatička pokušenja. Dio II. Teuta, tragedia u 5 činah. U Beču 1844. 8. str. XXVII. 208. Первая часть, содержащая драмы въ стихахъ: Ljubav i dužnost (въ 3-хъ дѣйств.) и Krvna osveta (3 д.) вышла въ 1842 г. въ Загребѣ у Л. Гая. Докторъ Деметеръ былъ м. пр. редакторомъ „Danice“ 1842—49 г., газеты Narodne Novine въ 1857—59 г., альманаха Iskra 1844 и 1846 г.

[2]) Имѣется въ виду трудъ Янка Шаф.: „Опис свију до сад познатих српских новаца“, вышедшій въ 1851 г., въ 3-й книгѣ „Гласника“ Српског. Уч. Друштва. Таблицы готовились, рисовались, изданы въ 1845 (въ Бѣлградѣ же) и приложены позднѣе къ изданію; см. „Гласникъ“ 75, 80.

[3]) Подразумѣвается изданіе факсимиле Сильвестра; экземпляръ, назначенный Ш-у, Ганка почему-то долго не передавалъ, на что жалуется Ш. Погодину; см. письма II, 336—337.

[4]) Исторія на великый Александра Македонца. Преведе отъ гърцки Карловскій словено-болгарскій учитель Хр. П. *Василіевъ* Протопоповичь отъ Карлово. Бѣлградъ, 1844, 8°. стр. 160.

Příteli Pogodinu sem onehdy psal a jej těšiti hleděl - ačkoli i mne samému tak špatně se wede, že potěchy potřebuji.

Pozdrawte přátel a dobře se mějte. W. u. p. P. I. Š.

Z Brodůw sem dostal Blgarský Bukwar Moskewský [1]) několiko exx. snad od Pogodina poslaný.

45.

24 Března 1845 n. s.

Přemilý Přítili! Ačkoli k obšírnějšímu psaní ani látky se mi nedostáwá, nebo u nás we slowanské a české literatuře jen zdlauhawě se pokračuje, ani duševného klidu a rozmaru, nebo pro krutau, dlauhotrwanliwau zimu položiw a polomrtew a k tomu rozličnými starostmi a trampotami roznemožen sem—wšak nicméně umínil sem psáti Wám několiko slow, zwláště proto, poněwadž nyní přes swátky wíce dostihu mám, nežli kdy jindy. Bůh wí, kdy Wám zase budu psáti moci!

Palackého historie české wyšel nowý, čtwrtý swazek. Poručil sem Kronberger-Řiwnáčowi, aby Wám jej po poště poslal: neučinil li to, přihlednu sám po swátcích, a pošlu Wám bez prodlení. Slyším, že nyní balíčky s knihami na poštowský wůz přijímají, t. do Ruska, čehož před tím, i po zawřené smlúwě čili konwencí, newím pro jaké nedorozumění nebylo.

Míklošiče Radices linguae slavicae cum lingua sanscrita comparatae wyšly w Lipsku (1845, Weidmann): proto Wám jich Kronberger neposílá, nebo prý je Deubner již z Lipska má.

Jiné pro Wás sebrané knihy pošle Kronberger, jak obyčejně, kdež i ode mne něco bude. Mé staročeské grammatiky se tiskne 4-tý arch. Bude to wlastně jen úwod k Wýboru staročeské literatury od našeho Sboru musejního nákladem Matice: než i zwláštní wýtisky shotowiti dám.

Od Wúka čekáme nowý díl srbských písní—w tisku hotowý. Od Bugarského wyšla mapa Srbska, we Wídni. Pan Hanka wydáwá zde Remešské ewangelium nowým cyrillským tiskem [2]),

---

[1]) Букварь бѫлгарски, на иждивеніе московскаго купца Ангели Николаевича Хаджогло из града Русчук. Да ся раздаде в дар учащимся юношам. Москва (ун. тип.). 1844. 8°. 117.—Букварь составленъ болгариномъ Бусилинымъ. См. Сборн. болг. Мин. IX (1893), стр. 29 (№ 83).

[2]) Вышло въ 1846 г. въ Прагѣ. Грамматики къ евангелію, какъ сообщаетъ Ш., не вышло; въ предисловіи свѣдѣнія объ исторіи реймскаго текста; въ концѣ свѣдѣнія объ остром. ев.

s parallelným textem Ostromirowa ewangelium, s úwodem, grammatikau atd. Widíte, že se nedal ani Wámi odstrašítí! Co se mne dotýče, já sice newím, zdaliž to psal sw. Prokop nebo nepsal—i kdo to může wěděti s jistotau, být' i jméno swatého tam podepsáno bylo—ale že to staré, welmi staré jest, o tom sem dokonale přeswědčen. Jest to zwláštní třída rukopisůw, kteréž měřídkem bulharských a ruských měřiti nelze.

O městě Winetě já napsal zwláštní pojednání, pokud sem uměl a mohl, jež naleznete w Musejním Časopisu našem [1]). Některá jiná bibliografická pojednání ode mne wyjdau w Rozboru staročeské Literatury, sw. 2-hém. Wše to swým časem dostanete.

Štúr w Prešpurku má již dowolení k wydáwání Nowin slowenských i Orla Tatranského [2]). Začne wydáwati 1 Čerwence. Přijde ještě dříwe sem do Prahy, jak mi psal.

W Chorwatech w Záhřebu bude založena stolice chorwatsko-slawonského jazyka, jakž w Nowinách ohlášeno, již w Máji tohoto roku. Konkurs o professuru s 800 zl. stř. platu již rozepsán.

Zap ze Lwowa se dostane sem do Prahy za auředníka. Má se přestěhowati hned po weliké noci. Daufáme, že bude w literatuře naší, zwláště w čes. zeměpisu a statistice, pracowati.

Čelakowský jest zde přes swátky welikonoční. Žení se s Antonií Reisowau, známau Wám sestrau Stankowé.—W takowých okolnostech já s ním o literárních záležitostech ještě mnoho mluwiti sem nemohl.

Hrabě Josef Mathiáš Thun (rozdílný od známého Wám hraběte Lwa Thuna) wydal práwě nyní spísek: Der Slawismus in Böhmen, kterýž bohdá na wyjasnění poňětí o stawu našem a smíření aumyslůw dobře působiti bude. Wyjde i česky [3]).—Přikládám

---

[1]) Статья — O jménu a položení města Vinety, jinak Jumína, Julina, Jomsburku—вышла, дѣйствительно, въ Музейникѣ 1845 г., № 1; перепеч. въ Sebrané spisy III, 45 и сл. (Praha 1865); см. ниже письмо 47.

[2]) См. выше письмо 41, стр. 53.

[3]) *I. M. Тунъ* (1794—1868) былъ предсѣдателемъ Музея, особенно интересовался языкомъ и литературой чешской, много переводилъ съ чешскаго на нѣмецкій (краледв. ркп. въ его переводѣ издана съ введеніемъ Палацкаго и Шафарика—1846). Его брошюрка посвященная защитѣ чеховъ, какъ народности, вызвала обширную литературу у нѣмцевъ и чеховъ, сюда относится анонимная оконченная брошюрка, вышедшая въ томъ же году въ Лейпцигѣ: Worte eines Čechen, veranlasst durch die Graf Josef M. von Thunschen Broschüre.

Wám to zde jako nowinku: račtež ji po přečtení sděliti příteli Pogodinowi. Totéž, prosím, račtež učiniti s přiloženým zde lístkem. Snad budete míti příležitost poslati mu to bez odkladu: neboť wím, že daleko jeden ode druhého bydlíte.

Z ohledu knih již sem i Wám psal, i příteli Pogodinowi, abyste jediné to, co nejdůležitějšího jest z oboru histor. liter. a starožitností pro mne sbírali. Čas jest obmezowati se na skownau míru. Potřeb na wše strany bez konce.

Přítele Pog. sem prosil o přepis Žiwota sw. Methodia [1]). Jestliby on nestačil k tomu, prosím, postarejte se Wy o přepisowače, a dejte mi to přepsati. Jen pamatujte na ono: bis dat, qui cito dat. (Žiwot sw. Methodia [2]), o němž w Moskwitjan. 1843. № 6. str. 405 řeč, nikoli Kyrilla: nebo tento již mám).

Jak náhle se od zimy trochu zotawím, budu Wám opět psáti, a z ohledu knih co možné opatřím.

Bůh Wám dej zdrawí. Pozdrawení přátelům! W. u. p. Š.

46.

22 Srpna 1845 n. sl.

Dne 1. srpna n. sl. postihla mne dosti těžká nemoc, totiž typhus, kteráž trwala až do 14. t. m., potom přestala a nastaupilo polehčení. Teď pomalu okřáwám. Jsem ale ještě tak slabý, žě toto psaní swému nejstaršímu synu diktowati musím, ba ani wlastnoručně podepsati nemohu. Děkují Bohu, že mne rodině, přátelům, a snad i jiným lidém, kterým ještě prospěti mohu, zachowal.

Předewčerem jsem poslal poštau psaníčko Pogodinowi. Dnes tuhle přikládám dodatek pro něho. Prosím wás, dejte jej do obálky, adressujte a pošlete mu bez odkladu.

O waší bedně s knihami jedná Miklóšič we Wídni s auřadem. Teď, churaw jsa, odešel někam na měsíc. Po nawrácení jeho budeme jednat znowa horliwě. Tento rok musíme wěc tu nějak dokončit.

---

[1]) За время послѣ 2 марта 1845 до 16 авг. 1846 г. переписка Ш. съ Погодинымъ не сохранилась въ бумагахъ послѣдняго. См. письмо II, 338, примѣчаніе.

[2]) См. письма II, 338; Ohne eine Abschrift der Leg. von Method kann ich meinen Aufsatz nicht zu Ende bringen. Въ означенной книжкѣ Москвитянина (1843 г. № 6, стр. 405—434) помѣщена извѣстная статья А. В. Горскаго (неподписанная) „О св. Кириллѣ и Меѳодіи“: здѣсь первое извѣстіе о паннонскихъ житіяхъ.

Pište mi, zdaliž jste poslané knihy jiz dostal. Byli adressowané na Pogodina, a šli skrze Kronbergra na Deubnera.

Prosím Wás, pošlete mi Lukianowiče historii wojny s Tureckem. Můžeteli, půjčte mi též mappu Bulharskau, we Strasburku wyšlau.

Pošlu Wám ji swým časem dojista zpátky.

Tu u nás zdržuje se Stanko Vráz ze Štyrska. W Chorwatěch trwají politicko-národní různice a rozbroje napořád. W takowých okolnostěch se w literatuře málo aneb nic neděje. Stanko Vráz tiskne zde w Praze swau zbírku drobných nowých básní. Ze Srbska nemám žádných zpráw. Jde to u jižních Slowanůw w literatuře welmi zdlauhawě a dřímawě. U Slowakůw začal Štúr wydáwat nowiny w slowenském nářečí. Kolár a protestantské duchowenstwo s tím welmi jsau nespokojeni. I mně se zdá počínání to nečasné a nepraktické; bojím se, že sobě Štúr welice uškodí a jiným nic, zhola nic nepomůže.

Jak náhle sebrané knihy ke mně wyprawíte, oznamte mi to poštau, abych wěděl, kdy a odkud jich čekati mám.—Welice jsem žádostiw dowěděti se, co pracujcte w literatuře, Wy, Preis, a Sreznewský? Od Wás, jako od professorůw, k tomu powolaných a ustanowených, mnoho očekáwáme. Kdybyste nám aspoň nejpotřebnější učebné knihy slowanského jazyka a jeho literatury dle hlawních nářečí wypracowali a wydali!

Jestli mi Bůh žiwota a auplného zdrawí popřeje, hodlám dokončiti tohoto nastáwajícího podzimku a w zimě některá již dáwno začatá pojednání, jmenowitě o Cyrillowi a Methodowi, o jazyku i literatuře Bulharské, a. t. d. Též bych rád co nejdříwe sporádal a ke konci přiwedl swau zbírku starosrbských památek, kterau w Bělehradě w Srbsku wydati chtějí.

Práce by bylo dosti, kdyby jen zdrawí a času bylo.

Práwě teď wydal Kolár nowé wydání swých básní w jednom dílu w Pešti. Jest tam Sláwy Dcera, pauhý text bez wýkladu, a rozličné drobné básně. Tu w Praze tiskne Zap stručný, wšeobecný zeměpis. Zap se dostal ze Lwowa sem do Prahy za úředníka.

Tomek tiskne krátkau historii rakauského mocnářstwí. Obě díla budau částky malé encyklopedie nauk. Od Presla se tiskne Botanika, dílo welmi obšírné; budau 3 weliké díly. Klácelowa morálka a Smetanowa wšeobecná historie jsau w censuře. Jungmann chystá nowé wydání historie Literatury. Wyšlo několik beletristických nepatrných knižek.

Bude se stawět diwadlo české.

Přeji srdečně abyste dokonale zdráw byl. Pište mi brzo. S Bohem. Wáš úpřimný přítel Šafařík.

На оборотѣ приписка: Hawlíčkowi, z ohledu těch Wám dlužných penez, za než se Jungmannůw Slovník kaupiti má, budete musel sám několik slow psát. On teď žije zde w Praze.

47.

20 Čerwence 1845 n. s.

Přemilý Příteli! Psaní Waše ode dne 2 Máje t. r. st. s. došlo wěrně a pořádně mých rukau, i nemálo mne potěšilo hojností a rozmanitostí zpráw. Chtěl sem se Wám aspoň z polowice odměniti dostičinící hojnau odpowědí; než dostihu i síly we wíru žiwota, prací a starostí spíše ubýwá, nežli přibýwá; pročež dnes jen nějaké zlomky místo pořádné odpowědi, abyste aspoň wěděl, že žiw sem.

Knihy pro Wás sebrané sem poslal w prwních dnech minulého měsíce Čerwna (Iunia) po Kronbergrowi na Deubnera, ale na jmeno Pogodina. Snad je již máte. Jest tam pro Pogodina jen málo, snad pět nebo šest knih: ostatní wšecko pro Wás. Pročež prosím račte Pogodinowi za wozné a clo nahraditi. Do Lipska sem frankowal. Po poště sem neposlal nic. Rozpis knih přidán k nim samým.

Z ohledu kufru z Chorwat psal sem opět do Wídně p. Miklošičowi. Na odpowěď čekám, a konečnau zpráwu Wám brzo pošlu.

Bulharské mappy, od Hadži-Ruseta w Strasburce wydané, sem posawad newiděl. Rádbych ji měl, ale newím, jak jí dostati. Zdaliž byste Wy mi raditi neuměl, kterak a kde bych si ji zaopatřiti mohl? Nemohlbyste mi swůj exemplar na krátký čas půjčiti?

Wuk nyní žije w Srbsku, jak sem slyšel. O tisku Slowníku nic newím. Druhý díl písní wyšel a poslal sem Wám.

Mé pojednání o Winetě w Musejníku 1845 sw. I. psáno samostatně, bez ohledu na cizí domněnky a hádky. Já napsal o tom předmětu jen to a tolik, co a kolik sem našel w nejstarších pramenech. Tuším, že to již w Moskwě máte.

O Swarohowi, Swarožičowi (před tím mylně Suarosici) stojí ode mne w Musejníku 1844 swazku IV-tém. Lituji, že na takowé malichernosti tak welký ohled berete, a tím se w dokonání swých prací zdržujete. Zpytowání nikdy není konce, každý den nowé prawdy na swětlo wynáší. Dokonalost jen u Boha. Mé Starožitnosti tak jak jsau mohau prospěšny býti tomu, kdož jich užiti chce. Jejich cena w celku a w methodě skaumání: nikoli w jednotliwých sadách a

twrzeních, kteréž někdy i mylné býti mohau, podlé přirození lidského wědění.

Ostromirowo Ewang. od Pogodina sem dostal již dáwno.

Bělewského spis o staropol. historii [1]) posud newyšel, ani se newí, že wyjde. On prý jen spisuje.

Holowacki posawad nic neposlal. Wahylewiče Grammatika [2]) newyšla. O smrti Lelewela [3]) a odstranění Mickiewiče od katedry zde nic newíme.

Professor w Záhřebě posawad není ustanowen žádný: ani o dowolení jména Ilir nic zde newíme. O professuru se ucházeli Mažuranič [4]), Vraz [5]), Babukič [6]) a mnozí jiní.

Hawlíček žije zde w Praze: než málo ho wídám. Z ohledu peněz potřebí bude, abyste mu několik slow napsal, a do mého listu wložil. Odewzdám mu to.

Štúr ohlásil Nowiny i Přílohu k ním: Orel. Bude to wydáwati w nářečí Slowákůw. Jak to wypadne, čas naučí. Začne wydáwat 1 Srpna (Augusta).

Od té doby, co sem Wám knihy poslal, wyšla Jungmannowa Slowesnost. [7]) Tiskne se Zapůw zeměpis a Tomkowy Děje mocnářstwí Rakauského (pro Malau Encykl. nauk).

Knihy pro mne sebrané posílejte přes Hamburk skrze kupce Cordesa (adres má Pogodin): nikoli skrze knihkupce. Znamenámi neochotnost a neuslužnost knihkupců w zde i u Wás. Knihy posílejte jen nejdůležitější pro mau nauku: stojí to mnoho i Wás i

---

[1]) *Авг. Бълёвскій* (1866—1806), директоръ Оссолинеума (1842—1876). Первымъ его историческимъ трудомъ было: O pierwotnych dziejach Polski (Львовъ 1842); продолжая свои занятія исторіей старой Польши, издалъ: Wstęp krytyczny do dziejow Polskych. (Львовъ 1850). Объ этомъ трудѣ, подготовляемомъ Б-нимъ, вѣроятно и идетъ рѣчь.

[2]) См. выше письмо 42.

[3]) Дѣйствительно, слухъ былъ не вѣренъ: I. Лелевель умеръ въ Парижѣ 29 (17) апр. 1861.

[4]) *Антонъ*; см. выше письмо 42.

[5]) *Станко Вразъ* (1810—1851) извѣстенъ не только, какъ талантливый поэтъ, усердный собиратель нар. пѣсенъ, но и какъ одинъ изъ главныхъ вожаковъ времени Илліризма.

[6]) *Векославъ Бабукичъ* извѣстный знатокъ языка и грамматики хорватскихъ; онъ и занялъ каѳедру языка въ Загребѣ (въ высшей гимназіи, нынѣ университетъ).

[7]) Второе изданіе; первое вышло въ 1820 году.

ostatní přátely. A mimo to můj čas uchází a z přístawu se wolá: Contrahe wela.

Matice ilirská tiskne Gunduliče drobné spisy.—Ostatně w Ilirsku wšecko literárně téměř ticho a mrtwo. tam od nemluwněte do děda wšecko jen politizuje, hádá a pere se.—O srbské lit. newíme zde, jakoby jí na swětě nebylo.

Mé práce wáznau. Paní pořád nemocna. Starosti s dětmi rostau. Wyhlídka do budaucnosti wždy kalnější.

Bůh Wás opatruj a požehnej wšem pracem Wašim. Pozdrawení přátelům! Bud'te zdráw! W. u. p. Š.

Hanka tiskne 7-mý arch Remešského ewangelium.

48.

30 Listop. 1845 n. s.

M. P.! Na Waše psaní od 25 Zaří t. r. teprwé dnes odpowi dám, a i to opět na krátce. Ku prostrannějšímu dopisowání postačiti nemohu dílem pro množstwí prací dílem pro časté postounawání. Následky mé nemoci ještě docela nezmizely.

Nejprwé o zásilce knih. Waše zásilka sem ke mně posawad nepřišla, a newím kde wézí. Zdaliž moje již tam we Wašich rukau jest, w pochybnosti sem, a obáwám se zmatku. Wytýkáte mi, že sem to na Pogodina adressowal: než já sem jinak učiniti nemohl. Příčina byla tato. Když sem s tím balíkem ku Kronbergerowi přišel, ukázal mi Kronberger (důwěrně a jako sub rosa), psaní od Deubnera, w kterém mu tento přísně zapowidá, aby budaucně žádné balíky do Moskwy od nikoho nepřijímal, poněwadž prý ti páni Rusowé jimž se to posílá, ne plátí, ješto prý ty wýlohy jejich peněžité sily přewyšují že on prý již weliké náklady na podobné zásilky westi a mnoho peněz wydati musel atd. atd.

Neweda co činiti, a abych w hanbě nezůstal a s tím balíkem domů cauwati nemusel prosil sem ho, aby to na jméno Pogodina přijál, ujištowal sem ho, že se sám o to postarám, aby tento bohatý pán již napřed Deubnerowi penize za wozné a clo bud' položil, bud' pojistil. Tak naposledy swolil, ač nerád; a já sem Pogodinowi hned psal, aby tu wěc s Deubnerem w pořádek uwedl. Widíte že já docela newinen sem: winen jest Wáš Deubner, jakožto lakomý a nenasycený knihoder, a snad i Wy, že projda půl Ewropy neznáte lidí a swěta Nyní Wás prosím, abyste ani Wy, ani žádný jiný, koho se snad ta wěc týka (což já zde newím), s Deubnerem o to se newadil: sic tu wěc uděláte jen horší, zkazíte co se snad ještě na-

prawiti dá, a mně zde u Kronb. (který mi to psaní podtají swěřil a ukazal) mrzutost působíte. Neilepší prostředek jest, abyste tomu lakomému Němci několik set platinowých rublůw do pažeráku hodil, aby jeho peněžochtiwý žaludek dlauho co tráwiti mohl. Přál bych to i proto, abychom si tuto pohodlnau cestu k zasílání otewřenau zachowati mohli, sic jinak ja wěru newím, kterak bych Wám odsud knihy zasílati mohl? Na Pogodina, ste též o ty knihy ták dotírati neměl (on si ztěžuje na Wás) on je w té wěci newinný, a byl by Wám je po přijetí odewzdal. Neboť na knihách jemu patřících wšudy jeho jméno napsáno stojí, a kde není jména, náleží wšecko Wám.

Přišel li ten balík již do Moskwy? Pište mi, prosím Wás, brzo: jsem trochu nepokojen.

Z ohledu Wašeho kufru we Wídni dostal skrze p. Nejebse, celního auředníka, welmi nemilau odpowěď. Zni takto: «Die nach Moskau bestimmten Bücher sind wegen des durch mehr als ein Jahr rückständigen Lager zinses verkauft, jetzt aber, mit Ausnahme der als Schund angesehenen Bücher, wider zurückgekauft werden. Herr Bodjansky trägt selbst die ganze Schuld, da er die an ihn gelangte Kiste nicht zurückschicken will. Sobald er dies thut, wird man auch die nicht als Schund angesehenen Bücher ihm ungesäumt zuschicken». Co je ten «Schund» wyswětlí Wám snad pan Deubner. Nemilá to welmi wěc. Já newím, odkud oni se dowěděli, že Wy ten kufr u Wás zpátky poslati nechcete?

Psal jste snad na auřad aneb někomu do Widně? Mně od tolika let ani austně ani písemně nebylo oznámeno, žebyste ten kufr bez odkladu do Widně poslati měl: na dotazowání mého knihkupce we Wídni bylo mu wždy řečeno: die Sache ist in ämtlicher «Verhandlung», aneb: «die Sache ist in Erledigung». Nyni tedy, co učiníte? Chceteli, pošlete ten kufr u Wás na Waše autraty zpátky do Wídně, pod nápisem: «An das K. K. Hauptzollamt in Wien», pak dostanete swé knihy, buď z wětší částky, buď snad i wšecky, jestliže «Lagergeld» zaplatíte, a tak ty knihy, které jako «Schund» u zástawě jsau, wyměníte. Jiného tu již učiniti nelze, neb ta wěc auředně dokončena: factum infectum fieri nequit. Počneteli něco jiného, nedožijete ani Wy, ani já konce—tak u nás, a snad wšudy, podobné wěci jdau.

Od Hawlíčka přikládám tu hle odpowěď, s kterau sotwa spokojen budete. Chceteli mu psáti, prosím, učiňte to directe na něho, s nápisem: An. K. Hawlíček, Redakteur der Böhmischen Zeitung, in

Prag.[1]) On totiž od Nowého roku bude redigowati české nowiny zde u Medaua, přešlé tam od Házůw. Hawlíček sobě tu co spisowatel kritik trochu diwně počíná, a newím, opatrněli. Nechtěl bych, aby w té wěci ke mně nabíhal, a mne za saudce wolil: mám mimo to wlastních klopot dosti.

O Holowackém, kde a co jest, já nic newím. Přijduli knihy, odewzdám, co pro něho, zde p. Zapowi, o jehož poctiwosti a pořadnosti já auplně přeswědčen jsem. Předešlé sem též jemu odewzdal. Práwil mi, že to posílá jen příležitě, nemoha jinak, ješto by to prý we Lwowě uwázlo a jeho nikdy nedošlo.

Za literní zpráwy Wám děkuji. Prosím, nepomiňte psáti mi i budaucně o nowě wyšlých knihách.—Walujew mi posawad Lukjanowicě neposlal: lituji welice, že ta kniha k oné zásilce letošní přiložena nebyla, tak bych jí snad jistě byl dostal. Než—quod differtur, non aufertur.

Palackého historii a jiné knihy sem Wám poslal w balíku, a není potřeby, posílati poštau. Jiných literních nowostí máme málo, aspoň málo pro nás zanímawého. W čes. archiwu se bude pokračowati. Wyšla Tomkowa krátká historie mocnářstwí Rakauského, nowý to díl Malé encyklopedie nauk.[2]) W Lipsku wyšlo několik českých knížek. Kollárowy Básně jsau pauhý text, bez wýkladu, a wšecko známé staré.[3]) We Wídni wyšla: Wila Ostrožinská (Básně illyrské). Ohlášen od Matice w Záhřebu: Malý kapesní illirsko-německo-wlaský slowník. Než o těchto jindy a něco lepšího, budu sbírati pro Wás.

---

[1]) *Гавличекъ* извѣстный чешскій писатель, поэтъ и публицистъ. Его тирольскія елегіи переводились не разъ на рус. яз. Онъ былъ домашнимъ учителемъ у проф. Шевырева и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ. Очень интересны его наблюденія надъ русскими нравами. См. Sebrané spisy Karla Havlička. Vydány nákladem Svatoboru. Sv. I. ср. письмо 35.

[2]) Wácsl. Wladiwoje Tomka Děje mocnářstwí Rakauského. Malé Encyklop. díl. V. Эта книжка послѣ того много разъ переиздавалась. 2-е изд. 1850 г., 3-е изд. 1864 г.: „Děje králowstwí českého“. Одно изъ изданій переведено и на рус. яз. „Исторія Чешскаго Королевства“. С. П. 1868 перев. В. Яковлева.

[3]) Разумѣется изданіе въ 2-хъ частяхъ: Díla Básnická Jana Kollára we dwau djljch. W Budíně. 1845. Въ 1-й ч. напечатаны 622 сонета „Sláwy Dcera“ (счетъ по числу сонетъ, а не стр.); во 2-й ч. мелкія стихотворенія на 58 стр.

Pozdrawení wšem přátelům a příznivcům a buďte zdráw i šťasten! Wáš upřim. přítel Šafařík.

49.

W Praze 26 Pros. 1845 n. s.

M. př! Oznamuji Wám, že od Holowackého přišel pro Wás balíček s maloruskými písněmi, a zde u p. Zapa složen jest. Ztíží asi 4 nebo 5 liber. Oznamte nám, jakau cestau Wám jej doslati máme, po poštowském li wozu, přidadouc několik malých knižeček s deklarací «tisk» («Druck»), čili po knihkupcích, a kterých? —

Knihy od Wás mně poslané ještě nepřišly, a mám strach o ně, že někde uwázly? Zdaliž pak ste Wy mau zásilku od měsíce Čerwna, na Pogodina adressowanau, dostal? Pište mi o této wěci, třebas na krátce, promluwiw dříwe s. p. Deubnerem.

Kterau cestau Wám budaucně knihy zasílati mám? Wyšly nedáwno: Grammat. języka maloruskiego w Galicii przez Jana Wagilewicza. Lwów 1845. 8° XXIII+181 stran. Spis dosti dobrý, než hrozně ošklivě a nesprávně tištěný. Dále: Vila Ostrožinska. Piesmotwori i uvod za krasoslovje. Od Og. Utiešenowić—Ostrožinskoga. U Beču 1845. 16° 176+54 str. Pěkná to sbírka básní s pojednáním o krasowědě a jmenowitě o básnictwí.—U nás s nowým rokem mnoho proměn w literatuře se očekáwá. Hawlíček bude wydawati Nowiny a Wčelu, Malý Kwěty, Zap nowý Časopis Pautník, ačkoli tento poslední ještě nemá k tomu powolení. [1])

Já této zimy, pokud čas a síla stačí, zaneprázněn sem wětší filologickau prací, o niž Wám později, až dílo dozraje, obšírnější zpráwu podám. Daufám, že w běhu tohoto roku w Aktách zdejší učené společnosti, též i obzwláště, na swětlo wyjde. Cítil sem potřebu prošetřiti na nowo základy našeho jazykozpytu, Dobrowským položené a jinými přijaté. Přeswědčil sem se, že bez dobrání se pewnějších a hlubších základůw nelze mi z místa se hnauti, nercili w tak temných okresích nauk, jako we starožit. slow. (2-hém oddělení, težším než prwní) s prospěchem pracowati.

---

[1]) Въ 1 sw. Časopis'a за 1846 г. были приложены пробные №№ того и другого изданія: 1) Pražské Nowiny č. 3 и 2) Česka Včela č. 1, начавшія выходить подъ редакціей Гавличка. Во 2 sw. того же журнала приложено было объявленіе о подпискѣ на Pautník и пробный № изданія. Издателями были сыновья Bohumila Haase. Журналъ выходилъ съ иллюстраціями.

Hankowo Remešské Ewangelium wyšlo na swětlo, a naději se, že se i Wám brzo do rukau dostane: nebo jak slyším, celé haldy té knihy do Ruska poslal. Jist sem, že se Wám zalíbí [1]).

Práwě mne dochází smutná powěst o smrti Walujewa. Lituji ztráty tak nenadalé i neočekáwané nadějného mladého muže [2]).

Dr. Staněk do Bělehradu neodjel, nybrž zůstal zde w Praze.

Dnes přetrhnauti a končiti musím. — Buďte zdráw, pozdrawte přátel ode mne, a pamatujte na swého upřím. přítele P. J. Šafaříka.

Pojedeli někdo sem do Čech z Moskwy, prosím, pošlete mi ½ f. půl libry čaje, třebas newíce, aby žádné obtížnosti nebylo.

Mezi knihy pro mne chystané na r. 1846 položte, prosím, tyto dwa: Karmann. slow. inostr. slow, wošedš. w sostaw rusk. jaz. izd. N. Kirilowym. S. P. 1845.

Bukwar etimolog. ruskij. Sost. Jak. Gerdom. S. P. 1843 r.

Chceme podobné knížečky česky sepsati a radi bychom ty Waše widěli. Nezapomeňte!

50.

W Praze 8 Února 1846 n. s.

Přemilý příteli! Zásilka knih, taužebně očekáwaná, došla ke mně posledního dne (t. 31 Pros.) minulého 1845-ho roku. Brzo potom dostal sem i Wase psaní ode dne 10 Pros. 1845 roku. Skládám Wám i ostatním přátelům srdečné díky za poslané knihy. Co zdejším náleželo, rozdal sem sam: co wenkowským, buďto sem poslal, anebo jejich zdejším přátelům k zaslání odewzdal. Daufám, že každý swé dostane. Holowackého knihy opět sem odewzdal Zapowi, a jeho snažně prosil, aby se o pořadné jich zaslání postaral.

Naději se, že již i má zásilka knih od měsíce Cerwna 1845 we Wašich rukau jest. Zprawte mne o tom, prosím Wás. Již sem se

---

[1]) Въ Ж. М. Н. П. 1846 г. LII была помѣщена рецензія на изданіе Ганки, подписанная П. Б., т.-е. П. Билярскимъ. Болѣе подробная статья о Реймскомъ Ев. напечатана была въ Ж. М. Н. Пр. 1848 г. Паплонскимъ.

[2]) Извѣстный *Д. Валуевъ*, издавшій, „Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ“ т. I. Изд. Д. В. Москва. 1845. Въ немъ были помѣщены изслѣдованія: Кавелина „Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ“, Суровецкаго „О земледѣліи, промышленности и вообще богатствахъ Польши въ XVI и XVII вв., Грановскаго „Исторія Скандинавскаго Іомсбурга“, Соловьева—о значеніи слова „черный“ въ древнемъ рус. яз. и др.

Wás tázal, mám li tauto cestau skrze Kronbergra a Řiwnáče, s dalšími zásilkami k Wám pokračowati? Jak náhle odpowěd' Wáši obdržím, pošlu Wám rukopisnau sbírku maloruských písní od Holowackého, pro Wás uchystanau, a zde u Zapa ležící, spolu s některými jinými knihami.

Mezi póslanými knihami nejedny mi weliké potěšení působily. Bylt' sem posawad zaneprázdněn čtením jich. Zwláště důležito, co Waše Moskewská učená společnost wydáwá. Též knížku Katkowa sem s potěšením četl[1]). Máteli příležitost, oznamte Wsem pánům mé srdečné díky za tyto wzácné podarky.

Nenadálé a příliš časné zwěčnění horliwého, přičinliwého Walujewa litujeme z té duše wšickni, ježto sme ho znali. Ztráta to pro literaturu citliwá!—Ohledem na Lukjanowičůw spis o wojně rusko-turecké není potřebí, abyste jej poštau posílal: schowejte až do jarní nebo letní doby a pošlete s ostatními knihami bud' obyčejnau knihkupeckau cestau přes Lipsko, aneb skrze Cordesa, přes Hamburk. Nebo jestli by nám Deubner dalšího zasílání a prostřednictwí odepřel, museli bychom se nawrátiti k staré cestě skrze Cordesa w Hamburku. Než o tom uwidíme.

Z oboru naší literatury Wám málo nowého psati mohu. Největší částka činnosti našinců̊w koncentruje se nyní w Matici české a we Sboru. Příjmy Matice se hezky rozmnožují, takže každý rok wíce a wíce knih wydáwati se bude. Časopis musejní wychází toho roku dwauměsíčně: na rok 1847 již wycházeti bude každého měsíce swazek. W redakcí časopisůw Kwěty a Wčela nastala proměna, ony wede Malý, tyto Hawlíček: oboje se zlepšují. Při wšem tom jest a zůstáwá a bez pochyby dlauho ještě zůstane literatura naše chudá: počet spisowatelůw, dobrých spisowatelůw, jest ještě malý, síly jejich slabé. — Onehdy založena a otewřena zde měštánská (česká) beseda (ressource): o založení českého diwadla též se jedná, než to bez pochyby, pro nedostatek peněz, ještě dlauho potrwá.

Z Jihoslowan málo důležitých zpráw. Slyším, že Grigorowič we Wídni. W Turecku prý mnogo důležitého starého sebral.— W Bělehradě ohlašeno wydání spisůw Dawidowiče od Wozarowiče [2]). Zora Dalmatinská wychází již obdobným prawopisem.—Štúrowy nowoty a zmatky wšem rozumným welikau lítost působí.

---

[1]) Разумѣется извѣстное изслѣдованіе М. Каткова. Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго яз. Москва. 1845 г.

[2]) Димитрије Давидовић род. въ 1789 въ Землинѣ. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ сербскихъ литераторовъ: Издавалъ въ Вѣнѣ

Já prázné hodiny této zimy trávím hotowením wětšího a obšírnějšího spisu o jazykozpytu slowanském. Buduli hotow, wyjde nákladem bud' Matice aneb učené Společnosti.

Zdrawí není docela pewné. U nás zima wlhká, nezdrawá. Odpust'te, dnes musím přetrhnauti a přestati. Pozdrawení wšem přátelům! Bud'te zdráw a št'asten! Wáš upřímný přítel Šafařík.

Dr. Staněk nepřijal zwání do Belehradu, a zůstal zde. Do Bělehradu šel Dr. Otto z Holomauce.

51.

W Praze 11 Čerwna 1846 n.-s.

M. P.! Welice pozdě, a k tomu ještě nedostatečně, odpowidám na wítané Waše psaní od 8 Dubna. Děkuji Wám upřímně za rozmanité literární zpráwy. Prosím, pokračujte i dále tak; jen trochu zřetelnějším, čitelnějším písmem. Mé oči slabnau: a Waše ruské pismo začíná byti co den podobnější německé kursiwě, w níž wšecko takto wypada (latinským písmem píšete mnohem zřetelněji, čitelněji).

Welice mne těší, že se u Wás w literatuře tak jaro a činně pokračuje. Nestora zde ještě nemáme, ani Aktůw západního Ruska. Důležito welmi, co Wy a Waše Mosk. uč. Společnost chystáte. Abyste nám mohli celého Jo. Exarcha a wšecko, co od bisk. Klimenta, wydati [1])!

U nás se jen zwolna pokračuje: síly slabé. Matice roste a zmáhá se. Palacký podal 1 swaz. hist. české (česky) do censury. Jungmann začíná tisknauti 2 wyd. swé Histor. Lit. české. Mnoho jiných dobrých spisůw se nyní tiskne u Matice: Preslowa botanika (3 díly),

---

„Сербске Новине" 1813—1821. Былъ сторонникъ реформы Вука. Издавалъ также альманахъ: „Забавникъ" (1815—21). Съ 1835 издавалъ въ Бѣлградѣ первую политическую газету „Србске Новине". Первое изданіе его Исторіи народа сербскаго вышло въ послѣдней книгѣ „Забавника". Второго изданія Кн. I. Исторія народа србскогъ напечатана Григоріемъ Возаровићемь. У Београду 1846.

[1]) Имѣются въ виду изданія Богословія Дамаскина и Шестоднева Іоанна экзарха Болгарскаго, предпринятыя Бодянскимъ, и изданіе трудовъ Климента Словѣнскаго, предпринятое Ундольскимъ. Оба первыхъ памятника, приготовленные Бодянскимъ, вышли въ свѣтъ уже послѣ его смерти подъ редакціей А. Н. Попова: Богословіе св. Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго. Москва 1878. Шестодневъ Іоанна экзарха Болгарскаго. Москва, 1879.

Smetany Histor. wšeobecná (3 d.) [1]), Zapůw Zemèpis (2 d.) atd. atd. Štúrowa schisma zle působí: naši a Slowáci wydali zde ostrý spis proti té škodné nowotě, plný hromůw a bleskůw: Hlasowé o potřebě jednoty spisowného jazyka atd[2]). Co na jihu wychází, dowíte se z přiložené zde tištěné cedule. Bulharského Časopisu „Orla" [3]) sem ještě newiděl. Gaj jest ty dni zde w Praze. Wuk wytisknul 3 d. swých písní, a jel s nimi do Srbska. Bude následowati 4-tý. Smoler [4]) přeložil na lužicko Čelakow. Ohlas písní ruských a tisknau se zde.

Tyto a podobné wěci dostanete swým časem.

Práwě když sem toto psal, dostal sem balík Petrohr. s knihami, w nemž 1) Nestor [5]) 2) Dopoln. akt. istor. t. 1—2.[6])—3) Akt. Zapadn. Ross. t. 1 [7]). Díka za to knížeti Šichmatowu Širinskému!

Poslední měsíce sem se mnoho obíral se slow. jazykozpytem. Mý od 30 let zůstali za Němci, Franc. a Anglič. nazad. Čas jest hnauti se ku předu. Dobrowského slawné jméno nás wrhlo do letargii, zě sme mysleli, že již wšecko hotowo. W etymologii sme nazad za jinými jazyky. Kdy rezultáty swého badání sdělím, ještě newím: maličkosti čas po času podáwám do Časop. Mus.

Doma sem měl mnohé nesnáze. Manželka byla težce a dlauho nemocna. Ted' je na wesnici blízko Prahy. Dítky dorostají. Od auředních prací a starostí domácích již jen poskrownu hodiny literature obětowati mohu. A wšak naději netratím.

Preisowy smrti lituji welice [8]). Ztráta to pro nás weliká. Ode-

---

[1]) *Сметана* Іосифъ естественникъ и историкъ род. 1801 г. Былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ тружениковъ въ литературѣ. Všeobecný dějepis občanský 3 díly напечатанъ на средства Матицы v Praze 1846 г.

[2]) Въ этой книгѣ были помѣщены статьи наиболѣе видныхъ чешскихъ писателей, между ними Юнгманна, Шафарика, которые высказывались противъ Штура.

[3]) Вышло только 3 №№. Изданіе это было продолженіемъ другого „Българскый народенъ Извѣстникъ", которое редактировалъ въ Лейпцигѣ И. А. Богоровъ (И. Андреовъ).

[4]) Извѣстный вождь лужицкихъ Сербовъ, родился въ 1816 г.

[5]) Несторъ. Историч. разсужденіе о началѣ рус. лѣтописей. М. Погодина. Москва, 1839 г.

[6]) Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археогр. Комм. С. П. 1846 г. Томы 1 и 2. III. 400 и II 279.

[7]) Акты, относящіеся къ Исторіи Западной Россіи т. I 1340 — 1506. С. П. 1846. IV. 375. 24 и 15.

[8]) Петръ Ивановичъ *Прейсъ* (скончал. 10 мая 1846 г.) былъ первый славистъ Петерб. университета; „принадлежалъ къ числу первыхъ славянистовъ на-

wšad nehody a pohromy.—Grigorowič tu ještě nebyl; jest prý kdesi w Uhřích. Sebral mnoho starého w tureckých Slowanech.

Z ohledu knih pro Wás budu dělati co možné. Již sbírám a sbírati budu. Ostatně musíme uložití swým žádostem cíl a míru. Wšeho míti nelze a čísti žiwot nestačí.

Prosím Wás neposílejte mi žádné knihy skrze Hartenst. a Halič: ale wšecko skrze Cordesa w Hamburku. (Handlungshaus E. H. et D. Cordes in Hamburg, für Schafarik in Prag). Pogodin wí cestu, jak Cordesowi posílati.

Pošlete mi příležitě $^1/_2$ libry čáje.

Odpusťte, že tak špatně a málo píši. W jistých dobách dosti, když jen wíme, že sme žiwi a zdráwi. Daufám, že Wám brzo wíce psáti budu moci.

Pozdrawte přátel! Mějte se blaze! Wáš upř. přít. Šafařík.

52.

W Praze 19 Čerwence 1846 n. s.

M. P.! Wčera sem obdržel Waše psaní od 19 a pospíchám s odpowědí naň, abych se opět, jako onehdy, neopozdil.

Holowackého sbírku ruských písní w Rkp. odewzdal sem zde Hankowi, k zaslání Wám. On ji poslal baronu de Chaudoir[1]) do Kijewa, jehož Wy, aspoň dle jména, znáte. Od něho ji tedy očekáwati máte. Byl sem to přinucen učiniti, poněwadž jí Kronberger přijmauti nechtěl. Ukazowal mi psaní od Deubnera, w kterém mu tento zapowídá, aby žádných balíků pro Wás nepřijímal a neposílal, a jeho před Wámi wystříhá. Při tom si Kronberger na Wás welice ztěžowal pro nějaké staré dluhy, že mu prý ani peněz neposíláte, ani slowa nepíšete. Při tom též i na mne škaredě hleděl, jako bych já tím spolu winen byl, snad že pro Waši známost se mnau důwěru we Wás skládal. Musel sem tedy s nepořízenau a žalostí odejíti a balík jinau cestau poslati. Jest mi toho welice líto,

---

шего времени", какъ справедливо сказано въ некрологѣ въ Жур. М. Н. Пр. 1846. ч. L. Переписка Прейса въ послѣднее время издана проф. В. Ив. Ламанскимъ въ Живой Старинѣ. и отдѣльно „Письма П. И. Прейса С. П. 1892.

[1]) Баронъ *С. И. де Шодуаръ* членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ былъ помощникомъ председателя временной коммиссіи для разработки древнихъ актовъ (учреждена въ 1843 г.) при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ.

že se nám tato pohodlná a jistá cesta k zasílaní tak skoro zkazila, Waší winau! Ztráta to nenahraditelná!—Proto bych Wás prosil, ač jestli možné ještě něco naprawiti, hled'te to učiniti. Hled'te Deubnera nějak udobřiti a uspokojiti, hled'te též i Kronbergru aspoň něco peněz poslati a za ostatek slowem a wěrau se zaručiti. Snad se to ještě aspoň poněkud zprawiti dá! Byly to prwní řádné knihkupecké swazky: než bohužel krátkého trwání. Škoda, přeškoda!

Poněwadž ste balík s knihami pro mne již Hartensteinu wyslal, musí to na ten čas při tom zůstati, a nedá se změniti. Obáwám se, že se ty knihy we Lwowě a Wídni w censurních auřadech dlauho zdržowati budau, ač jestli, jako Waše Záhřebské, w nich nezaniknau. Uwidíme, jak to wypadne. Napotom, prosím Wás, tauto cestau pro mne neposílejte, pokud Wám o tom, že můžete, psáti a Wás žádati nebudu. Nebot' welice pochybuji, že to půjde.

Knihy pro Wás sebrané hodlám wyslati k Hartensteinu na začátku měsíce Září, ač se toho wíce sebere a bude pohromadě.

Welice mne těší Waše a Wašinců literární činnost. Takt' i sluší: kdo je silnější a bohatší, at' wíce dělá. — U mne jen jeden Hamartol, a ten newelmi důležitý, pozdějšího srbského (ne starého, bulharského) překladu. Poněwadž ten Rp. není můj, nýbrž jej z Uher od muže (který neznámý chce býti) na Revers mám s wýminkau, abych ho z rukau nedal (jakž sem to již we Wien. Jahrb. d. Liter. psal) učiníme zde pro Wás a Waši potřebu bud' přepis celku bud porownání a pošleme Wám to.

Daufáme, že Grigorowič přijde sem a zůstane přes zimu u nás. Tu se leccos dá udělati.

Žiwotopis sw. Klimenta, ani starořecký, ani nowořecký, není k dostání [1]). Já sem ho ode 20 let ani jen widěti nemohl! Dostal sem jen Excerpta z Wídně, kdež ex. w cís. knihowně.

Wšecky wýtisky odwlečeny do Řecka a Turecka.

Pogodina očekáwám taužebně.

Literárních nowin u nás ted' málo. Mezi Slowáky a Čechy nastaupilo roztržení a rozdwojení w literatuře a ostré půtky—pérem a černidlem, ne mečem a krwí (na štěstí). Obecná powěst' semena, zárodek a winu tohoto roztržení připisuje mezi jiným i Wám,

---

[1]) Разумѣется житіе св. Климента епископа Словѣнскаго, приписываемое арх. Θеофилакту. Печатано было въ Москополисѣ около 1736 и въ Вѣнѣ въ 1802 г. Оба изданія принадлежатъ къ библіографическимъ рѣдкостямъ, особенно первое. Ж. М. Н. Пр. ч. LIII, стр. 12. Изслѣдованіе В. И. Григоровича.

Sreznew., nebožtíkowi Preisowi atd. Owšem směšně a nesprawedliwě. Z Chorwat byl zde Gaj: tam podobně boje—ba horší—nebot homotnější mezi Gajem a illyrskými Matičáři. Gaj si prý ztěžowal zde zwláště na Srezn., jeho za hlawního půwoda té pohromy a neřesti udáwaje. Relata refero. Widíte sám, že to pošetilosti.—To jest jisto: že «citra et ultra» weliká, ba «Babylonica confusio idearum».

Prawda, že Hawl. zde leccos psal mnohým na pohoršení, čeho nechati mohl. Než kdo může wšem lidem dáti rozumu? Psáno i proti němu dosti a ostře. Než co Wám a jiným zdejší korrespondent psal o censorowi: jest' holá lež, hodná jeho duše. O něm nemožné ani wíce ani méně powěděti, než co říkáwali Staročechowé o ctiutrhači: «W hrdlo lhals, jako pes». To mé prwní i poslední slowo o tom.—Wy dobře wíte, že já se pauze obírám naukami slowanskými jako naukami, wědau jako wědau. Chceteli tedy, aby toto mé psaní nebylo poslední, zůstaňme při tom, při literatuře, a nechme wšeho ostatního ležeti w prawo i w lewo. Toto je—conditio sine qua non. At' každý odpowídá za sebe a za swé skutky—před tím a tam, kde odpowídati powinnost. Pište mi o pokrocích Waší literatury, o jejich důležitých, pro mne zanímawých plodech—mne to wždy těšiti bude: mohuli já Wám w literárních záležitostech odsud něčím slaužiti milerád to učiním. Pro to jediné žiw sem: jinému wšemu na swětě já již odumřel.—Pozdrawte přátel! Mějte se blaze! Wáš upř. přítel Šafařík.

53.

W Praze dne 7-ho Září 1846 n. s.

Welectěný Příteli! Wčera zawítalo ke mně Waše psaní ode dne 5-ho Srpna t. r. Pospíchám odezwati se naň, aspoň několika slowy, abych odkládáním tuze se neopozdil.

Zármutku, který Wás ztrátau dobrého otce potkal, srdečně lituji [1]). Lehká mu země, a nám swatá památka jeho! Bůh Wás potěšuj!

Knihy od Společnosti a Wás po Hartensteinu poslané přišly šťastně. Wětší částku, co jinam náleželo, sem již rozeslal, a rozesílám pořád. Skládám i Wám i Společnosti upřímné díky za ty wzácné dary. Pro Wás co seberu, míním wyslati w prwních dnech

---

[1]) Письма Бодянскаго къ отцу (1821—1846 гг.) напечатаны въ Чтеніяхъ 1893 г., кн. 3-я.

měsíce Října (Octobra) na Hartensteina, pod nápisem, jak sám ste určil. Než obáwám se, že ty zásilky, budauli časté a welké, stanau se Waší Společnosti pro náklad obtížné. Bude tedy potřebí obmeziti se na nejpotřebnější (Odsud k Hart. frankowati budu).

Přítel Pogodin jest již celý měsíc zde. Pobyw tři týdne w Marianských láznech, mešká ted' w Teplici a chystá se okolo 16 tohoto měsíce (n. s.) přes Prahu, Wídeň, Bělehrad, Galac, Odessu, Char'kow do Moskwy. On Wám přinese austní zpráwy o mnohých wěcech, o nichž já pro krátkost času psáti nemohu. Mějte tedy do toho času strpění.

Co se mne dotýče, naleznete mne wždy i napotom, jako posawad, ochotna a hotowa býti Wám w literárních záležitostech a potřebách k usluhám podlé možnosti. O Hamartolu, z ohledu přepisowání, ničeho určitě říci nelze, pokud Grigorowič nepřijde, a s ním rokowáno nebude. O Zonaře sem nepsal, proto že toho zde w Čechách nemáme: špatný a pozdní přepis jest někde w klášteru w Sremě, anebo w Karlowci, než welmi pochybuji, že bude možno, při línosti a nedbalosti tamějších lidí, dostati kopii tak welikého spisu. Při tom i newidím prospěchu z wydáwání těch překladůw z tak nowých rukopisůw; pro historickau nauku jsau řecké originály newyhnutedlně potřebny, pro jazyk slowanský ale jsau nejstarší překlady žaltáře, biblických knih, sw. Otcůw atd. důležitější, protože starší a we starších rukopisech zachowané. Přálbych, aby se wydal Žaltář, Apostol atd. dle nejstarších rukopisůw, Ioann Exarch, Kliment atd., a teprwé potom historikowé atd. Než to osobní mé mnění.

W literatuře naší nic newyšlo důležitého. Já sem w posledních dwau letech pomalu pracowal w našem slowanském jazykozpytu. Některé maličkosti tištěny w Časopisu Musejním, což Wám bohdá přinese přítel Pogodin. Na tom poli, pokud Bůh žiwota, zdrawí a síly propůjčí, pracowati nepřestanu, wíce pro swau potěchu a swé wzdělání, nežli abych jiné, snad k těm wěcem schopnější a w nich zběhlejší, zaumyslně a mermomocí poučowati a mistrowati chtěl.

U Wás slowanské nauky, jak z poslaných knih widím, zdařile prokwětají, z čehož srdečnau radost a nemalé potěšení mám. Tauž radost a též potěšení pocitují se mnau nejedni šlechetní muží, jimž se těch spisůw čísti dostalo. Počet těchto mužůw není tak malý, jakby se při tom opáčném pokřiku nejedněch denníkářůw a nowinářůw o domnělém «barbarstwí Slowanůw» snad mnohému zdálo.

Na této uznalosti a wděčnosti šlechetných duší budiž Wám a Wašincům dosti: odrodilce a utrhače sudiž Bůh, jenž sám jediný skutky jednoho každého, i sama myšlení, dokonale zná.

Můj aumysl nebyl zajíti nebo dotknauti Wás něčím bolestně w posledním dopisu mém. Možné, že sem se w něčem nemístně a newlastně wyjádřil, w tom letu myšlének a péra (wždyť i já člowěk sem), pročež prosím, abyste to powažowal za nepsané. Daufám, že o mé upřímné auctě k Wám a přátelstwí posawad ste nepochybowal. Jáť již prošel dáwno zenit žiwota, a lidé mé powahy tak snadno se neměnil! Na tom dosti. Mějte se blaze; toho Wám z té duše přeje Wáš upř. př. P. J. Š.

54.

W Praze 6 Října 1846 n. s.

M. P.! Wčera sem poslal skrze kupecký dům Tomke na Hartensteina do Brodům balík s knihami pro Wás, asi 40 liber ztíží. Sebráno tam co na ten čas bylo možno, i doplnění defektůw. Budaucně seberu wíce. Adressu sem dal, jak ste sám určil. Hartensteinowi sem psal. Daufám, že to půjde w pořádku. Též i to sem oznámil Hartensteinowi, aby budaucně balíky sem neposílal po poště, poněwadž to tuze drahé, ale po formanech.

Michal Petrowič odjel od nás do Wídně 20 Září. Odtud pojede s parolodí po Dunaji do Galace (zastawí se w Pešti, Karlowci a Bělěhradě), pak do Odessy, Taganrogu, pak přes Char'kow do Moskwy, kam okolo 1—15 listopadu n. s. dospěti míní. Od něho se dowíte o mnohých literárních našich wěcech: pročež na ten čas o tom ani nepíši. On Wám přinese etymologické pojednání z Časopisu Musejního ode mne, již třetí, ale prwního a druhého zwláštních wýtisků sem nedal učiniti, pročež je w Časop. Mus. wyhledati a čísti musíte. Bude jich 1847 následowati wíce: ze wšech dám zwláštní wýtisky pro Wás zhotowiti a budu Wám je posílati poštau, abyste z toho něco dle libosti wybírati a překládati mohl. Wíce o tom od Michala Petrowiče se dowíte.

Grigorowič ještě k nám nepřišel. — Prof. Macháček w Jičíne umřel. [1]) — Od Čelakow. tiskne se sbírka jeho poet. spisůw. [2]) Tento

[1]) Родился 1799 г. въ Прагѣ, писатель драматическій; особенно любимы были его драма „Záviš z Falkenšteina" и комедія „Ženichové". Извѣстенъ также какъ превосходный переводчикъ. Перевелъ Орлеанскую Дѣву Шиллера и Ифигенію въ Тавридѣ Гете.

[2]) Собраніе стихотвореній Челяковскаго вышло въ слѣдующемъ году: Frant. Lad. Čelakowského Spisů básnických knihy šestery. W Praze 1847.

podzimek nám slíbil poslati «S b í r k u s l o w. p ř í s l o w í (wšech nářečí) k wydání.

Pozdrawení přátelům! Bůh Wám dej stálého zdrawí a štěstí! Wáš upřímný přítel Šafařík.

55.

W Praze 5 Února 1847 n. s.

M. P.! Před několika dni obdržel sem Waše psaní ode dne 2 Ledna t. r., na než w krátkosti odpowěděti nemeškám.

Dne 12 ho měs. Ledna poslal sem po poštowském wozu balíček s časopisy pro Wás Hartensteinowi do Brodůw: daufám, že to brzo budete míti w rukau. Podobným spůsobem míním Wám budaucně posílati čtwrtletně, a sice w p o l o w i c i L e d n a, D u b n a, Č e r w e n c e a Ř í j n a, pokračowání našich českých časopisůw a jiné nowosti literární, jež mi sebrati bude možno. Cokoli posílam, pocházít' wšecko ode mne. Račtež s tím zatím spokojen býti přeswedčen jsa, zě na ten čas nomohlo a nemůže jináč býti.

W poslední zásilce naleznete wšecká má posawadní lingwistická pojednaní w Časopisu Musejním. Budu w tom pokračowati: nyní w 2-hém swazku wyšlo obšírné pojednání o grammatických formách. Zdaliž by někdo w Rusku ta má pojednání nemohl překládati a wydáwati w tom pořádku, jak w Časop. Musejním wycházejí?

Na Waše práce, zwláště na wydání staroslowanských památek, sbornika Swat., Io. Exarcha atd., se těším welice. Než podlé mého zdání hlawní wěc jest d o b r é a p ě k n é c y r i l l s k é p í s m o—nebot' posawadní není k ničemu—ba jen oprawdu škandál. Mé zde u Spurného též se nepodařilo, nebot graveur autodidakt mně nerozuměl a wěc swau neumělostí zkazil. Čas jest swrchowaný, aby se něco lepšího wywedlo. Wasě učená společnost by sobě nesmrtedlných zasluh wydobyla, kdyby se té wěci ujala, a nowé štemple zhotowiti dala. Wždyt' by přes 500 rublůw nestalo, a wěc by byla wěčná. Slyším sice, že w Petrohradě w Akademie nowé slowanské písmo zamýšlejí: ale což má Moskwa wždy na Petrohrad čekat a jen nápodobit? Já myslím, žeby bylo dostojněji, kdyby Waše Učená společnost n e o d w i s l e jednala, a po nikom se neohlížela, na nikoho nečekala. Wýkresy by se musely w Moskwě zhotowiti, a štemple by se mohly w Paříží—anebo i zde w Praze (máme ted' u Házůw wýborného graveura) zhotowiti dáti. Mluwte tedy s přítelem Pogodinem, panem Čertkowem a ostatními četnými audy společnosti o té

wěci. Pogodin mi arci prawil, abych já o té wěci učené společnosti Waší psal, ale wěřte mi, příteli, že nestačím. A naposledy, k čemu psáti, kde ste Wy sekretářem, Pogodin audem? Jestli Wy swau radau a swým wplywem ničeho nedowedete, slabý můj hlas a wzdálený nic nepomůže. Ten to Wás ubezpečuji, nebo o tom auplně sem přeswědčen, že při posawadním oškliwém a hnusném cyrillském písmě nikdy nikdy slow. církewní jazyk obliby u lidí krasocitných nedojde. Cokoli se takowým hnusným pismem tiskne, zůstane mrtwým plodem.—Nowé pismo by muselo býti w aesthetickém ohledu dokonalé, pékné, tak aby srdce radostí wzplésalo, když oko na knihu jím tištěnau padne. — Za základ by se ani museli nejen slow. rukopisy XI stol. ale i řecké IX století položiti: ale jen za základ, co do podstaty liter a jejich figur: ostatně by musel umělec graveur krásu forem podlé aesthetických ideí ze swé hlawy přidat a ji takořka na hmotné neotesané figury wylít.— Chceteli, pošlu Wám wykreslení liter, jak bych si je asi přál?

Grigorowič zde a pozdrawuje Wás. Kuleš nám bude wítán. Knihy—Ostrož. Biblí—čekam tužebně. Pogodina sem prosil o «Polykarpow lexicon trilingue Mosquae 4°». Bud'te i Wy nápomocen při hledání, a pošlete mi aspoň půjčkau: potřebuji welice.

Budeli příležitost z jara, pošlete mi asi ½ libry čaje.

Srdečně lituji ztráty Jazykowa: budiž nám památka jeho požehnaná.

O rkp. Georg. Hamartola sem Wám již psal, že ještě není můj, že mne jen do času swěřen, a majitel nechce jmenowán býti. Ostatně Wy tam máte lepší rukopisy.

Pozdrawení uctiwé Wšem přátelům! S Bohem! W. u. p. Š.

56.

Přemilý Příteli! Poněwadž sem již dne 26 Února příteli Pogodinowi wšecky wzory cyrillského písma, jež sem sebrati mohl, poslal, wyjma černohorské 1494—1495, jež Pog. sám má: nemohu na ten čas již žádných jiných k Wám wyslati, i není toho potřeba. Rad'te se s pp. Pogod., Šewyr. a j., dejte wzor wykresliti, jak to chcete míti, a zdejší dwa umělci u Háze to dokonále wywedau. Jen, prosím, na to nezapomínejte, že to nemá býti pro církew a pro liturgické knihy k církewní potřebě, nýbrž pro nás laiky pro učené a učené společnosti při wydáwání starých spisůw k swětske potřebě.

Já zatím již předběžně u Hazůw několik štemplůw na zkaušku řezati dáwám. To žádného k ničemu wázati nebude: neboť já nic o swé hlawě na čisto a dokonce wywesti nedám, dříwe nežli Wy s Wašimi k tomu swolíte.

S Bohem! Wáš upř. přít. Šafařík.

W Praze 25 Břez. 1847 n. s.

Сбоку приписка: Časopisy a knihy pošlu w prwních dnech Dubna jak určeno.

57.

W Praze 7 Máje 1847 n. s.

M. P.! Oznamuji Wám, že sem dne 16 Dubna n. s. balíček s Časopisy Wám určený k Hartensteinowi do Brodů po poště wyprawil daufám, že ho časně dostanete. Podobným způsobem s dalšími zásilkami časopisůw pokračowati chci, abyste aspoň o běhu naší literatury jakau takau zpráwu časně dostáwal. Jiné knihy, jež sebrati mohu, odkládám k jiné zásilce.

Žádostiw sem dowěděti se, jak to stojí s knihami od přítele Pogodina a Wás pro mne určenými? Jsauli již na cestě?—Nejwíce mi běží o knihy do Karlowce Sremského umíněné, poněwadž sem tam již předběžně psal a metropolitowi oznámil.

Jest tomu již asi měsíc, že mne myšlénka zhotowení dokonalejšího nad wšecky posawadní cyrillského písma welice zaujímá. Poněwadž dopisowání o to s dalekau Moskwau dlauho se wleče, a rok by minul, než by k nějakému srozumění přijíti mohlo, mne pak na tom, aby písmo brzo hotowo bylo, z welmi důležitých příčin (o nichž se šířiti nemohu) mnoho záleží, odwážil sem se k newyhnutedlnému kroku, dal sem totiž u zdejších slawných Házowcůw nowé cyrillské písmo řezati. Házowci nyní naleží mezi prwní w Ewropě (neboť Didot w Paříži docela klesl), u nich dwa písmořezci (graverowé) z nichž jeden Berger (ze Stuttgartu) wýtečný umělec docela se do mých ideí wprawil. Pracujeme téměř codenně několik hodin spolu. Řezáno posawad přes sedmdesát štemplůw (poinçon), než wšeho bude potřebí přes dwě stě, na dwoje písmo, t. j. na kuželku cicero zwanau, a na kuželku garmond zwanau, a to na obojí kuželce minusculae a initiales (wersálky). Daufám, že se podaří: aspoň se jistě dostaneme o znamenitý krok na před k dokonalejšímu písmu.

Ukázky Wám na ten čas ještě poslati nemohu. jak náhle bude několik liter lito a tištěno, pošlu Wám bez prodlení. Mějtež tedy strpění: wěc jest w plném běhu.

Pro tyto práce a starosti musel sem asi na dwa měsíce tisk swých pojednání w Musejníku zastawiti: potom hned budu pokračowati, jako posawad. Materialů mám nachystáno na jeden rok.

Zhotowení cyrill. písma mne welice zaujímá a přálbych, abyste je Wy w Moskwě měli prwní a jím začali tisknaut. Myšlénky swé o tom, kterak by se mělo bez skracowání (abbrewiatur) a jiných cyrillský tisk hroznč zoškliwujících znakůw tisknauti napíši obširněji budaucně pro Wás a ostatní přátely. — Zatím udělejte synoptickau tabulku wšech skracowání slow w ruských cyrillsk. rpisech XI — XIII století: kterak se bez skracowání psala, a sice w každém století naleznete w starých stichirarech, w nichž pod notami nápěwu wšecko bez abbrewiatur psáno. Takowých starých stichirarůw máte w Rusku welmi mnoho, n. př. w Synodální w Moskwě od r. 1153 aneb 1157 (dle Dobrow. starší), o němž Karamz. I nota 529, w Petrop. w Tolst. nyní Císař. z XI stol. atd. [1]) Pro bulh. a srb. rukopisy shotowím tabulku já sám zde. Přestane tedy wšecka pochybnost. Jsaut' i jiné staré rpp. bez abbreviatur.

Házowé mají swého agenta a korrespondenta w Moskwě. On Wás wyhledá, i přítele Pogodina.

Na místo starého faktora w uniw. tisk. Waší němce Düringa Wám radím wzít Čecha Žáka, jenž byl faktorem u Házůw, nyní jest u Gajc w Záhřebě a zase se wrátí k Házům. Muž umělý, wzdělaný, poctiwý. Lepšího nenaleznete na swětě. Než Düring o tom ještě nic newí a wěděti nesmí. Mluwte jen saukromně a w tichosti s Jeho Oswícenosti hrabětem Stroganowem, pozorně, aby se wěc nezkazila.

Prosím nezapomeňte mi poslat asi ½ libry dobrého čáje, jestli se příležitost wýskytne. Přiwykl sem k němu a dobře mi působí. Přiložené tu dwa lístky, prosím, po přečtení jich, pošlete jeden Pogodinowí, a sice bez meškání, co možné nejdříwe, neodkládaje ani dne, druhý dodejte Grigorowiču sám, když přijde do Moskwy. On ted' snad ještě w Petrohradě.

O jiných wěcech již dnes psáti nestačím: stane se to jiným časem.

Bůh Wám dej zdrawí! Wáš upř. přít. Šafařík.

---

[1]) Большое количество нотныхъ рукописей, писанныхъ безъ сокращеній, на которыя справедливо указывалъ Ш. въ интересахъ предлагаемаго имъ способа изданія рукописей, находится въ типографской библіотекѣ.

58.

W Praze, 20 Čerwna 1847 n. s.

Pr. P.! Waši zásilku knih ruských, w níž Biblí Ostrožská a j., sem obdržel, a děkuji swým i ostatních přátel jménem.

Já k Wám wyprawím Časopisy a nowé knihy okolo 15 příštího měsíce Čerwence, jak obyčejně.

Přiložený listek příteli Pogodinowi račte prosím bez odkladu po jisté a bezpečné cestě k němu wyprawiti, aby ho co nejdříw neomylně do rukau dostal.

Posílám Wám wzor nowého cyrillského písma—jakyž sem již byl dříwe příteli Pogodinowi poslal. Na kuželku Cicero hotowo celé písmo, malé i wersální, s abbrewiaturními a jinými znaky přes 120 štemplůw; ale lito na probu jen dewět liter, pro justirowání nejtežších. We těch týdnech Wám pošlu celau abecedu; ostatní litery wšecky ještě lépe do oka padají. Nyní se řeže menší trochu písmo, na kuželku Garmond. Potom bude následowati nejwětší, totiž Mittel. Tedy přes 360 štemplůw.

Jednotliwé litery mužeme i později změniti, zdokonaliti.—

Tot' mne mnoho práce a času stojí. Dejž Bůh jen prospěchu!

Bud'te zdráw! Wáš upř. přítel Šafařík.

Сбоку приписка: Na Pogodinowo psaníčko dejte sám obálku nadpis—dle potřeby.

59.

W Praze 29 Srpna 1847 n. sl.

M. P.! Pro některé mimořádně u mne wzešlé, nepředwídané překážky nemohl sem Wám posawad ani na poslední psaní Waše odpowědíti, ani knihy poslati. Ted' přistupuji k obojímu tomu.

Předewším co se dotýce faktora Žáka, oznamuji Wám, že se w aumyslu swém docela zwrtkal, že chce bud' u Gáje w Záhřebu déle zůstati, bud' zde w Praze u Házowcůw se w službu uwázati. Račtež to tedy hraběti Stroganowu oznámiti, a spolu mne u té wěci omluwiti, ješto já jen k žádosti Házůw a Žáka o to sem byl psal. Wina tedy padá na Žáka, že se zwrtkal. Ostatně nepochybuji, že i mezi Wašinci hodného faktora naleznete.

Posílám tu wzor nowého cyrillského písma, ale jen jednoho druhu. Hotowo mimo to již i weliké písmo čili initialky (wersálky) k tomuto písmu, a mimo to menší písmo, na kuželku garmond jme-

nowanau, ale lito ještě není. Ostatně character čili ráz a podoba písma již z tohoto wzoru dosti znale wyniká. Můžete tedy pro Moskwu matrice u Házůw zamluwiti čili objednati, kolik chcete.

Některé litery, jmenowitě ꙁ, ještě proměníme: ale najednau se wšecko státi nemůže. Mějte w tom ohledu strpení: wšecko bude.

W několika dnech wyprawím balík s knížkami pro Wás k Hartensteinowi. Jest tam též přiložen balíček od p. Hanky. Dříwe sem bohužel k tomu nedospěl.

U mne se zběhly některé proměny: od censury sem odstaupil již w předešlém měsíci Červenci, tak že teď trochu wíce času k literním pracem míti budu.

Od přítele Pogodina sem dostal psaní i zásilku: račtež mu to oznámiti s pozdrawením ode mne. Budu mu co nejdřív možné psáti.

Mějte se blaze! Wáš upř. přítel Šafařík.

60.

W Praze 25 Září 1847 n. s.

Přemilý Příteli! S welikým potěšením četl sem Waše psaní od 31 Srpna t. r star. sl., které wčera ke mně zawítalo, a mně tolik důležitých literních zpráw doneslo. S dychtiwostí hledím wstříc wydání těch staroslovanských památek, o nichž píšete. Waše obrowské snažení, podnikání a práce při tom zajisté nezůstanau bez uznalosti u celého slowanstwa, ani bez odměny u Waší oswícené wlády. Macte virtute!—Dejž Bůh jen zdrawí!

Než diwno mi, že o Chrabrowi nic nepíšete, o němž přítel Pogodin se zmínil, že shledán jest za sauwěkého aneb welmi blízkého Cyrillowi a Methodowi! Prosím Wás wyšetřujte, co to jest, a na čem se ta powěst zakládá a pište mi brzo: welice mi mnoho na tom záleží.

Co se nowého cyrillského písma týče, jíž sem Wám psal, že se pořád oprawuje a oprawowati bude. Waše poznamenání jest důkladné a budeme ho dle možnosti šetřiti. Mnoho již oprawено jako Р, Ѵ, ꙁ, atd., nebo sami sme nedostatky znamenali. O ostatní se přičiníme, wše čas po času; a dobrém wěci uwážení.

Přálbych jen, aby tím písmem i u Wás něco starého tištěno bylo, a aby Házowé zde neměli škody, wedše na to dosti weliký náklad.—Ostatně netřeba to písmo wydáwati za církewní: knihy církewní se tím nikdý tisknauti nebudau, rozumím liturgické a jiné

pro chrámy i školy. A staré wěci Konstantina, Chrabra atd. nowým písmem tisknauti Wám předce zbraňowati nebudau; wždyť je i tak tisknete graždanským i cyrillským, jako Kalačow Prawdu ruskau, Dubenskij tutéž Prawdu a Igora. Nebyloliby lépe tyto wěci Hazowským písmem tisknauti? Tuším že—tedy nezanedbejte příležitosti.

Práwem si ztěžujete na netečnost a newzájemnost zdějších a jiných Slowan. Oprawdu nikdy wětší nebyla: takže Kollarůw spis o ní již jen satyra a ironie jest.

Z ohledu musejních spisůw pro Waši společnost mi bylo řečeno, že Hanka 12 exx k zaslání pro společnosti dostáwá—a Hanka přede mnau krčil ramenama!—Zatím naději netratím: přednesu wěc znowa. O nowém roce Wám pošlu co seberu.

Knihy od Wás w Srpnu poslané ještě nepřišly.

Nepochopuji, že o W. Grigorowičewi Kazanském ani slowa nepíšete, ni Wy, ni Pogodin! Kde on nyní? Mějtež se blaze! W. u. p. Š.

61.

W Praze 24 Října 1847 n. sl.

M. P.! Na mé předložení ustanowil Sbor Musejní posílati wšecky knihy nákladem Matice české wydáwané Císařské společnosti historie a starožitností w Moskwě. Zasílání si wezmu sám na péči. Prwní zásilku opatřím, jak náhle trochu pookřeji—jsem drobet churaw.

Společnost dostane wšecko, co wyšlo, a co wycházeti bude.—Oznamte to příležite společnosti.

Boris w blh. církwi jako swatý čten. Wíte, že národní swatí dílem od národní církwe za takowé wyhlášeni, dílem jen od lidu a kněží, ex usu et praxi. W blh. knížkách w čele národních swatých wždy Boris. A wšak carům a králům blh. a srb. i za žiwota dáwalo se epithetou swatý: byla to courtoisie oněch časuw. To bych Wám mohl dokázati diplomaticky z rpp. XII—XIII století: než není potřebí, wěc jest jista.

Mezitím o Konstant. Ep. blh. potřebuje kritického wyšetřowání. Roky se nesrownáwají, jak sám widíte. Dle jednoho wychází 918, dle druhého 898! Co to jest? Částka prologu tištěna již u Pogodina, w jeho Cyrillu a Methode.—Mezitím: wěc to wždy důležitá, drahocenná; ale potřebí kritického wypracowání, wyswětlowání.

Znám i třetího Konstantina, spisowatele. Tento se psal «Konstantin filosof Kostenčsky», žil 1400—1450 w Žegligowě nad Skopií

a we wšem napodobil Konstantinowi I (Cyrillowi), jehož jméno si přiosobil. [1]) Dlužno tedy dobře oddělowati osobu: upomeňte to těm, kdo w tem praoují. Mohuli já něčím přispěti k wyswětlení, rád to učiním.

Kliment psal nejen Pochwaln slowo Cyrillowi—ale i ten obšírný nejstarší žiwotopis od něho jest [2]). Mám na to důkazy. Nepochybujte. Oznamte to wydawateli spisůw Klimentowých.

Napište mi bez odkladu několika slowy: 1) co wynalezeno od Chrabra? Odkud se wí, že sahá do doby Klimenta? atd. 2) kde je Viktor Grigorovič?

Další psaní—pro churawost odkladám.

Mějtež se blaze! W. upř. p. Š.

62.

W Praze 31 Řijna 1847 n. s.

M. P! Pospíchám Wám na poslední psaní několika slowy odpowěděti, poněwadž práwě nyní něco dostihu mám— a později newím jak bude.

Dobře ste tušil, že Čelakowského básně a Stankůw balíček totéž—unum idemque. Já sem to byl při pakowání rozložil, rozbalil; nemoha jinak wyrownati.

Budaucí zásilka půjde odtud okolo 1-ho Ledná, a možné i dříwe. Totiž náš Sbor musejní ustanowil posílati Waši Společnosti wšecky swé tisky, a sice skrze mne. Jak náhle mi tedy odewzdají, co ještě na skladě pohotowě jest: pošlu Wám to. Budaucně pak to již půjde prawidelně. Pročež Wás prosím, abyste nepřestal posílati, jak posud, jeden ex. pro Museum a 2-hý ex. pro mne. A wíce netřeba žádnému. Pan Hanka sedí w Museum a jest pánem biblioteky: on tedy zwláštního ex. nepotřebuje. Dětí nemá, aby pro někoho jiného sbíral. Ostatní, potřebujíli, naleznau u mne nebo w Museum. Dwa exx. pro celé Čechy dost.—Přálbych, abyste tedy od té přísnosti nastaupil, kterau ste hrozil, že již nic wíce posílati nechcete. Mezi nic a něco jest rozdíl. Proto, že mnozí lhostejní a chladní, netřeba celau dobrau wěc opustiti.

Mně jednau (před lety) Pogodin psal aneb austně prawil, že mne Waše Společnost za auda zwolila. Já ale diplomu nikdy ne-

---

[1]) О немъ Ш. писалъ Востокову 8 дек. 1842 г. Переписка Востокова стр. 353. ср. также письмо 5 февр. 1843 г.

[2]) Шафарикъ высказалъ это мнѣніе въ предисловіи къ житію Кирилла въ Югослов. Достопам.

widěl nedostal—a proto ani do naší wlády powolení nemám, abych se tak jmenowati směl. Prawdali, že sem byl zwolen, pošlete mi diplom s nowým datum abych u naši wlády o powolení ku přijetí zakročiti směl. Jen ať nebude bez pečeti a podpisu jako onen před lety biskupowi Athanackowičowi poslaný. Dowěřuji se, že Wy jakožto sekretář to pořádně k cěli a konci přiwedete. Ujišťuji Wás, zě sem diplomu posawad newiděl a nedostal [1]).

Na předložení Jeho Oswícenosti knížete Obolenského nyní předběžně jen tolik. Já sám nyní w auřadowaní při bibliotece tak sem sewřen a sklíčen, že do Wídně jeti nemohu: než maje mnoho přátel we Wídni, psal sem již o tu wěc, a daufám, že to půjde. Prozatím ať kníže ráčí posečkati: jak náhle jistotu míti budu, neobmeškám Wám ihned psáti, a určitý nawrh předložiti. Dám si na tom wšemožně záležeti—ať kníže o tom pochybowati neráčí. Již sem psal důkladně, jak náleží, do Wídně.

Nebyloliby možné obdržeti pro mne prostředkem Jeho Oswícenosti knížete Obolenského kopie dwau diplomůw moldawského knížete Alexandra jedné od r. 1412 a druhé od r. 1423, z cís. archiwu w Moskwě? Prosím, račtež se o to pokušiti. Známost o těch dwau diplomech mám od Köppena. Jábych je rád wtělil do swe sbírky jihoslowanských diplomůw.

Co se grammatik a slowníkůw k Janowi Ex. a jiným týče, neschwaluji toho. Kdo pak by ke každému spisowateli, každému spisu grammatiky a slowníky dělal? Bylaby to nekonečné marná práce. Potřebí jen 1) přehled neobyčejných w jiných spisech neběžných grammatických forem, glossarium odjinud neznámých, tem(ných) [2]) slow. To možné zahrnauti w několika má...[2]) listech. To owšem wždy užitečné a potřebne. Zwláštní grammatiky a slowníky zasluhuji jen unica w literatuře, jako n. př. Ulfilas w gotštině atd.

Než na tom stojím, aby se slowa odděleně tiskla, a interpunkce dokonalá, logická uwedla. Tisknauti dohromady—jest nejnepraktičnější nejnešťastnější myšlénka na swětě. Toto jest dokonalé prwní i poslední mé přeswědčení —Než dosti o tom.

Knihy, o nichž ste w letě psal, že ste již poslal, posawad nepřišly. Bůh wí kde uwázly!

---

[1]) Шафарикъ былъ избранъ членомъ 12-го іюня 1837 г., Атанацковичъ 21 февраля 1842 г.

[2]) Заклеено при переплетѣ.

Posílejte mí Waše Čtení bez odkladu—welmi jest důležité: díka i chwála Wám, že to tak pilně wedete. Jest to bohatý sklad pro slowanstwí.

Co se cyrillského písma dotýče, wšecko je hotowo. Nejen ρ, ale i ꙁ, д, ѵ atd. poopraweno a zdokonaleno. Na ten čas se stalo, co bylo možné. K dokonalosti jen po stupních se jde. Wažte toho na mysli. Máme předce něco lepšího, než bylo posawad. A synowé i potomci naši at' si to udělají ještě líp. Pročež spokojte se - déle již nesmím na Háze doléhati, abych se jim i s cyrillštinau nezoškliwil. Přálbych welice, aby pro Moskwu bez odkladu byly matrice objednány. Mnoho mi na tom záleží. Dělejte kroky u Jeho Oswícenosti hraběte Stroganowa. Aby matrice pro Moskwu dokonále zhotoweny byly, sám zde přihlízeti budu. Jen již neodkládejte Jest pak dwoje abeceda čili třída písma hotowa: Cicero majusculae (Versal) et minusculae (gemein), Garmond majusculae (Versal) et minusculae (gemein).

Příštího leta, budauli matrice míti odbytu, dají Házowé dělati Mittel a Borgeois téhož písma. Zatím nám je ted' na dwojím dosti.

O jiných wěcech již jen w příštím psaní. Dnes musím přestati.

Pozdrawení a úcta Wšem přátelům a přízniwcům! Bůh Wás opatruj. W. u. p. Š.

63.

W Praze 8 Prosince 1847 n. s.

M. P.! K žádosti Jasného knížete Obolenského, od Wás mi zdělené nemeškal sem jednati s Wídeňáky z ohledu přepisowání řeckého rukopisu w cís. bibl. pod nápisem: «Acta Synodalia, o nemž Nessel Catal. Mss. graecor. Vindob. (1690. 7) part. V. p. 93 Nr. X LVII—XLVIII.

Na mé wyzwání nabídl se mi znamenitý náš slowanský filolog we Wídni, František Miklošič, že tu práci k sobě přijme, t. řeckého přepisowatele opatří, pod swým dozorem rukopis přepisowati dá, při těžkém čtení sám nápomocen bude, a přepsané swazky čas po času do Moskwy Jasnému knížeti zaslati chce. Račte tedy tento resultát (s úctau ode mne) Jeho Jasnosti Knížeti oznámiti. Pan Miklošič, sám auředníkem biblioteky jsa, jest zajisté schopen i spůsoben, aby tu wěc šťastně ke konci wywedl: ba jest samojediný we Wídni. K tomu ale bude potřebí, aby mu kníže sám psal (w jakémkoli jazyku, ruském, francauzském, německém, wše jedno), a o další wýminky (conditiones) s ním se umluwil. Clara pacta boni amici—to

je wždy nejlepší. Myslím, aby kníže z počátku jen malé summy, n. př. 100 nebo 150 rub. stř., skrze směnky (Wechsel) do Wídně Miklošiči posílal, a naopak přepsané swazky sobě poštau asi čtwrtletně do Moskwy posílati dal. Rukopis zajisté jest welký, 2 folianty, drobně psan, a nadmíru těžký ke čtení.—K tomu cíli přikládám pro Jasného knížete nápis na p. Miklošiče, aby mu neposředně psáti a žádost předložiti mohl.

Knihy od Wás a přítele Pogodina poslané přišly wčera wečer; ještě sem ale do balíkůw nahlednauti nemohl. Přikládám pro Pogodina lístek o přijetí knih, aby již byl spokojen. Račtež jej pod obálku dáti, a jemu co nejdříwe hradskau poštau anebo jinau jistau a bezpečnau (Wám i tak známau) cestau poslati.

Knihy od Matice české pro Waši společnost a ode mne pro Wás již jen okolo Wánoc pakowati a okolo Nowého roku poslati budu moci. Račtež tedy míti showění.

Máteli nějaké nowé objewy w poli staroslov. literatury, pište mi o nich. O Chrabrowi již psal Pogodin.

Písmo cyrillské dokončeno, dokonále hotowo. Můžete je míti, kdy chcete.

Náš učitel i otec Jungmann zesnul 21 Listop., pochowán 24 Listop., w 75 roce wěku. Bolest naše po něm ještě neoblewila, slzy neobeschly a neoblewí i neobeschnau pokud žiwota stáwá.

Bůh Wás opatruj!—W. u. p. P. J. Š.

Nápis: Sr. Wohlgeboren Herrn Dr. Franz Miklosich K. k. Hofbibliotheksbeamten und Censor in Wien (im der k. k. Hofbibliothek).

Съ боку: Pozdrawení wšem přátelům, známým i neznámým, zejména Undolskému. Bůh mu swau pomocí přispíwej při wydání Klimenta. [1])

64.

W Praze, 27 Pros. 1847 n. s.

M. P.! Nejnowější Waše psaní ode 20/XI t. r. došlo mne pořádně, i s kopiemi diplomůw, za něž Jasnému knížeti i Wám díky skládám. Mé psaní od 8 Pros. o Synod. protokollich jistě již we Wašich rukau.

---

[1]) Изданіе трудовъ Климента, начатое Ундольскимъ, не состоялось. Въ редакціи Чтеній остались только 2 поллиста этого изданія, которые и выпущены въ свѣтъ въ 1-й книжкѣ Чтеній за 1895 г.

Mezitím došly i knihy—9 balíkůw—jejichž rozesíláním zaneprázněn sem. O tom šířeji budaucně: ted' Wás snažně prosím, až do dalšího umluwení, neposílati na mé jméno nižádné jiné knihy, leč pro mne určené, a to jen čtyřikráte do roka, s koncem každého čtwrtletí. Prosím, neračtež na to zapomenauti, aniž jinak udělati. U nás se mnoho změnilo, i mění se pořád. Sapienti pauca.

Co se týká cyrillského písma, hotowo jest wšecko a tiskneme jen nowý wzor na ukázku. Daufám, že w pěti nebo šesti dnech, wšecko Wám budu poslati moci, i přehled cen (conto): již sem o to Házowců požádal. Mějtež tedy jen několik dní ještě strpění: wšecko bude.

Knihy od Čes. Mus. pro Waši Společnost sem poslal asi před týdnem Hartensteinowi.

Časopis i tam neauplný: ty swazky, co Wám chybí i tam scházejí, neboť sau dáwno rozprodány, proto ste jich zde míti nemohl aniž ted' míti můžete, až se někde starý exemplár u antikwára wyskytne. Knihy pro Wás budu posílati čtwrtletně; po nowém roce, opět něco wyprawím. Wuk a Miklošič Wám, jakž doslýchám, swé nowé wěci již z Wídně zaslali. Ostatek uwídíme.

O Chrabrowi již mi přítel Pogodin později psal. Wšecko ostatní—literní zpráwy atd. musím odložiti k jinému lepšímu času. Ode mne se tiskne dwoje nowé pojednání, jež dostanete brzo: nebo ted' wšeho dáwám zwláštní wýtisky tisknauti, a sice wětší počet než jindy.

Mějte se blaze! W. u. p. .Š

65.

Přemilý Příteli! Naposledy Wám přece jednau mohu poslati auplný a dokonalý wzor nowého písma spolu s aučty! Čtwery litery dělány na nowo a wypadly lépe: Д, Ӡ, С, Ѵ. Wíce na ten čas již nic, naprosto nic měněno býti nemůže. Musíme rádi býti, že sme tak daleko. Po stupních k dokonalosti!

Házowci posílají aučty za 228 matric jen 152 zl. stř. Powážíteli, ze to docela nowé štemple, a to cyrillské (nikoli běžné latinské), uznáte sám, ze to dosti laciné, zě lacinějši býti nemohlo. Hazowci jsau ale kupci, potřebují penez: pročež bych radil, aby ste co nejdříwe poslal směnku (Wechsel) bud' na mé, bud' na jejich jméno, jak chcete. Po obdržení penez Wám Házowci matrice hned pošlau, jestli chcete skrze Hartensteina, anebo jak poručíte. Já ručím za ně.

Počet štemplůw a matric snadno přehlédnete ze přilozené proby. Než připomenauti musím, že ꙗ a ѧ, jakožto duplikáty misto ѣ a ѧ w některých rukopisech, we wersalcích nejsau. Proto w e r s a l c í něco méně, nežli obyčejných. Wersaloe tu nejsau wytištěny— a l e h o t o w o j e w š e c k o.

K tomu jest matrice i pro zwláštní punkt, jímž se čísla wyznačuji. Totižto u mne, w mých wydáních, abbrewiatury a n a d ř á d k o w é znaky (jakožto středowěkowé harampátí, do wěku našeho se nehodící) býti nesmějí: místo мв (42), фз (507) atd., já dáwám tisknauti .мв. .фз., jak to i w některých starých rukopisech psáno nacházím.

Prosím Wás snažně, račtež mi poslati z Waší Moskewské litárny tak jmenowaný «G u s s z e t t e l» pro církewní cyrillské písmo, t. kolik se každé litery líti má, ale s poznamenáním kolik liter «m i t U n t e r s c h n i t t» a kolik «o h n e U n t e r s c h n i t t». Potřebujeme to pro nás zde, abychom mohli pro sebe líti a tisknauti.

W o s m i d n e c h k Wám wyprawím balík s literními nowostmi.

Pište brzo a—p o š l e t e p e n ě z c o n e j w í c. S Bohem! W. up. p. Š.

W Praze, 31 Pros. 1847.

66.

W Praze 31 Března 1848 n. s.

Přemilý Příteli! Příčiny, ježto Wám odjinud, jmenowitě i z weřejných Nowin a listůw známy jsau, nedowolují mně Wašeho posledního psaní podrobnau odpowědí odměniti: pročež dnes jen několiko slow.

Srdečně lituji, že s mým pojednáním o Rozkwětu starobulh. literatury spokojen nejste, protože tam Waše práce a zásluhy o společnost Moskewskau w prawém swětle wystaweny nejsau. Ujišťuji Wám, že můj aumysl nikdy nebyl a býti nemohl napsati něco Wám nemilého: staloli se to, stalo se nedorozuměním a bezděčně.

Ostatně, wždyť Waše práce a zásluhy nejen w Moskwě, ale i w celém Rusku na biledni, wšem známy a ode wšech uznány jsau: takže slávě a čestné powěsti Waší můj nepatrný, žurnalistický, kwapně pro Čechy a zdější Slowany sepsáný článeček se swými jakýmikoli buď přednostmi buď nedostatky ani ku přimnožení ani k ujmě býti nemůže.—Naposledy, Wám wolno oprawiti mé poklésky a nedostatky

i weřejně, na př. we Čteních. Já proti tomu nic nemám, anobrž s tím spokojen budu. [1])

Článek od Butkowa, jehož sem já od té doby již nahledal, přimíšen náhodau od některého z mých synůw mezi spisy Wám poslané. Spisy Wám určené ležely dlauho u mne na stole: wedlé nich mnoho jiných. Synowé moji w nich přebírali. Já, když sem nadepsáwal, sem wšecky ty brošůrky neotwíral, nýbrž pospíchaje psal na obálky jak sem co popadl. Tak se stal ten omyl—i nemilý i směšný!—Prosím Wás, račtež mi tu brošůrku poslati zpátky.

Hartenstein poslal skutečně 219 zl. stř. Z těch sem platil Házowi za matrice wšeho dohromady 151 zl. 40 kr. stř., Panu Hankowi 17 zl. stř., na časopisy pro Wás zůstalo 51 zl. 20 kr. stř. Haase poslal matrice k Hartensteinowi w prwních dnech tohoto měsíce: aspoň tak učiniti slíbil, adresu na psaní sem mu sám dal. Od té doby sem s ním o tom mluwiti nemohl. Časopisůw a Nowin sem pro Wás objednal, co bylo možné: daufám, že k Wám w prwních dnech nastáwajícího měsíce Dubna zásilku knih a časopisůw budu wyprawiti moci. Udělám co možné: tento rok ať bude zkauška—na rok wybereme jen několik nejlepších a nejpotřebnějších časopisůw, nebo wšecky držet a posílat nestojí za práci—tak jsau mnohé bídné a prázné. **Na každý způsob Wám z těch 51 zl. 20 kr. stř. aučty wydám**— buďte spokojen a mějte strpění.

Onehdy sem dostal od Hartensteina Wašich Чтенія—годъ 3-тій № 4, předešla tři čísla, totiž № 1, 2 a 3 posawad nepřišla, ačkoli píšete, že to posláno. To jen pro Waši uwědomění.

U nás w Praze nyní weliké pohybowání myslí: doba pro nauky nepříznitwá. Krew sice posud netekla a pořádek i pokoj weřejný zrušen nebyl, ale wšecko od mládce až do stárce ozbrojeno až po zuby. Bůh to obratiž brzo k auplnému upokojení.

---

[1]) Замѣчательная статья Шафарика „Разцвѣтъ слав. письменности въ Булгаріи" была переведена и напечатана Бодянскимъ въ Чтеніяхъ, годъ третій (1847—1848). Примѣчанія переводчика касались главнымъ образомъ тѣхъ мѣстъ статьи, въ которыхъ сообщалось о предпринимаемыхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. изданіяхъ древнихъ слав. памятниковъ. Неточности, вкравшіяся при этомъ, и исправлялись переводчикомъ. Сдѣланныя Бодянскимъ дополненія, относящіяся къ содержанію статьи, весьма немногочисленны. Статья Шафарика была переведена тотчасъ же и на серб. яз. Янко Шафарикомъ въ Гласникѣ за 1849 г. кн. 2.

Opětuji—já hotow Wám slaužiti w literárních potřebách—než pořádku a auplnosti ani we psaních mých, ani w zásilkách ted' neočekáwejte. Dlužno ždáti mírnějších časůw ke wzdělávání mírných nauk: při hluku zbraně oněmějí Musy.

Bůh Wás opatruj! W. up. p. Š.

67.

M. P.! Práwé sem začal knihy a časopisy pro Wás pořádati, abych je k Wám wyslal, když sem nenadále od Ministerstwa do Wídně pozwán, kam již dnes odjíždím. Tedy zásilku teprwé po mém náwratu budu obstarati moci. Mejte strpení.

U nás mnoho promen, a ještě w ničem stálosti. Bůh dejž mírnějších časůw!

Přeje Wám z té duše stálého zdrawí a Wšeho dobrého sem W. up. p. Š.

Praha, 3 Dubna 1848.

68.

W Praze 9 Září 1848. n. s.

Welectěný Příteli! Poslední Waše psaní mne došlo we Wídni, w měsíci Máji. Nawrátiw se do Prahy dlauho sem ho nalezti nemohl, a měl již za ztracené. Ted' sem ho předce náhodau mezi jinými papíry našel.

Já prožil měsíce Duben a Máj we Wídni, w powinnostech powolání. Čerwen sem ztráwil w Praze, w prostřed nešt'astných osudních událostí. Zwolen jsa do říského sněmu, zwolení sem se poděkowal a zůstal w Praze, w Klementinu, w nowém bytu swém wedlé c. kr. biblioteky. Ostatní naši přednější literatoři a wlastenci wšickni jsau we Wídni, mímo Hanky, který též zde zůstal, ačkoli také do sněmu wolen byl..

Nepředwidanými událostmi literní swazky naše, pokud se to týká zasílání knih a časopisůw, přetrženy aspoň na čas. Daufám pewně, že to dlauho tak trwati nebude. Až potud musíme strpení míti s obojí strany. Nelze změniti. Až staré cesty—po Hartensteinowi w Brodě — budau swobodny, wyrownáme wšecko. Snad se nám otewrau i nowé cesty. Na ten čas ale není možné něco dělati.—Já zůstanu Waším dlužníkem ohledem na časopisy a knihy. Přijdauli lepší, pokojnější časy — nahradím Wám to dwojnásobně.

Obzwláště Wás prosím, račtež mi psáti o důležitých knihách a stat'ech u Wás wyšlých. Staroslow. literatura, její historie, pak

jazykozpyt—mne teď nejwíce zaujímají. Než prosím, pišteż trochu zřetedlněji a černějším černidlem—můj zrak seslábl docela: poslední Waše psaní sem sotwa přečísti mohl.

U nás pro literaturu nepřízniwé časy, poněwadž wšecky síly jinam se obracejí. W nowinách o nás máte dosti: ale newěřte jim mnoho, nowiny lhau, w žiwotě samém to jináč wypadá.—Na ten čas Wám ještě oznámiti nemohu, kdy a co na zdejší uniwersitě přednášeti začnu: nebo ačkoli powolení k tomu mám, wšak nicméně jiné okolnosti jsau teď ještě nepřízniwé.

Bůh Wás opatruj! Wáš neproměnně upř. p. P. J. Š.

Adresse: Prag in Clementino.

Съ боку приписка: Možně - li, pište mi aspoň nejdůležitější literární nowosti u Wás, abych se aspoň z Wašich listůw dowěděl: neboť knih dostáwati nemožno. Slowník ak. rus. sem w Lipsku pro Bibl. dostal.

69.

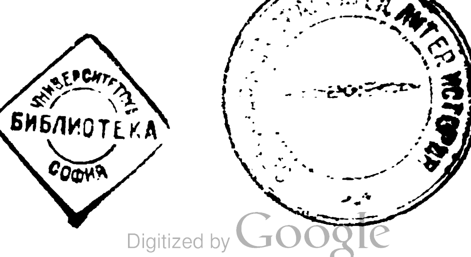
W Praze, 15 Čerwence 1849 n. s.

Drahý Příteli!

Oboje Waše psaní minulého jara ke mně zaslané, prwní s knihami, pořádně rukau mých došlo. Za knihy srdečně děkuji: jsemť opět we zwyšené míře Wašim dlužníkem. Žádosti Waší ohledem na sebrání a zaslání českých knih budu hleděti podlé možnosti wyhowěti: posawad sem bohužel nic učiniti nemohl. W loni se nám to s Časopisy zkazilo: mnohé zahynuli. Literatura a knihkupectwí we wšeobecném přewratu utrpěly welikau porážku a klesly. Potřebí delšího času až jedno i druhé se zotawí. My sme se dostali do mimořádných těžkých okolností. Mějte mne tedy omluwena: jáť uznáwám že sem Wašim dlužníkem, i budu hleděti Wám místo těch časopisůw české a jiné slow. knihy poslati, jen račte strpění míti. Nám jen pomalu lze ku prawidelné činnosti se nawracowati. Daufám, že již ku podzimku něco pro Wás seberu a cestau, kterau ste mi sám oznámil, totiž skrze Lipského knihkupce, Wám pošlu. Ostatně u nás málo teď wychází, coby zásilku zasluhowalo. Čelakowský, Kollár, Miklošič atd. jsau ustanoweni professory: o jejich činnosti a působení nás teprwé budaucí časowé poučí. Kýž se aspoň polowice našich nadějí wyplní!

Můj zrak slabne a práce wáznau: proćež o nich dnes mnoho psáti nemohu.

Baudaucně obšírněji a to přímo po poště. Toto jen předběžně. Bůh Wás zachowej a opatruj! W. up. p. Š.

70.

W Praze 25Září 1850 n. s.

Vysoceotený Příteli! Sotvy sem byl poslední svůj list onehdy k Vám vypravil, když, zastaviv se v Museum, poslanou od Vás libru čaje u p. Hanky sem nalezl a od něho dostal. Paní, jenž jej přivezla, dnem dříve u něho byla. Skládám Vám srdečné díky za tento vzácný dar: přišel mi právě vhod proti zimě, a již sem se párkrát jím občerstvil a zahřál.

Předevčerem sem také obdržel z Vídně balík s knihami od Vás zaslanými, onen totiž, v nemž, mímo jiné, zvláště tyto jsou: Novikova o Luž. nareč. [1]), Maksimoviča Kijevljanin [2]), Venelina Jzsléd. ob Istor. Bolg. [3]), Maksimoviča Sborn. Ukr. Pés. [4]), Propovédi na maloross. jaz. [5]), Pavlova Boris Godunov [6]) atd. Právě sem zaměstkán rozdělením jich podle Vašeho a ctihodných dárcův vyměření. Díka Vám i jim jménem všech nás.

Tolik pro Vaše uspokojení a na důkaz, že předce něco z poslaných věcí přišlo. Neboť dnes, a tyto dni, obšírněji psáti nestačím, jsa v pracech a trámpotech, jež mi nad hlavu vzrostly.

Mne pokaždé těší i nejmenší pokrok Vaší národní literatury. U nás to zdlouhavě jde, a velikých nadějí, že národní naše literatury zde vzkvetou, do budoucnosti sotva míti můžeme. Zatím dělá se co možné.

---

[1]) О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій разсужденіе, писанное на степень магистра кандидатомъ Е. Новиковымъ. Москва, 1849.

[2]) Подъ этимъ именемъ Максимовичъ издавалъ сборникъ историко-литературнаго содержанія (три книги 1840, 1841, 1850), въ которомъ помѣщались матеріалы о Кіевѣ и всей южной Руси. Пыпинъ. Истор. Рус. Этн. Т. III, стр. 34.

[3]) Критическія изслѣдованія объ исторіи Болгаръ 2 т. Москва, 1849 г.

[4]) Въ 1849 г. вышелъ „Сборникъ украинскихъ пѣсень“ — разсчитанный на шесть частей, изъ которыхъ вышла только первая.

[5]) Разумѣются „Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ протоіерея и кавалера Василія Гречулевича. С. П. 1849 г. Посвящены высокопреосв. Гедеону архіеп. Полтавскому.

[6]) *Павловъ Платонъ Васильевичъ* проф. исторіи. Напечаталъ „Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова“ 1850 г. и статью „Тысячелѣтіе Россіи“ въ мѣсяцесловѣ 1862 г.

Zvláště Matice naše česká k nové činnosti se probuzuje. Jak náhle mé okolnosti dopustí, budu Vám psáti obšírněji.

Bud'te zdráv! V. up. př. Š.

71.

V Praze, 8 Září 1850 n. s.

Psaní Vaše, přemilý příteli, ode dne 20 Července t. r. pořádně rukou mých došlo. Strany knihkupeckých ouctův bud'te bez péče: všecko to se vyrovná, a netřeba s tím pospíchati. — Několiko knih pro Vás, mezi nimiž i doplnění Archivu českého odevzdal sem p. Hankovi. Mámt' již i jiné, a jak náhle se rozmnoží, pošlu to určenou cestou skrze Lipské knihkupectví (Dyksche Buchh.). — Co se Vašich zásilek skrze p. Polenova sem ke mně dotýče, a sice, jak píšete, dvojích, t. jedné od. léta 1849 měsíce Února a druhé letošní měsíce Června, bohužel z těch posavad ničeho do rukou mých se nedostalo, aniž mám naději, že to více přijde. Totéž platí o jiných dvou zásilkách, totiž vzácné oné rostliny, jíž Vy oplýváte, a my nedostatek máme: i to bohužel někde uvázlo. Strany knih sem toho domnění, abyste nic neposílal, pokud nějakou jistější cestu nenalezneme. Já hodlám psáti Lipskému knihkupci Vossovi a kommissionéru Akademie v Petrohradě, tuším knihkupec Eggers, zdaližby se oni té věci ujmouti nechtěli? Akademie mi posílá tou cestou své spisy, a dostávám to pořádně. Než stojí to dopisování: a protož radno bude trochu posečkati. V každé případnosti bych Vás prosil neposílati nic, než to, coby bylo pro mé linguistickohistorické študia důležité, tedy jen skrovný výbor, dostaneteli co od přátel anebo vydavatelův. Já sem od začátku roku 1848 nic z ruské lit. nedostal, leč nedávno skrze zdejšího kupce spis p. Nik. Kostyrja o rusk. jazyku (Kijev 1848 — 1850 2 d.) a rkp. p. Mikutského, srovnání slov. kořenů se sanskřitskými, tento přes Vídeň, nevím skrze koho. — Poslední léta mne z prací mých poněkud vytrhla: potřebí času, abych se do začaté osnovy na novo opravil, pokud a jak dalece síla stačí. Nebot' mne časné stáří — po tolikých prácech, nehodách a neveselém živobytí — již tlačiti počína, zvláště zrak slabne a ruka těžká býti počíná. Než proto pracovati a z rozkvětu slovanské literatury se těšiti nepřestanu, pokud dechu ve mně jest. — U nás sice málo v literatuře se pracuje: než bohdá s časem bude to lépe, až noví professorové nové učené pokolení vychovají. Zdař to sám pán Bůh! — Pozdravte přátel, a mějte se blaze! Což z té duše přeje a žádá Váš upř. př. P. J. Š.

72.

V Praze, 22 Prosince 1850 n. s.

Velectěný Příteli! Velice pozdě, nad slušnost pozdě odpovídám na milé Vaše psaní ode dne 14 Září t. r. a nadto ještě i nyní nedostatečně. Nechť mne omluví okolnosti, v jakých živ jsem, a jichž změniti nemohu. Dobré, literárnímu snažení příznivé časy pro mne minuly: můj věk uchází, práce a starosti přibývá, síly ubývá. Čas můj rozdělen mezi pracemi povolání, úřadu, kterýž mi nejlepší částku dne ujímá a mezi péčemi domácími, o rodinu. Moje dcera dorastla, syn nejstarší také: druhý dorostá, třetí již také na gymnasium. A časové u nás těžcí, zlehčení peněz, drahota. Než doufejme, že i těmto nesnázem bůh cíl a meze vloží.

Žádostiv jste především Časopisův, a napřed popisu jich. Zkrátka jen tolik Vám oznámiti mohu, že literární a vědecké časopisectví u nás spí a spočívá, čekaje lepších dnův. Mimo Musejník nevychází jiný, a tento jen čtyřikrát za rok, velmi pozdě. Květy začaly vycházet, ale hned za měsíc přestaly. A tak i jiné, buď musejí přestat, buď umírají sami od sebe. O jalových denníkách a politických novinách nemluvím: ty nestojí za řeč, a také hynau jako květ jarní, anebo jako koukol a bodláčí. Jak to u nás v Čechách, tak i v ostatních Slovanech v Rakousku: já aspoň neznám nižádného pořádného stále vycházejícího slov. Časopisu. Začneli se co, ohlásíli se co, to i hned umírá, a pochová se. Ano předpláceti není radno, neboť peníze ty tam!

Stav vědecké literatury není veselejší. Vycházejí sice spisy a a spisečky, než nic pro nás, a nestojí za zasílání. Pokudž mi vědomo, jediny nový svazek Palackého historie české vyniká nad ostatní všednosti. Také sem slyšel, ze Vuk začal tisknouti nové vydání srpského slovníka. Některé spisy mám sice pro Vás před rukama, i postarám se společně s p. Hankou, abych Vám je k jaru přes Lipsko vypravil, nebo dříve, jak sám víte, z Lipska nic se nezasílá, ješto všecko přes moře jde.

Takovým spůsobem dluzno ždáti lepších časův. Jakož nic věčně ve světě netrvá, tak doufám, že ani naše vědeckoliterární ochablost a rozervanost věčně — ba ani jen dlouho trvati nebude. Naše literární činnost oživne, vzájemnost se obnoví, cesty k zasílání se nám otevrau. Než až potud dlužno čekati trpělivě, a snášeti což se změniti nedá. Za rok, za dva, za tři se mnoho vyrovná, co teď neprůchodné.

Vímt' sice, že jakož mně težko býti a žíti beze všech literárních zpráv a pomůcek ze severu, tak i Vám ohledem na nás, jižní a západní Slovany. Než věřte mi, a to at' Vás těší ztráta naše mnohem jest větší nežli Vaše. Celou naši tříletou rakousko-slovanskou literaturu by pohodlně do jednoho dosti mírného vaku zpakovati mohl, a k tomu ještě dosti slámy a plev a málo zrna měl. S Vaší literaturou to jináč jest.—K tomu pro Vás, jazykozpytce slovanského, všecky prameny doma. Staroslovanský a ruský jazyk pro slovanského jazykozpytce dostatečen. Jest to oceán—ostatní nářečí jsou jen jezera a bahniště. Také bohatství pramenův pro tu vědu u Vás. Tohot' nikde na světe. Užíte toho a kořistujte z něho!—Co z jiných nářečí potřebovati můžete, toho již jakou takou zásobu v Moskvě máte, dílem sám, dílem známí a přátelé tot' zatím vystačí.— A budoucně, co bůh dá.

Strany datum začátku cyrillštiny, zdaž 855, zdaliž 862 — 865? nic jistého ustanoviti nelze. Stará svědectví v tom ohledu bud' se nesrovnávají, bud' nejsou dosti určitá a jasná. Dluzno je všecky srovnati, a přijmouti to za pravděpodobné, co se všemi okolnostmi nejlépe souhlasí. Jestit' to práce nemalá, jíž já ted' na novo podniknouti nemohu, a výsledek vždy nejistý, proto že se stará svědectví nesrovnávají. Co jsem já a proč přijal, naleznete ve Starožitnostech: ot té doby nalezena nová svedectví. Rozhodnouti tak těžkou věc sobě nedověřuji: radče to očekávám od jiných. Academie Vaše vydala cennou otázku: Chronologia Byzantina, snad tam i to se rozhodne? (Od pana Kunika)?

Ja nevím, co čtete v Novinách o našich literárních předsevzetích: možné, že všelico; než ujišt'uji Vás, že nikdy nebylo ono přísloví: mnoho hluku a málo vlny, tak pravdivé, jako nyní. Mnoho se slibuje, ohlašuje, ale ze všeho toho nic nebývá. — Nyní se u nás zřizuje spolek spisovatelův pro vypracování encyklopedického čili conversačního slovníka českého: uvidíme, co z toho bude.

U Vossa v Lípsku knihy vaší akademie a archeogr. kommisse na prodaj. Já jsem z nich mnohé zakoupil pro naši c. kr. veřejnou bibliotheku: než co jsem v loni skrze knihkupce pro bibl. z Petrohr. objednal, nic nepřišlo. Též sem dostal několik svazkův Žurn. Minist. Prosvěšč. Ševyreva Cestopis jsem viděl u p. Hanky [1]).

S přednáškami slovanštiny to u nás jde nějak slabo. Miklošič ve Vídni pry nemá žádných posluchačův: Kolár prachmálo. Znamenitých pokrokův a výsledkův ani zde v Praze pozorovati nelze. Pří-

[1]) Разумѣется поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь 1850 г.

činy rozličné, obecné, v duchu času, a zvláštní, v osobách, jichž se to týče. Než i to se napraví.

Že jsem první zásilku čaje (po pani N.) dostal, oznámil jsem Vám s poděkováním. Druhá, po panu N., spolu s knihou od hr. Stroganova nepřišla posavad, snad, že ten pán plán svůj změnil a nebyl v Čechách.

Pozdravte srdečně mým jménem všech přátel a známých, budeteli míti příležitosti, a buďte zdráv i šťasten ve všech svých chvalných užitečných předsevzetích.

S upřímnau přátelskou úctou Vám nepromĕnnĕ oddaný Pav. Jos. Šafařík.

73.

V Praze 24 Srpna 1851 n. s.

Velectěný Příteli! Poslední Vaše psaní ode dne 2 Února t. r. dodáno mi ve Vídni v měsíci Červnu, kdež jsem se tehdáž zdržoval. Za hmotnou přílohu, kterou dodatel psaní v Praze mé rodině odevzdal, skládáme všickni své díky, a kdykoli jí občerstvujeme, spomínáme Vás. Jiné zásilky, mimo tuto jednu, nepřišly: ta nám zatím vystačí, a budoucně nejistým a neznámým osobám neračtež ničeho svěřovati; škoda zajisté peněz tak na zdařbůh vyložených. Snad Bůh dá, že se coročně vyskytne někdo cestující do lázní našich českých, kterýby několik lotův té vzácné rostliny sebou vzíti a přinesti mohl.

Knihy žádané, pokud sebrati možné bylo, jsem 2 Srpna p. Hankovi k dalšímu zaslání odevzdal. Nepřestanu mysleti na Vás, čas po času sbírati a zasílati touž cestou. Já vždy doufám, že to budoucně půjde lépe, posavad bylo těžko z rozličných příčin.

Já teď mnohými pracemi až po uši zanešen a zasypán jsem. Sedíme tu v komisí a pracujeme o učebních knihách českých pro gymnasia a reálky vyšší. To má býti do měsíce Října hotovo.

Mimo to dávám tisknouti Výbor staroslovanských, zvláště jihoslovanských památek. Budou tam nejstarší životy Symeona od krále Štěpána Prvověnč. a Sávy arcibiskupa, život Sávy od Dometiana, zakonník Stefana Dušana, krátké letopisy srbské, několik listin atd. Tištěno už asi 6 archův, a bude se pokračovati pořád do nového roku. Jak náhle bude hotova, pošlu Vám několiko výtiskův.

Důležitých literárních zpráv nemáme, budeli co, neopominu Vás zpraviti.

Mejte se blaze! Váš upř. přít. Šafařík.

Přikládám malé vzorky díla, jež tiskneme.

74.

Vysoce ctěný Příteli! Odpusťte, že Vám tak pozdě a nedostatečně odpowídám. Žiji v tísni prací a starostí, že již jináč a k jinému nestačím.

V záležitosti hraběte Stroganova jsem nic pořiditi nemohl. Z počátku ve zdejší «Gewerbeverein» nadejí klamal, a naposledy nevlídně odbyl, že do Ruska takové lidi posílati byloby proti jejich a zdejším interesům. Potom jsem psal ven, ale také nadarmo jak z přiložené odpovědi uvidíte. Mně je toho welice líto, ale nedá se nic dělat. Na Moravě, jak mne zde ujišťují, ještě méně.

Knihy pro Vás sbirám a pošlu jistotně do Berlína ku konci Máje. Budte bezpečen. Tam naleznete i Hlaholské Památky, i starší cyrillské. Poštou posílati mně absolutne nemožno.

Čaj mi dodán před týdnem: pán ten meškal dlouho ve Vídni. Děkuji Vám. Vzpomináme Vás při tom často.

Moje Božena se udává za úředníka ve Vídni, Jirečka jménem, z Čech. Syn Jaroslav studuje medicinu. Starší, jak víte, totiž Vojtěch, je supplent chemie na čes. reálce. Ostatně jsme snesitelně zdrávi.

Bůh Vás opatruj! Přeje z té duše.

Váš upř. přít Šafařík.

V Praze 25 Apr. 1853, n. s.

75.

Velectěný Příteli! Pro ubezpecení Vaše oznamuji Vám v krátkosti, že jsem psaní Vaše ode dne 8/20 máje se směnkou pro knihkupce Záhřebského přede těmi dny řádně obdržel.

Velice mi divno, že tehdáž, když jste to psal, ještě mé poslední psaní ne bylo ve Vašich rukou, v nemž jsem Vám oznamoval, že mi nebylo možné vyhledati pro hraběte Stroganova žádaného člověka, a spolu dokumenty mého hledání přiložil. Snad se to psaní předce neztratilo?

Strany vyplacení knihkupce Záhřebského ještě jsem žádných kroků neučinil, aniž tím co zmeškáno, neboť směnka splatná po těch mesícich od datum a kdy bychom ji hned zpeněžili, byloby to s velkým diskontem a se ztrátou. Budu brzo psáti do Záhřebu, abych knihkupce ubezpečil. Ostatně se již o tu věc nestarejte, já všecko opatřím.

Z Berlína čekám co den odpověd od knihkupce Heffera, jehož jsem se předběžně psal, zdaliž ty knihy přijme. Bez takovéhoto svolení posílati není radno. Větší díl už mám pohotově: co nebude přiloženo, buď nevyšlo (jako Erben Regesta boh.), buď na ten čas dostati jsem nemohl, a půjde později; katalog čili seznam poslaných knih přiložím, a snad později Vám i ve psaní sdělú. Terminol. český slovník (právě teď vyšlý) také posílám.

Můžeteli lacino nebo darem dostati pro mne, opatřtež mi: 1) Undol'skij Op. kn. v step. mon. 2) Strojev Op. rp. slav. i ros. prin. Carskomu 3) Undol'sky Op. bibl. sl. rus. knih Kasterina.

Buďte uveřen, že Vám v literárních potřebách podlé možnosti rád sloužiti. Budu, teď i budoucně.

U mne vdání dcery Boženy za Čecha Jirečka minister. úředníka ve Vídni — a sice již 8 toho měsíce. Ostatně jsme zdrávi — leda če my staří ještě více stárujeme. Bůh Vás opatruj! Váš Upř. přít. Šafařík.

Pr. dne 5 Června 1853 n. s.

76.

V Praze 6 Září 1853 n. s.

Zpravuji Vás o stavu našich literárních záležitostí, krátkými slovy, nebot jináč nelze.

Peníze Župonovi jsem zaplatil. Posílám Vám psaní Župonovo, v němž žádal, abych peníze Andreovi složil, a potvrzení Andreovo, že přijal. Posílám psaní nefrankované, aby Vás tím jistěji došlo.

Do Berlína jsem knihy dvakrát poslal. Které a jaké už sám nazpamět nevím, a cedulku, na níž jsem to poznamenával, bohužel nemohu teď nalezti. První zásilka ještě byla z Berlína neodešla, pujde to najednou na podzim, a tak pozdě k Vám se dostane. První zásilku jsem nakvap v čas svatby mé dcery zaslati musel: pročez jsem p. Hanky požádal, aby on Palackého historii (pro mne) přiložil, čemuž on nerozuměv přiložil Vam prý i konto. Než Vy jemu za to nic neplaťte a odkažte ho na mne: já mu to zde zaplatím. «Památky dřevního Písemnictví Jihoslovanův» se vytisknou této zimy na novo, a sice množství exx., tak že z jara dostanete jich dosti.

Knihy po Nikolajevičovi poslané jsem obdržel a děkuji Vám za vše. Undolského Opis. knig. v Step. monast. neposílejte: mám to ve Čten. Obšč. Istor. 1848. Do Dubrovníka abych knihy i psaní vypravil, se postarám.

U nás nic důležitého pro Vás nevyšlo: než asi ku konci tohoto měsíce vyjdou «Čtení o srovnavací grammatice od Čelakovského». Dostanete to svým časem, jakož i jiné knihy, kteréž by zásilky zasluhovaly. Ostatně smetí mnoho vychází.

S tím Vám všeho dobrého a přede vším stálého zdraví přeje, jsem Váš upřimný přítel a ctitel P. J. Šafařík.

77.

Vysoce ctěný Příteli!

Ačkoli není příliš dávno, co jsem Vám psal a zpravil Vás o výsilce knih do Berlína, však nicméně cítím se pobídnuta psáti Vám opět a dáti Vám zprávu o smrti muže Vám známého a od Vás někdyž i na poli nauk spravovaného i váženého pro veliké nadeje, které oddaností svou naukám byl vzbudil. Totižto dne 23 Září (nov. slohu) večer skonal zde žalostně Jvan Šopov Bulhar z Kaloferu [1]) podřezav sobě hrdlo chirurgickým nožem. Stalo se to návalem jakési melancholii, a možné, že i následkem rozepří s bratrem Izmailským, což však jistě a určitě tvrditi nemohu. Byl totíž nedlouho předtím bratr jeho Georgije zde u něho, a sotva že do Vídně odjel, učinil Jvan živobytí svému konec. Mělt zde Jvan u sebe malého bratra Mateje, udalost tím žalostnější. Můj Jaroslav, medik a blízký známý nebožtíka, obstaral záležitosti pohřební. Georgije přijel z Vídně ku pohřebu.—Vidíte, jak nešťastní jsou Bulharové! Synové jejich, oddávající se naukám jeden po druhém hynou!

Na poli literatury málo co důležitého u nás se zjevilo, vyjmouc Čelakovského čtení o srovnavací gramatice slovanské. Knihu tuto dostanete s jinými ode mne svým časem.

Ani o svých prácech Vám na ten čas mnoho psáti nemohu: snad mi bude možné této zimy něco předsevzíti a dokončiti. Chystám nové vydání Jihoslovanských cyrillských památek, rozmnožené, jak víte, než věc ta ještě poněkud vázne, pro všelijaké překážky a nesnáze, hlavně materialné.

Za katalog knih (již zvěčnělého!) Carského Vám opětovaně dě-

---

[1]) Составитель перваго опыта Болгарской библіографіи, которая была напечатана Н. Х. Палаузовымъ въ Цареградскомъ Вѣстникѣ 1852 г. Позднѣе этотъ трудъ, а также матеріалы, собранные Шафарикомъ, были дополнены Иречкомъ и напечатаны въ 8-й книгѣ Періодическаго Списанія (Браильскаго). Наконецъ теперь недавно въ 9 томѣ Сборника за народни умотворенія и т. д. напечатанъ трудъ по Болгарской библіографіи А. Теодорова (отъ 1641 по 1877 г.).

kuji. Takovéto specialné katalogy jsou velmi poučny. Vyjdeli budoucně něco tomu podobného, nezapomeňte na mne.

Na tom dnes končím. Přeji Vám stálého zdraví a všeho dobrého! Váš upřim. př. Šafařík.

V Praze 16 Řijna 1853 n. sl.

1) PP. Přikládám vzorek chorvatské hlaholice, jenž se teď zde hotoví. Jest to střídaní šesti liter; na smyslu nic nezáleží, t. j. slova jsou dílem vymyšlená, bez smyslu.

2) PP. Mladý Pertz v Berlině, syn starého historika, vydal: De cosmographia Ethici libri III (Berol. 1853. 8°). Tam dokazuje, že hlaholici složil Ethikus v Jstrii, rodilý prý Sarmata (u něho=slovan) okolo 350, obnovil Sv. Jeronym ok. 400. Důvody slabé slabounké, ale spis jináč dosti zanimavý.

78.

Velectěny Příteli! Vaše milé psaní ode dne 29 Sept. 1853 s. s. dostalo se mi šťastně spolu s čájem, jímž jste mne daroval asi na začátku měsíce Prosince min. roku. Za dar Vám srdečné díky skládám: za opozděnou mou odpověď Vás prosím za laskavé odpuštění. Stalo se to mimo mou vůli pro nemoc, která mne asi v polovici prosince stihla a téměř až do konce ledna ke všemu neschopným učinila. Sledy její až do nynějška nezatřeny. Mezitím se mi nahromadilo množství všelijakých prací. Věk můj, jak víte, dochází: v příštím Máji nastupuji 60 rok, síly nerostou, ale chabnou. Zvláště zrak zemdlívá, a ruka jaksi těžká býti počíná.

Hotovost moje, sloužiti Vám v literárních záležitostech, vždy stejná a táž, jak byla: a nemálo jest to srdci mému žalostné a bolestné, že Vám tak málo v tom ohledu mohu býti prospěšen. Vina tím jednak veliká vzdálenost, v níž žijeme, jednak nedostatečnost moje. První závada se ovšem odstraniti nedá: druhou se budu přičiňovati podlé možnosti přemáhati a napravovati.

Dle žádosti Vaši budu Vám posílati do Vídně a přes Vídeň co shledám pro Vás důležitého anebo prospěšného. Některé věci už mám, jiné seberu co nejdříve, tak že asi v prostředku měsíce března všecko to do Vídně budu vypraviti moci.

Důležitého literatura naše tuto zimu málo na jevo vynesla.

Čelakovského pohrobné dílo, jakož i Hanuše [1]) už pro Vás

[1]) Игнатій Ганушъ родился 1812 г. Въ 1849 г. вызванъ былъ въ Прагу проф. философіи; напечаталъ Rozbor filosofie Tomy ze Štítného. V Praze 1852 г.

pohotově mám. M. Hattala, rodilý Slovák, vydal zvukosloví staro—i novo českého a slovenského jazyka. [1]) Dostanete i to. Hattala žije ted' v Praze a má se habilitovati na universitě za docenta a časem svým snad bude professorem jazykův slovanských.—Já jsem pro nemoc k vydávání něčeho nemohl přistoupiti, a ted' jsou i jiné překážky především nedostatek prostředkův, a časy velmi nepříznivé takovýmto vědám nechlebným jako jsou slovanské.

Jiné zprávy již k pohodlnějšímu času odložiti musím.

Přeje Vám stálého zdraví a všeho dobrého jsem s upřímnou úctou Váš odaný přítel P. J. Šafařík.

V Praze—27 Února 1854 n. s.

79.

Velectěný Příteli! Čas jest svrchovaný, abychom sobě dali na vědomí, že ještě živi jsme. Odpusťte, že jsem Vám tak dlouho nic nepsal, nic neposlal. Nestalo se to zúmyslně, ale bezděčně pro nutnost okolností. Teprv tento měsíc jsem poslal Vukovi do Vídně několik knih pro Vás, aby je k Vám známou cestou vyslal. Jsout' pak tyto: Památky cyrillské Jihoslovanův. Čelakovského srovnavací mluvnice. Palackého Dějiny I. 2. Téhož popis království českého. Od Hattaly dva malé spisy. [1]) Budúli okolnosti příznivé, nezadlouho vyšlu k Vám jiné, ačkoli se vyznám, že cesta přes Vídeň také má své nesnázky. Haranta nevyšel než 1-ní díl. [3]) Erbenovy regesta ješte nevyšly. Ostatně nevychází nic, coby pro Vás důležito býti mohlo. Miklošič vydal malou chrestomatii: ale pravopisem předělaným dle svých vzorův. Mnet' srdečně líto, že máme tak obtížné literární spojení, pro velikou vzdálenost a jiné nepřemožitelné překážky: ale quod mutari nequit, patienter ferendum. Mate jistě už v Moskvě tolik slovanských knih všech nářečí, i českých, že Vám pro důkladné studia v jazycích nic scházeti nebude, a že bez našich plev a smetí (nebo u nás i v literatuře jakýsi industrialismus a utilitarismus panovati počíná) býti můžete.

---

[1]) Мартинъ Гаттала родился 1821 г. профессоръ слав. филологіи съ 1853 г. въ Прагѣ. Напечаталъ также „Skladba jazyka českého". V Praze 1855 г.

[2]) Разумѣется вѣроятно: Posouzení Erantiška Čelakowského Čtení o srovnavací mluvnici slovanské. Напечатано въ Sw. I Časop. 1854.

[3]) Kristofa Haranta z Polžic Cesta z království českého do Benátek, odtud do země svaté u т. д. Díl I V Praze 1854. Díl II 1855. Издана на средства Чешскаго музея, составляла čislo IV Staročeské Bibliothéky.

Přálbych abyste aspoň mých cyrill. Památek řádně a brzo dostal.—Mé věci jsou dosti prostřední: věk dochází a stáří tlačiti začíná, domácí věci bídné, neveselé.

Pozdravte přátel a mějte se dobře. Tohoť přeje z celé duše Váš upřím. přítel Pav. Jos. Šafařík.

V Praze 12 Řijna (Octob.) 1854 n. s.

80.

Vysoce ctěný Příteli! Obdržel jsem již před některým časem přes Víden překrásné a znamenité Vaše dílo: O vrem. proischožd. slav. pismen. Četl jsem již některé částky i velice se mi líbí. Pročež Vám za ně srdečné díky skládám. Omylem se stalo, že snimek 11-tý (соѳа) dvakrát přiložen a 13-tý (къ ѩзыкъ новъ) schází. Tento jsem si zatím přepsal z p. Hankova exempláře: onen Vám pošlú příležite nazpět.

Newěděl jsem aneb zapomenul, ze život sv. Methodia v tak starém rukopisu se nachází. Škoda, že není tištěn cele. Nemohloli by to u Vás tak se tisknouti, jako někdy za censury u nás, totiž ad us. privat., v několika málo exx. kdežto se potom téměř všecko povolovalo? Naposledy lépe i s vypuštěním pohoršlivých míst, nežli naskrze nic. (Tak vydával i Kalajdovič).

Minulé zimy jsem dostal od Srba, vracejícího se do vlasti knihu maloruskou (jednu pouze) a balíček čaje, za než Vám srdečně děkuji a se svými často Vás sobě připomínám. Kýžbychom byli blíže!

Budete-li mi psáti, pište mi nefrankovaně; tak jest bezpečněji a jistěji, nebo roznášeci psaní na tom záleží, aby peníze dostat, jelikož je již v počtu má a odevzdati musí. Takéť Vás prosím, aby ste, posílaje knihy zapečetená psaní ke knihám a do balíků nepřikládal, neboť to zapověděno a na to pokuta. Otevřené psaníčko vložiti se může, ale jen tomu, komu balíček se posílá, nic více. V posledním balíku p. Hankovi z Vídně bylo Vaše zapečetěné psaní ke mně. Poněvadž se balíky před odevzdáním otvírají, musel jsem platiti pokutu. Víte dobře, že naše psaní jsou pouze literární; mohli bychom je i po poště otevřená posílati, kdyby se na poštu nemusela pečetěná dávati.

V literatuře naší vedecké nic důležitého nevyšlo. Nekteré knihy — jmenovitě Erbenovy regesta doufám poslati Vám v běhu tohoto léta.

Domácí okolnosti nedovolují, abych Vám teď obšírněji psal, a dlouho i na nejisto jsem s odpovědí odkládati nechtěl. Bůh Vás opatruj a dej Vám všeho dobrého!

Váš upřímný přítel Pav. Jos. Šafařík.

V Praze 17 máje 1855. n. s.

81.

V Praze 17 Června 1855 n. s.

Psaní Vaše, velectěný Příteli, vypravené ke mně 15 Máje st. s., došlo mých rukou 15 Června n. s. Odpovídám hned několika slovy, boje se že bych snad později delší čas psáti nestačil.—S potěšením jsem vyrozuměl, že se opravdově a úsilně zasazujete nejen o vydání životův Ss. Cyrilla a Methodia i chvalořečí jim ke cti složených, ale i Jzbornika 1073 [1]). Dejž Bůh ke všemu tomu zdraví, síly a vytrvalosti. Mne by zajisté velice těšilo, kdyby ještě pod večer mého živobytí mé oči na tyto světu odhabné poklady padly. Schvaluji, že vymazáním některých míst mýliti se a odstrašiti nedáte. Jsou to místa bez pochyby pro historii méně důležita. Když jen hlavní jádro a podstata vyjde!—Že důkladná práce Vaše o sestavení písma cyrillského surového kritika našla, toho těžce neneste, věda, že to obecný náš los, křivě posuzovánu býti—od neznalcův. Staroslovanské vědy na velikém trhu nikde se necení: na ten čas jiný duch vane a ještě dlouho vanouti bude. Buďme spokojeni, když jen rozumnější, soudnější a spravedlivější muží důkladných prací na poli oblíbené námi vědy sobě váží. K tomu v kritikářství teď všudy mnoho strannosti a přepiatosti, jak zde a na západě, tak i u Vás

V těchto dnech jsem poslal do Vídně pro Vás Erbenovy regesta (tom I in 4°), důležité dílo, a pár spískův prof. Hattalou vydaných. Tomkovy historie Prahy se dotiskuje díl I., dostanete jí touž

---

[1]) Докторская диссертація, Бодянскаго: О времени происхожденія слав. письменъ.

[1]) Бодянскій задумалъ обширное изданіе источниковъ, относящихся къ дѣятельности слав. первоучителей св. Кирилла и Меѳодія. Но напечатаны были лишь паннонскія житія 1) Константина философа Чтенія 1863 г, 1864 г., 1873 г. Меѳодія Чтенія 1865 г. и 3) похвальное слово Кириллу и Меѳодію Чтенія 1865 г. 1866 г. Изданіе изборника 1073 г., первый выпускъ котораго приготовленный къ печати Бодянскимъ вышелъ только въ 1882 г. въ четвертой книгѣ Чтеній. Москва 1883 г., осталось неоконченнымъ.

cestou. Haranta též, až vyjde celý. Jiného tak na ten čas lepšího nic nemáme. Literatura naše se rozplývá v zabavných neb belletr. malichernostech a v reálných předmětech, pričemž vkus, jazyk a sloh pořád víc a víc planí a klesá. Nápravy od času žďáti.

Na jihu pro historii jihoslovanskou velmi pilně a šťastně sbírá Kukuljević archivář král. Chorv. Slav. a Dalm. v Záhřebě. Jest naděje, že svým časem vydá regesta, snad jako Erben, které budou klíč k historii jihoslovanské. Minulý podzimek opet cestoval v Dalmacii a mnoho pokladův literárných přinesl do Záhřebu.—Se snímkem č° 13. příliš pospíchati netřeba: můžete jej poslati s něčím jiným svým časem. Já jsem si to zatím z Hankova exempláře kopírovati dal.— Miklošič byl z jara dosti těžče nemocen, ale už je zdráv, a tiskne druhý díl velikého spisu svého, srovnávající gramatiky slovanské, totižto díl o tvoření slov.

Na tom dnes končím: buduli míti co důležitého z knih, vyšlu to k Vám známou cestou, takéž i Vás prose, abyste totéž učinil, budeteli co míti, o čemž byste se domníval, že je pro mne vážné a prospěšné.

Přeje Vám z té duše stálého zdraví a všeho dobrého jsem

Váš upřímý přítel a ctitel Pav. Jos. Šafařík.

82.

Pospíchám, velectěný příteli, abych Vám své vřelé díky slozil za oboje psaní, kterýmž jste mi žádanou literárnou pomoc poskytnouti a ty výtahy z rukopisův opatřiti, vlastně sám učiniti, a poslati rácil. První Vaše psaní s výtahy světilen a zprávou o rukopisech z hlaholice přepsaných datované 6 Ún. st. s. (18 Ún. n. s.) dodáno mi 13 břez. n. s., druhé s výpisy z apostola l. 1220, datované 13 Ún. s. s. (25 Ún. n. s.) zavítalo ke mně 14 břez. n. s. Z toho vidíte, že psaní Vaše dosti pozdě ke mně docházejí (od Michala Petroviče dostávám obyčejně za 11 někdy i 9 dní), ale předce docházejí. Nemohu Vám dosti vyděkovati za tu práci, kterou jste mou příčinou podstoupil, i musím Vás a ostatních přátel prositi za odpuštění, že jsem tak hurtem s těmi prosbami a žádostmi na Vás napadl: ale zdější netrpělivci mne nutili, abych pospíhal, a tak nebylo jiné rady a pomoci. Staré světilny jsem pro krátkost času a mnohé práce ještě srovnati nemohl: stane se to co nejdříve. Z Apostola výtahy mi přišly velmi vhod, a mezitím dostal jsem Opis. slav. rukop. Mosk. Sinod. bibl. Otd. I tak že už

dostatečně k tomu srovnání zásoben jsem. Se zlomky budu brzo hotov: tři stránky jsem dokonále přečetl, ano i snesitelně facsimiloval, čtvrtou, známé světilny, cele čísti už nikdy nebude možno—mezitím udělal jsem a udělám co se udělat dalo a dá. O vydání se v měs. dubnu a máji postarám Dotud mi ještě nastává úřední cesta do Německa.

Co se tkne žádoucích knih, opatřím to dle možnosti, i Musejník: nemějte o tom žádné pochyby. Tomkovy historie Prahy d. I dostanete od Hilferdinga, kterýž už teď v Petrohradě býti musí. Snad že knihy později za ním přivezeny budou. Přálbych, kdyby bylo možné opatřiti pro mne—poslati snimky rp. slov. Synod. bibl. od Buslajeva, ač neníli to příliš drahé. My zde se těšíme, že bude brzo pokoj, a to stálý a trvalý. Dejž to nebeský Bůh! Tu bychom se s novou chutí a dověrou v učené a literárné práce dali, a snad by i Vaše práce snáze vyšly na svět. Opětuji své srdečné díky! Buďte zdrav! Vám cele oddaný Šafařík.

V Praze, 16 břez. 856. n. s.

83.

Psaní Vaše, veleotěný Příteli, ode dne 2 dubna st. sl. dodáno mi 25 dubna nov. sl. a přišlo mi velice vhod, neboť jsem v něm aspoň jednu světilnu našel, jejíž pomocí jsem hlaholskou rozebral. Jest to óna z Triodi květné r. 1311: **ѡтъ живоносьнꙑихъ ти водъ стоудєньць** atd. Takoť se srovnává docela a dokonálé s hlaholskou. Druhých dvou jsem aspoň první polovice srovnalé já zde našel, v Synaxáři prastarého apostola, t. **прѣобразися на горѣ, христе боже, показа оученикомъ славѫ своѭ** atd. a ještě jednu. Než i poslané od Vás: **оумныꙗ мои оун** a td. první řádky a konec dosti se shodují, po tom jdou na různo. Důkaz to aspoň, že ty světilny někdy byly známé a běžné, a na tom teď dosti. Časem se bez pochyby i ostatní nalezнou. Takéť za výpisky z apostola Vám děkuji srdečně. Nyní již pro své potřeby dostatečne zásoben jsem, a prosím, byste se tím více a déle zaměstknávati neráčil, jsa bez toho pracemi nad míru obřemeněn. Strany vydání těch zlomkův a jiných památek pečuji úsilně, aby to dlouho se neodkládalo: než věc má své nesnáze a obtíže. Tohoto léta však vyjde jistotně Cesta do Gottinku a úřední práce mi vzaly všecky prázné chvíle. Z počátku se na mne odevšád od lidí netrpělivých a nedočkavých doléhalo a tlačilo: pročež jsem psal v pravo i v levo, hledaje světla a pomoci. Odpusťtež tedy i Vy, i jiní, že jsem Vás a je tolik znepokojoval. Nyní nejhorší

přemoženo. Stalo mne to nesmírné práce a času: než nelituji toho, aniž kdy litovati budu.

Knihy Vámi ke mně vyslané ještě sice nepřišly (Buslajev a j.), než doufám že svým časem předce dojdou, a že to již dlouho trvati nebude.

Na nynější Vaše práce, vydání Izborníka, životův našich prvoučitelův atd. budu vždy s největší dychtivostí čekati, a bycht' i jen začátky jich spatřil, již mne to nesmírně těšiti bude.

Strany časopisův bych Vám radil, aby ste ještě posečkal: snad s rokem 1857 něco lepšího vycházeti bude, následkem zavřeného míru, což nezůstane bez vplyvu na literaturu. Nynější naše slov. časopisy jsou téměř samé belletristické a mělké i sám Lumír. Škoda by bylo peněz. [1]) (Tot' jen pro Vás řečeno).

Erbenových písní nár. nevyšlo posud více než dva svazky: než bez pochyby brzo vyjde pokračování.

Pro Vás jsem něco uchystal a chystám dále: pošlu vše v první polovici Června do Vídně.

Miklošič tiskne zde zákonník cáře Dušana. Kukuljevič IV tom Arkivu, v nemž statut Polický, listiny chorvatské a j. důležité kusy. Valentinelli vydal v Záhřebě: Bibliografia della Dalmazia 1856. 8°. Dobrý spis. Schleicher vydal zde litevskou grammatiku—dostanete ji. Chrestomatie vyjde později.

Na tom dnes končiti musím.

Přeje Vám stalého zdraví a všeho dobrého jsem Váš upřimný přítel a ctitel Šafařík.

V Praze 1856, 18 Máje. st. sl.

84.

V Praze 30 Října 1856 n. s.

Odpust'te, velectěný Příteli, že Vás opět tímto prázným a malovážným psaním znepokojuji a času Vám ukrádám! Především račte mne v tom omluvena míti, že jsem posud ze slíbených a sebraných knih pro Vás nic do Vídně nevypravil. Mámt' jich několik pohromadě, ale chtěl jsem přiložit i jiné, a mezitím mi čas v prácech a starostech všelikého druhu ušel. Vedle úřadování, bez něhož s četnou rodinou obstati nijak nelze, při věku již velmi nachý-

---

[1]) Lumír. Týdennik belletristický a archiv pro dějepis. V Praze 1852—65. Red Ferd. Mikovec; r. 1863 r. V. Hálek, pak J. Valečka.

leném, již všemu náležitě vyhovět možné není, a chtělbych předce něco ještě i ze svých prací na světlo vyprovoditi. Než quod differtur, non aufertur. V krátkém času půjde zásilka do Vídně. Na slovanském poli sice mnoho znamenitého nevyšlo. Miklošić tisknul dva kusy: Evangelium s. Matthaei, cyrillsky (Vindobonae 1856 8°), pak Die Sprache der Bulgaren in Siebenburgen. Aus dem 7 Bde der Denkschriften der k. Akad. (Wien 1856. 4°). Opat Simon Ljubić (v Dalmacii) vydal: Vizionario biografico degli homini illustri della Dalmazia (1856. 8) a ohlásil Dějepis národní literatury v Dalmatsku, illyrsky, jenž prý se již tiskne. Moravských písní od Sušila vyšlo všeho posud (1853—56) 5 svazkův. Haštalského obrys hist. lit. čes. malichernost k ničemu se nehodící. [1]) Glasnik družtva—v Bělehradě, díl 7, na rok 1855, vyšel prý, ale neviděl sem posud. Schleicher vydal litevskou grammatiku, něm., díl I. (Nyní je v Sasku, churav, neví se vyjdeli díl II chrestomathie, a kdy).—Hankův hlaholský zlomek vychází v aktách zdejší učené společnosti: list to kvartový Emmauntinský z XIV stol. Erbenův zlomek tuším na papíře lístek, nebo dva, částečka biblí české: vydáli to, nevím. Mé pojednání o Pražských hlaholských zlomcích dávno hotovo i se všemi snímky: strany tisku rozhodne se tyto dni v učené společnosti. Na každý spůsob ještě něco času mine, až to bude moci na světlo Boží vyjíti. Buďte uvěřen, že jak náhle bude možno, otisk se k Vám vypraví. Mimo to chystám této zimy i druhý spis k tisku, o nemž budoucně více.

Dnes přicházím s novou prosbou k Vám: Přesvědčen jsem, že udělav již tolik mně k vůli, takéť této práce nenerád podniknete. Zanaším se právě registrováním staroslovanské literatury, podlé rozdílu pisma, 1) cyrillské památky 2) hlaholské p., 3) cyrillské z hlaholice přepsané. Mezi jiným jsem uhodil v Izvěstijach Imp. Akad. Nauk, tomu I na sloupci 362 na tato slova našeho Grigoroviče.

«A. Ch. Vostokov (ili A. V. Gorskij) v kirillovskoj rukopisi Prorokov, spisannoj v XI st. s drugoj drevnějšej, našel o d n o s l o v o g l a g o l i t s k o j e.

Tak-li skutečně? Mně jen známo, a takéť od Vás mi psáno, že rp. od Vostokova užívaný, též rukopis v Mosk. duch. akad., vedou k starému hlah. rukopisu, z něhož cyrillské přepsány, a však jsem posavad nikde nečetl, žeby v těchto cyrillských kopiích byly nějaké

[1]) V. Vávry Haštalského Kratký obrys literatury české. V. Praze 1856

hlah. litery anebo celé slovo. Já vím jen, že v Petrohradském Řehoři Nazianz. jsou hlah. litery. Prosím Vas, pište mi, co o tom víte, anebo, potřebí-li, vyptejte se na věc tu pilně, a však v tichosti, bez rozhlášení, že to pro mne. Budu Vám z toho velice vděčen. Nezapomeňte přidat, jestlibyste se byl něco dále dověděl o nějakém jiném rukopisu cyrillském, z hlah. přepsaném. Nám prospěšno ba potřebno vědět, jakými předměty se zabývali a zanášeli hlaholite·

Odpovědi Vaší budu očekávati co den.

Za «Materialy dlja Istor. Pis'men» Vám děkuji srdečně. Oznamte mé díky také kollegům swým, professorům university.

Zapomněl jsem připomenouti, že vyšlo dobré dílo Heyse. System der Sprachwissenschaft. Berlin 1856 8°. Rapp. Vergleichende Gramm. Stuttgart bei Cotta posud 3 svazky jistě znáte.— Vydává i Bopp Vergl. Gram. 2-te Ausg.

S Bohem!—Šafařík.

P. P. Psaní už zapečetěné otevřel jsem, abych toto připsal. Jak se píše v onom cyrilském zlomku s hlah. písmeny, jehož objasnění máte hotové, místo cyrillského u neb u: zdaž [illegible] čili [illegible], ač jestli se ta kombinací v něm nachází?

. Proč všickni ruští literati (vyjma Köppena) kladou rok Krylošského evangelia 1144, nikoli 1143? Vždyť je psáno 6652 v Říjnu a listopadu, tedy se má subtrahovati 5509, nikoli 5508, neb rok a indikt se počítá od 1 Septembra. Při rocích od stvoření se při datum od Sept. do konce Dec. vždy a vždy subtrahuje 5509.

85.

V Praze 22 Brezna 1857 n. s.

Dávno již nepsal jsem Vám,' velectěný Příteli: než příčiny toho byly mnohé a nutné. Mimo věk můj, již velmi schýlený, a přirozené tíhoty jeho, stíhaly mne celou tuto zimu rozličné nesnázky téměř bez konce. Syn můj Vojtěch stonal těžce v Berlíně: já trpěl a trpívám často na oči.

Konečně mé Hlaholské zlomky vytištěny. Všeho osm archův ve kvartu a pět snímkův, z nichž čtyři písmo a pátý obraz představují. Pro Vás posílám ex. do Vídně: než právě slyším, že p. Rajevský teprvé k veliké noci tam přijede. Jiný ex. vypravím k Vám přes Lipsko v balíku ku Pogodinovi skrze knihkupce Vossa. Třetí zamyšlím přes Berlín poslati. Tak Vás snad aspoň jeden nebo druhý dojde, ačkoli to pozde bude. Bohužel že jiných lepších cest není!

Mám pevný úmysl ještě tohoto roku některé spisy tisknouti dáti, jestli to stav mého zdraví—zvláště mých očí—dopustí.

Literárných novin lepšího zrna mámo velmi málo. Miklošič vydal první díl Kopitarových spisův: než ja toho ještě neviděl. Kukuljević se vrátil z Dalmat a Vlach, viděl asi 150 cyr. i hlah. rukopisův a mnohé přinesl: než staršího nežli z XIII stol. neviděl. V Římě našel jakýsi obraz s nápisem od samého prý Methoda malovaný (?). O tom o všem musíme bližších zpráv od něho samého očekávati.

Knižek v rozličných slovanských nářečích vychází u nás dost: než pro naše studia velmi málo. Wiszniewského hist. lit. polské vyšel v Krakově poslední (IXtý) tom s registrem; takét' Helcel vydal ve Varšavě dobrý spis o starých právích polských; ja ale posud nic toho neviděl. O ruské literatuře více nevím, než co nám Izvěstija poskýtají. Těžce pohřešuji nového vydání statutu Litev. v Moskvě: než nevím jak to dostati.

Na tom dnes končím. Poručeje Vás ochraně Boží a sebe Vaší lásce jsem Váš upř. přítel Šafařík.

85a.

Prag den 26 Febr. 1847 n. s. *)

Theurester Freund! Heute schreibe ich Ihnen bloss über das slaw. Alphabet und die slaw. Typen, weil mir die Sache sehr am Herzen liegt, so dass ich weder Ruhe noh Rast habe, so lange die Sache nicht entschieden ist.

In Petersb. hat die Sache Kunik angeregt, allein ich sehe, dort ist wenig Hoffnung, dass die alten Vorurtheile besiegt werden und

*) Здѣсь печатается письмо Шафарика къ Погодину, оказавшееся между письмами къ Бодянскому и потому не попавшее въ письма къ Погодину, изданныя Н. А. Поповымъ. Письмо касается вопроса о новомъ кирилловскомъ шрифтѣ, о чемъ сначала Шафарикъ писалъ Бодянскому 5 февр. 1847 № 55. Мысли, выраженныя въ этомъ письмѣ, равно какъ и въ другихъ письмахъ, касающихся этого вопроса, съ наибольшей обстоятельностію и полнотою изложены Шафарикомъ въ предисловіи къ его сочиненію Památky dřevního písemnictví Jihoslovanůw. 1851, перепечатанномъ и во второмъ изданіи этой книги 1873 г.

etwas Gutes zu Stande kommt. Und warum lisse sich nicht in Moskau oder hier etwas gleich Gutes oder Besseres machen?

Jch schrieb schon vorläufig an Freund Bodjansky und schreibe heute an Sie, damit Sie gemeinschaftlich mit Freund Šewyrew die Sache bei der gelehrten Gesellschaft anregen und wie möglich durchsetzen.

Die Hauptsache ist: die bisherigen kirchenslawischen Typen sind barbarisch-abgeschmackt, so dass die Leser, die etwas Geist, Bildung und Geschmack haben, abschrecken. Soll das slawische Sprachstudium in Aufnahme gebracht werden und die slaw. Sprachdenkmäler einen grössern Lesekreis finden, so müssen schönere, gefälligere Typen zu stande gebracht werden. Dies fordert die Zeit. Die bisherigen sollen für den Gebrauch der Kirche bleiben, für Leute, die sie ex officio lesen müssen, und Geist, Bildung und Geschmack nicht vonnöthen haben—Andere verscheuchen sie, wie die Pest.

Hier schicke ich Ihnen zwei Muster zur Prüfung. Das geschickte ist nach meiner Anleitung verfertigt. Die griech. Codd. des IX Jh. und die slaw. Codd. des X—XI Jh. wurden zu Grunde gelegt, und die Figuren nach aesthetischen Grundsätzen etwas idealisirt. Die Idee war nicht übel: aber der Schriftschneider ein junger Autodidact hat sie ganz verdorben. Ein theoretisch gebildeter, geschmackvoller Künstler und Formschneider sieht gleich die Fehler. Indess beim Studium des Schriftschneiders kann diese Schrift zur Vergleichung sehr gut dienen. Ich müsste eine Abhandlung schreiben, wenn ich die Fehler der Schrift im ganzen und einzelnen durchgehen hatte. Das zweite Muster ist ein modificirtes Cernogorisches Alphabet. Cernogorische Drücke haben Sie Moskau, z B. sie den defecten Psalter von mir (1495—4°). Gut wäre es noch zu vergleichen Stěpana Matijevića Ispovědaonik Romae typ. propagandae 1630. 8°. Die Cernogorischen Typen sind gewiss in Rom oder Venedig von einer sehr guten, italienischen Meister geschnitten. Diese drei Schriften sind die jenigen, bei denen sich die Meister gewissen Ideen bewusst waren.

Nehmen sie also alle zusammen und prüfen und urtheilen. Die Gesellschaft sollte ein comité erkennen Z. B. aus Ihnen, Čertkow, Šewyrew, Bodjansky,—und mit der Ausführung beauftragen. Die Stempel könnten in Paris oder auch hier in Prag unter meinem Aufsicht geschnitten werden. Wir haben jetzt zwei gute Schnitzschneider bei Haase.

Der Zeichner und Schriftschneider müsste von Idee geleitet, die Figuren der ältesten Codices harmonisch und schön gestalten, nach

zwei Principien oder Grundgesetze einem, welches das Quantum der Figur (Breite und Höhe, quantitatives Verhältniss der Bestandtheile u s. w.) bestimmt, und einem, welches das Quale, die plastische Gestaltung der Formen regelt. Hiezu gehören, ausser Studium, auch Talent und Geschmack.

Bei der Herausgabe alter slav. Schriften für ein grösseres Publicum (nicht bloss ein paar Bibliotheke und ein paar Gelehrten) wären folg. Grundsatze als unverbrüchliche Norm festzusetzen:

1) Die Orthographie genau beizubehalten;

2) Die Compendia oder Abbreviaturen im Geiste der Handschrift und des Jahrhunderts (d. h. anderes bulgarisch, anderes serbisch, anderes russisch), aufzulösen. Beispiel житиѥ св. сумеѡна.

3) Die logische Interpunction—einzuführen.

4) Die Texte, wo möglich in Bücher und Capitel zu theilen.

Um bei den Compendien Missgriff zu verhüten könnte man tabellarische Übersichte den Auflösungen drucken. Wostokow könnte sie machen, nöthigenfalls auch ich.

Man wird schreien unmö glichohne Compendien zu drucken! So schrien alle Gelehrten Europas, als Wettstein circa 1680 ohne Compendien anfing griechisch zu drucken. Und heute wer druckt altgriechische Texte mit Compendien? Die bisherigen Drucke sind gelehrte Spilerei und Pedanterie todte Geburten von Todten für die Todten. Wir haben Kleinodien (altslaw.), die schön und menschlich vernünftig gedruckte Damen lesen würden!

Sed satis de his. Sapere aude. Vale et fave alteri animae suae. P. J. Š.

Письма Шафарика къ В. И. Григоровичу.

I.

Vysoce ctěný Příteli!

Psaní Vaše, v kterém mi oznamujete, že jste mi snímek hlaholity [1]) prostředkem akademie poslal, pořádně mých rukou došlo, než snímek posud nepřišel. Lituji velice, že jste to neposlal přímo poštou ve psaní, tak bych to dávno v rukou měl, neboť mne všecka psaní z Ruska správně a rychle docházejí. Než poněvadž se

---

[1]) Изъ Маріинскаго ев.; см. И. В. Ягичъ—Маріинское Ев. (Спб. 1883), введ. стр. XI. Полученъ снимокъ въ концѣ 1852; см. письма къ Погодину, II, 379 (№ 108).

to nestalo, a stalo naopak, což nebylo potřebné, dlužno čekati konze trpělivě.

S potěšením jsem vyrozuměl že nepřestáváte na poli literatury a jmenovitě starého jazyka truditi se užitečným býti, čehož důkazy i v Žurn. Min. prosv. nacházím, v němž jsem nedávno pojednání Vaše o počátku hlaholice četl. [1]) Snahy Vaší já upřímně a vysoce cením, třebas v domnění od Vašeho se různím. [2])

Já sám nemoha ted' s větší díla býti, aspoň v menších pojednáních na starobylosti naše jakéž ta(?)kéž světlo vylévati se snažím. Tak jsem napsal již dva obšírné články o hlaholštině do našeho Musejníka (druhý právě ted' tištěn, první jsem poslal p. Sreznevskému), tak též jiný o písmenech starých Slovanův atd [3]). Přinucen jsa často z hlaholice citovati, dal jsem na své útraty řezati hlaholské písmo, jehož vzorek tu přikládám. Písmo to posavad výhradně můj majetek.

Mohuli Vám něčím sloužiti, milerád to učiním, pište mi otevřeně. Já se své strany budu přinucen prositi Vás, abyste mi, jestli by onen snímek od akademie nepřišel, jiný shotoviti dal, a p ř í m o l i s t o v n í p o š t o u v e p s a n í n e f r a n k o v a n ě ke mne vypravil.

Přeji Vám stálého zdraví a všeho dobrého. Váš upřimný ctitel a přítel P. J. Šafařík.

V Praze 11 Září 1852 n. s.

II.

V Praze 5 Prosince 1852. n. s.

Naposledy dávno tůžebně očekávaný vyňatek z Macedonského hlaholity šťastně dne 28 Listopadu do mých rukou se dostal. Odpusťte, velectěný Příteli, že jsem Vás tolik pro tu věc sužoval a zne-

---

[1]) „Чтеніе о письменности древнихъ славянъ“ Ж. М. Н. П. 1852 г. № 3.

[2]) Григ. полагалъ: „Кириллъ *нашелъ* глаголиту, а Меѳодій (вмѣстѣ съ Кирилломъ?) послѣ обратилъ ее и греческій алфавитъ въ славянскую азбуку („Чтеніе“). Иначе глаголица существовала до проповѣди братьевъ. Ш-ъ же признавая старшинство глаголицы, готовъ былъ считать глаголицу изобрѣтеніемъ братьевъ, кириллицу же связывалъ съ дѣятельностью Климента (Pohled na prvověk hlah. pís.-Sebr. sp. III, 212—213).

[3]) Sebrané Spisy P. J. Safaříka III, 199—240. Prvověk hlaholského písemnictví.

pokejoval. Stalo se to z přílišné horlivosti. Poněvadž mé knihy teprvé Úvod se tiskne [1]), nepřišlo to pozdě.

Možné, že Vám zde ukázku z té mé knihy přiložím, mozné však, že se to teprvé později stane. Tisk se protáhne do léta 1853. Ačkoli moje domněnka, co jsem některé staré zlomky z Chorvat dostal, i od Vaší, i od mé předešlé se dělí, však nicméně doufám, že nebudete nespokojen se spůsoben, kterak jsem se o Vaší domněnce zmínil.

Stejným časem tiskne se zde z poručení Ministeria vyučování Slovník terminologický německo-český pro gymnazia a reálky pod mou správou, [2]) tak že práce mám dosti.

Proto teprvé z jara 1853 budu moci začíti nové větší vydání mých cyrillských jihoslov. Památek. Prvního vydání bylo jen velmi málo na ukázku (a jakoby korrecturní archy) tištěno: proto se do Ruska téměř nic nedostalo. Druhého bude hojnost, jakož i mých Památek hlaholských množství se tiskne.

Nuže, pište nám, jak se Vám vede a co děláte? Nevydáte-li nám hlaholské evangelium celé? [3]) Též jiné památky z bohaté své sbírky?

Bůh Vás opatruj a zachovej zdráva! Vám cele oddaný P. J. Šafařík.

III.

Vysoce ctěný Pane!

Po mnohých letech znamení života! Z přiloženého lístku [4]) uvidíte, jak důležité objevení u nás se stalo. Jak náhle něco dále o tom předmětu na světlo vyjde, poslati Vám to neobmeškám.

Celá otázka počátku hlaholice a cyrillice potřebuje verší [5]) (?) Snad někdy i já ještě něčím přispěji. Nyní ještě nelze.

Můžete-li mi uděliti ze svých bohatých zásob nějakého světýlka, učiňte to, budu Vám zajisté toho vděčen. Zvláště by mi byly milé správy o rukopisech cyrillských, v nichž jsou sledy a důkazy t·ho,

---

[1]) Památky hlaholsk. písemnictví (Praha 1853).

[2]) Вышелъ въ 1853-мъ году.

[3]) Гр. дѣйствительно собирался издать Маріинское евангеліе въ факсимиле цѣликомъ; но изданіе началось и не кончилось; см. И. В. Ягичъ—Маріинское ев. (Спб. 1883). Введеніе стр. XIV.

[4]) Вѣроятно, номеръ Pražských Novin отъ 19 дек. 1855 г., гдѣ напечатано первое извѣстіе о пражскихъ глаголич. отрывкахъ.

[5]) Не разобрано.

že z hlaholice přepsány byly,[1] t. o takových, o kterých byste myslel, že mi neznámé jsou.

Na tom dnes končím; jindy boh dá více. Přeje Vás stálého zdraví [2] a všelikého štěstí i poroučeje se přízni a lásce Vaší jsem s upřímnou uctou Vám cele oddaný P. J. Šafařík.

V Praze 23 Pros. 1855.

IV.

Příteli vysocectěný!

Posílaje Vám výpisy z hlaholských světilen pokud jsem co čísti mohl, prosím Vás, byste do svých drahocenných starých rukopisův nahlidl, zdaliž byste někde tyto světilny nenašel? Pomocí cyrill. tekstu bych je snadno přečetl cele. V rukopisu samém jest ortografie dílem jiná: ale na tom tu nic nezáleželo.—Ostatní kusy jsem šťastně probral a přečetl, než při těchto, bez pomoci textu odjinud nebude možné více čísti. Tyto světilny musejí starší býti, nežli co jsou v tištěnych církevních knihách, ješto jsou nemýlímli se od cís. Konstantina Porfyrogenety.

Ostatně psal jsem v té příčině i do Moskvy (Pogodinovi) a Petrohradu (Sreznevskému). Odpovědi Vaší budu netrpělivě očekávati. Pište vždy nefrankovaně: tot' je nejjistější.

Bud'te zdráv! Váš upř. ctitel a přítel Šafařík.

Dne 8 Ledna 1856. n s.

V.

Vysoce ctený Pane!

Výpisky a snímky ze starých rukopisův, v počtu pět, z nichž jeden hlaholský a ostatní cyrillské, od Vaší dobroty dle mé žádosti sem poslané, pořádně jsem obdržel a děkuji Vám za ně srdečně. Mé hlaholské zlomky ještě nevyšly, ale k vydání se chystají, a jak náhle vyjdou, nepominu Vám výtisk jich poslati. Přeje Vám všeho dobrého, a laskavé paměti se poroučeje jsem Váš upřímný ctitel P. J Šafařík.

V Praze 10 Srpna 1856. [3])

---

[1]) Ш. впослѣдствіи и имѣлъ въ виду и придалъ значеніе подобнымъ рукописямъ: это XIII словъ Григорія Наз. (XI в.), Евгеньевскіе листки, Болонскій псалтырь, Македонскій ап. и др.; см. перечень ихъ въ его статьѣ Prvověk hlah. písemnictví—Sebr. spisy III. стр. 207 и сл.

[2]) Залито чернилами. Все письмо ими попачкано.

[3]) На письмѣ внизу: Panu prof. Grigorovičovi v Kazani.

1.

Въ Прагѣ 27 іюля 1838 г.

Я не могъ проститься съ вами у Мельничнаго ручья, потому что мой возница пріѣхалъ съ экипажемъ къ моей квартирѣ, и я тотчасъ долженъ былъ сѣсть въ экипажъ. Я путешествовалъ благополучно. Кашель мой понемногу перестаетъ. Племянникъ мой Янъ уже здѣсь. Такъ какъ мое здоровье значительно улучшилось, то я надумалъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться путешествовать, вѣроятно, послѣ завтра, 29-го іюля, кое-куда по Чехіи, а можетъ быть и въ Моравію, откуда около 20-го августа имѣю намѣреніе вернуться. Надѣюсь, путешествіе принесетъ пользу моему здоровью.

Если вы вернетесь въ Прагу раньше моего, и вамъ понадобится что-нибудь изъ вашихъ вещей, то ключъ отъ первой комнаты, въ которой сложены ваши вещи, вы найдете у хозяйки г-жи Брошъ.

Г. Аммерлингъ собирается вамъ сегодня писать; вчера я съ нимъ говорилъ. Онъ мнѣ обѣщалъ, что или самъ онъ, или г. Станекъ пріѣдутъ къ вамъ въ Теплицъ, или по крайней мѣрѣ пошлютъ письмо къ мѣстному доктору.

Мой усердный поклонъ доктору Вагнеру. Желаю вамъ полнаго выздоровленія.

2.

Въ Прагѣ 30 іюля 1838 г. н. с.

Письмо ваше отъ 28-го числа этого мѣсяца застало меня еще здѣсь въ Прагѣ, потому что я долженъ ждать случая и только завтра отправляюсь въ путь. Я читалъ ваше письмо съ радостью, которая была бы еще сильнѣе, если бы въ немъ нашелъ извѣстіе о вашемъ полномъ или по крайней мѣрѣ значительно подвинувшемся выздоровленіи. Между тѣмъ я отъ всего сердца желаю и все еще надѣюсь, что съ улучшеніемъ погоды, послѣ пользованія теплицкими ваннами въ особенности, ваше здоровье поправится.

Докторъ Станекъ вамъ кланяется. Я говорилъ съ нимъ сегодня и отдалъ калоши и шляпу для васъ. Онъ выѣзжаетъ 4-го августа; вечеромъ того же числа будетъ въ Теплицѣ, а 5-го осмотритъ васъ; останется у васъ 5 и 6-го, но 6-го и не позднѣе 7-го долженъ вернуться въ Прагу,—поэтому усердно васъ проситъ, чтобы 4-го авг. вечеромъ вы пріѣхали въ Теплицъ и утромъ 5-го съ нимъ увидѣлись.

Я думаю отправиться сначала въ Карловъ Градецъ потомъ въ Брно, Оломуцъ и т. д. Отъ Брна недалеко до Райграда, поэтому я

не премину навѣстить тамошній монастырь; о результатѣ узнаете въ свое время. Около 20-го я уже долженъ быть здѣсь въ Прагѣ.

Я очень радъ пріѣзду въ Прагу Кирьякова (которому предлагаю усердно свои услуги).

Въ Карловарахъ я былъ такъ боленъ и слабъ грудью, что не могъ поговорить съ нимъ по душѣ. Надѣюсь въ Прагѣ будетъ лучше. Полотенца хозяйки между моимъ бѣльемъ никакого не оказалось. Объ этомъ полотенцѣ справлялась она у меня за день до моего отъѣзда. Въ нашей комнатѣ ни одного полотенца не потеряно, должно быть оно осталось въ другой комнатѣ.

Моя семья вамъ кланяется. Всѣ до извѣстной степени здоровы.

Будьте здоровы и скорѣе окончательно поправляйтесь. Этого вамъ желаетъ вашъ искренній другъ Павелъ Іосифъ Шафарикъ.

3.

Прага 21 окт. 1858 н. ст.

Я былъ очень обрадованъ, узнавъ изъ письма вашего отъ 15-го этого мѣсяца, что вы благополучно совершили путешествіе черезъ Моравію и теперь навѣрное находитесь въ Вѣнѣ.

Что касается Мартирологія Райградскаго, то я точно также читалъ слово латреїа на пятнадцатой строкѣ второго листа; но оно мнѣ не бросилось въ глаза, такъ какъ я считалъ его греческимъ, а не кирилловскимъ. Греческія буквы IX столѣтія формой и видомъ ничѣмъ не отличаются отъ обычнаго кирилловскаго письма того же времени. А исключительно кириллицѣ принадлежащія буквы, напр. ч, ш, ж, ц и др., не встрѣчаются ни въ этомъ словѣ, ни въ текстѣ рукописи; но еслибы и такъ случилось, то я скорѣе готовъ былъ бы считать рукопись за позднѣйшую, нежели допустить, чтобы до Кирилла и Меѳодія существовало славянское письмо подобное позднѣйшему кирилловскому письму. Славяне до этого времени имѣли только руны (мѣты), которыя вырѣзывались на деревянныхъ таблицахъ.

Я не сомнѣваюсь, что въ Вѣнѣ вы найдете обильную пищу для своей пытливости: особенно Придворная библіотека должна быть богата славянскими рукописями, и Г. Копитаръ съ обычнымъ своимъ радушіемъ не преминетъ познакомить васъ съ ея сокровищами.

Мое семейство съ 7 числа этого мѣсяца со мной въ городѣ, и съ тѣхъ поръ здоровье моей жены плохо. Мои домашніе васъ сердечно привѣтствуютъ.

Между вашимъ платьемъ есть синій фракъ съ желтыми пуговицами: нужно ли его сберечь для васъ?

Пишите мнѣ, какъ долго пробудете въ Вѣнѣ и куда вы оттуда отправитесь, приложите также адресъ вашей вѣнской квартиры, чтобы я могъ послать вамъ деньги.

У насъ нѣтъ ничего новаго: изъ Москвы и изъ Россіи по настоящій день не приходило ни одной строки. Vale et fave festinatissimo amico.

4.

Въ Прагѣ. 31 октября 1838 г.

Относительно греческаго слова λατρεια въ Мартирологіи Райградскомъ не могу вамъ писать ничего другаго, кромѣ того, что вамъ уже писалъ. Мы съ вами прочли это слово различно: одинъ изъ насъ долженъ былъ прочесть его ошибочно. Такъ какъ въ настоящее время ни у меня, ни у васъ нѣтъ рукописи подъ руками, напрасно объ этомъ спорить. Если, какъ вы пишите, въ самомъ латинскомъ контекстѣ это слово написано съ кирилловскимъ и, то не можетъ тотъ листъ, на которомъ оно находится, быть времени Карла—говорю въ контекстѣ, а не на поляхъ, ибо на поляхъ и я это слово нашелъ написаннымъ нѣсколько разъ съ и, тою же рукою, которою позднѣе приписано множество кирилловскихъ словъ, а въ одномъ мѣстѣ цѣлая проповѣдь(?) изъ библіи письмомъ блѣднымъ и уже почти не видимымъ.

О своемъ сборникѣ Monumenta Illyrica я уже нѣсколько разъ говорилъ съ вами и показывалъ подготовительныя къ нему работы. Мой племянникъ, будучи вытребованъ въ качествѣ помощника при описаніи Вѣнскаго архива, съ позволенія чиновниковъ архива переписалъ для меня нѣсколько сербскихъ грамотъ, для напечатанія и дальнѣйшей обработки которыхъ я еще не имѣю Высочайшаго разрѣшенія. Чтобы получить такое разрѣшеніе, я отправлюсь самъ въ Вѣну на пасхѣ 1839 года: если его не получу—верну назадъ въ архивъ эти копіи неприкосновенными, чтобы не причинить непріятности себѣ, племяннику и чиновникамъ архива; напротивъ, если мнѣ будетъ разрѣшено, перепишу еще нѣсколько сербскихъ грамотъ. Относительно русскихъ рукописей и грамотъ въ Вѣнскомъ архивѣ, я никогда ничего не слыхалъ и сомнѣваюсь, чтобы онѣ тамъ были.

Вполнѣ одобряю ваше намѣреніе провести зиму между иллирами. Если же вы хотите послушаться моего искренняго и дружескаго совѣта, отправляйтесь прямо черезъ Пресбургъ и Пештъ въ Новый Садъ и Карловцы. Вообще я бы вамъ совѣтовалъ не оставаться долго въ Вѣнѣ и Пештѣ, такъ какъ это не въ интересахъ вашего ученаго

путешествія. Въ Вѣнѣ и т. д. вы наберетесь мертвой учености вдосталь, но народовъ славянскихъ, ихъ языка, нарѣчій, говоровъ, нравовъ, обычаевъ не узнаете. Этой мертвой учености у насъ достаточно, даже съ избыткомъ, не достаетъ намъ кое-чего другаго, что намъ обѣщали, но къ сожалѣнію не дали, Ходаковскій, Кухарскій. Exempla terrent!

Въ Срѣмѣ, въ Иллиріи, въ небольшихъ городкахъ, деревушкахъ, монастыряхъ и т. д. откроется вамъ поле, на которомъ вы можете собрать для своихъ будущихъ нуждъ иной матеріалъ, чѣмъ въ полусгнившихъ рукописяхъ, которыя кромѣ того для литературы нашей не пропадутъ. Таково мое искреннее мнѣніе; впрочемъ, поступайте, какъ вамъ угодно.

Съ удовольствіемъ готовъ послать вамъ рекомендацію къ сербскому митрополиту, хотя вы и безъ того будете приняты имъ любезно. Письмо къ митрополиту вмѣстѣ съ деньгами пришлю прямо въ Будимъ, своему другу Март. Гамуляку, у котораго вы его найдете. Увѣдомьте меня о времени вашего отъѣзда изъ Вѣны.

На этихъ дняхъ я послалъ вамъ въ Вѣну письмо изъ Москвы poste-restante.

Статью Копитара противъ меня и Палацкаго посылать нѣтъ нужды. Я съ нею познакомлюсь и инымъ путемъ.

Здѣшніе друзья васъ сердечно привѣтствуютъ.

Въ моей семьѣ опять болѣзни; нездоровъ и я самъ. А вы для своего здоровья спѣшите-ка въ теплый Срѣмъ.

5.

Въ Прагѣ. 25 Ноября. 1838 года.

Письмо ваше помѣченное 18-мъ этого мѣсяца, а на почту сданное только 20-го, какъ это видно по почтовому клейму, я получилъ только вчера 24-го.

Упоминаю вамъ объ этомъ, чтобы вы знали, почему по вашему желанію я не могъ съ своимъ письмомъ и посылкою поспѣть къ 29 числу этого мѣсяца. Сегодня воскресенье, а потому только завтра, 26-го, могу сдать деньги на почту.

Прилагаемые здѣсь 50 гульденовъ серебромъ изъ числа тѣхъ денегъ, которыя я долженъ былъ отдать, но по различнымъ причинамъ еще не отдалъ Кронебергеру-Веберу. Поэтому Кронебергеръ-Веберъ завтра получитъ отъ меня за вашъ счетъ только 20 гульденовъ серебромъ. Если согласно своему намѣренію вы отправитесь на зиму въ За-

гребъ, то я надѣюсь, что вы будете въ мѣстѣ, весьма благопріятномъ для вашихъ плановъ. Но, если вы принуждены будете отправиться къ сербамъ, то не пожалѣете объ этомъ: тутъ или тамъ, вы будете среди добрыхъ славянъ.

Поклонъ друзьямъ. Желаю вамъ добраго здоровья и остаюсь вашъ искренній другъ. Изъ Москвы не пришло ни словечка.

6.

Въ Прагѣ 8 Декабря 1838 г. нов. ст.

Позавчера пришло письмо отъ Погодина, въ которомъ были приложены и два письма къ вамъ, которыя вамъ и посылаю съ настоящимъ письмомъ. Изъ перваго письма я кое-что прочелъ, изъ втораго ничего, благодаря мелкому неясному почерку. Погодинъ мнѣ пишетъ, что въ январѣ отправляется въ путь, хотя еще не знаетъ, какимъ путемъ и куда.

Одобряю, что для своего лѣченія вы остались въ Пештѣ. Зима самое неблагопріятное время для путешествія. Я бы вамъ совѣтовалъ, чтобы изъ Пешта вы отправились въ НовыйСадъ и Карловцы; Мартъ и Апрѣль пробыли въ Сербіи, а все лѣто, отъ Мая до конца Сентабря, употребили бы на путешествіе черезъ Загребъ, Далмацію и острова въ Черногорію. Продолжительныя и трудныя поѣздки вы должны исполнить л ѣ т о м ъ, а зимой сидѣть, гдѣ т е п л о. Если такъ не поступите,ничего хорошаго никогда не выйдетъ. Въ Пештѣ можете хорошо провести время: такъ много достойныхъ славянъ всѣхъ нарѣчій.

Но прежде всего старайтесь поправить свое здоровье для дальнѣйшаго путешествія.

Я теперь сижу за Часописомъ музея. Много съ нимъ дѣла, а помощи со стороны мало.

Новаго въ литературѣ ничего нѣтъ. Вторая часть исторіи Палацкаго печатается. Словарь Юнгмана также близится къ концу. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ видѣть Богиню Славы, а также альманахъ Зорю. Поклонъ всѣмъ друзьямъ.

Хмѣленскій очень опасно боленъ, и мало надежды, что останется въ живыхъ. Будьте здоровы.

7.

Въ Прагѣ 9 Декабря 1838 г.

Вчера получилъ отъ профессора Пуркини Журналъ Министерства Народ. Просвѣщ. 1838 г. Іюль. Прочелъ тамъ съ удивленіемъ выдержки изъ моихъ и вашихъ писемъ, касающіяся меня и сообщен-

ныя редактору Погодинымъ. Противъ литературныхъ новостей я ничего не имѣю: такія извѣстія и пишутся для того, чтобы публиковались; но что тамъ напечатано о мнѣ самомъ, о моей домашней жизни, о моей нуждѣ и затрудненіяхъ и т. д., о собираніи и посылкѣ денегъ и книгъ для меня, все это мнѣ очень непріятно и очень меня огорчаетъ. Я не понимаю, какъ можно было такія вещи посылать для печати. Предполагаю лишь то, что кто нибудь у него укралъ мое письмо и далъ напечатать, какъ оружіе противъ меня въ рукахъ людей, насмѣхающихся и издѣвающихся мною. Такія пріятельскія тайны должны оставаться тайнами. Кромѣ того, и самое дѣло, какъ оно тамъ выставлено, преувеличено и несогласно съ истиной: въ такой нуждѣ и столь стѣснительныхъ обстоятельствахъ, я съ своей семьей никогда не былъ, какъ тамъ повѣствуется. Вамъ хорошо извѣстно, что я, какъ цензоръ, получаю ежегоднаго жалованія 400 гульд., и, какъ гонораръ отъ Часописа 120 гульд. серебра. Въ общемъ это выходитъ 520 гульд. сер. или 1200 р. ассигнаціями ежегодно, чего для меня при моей скромной жизни достаточно. Если я при изданіи Древностей, печатаніе которыхъ стало мнѣ 1500 гульд., иногда нуждался въ деньгахъ, это—неудивительно: это случается и съ богатыми, а я человѣкъ небогатый.

Поэтому прошу васъ дружески, чтобы вы по полученіи настоящаго моего письма на другой день тотчасъ же написали Погодину отъ вашего имени и его просили: во 1-хъ) чтобы подобныхъ извѣстій о мнѣ, моемъ положеніи и моей жизни онъ не посылалъ ни въ какіе журналы, во 2-хъ) чтобы, если онъ послалъ что либо подобное, тотчасъ же потребовалъ назадъ, въ 3-хъ) чтобы мнѣ не посылалъ никакихъ денегъ. Надѣюсь, что онъ васъ послушаетъ, ибо не думаю, чтобы онъ хотѣлъ еще болѣе меня опечалить и сдѣлать несчастнымъ. Коротко я писалъ ему о томъ и самъ. Будьте здоровы.

Я ни минуты не увѣренъ, что жадные до новостей журналисты, поляки, нѣмцы, французы и т. д., не перепечатають и не распространятъ по всей Европѣ эти извѣстія. Сами судите, каково это мнѣ.

8.

Прага 28 Декабря 1838 г.

Письмо ваше на этихъ дняхъ я своевременно получилъ и съ удовольствіемъ изъ него узналъ, что ваше здоровье поправляется. Я совѣтовалъ бы вамъ, чтобы окончательнаго выздоровленія и полученія денегъ вы дождались въ Пештѣ; недостатокъ въ томъ и другомъ вамъ можетъ повредить въ дальнѣйшемъ путешествіи.

Посылаю вамъ письмецо Погодина. Оно помѣчено 16 Ноября, но на почту опущено только 21-го, а предшествовавшее письмо помѣ-

чено 22 Сент., между тѣмъ какъ, судя по штемпелю на конвертѣ, было сдано на почту только 3 Ноября стараго стиля.

Г-жа Погодина родила сына Михаила. Погодинъ собирается въ путь 1-го Января 1839 г. сперва въ Италію, потомъ въ Чехію и т. д., но разрѣшенія еще не получилъ. Другихъ важныхъ новостей онъ почти не пишетъ. Я ему передъ его отъѣздомъ изъ Москвы уже больше писать не буду.

Не сомнѣваюсь, что Погодинъ далъ напечатать мои письма съ добрымъ намѣреніемъ, но для добрыхъ цѣлей нужно пользоваться добрыми средствами, а избранное имъ средство, помогая съ одной стороны, съ другой—еще больше вредитъ.

Книжный магазинъ посылаетъ вамъ счеты. Постарайтесь по полученіи денегъ заплатить ему по крайней мѣрѣ двѣ трети, а остальную можете заплатить потомъ, по истеченіи 3хъ мѣсяцевъ.

Я получилъ изъ Райграда факсимиле слова латрии, которое написано тамъ такъ, какъ вы его прочли. Я не отмѣтилъ себѣ всѣ греческія и кирилловскія слова, оттого память въ этомъ отношеніи меня обманула. Въ объясненіе этого явленія я не умѣю ничего сказать, потому что совершенно ничего не понимаю.

Съ большимъ удовольствіемъ я узналъ, что другъ Колларъ такъ усердно работаетъ надъ славянской миѳологіей. Этотъ его трудъ будетъ истиннымъ обогащеніемъ нашей литературы, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ его пера.

Мои не совсѣмъ здоровы: теща другой мѣсяцъ лежитъ, а жена передъ Рождествомъ очень разболѣлась, теперь ей немного лучше.

Поклонъ друзьямъ. Желаю вамъ добраго здоровья и полной удачи въ дальнѣйшемъ путешествіи.

P. S. Журналъ Министерства по полученіи съ почты читается здѣсь двумя товариществами; какъ я слыхалъ, и въ Вѣнѣ внимательно его читаютъ.

9.

Въ Прагѣ 5 Февраля 1839 года нов. ст.

Ваше письмо отъ 4 января этого года новаго стиля я своевременно получилъ, я былъ очень обрадованъ, узнавъ изъ него о серьезномъ поправленіи вашего здоровья. Дай Богъ, чтобы вы совершенно окрѣпли и запаслись силами для дальнѣйшаго путешествія; у меня здоровье и болѣзнь чередуются какъ свѣтъ и тьма; теперь слава Богу мы всѣ относительно здоровы.

На этихъ дняхъ, т. е. въ прошломъ январѣ мѣсяцѣ, пришло ко мнѣ съ почты для васъ письмо, котораго адресъ я исправилъ и снова сдалъ его на почту; надѣюсь, что вы его уже давно получили; оно было изъ Москвы.

Нѣсколько дней тому назадъ навѣстилъ насъ Кирѣевскій. Онъ возвращался домой изъ Германіи. Языковъ остался больной въ Ганавѣ. Есть впрочемъ надежда, что выздоровѣетъ.

Я не могу писать Погодину, потому-что не знаю, дома ли онъ еще, или уже путешествуетъ. Вы же могли бы ему написать въ Москву на кого нибудь изъ знакомыхъ, который бы ему передалъ ваше письмо въ случаѣ, если онъ еще не уѣхалъ. Мнѣ думается, что онъ еще не выѣхалъ: онъ не получилъ еще ни разрѣшенія, ни паспорта, когда писалъ мнѣ въ послѣдній разъ.

Продолжено 10 Февраля.

Случайныя обстоятельства помѣшали мнѣ окончить письмо 5 дней тому назадъ, и оно лежало до сегодняшняго дня.

Въ нашей литературѣ никогда не было такого затишья. Не только не выходитъ ничего важнаго, но и не подготовляется, насколько мнѣ извѣстно.

Палацкій мнѣ до сихъ поръ не писалъ ни слова. Онъ теперь въ Римѣ. Второй томъ его исторіи долженъ былъ печататься, но гдѣ-то задержанъ. Юнгманну остается напечатать только 2 выпуска своего Словаря.

Мой племянникъ все еще здѣсь и только въ Апрѣлѣ вернется въ Венгрію.

Изъ Москвы нѣтъ никакихъ вѣстей. Всѣ друзья, насколько мнѣ извѣстно, здоровы. Васъ часто поминаютъ и вамъ кланяются.

Извѣстите меня поскорѣе о вашемъ здоровьѣ и планахъ дальнѣйшаго путешествія. Поклонъ пріятелямъ. Будьте здоровы!

10.

3 марта 1839.

Не имѣя отъ васъ давно никакихъ извѣстій, я опасался, что вы, по всей вѣроятности, больны, и опасеніе мое подтвердилось извѣстіемъ изъ Вѣны отъ Кампелика, который однако въ то же время сообщилъ, что вамъ теперь немного лучше. Отъ всего сердца жалѣю, что здоровье ваше такъ ухудшилось, надѣюсь все-таки, что при помощи хорошаго врача опять скоро поправитесь.

Михаилъ Петровичъ, какъ уже вамъ извѣстно, былъ здѣсь два дня, 14(2) и 15(3) с. м. и поспѣшилъ съ своей супругой чрезъ Вѣну

въ Римъ и Парижъ, откуда въ іюнѣ мѣсяцѣ вернется въ Маріенбадъ.

О васъ мы много бесѣдовали, и оба отъ души совѣтуемъ вамъ, немного поправивши свое здоровье, немедленно возвращаться въ Москву и дальнѣйшее путешествіе отложить на другое время. Русскій климатъ лучше всего васъ вылѣчитъ. А попутешествовать можете и позднѣе уже профессоромъ. Это нашъ сердечный вамъ совѣтъ и наша просьба.

Я уже знаю, что вы не были въ Вѣнѣ, куда приглашалъ васъ Михаилъ Петровичъ. Самое главное, о чемъ онъ хотѣлъ было съ вами побесѣдовать, было то, чтобы вы безъ замедленія возвращались въ Москву. Сохраненіе здоровья выше всего: больному и слабому путешествовать нельзя.

Изъ Будина и Пешта не написали мнѣ ни словечка о себѣ и о своемъ здоровьѣ! Моя семья и ваши друзья здоровы: всѣ вамъ шлютъ сердечный поклонъ и ждутъ вмѣстѣ со мной утѣшительныхъ вѣстей о вашемъ здоровьѣ.

Богъ васъ да соблюдетъ!

11.

20 марта. 1839.

Послѣднее письмо ваше, гдѣ вы извѣщаете о рѣшительномъ улучшеніи вашего здоровья, доставило мнѣ большое утѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, я сильно боялся за васъ, чему причиной было то, что доходили сюда различные слухи изъ Вѣны, Пресбурга о вашей болѣзни, а я уже давнымъ давно не имѣлъ отъ васъ ни одного письма. Тѣмъ лучше, что это такъ счастливо кончилось, и вы можете продолжать свой путь. Не думаю, чтобы Михаилъ Петровичъ писалъ что-либо о васъ въ Москву: во всякомъ случаѣ вы сами можете извѣстить его объ этомъ въ Римѣ, и я тоже напомню ему. Пишите ему „poste restante“: въ Римѣ пробудетъ онъ весь апрѣль, въ Парижѣ весь май. При всемъ томъ я бы настойчиво совѣтовалъ вамъ стараться возможно больше сократить свое путешествіе и поспѣшить въ Москву. Со здоровьемъ шутить нельзя, да и не надѣйтесь, что въ Сербіи и Черногоріи будетъ удобно такъ лѣчиться, какъ въ Пештѣ или въ Вѣнѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ можете профессоромъ изъ Москвы съѣздить туда, гдѣ теперь не приходится побывать. Бываютъ въ жизни извѣстные періоды, когда человѣкъ подверженъ извѣстной болѣзни; это время надо *переждать*—насильно, вѣдь, болѣзни не искоренить, а со временемъ она успокоится и исчезнетъ. Я въ Новомъ Садѣ самъ три года одержимъ былъ тяжкими недугами, однако Богъ

мнѣ помогъ. Московскій климатъ, чистая, свѣжая и холодная погода, вѣрнѣе всего, будутъ для васъ лучшимъ лѣкарствомъ. Вотъ мое мнѣніе, вы же во всякомъ случаѣ руководитесь въ такихъ вещахъ своимъ разумомъ, своимъ сужденіемъ.

Съ Веберомъ я еще не говорилъ, п. ч. очень рѣдко бываю въ Старомъ Мѣстѣ, говорить же во всякомъ случаѣ буду при первомъ удобномъ случаѣ, и онъ волей-неволей долженъ подчиниться тому, чего измѣнить нельзя, хотя это будетъ ему непріятно, такъ какъ я знаю, что деньги нужны, а лейпцигская ярмарка у воротъ.

Михаилъ Петровичъ былъ здѣсь два дня, его осаждали и теребили со всѣхъ сторонъ. О графѣ-кураторѣ онъ не обмолвился ни словечкомъ. Повидомому, они не въ особенно хорошихъ отношеніяхъ.

Музей нашъ еще безъ президента и, кажется, долго еще его не будетъ. Неизвѣстно, кому достанется эта честь. Кому бы то ни было, а Штернберга нѣтъ, да и не будетъ.

Что касается книги Данилевскаго, то было бы лучше всего, если бы книготорговецъ г. Киліанъ Старшій потребовалъ ее отъ Кренебергера-Вебера. Онъ ему охотно вышлетъ, если у него еще она есть.

Письмо изъ Москвы я черезъ почтальона отдалъ назадъ на почту, и, какъ слѣдуетъ исправилъ адресъ: поэтому меня удивляетъ, что вы его не получили. На будущее время буду дѣлать такъ, какъ вы пишете и желаете. Кирѣевскій, возвращаясь съ чужой стороны, самъ ничего новаго не зналъ. Языковъ лѣчится въ Ганавѣ, а по окончаніи лѣченія вернется не на купанья, а прямо въ Москву. Его братъ съ нимъ въ Ганавѣ.

Выраженіе, что ваше собраніе частію возникло изъ болѣе старыхъ рукописей, относится къ тому, что только что выше было сказано о Ходаковскомъ, именно, что нѣкоторыя части и остатки его собранія сохранены вами. Не меньшая честь чужое хорошее сберечь, нежели собрать новое, и у кого богатое собраніе, тотъ не можетъ самъ записать всякую пѣсню изъ устъ народа, но долженъ собирать во едино по частямъ собранное иными. Тамъ идетъ рѣчь о рукописяхъ.

Цыбульскій въ Познани, съ нимъ я еще не особенно близко знакомъ. Наши его очень хвалятъ: говорятъ, старательно учится по чешски. Онъ хочетъ основаться въ Берлинѣ.

Моя этнографическая карта (процензурованная) уже отправилась къ Мерклясу. Онъ изъ особеннаго ко мнѣ расположенія согласенъ выгравировать ее за 300 гульд.; доску я купилъ за 18 гульд. Затѣмъ пе-

чатаніе и крашеніе. Такимъ образомъ будетъ это кушанье дорогое. Онъ обѣщаетъ приготовить ее въ этомъ году.

Съ нетерпѣніемъ жду новаго сочиненія друга моего Коллара. Шлю ему сердечный свой привѣтъ. Пусть онъ не поминаетъ меня лихомъ за то, что давно ему не писалъ. Работа работу погоняетъ: мое здоровье порядочно таки колеблется, и меня уже на все не хватаютъ.

Палацкій не писалъ мнѣ ни слова: доходятъ только отдаленные слухи, что онъ въ Неаполѣ. Его исторіи печатается второй томъ: 20 листовъ готово. Когда выйдетъ, не знаю. Словарь (Юнгманна) къ концу мая будетъ готовъ.

Семейные здоровы; они съ друзьями вамъ кланяются. Племянникъ въ концѣ апрѣля вернется въ Пештъ къ своимъ роднымъ.

Препоручаю васъ милости Божіей, желаю полнаго здравія для дальнѣйшихъ тяжелыхъ странствій.

12.

28 марта 1839.

Когда-то я вамъ писалъ, что при удобномъ случаѣ буду говорить съ Кронебергеромъ-Веберомъ. Такъ и вышло. Но когда я ему предложилъ подождать съ деньгами за книги до іюня, онъ былъ очень недоволенъ. Сказывалъ онъ, что денегъ этихъ онъ навѣрняка ждалъ къ новому году, а въ особенности теперь къ Лейпцигской ярмаркѣ, такъ какъ, говоритъ, ему надо много платить и онъ долженъ уплатить все чистыми деньгами. Кронбергеръ и Веберъ дѣлятся, и вдова Кронбергера остается одна, и мы—ея должники. Пожалуйста, напишите немедля въ Москву касательно этихъ сверхштатныхъ денегъ на книги, потому что, если не заплатимъ мы ихъ въ іюнѣ, я ужъ не знаю, что и дѣлать. Считаю долгомъ обратить ваше вниманіе на то, что въ магазинѣ уже опасаются за эти деньги. Я бы самъ кое-что уплатилъ: но мои долги также не малы — одному Кронебергеру-Веберу долженъ я около 400 гульд. (до сихъ поръ Древностей почти ничего не продалось, только на 90 гульд.), Кальве—болѣе 200 гульд. — такъ что я самъ не знаю, какія дыры затыкать прежде. Прошу васъ, позаботьтесь объ этомъ дѣлѣ, потому что оно мнѣ причиняетъ много безпокойства. Купцы всегда купцы: ихъ богъ и сердце—деньги.

13.

21 мая 1839.

Изъ письма вашего отъ 13 мая я съ радостью узналъ, что здоровье ваше все улучшается, и что вы надѣетесь скоро быть совсѣмъ

здоровымъ. Что касается денегъ, то полагаю, что будетъ достаточно, если вы пошлете Кронбергеру (Веберъ уже уѣхалъ съ семьей въ Пештъ) тотчасъ по полученіи третныхъ денегъ около 200 гульд., а остальное можно оставить до другихъ третныхъ денегъ—чтобы у васъ осталось кое-что на дальнѣйшій путь. О вознагражденіи поговоримъ послѣ.

О Гаѣ, кажется мнѣ, судите слишкомъ поспѣшно. О вещахъ столь темныхъ и сомнительныхъ всякій можетъ думать и писать (что угодно) съ достаточной безопасностью и безъ боязни, какъ онъ и сдѣлалъ. Что же касается имени „Иллировъ", много бы можно было о томъ сказать, но не время. Вѣрно одно, что оно, какъ *родовое*, для всѣхъ южныхъ славянъ наиболѣе подходящее, будь оно свое или чужое. Южные славяне его унаслѣдовали, какъ сѣверные свое „Русь", а теперешніе Галлы свое „Franci" (отъ Нѣмцевъ!). Было время, да и не давно, когда и греческіе Сербы охотно его къ себѣ примѣняли и имъ гордились. Время мѣняетъ все! Поэтому нѣтъ надобности, сербамъ свое *специальное* имя бросать и оставлять безъ вниманія. Каждое имя имѣетъ свою цѣнность. Единеніе для славянъ нужнѣе всего, а его то вовсе и нѣтъ.

Мой племянникъ уѣхалъ 18 числа и около 28—30 мая пріѣдетъ въ Пештъ. Поэтому не пишу о нашихъ дѣлахъ: онъ вамъ все поразскажетъ. Жаль, что не могу послать вамъ 3 т. „Слав. Древн.", да и поздно уже, а я отчасти о томъ забылъ, отчасти сомнѣвался о вашемъ промедленіи въ Пештѣ. Новыхъ вѣстей ни съ запада, ни съ сѣвера у меня нѣтъ.

Если придетъ какое-либо письмо, пошлю вамъ въ Пештъ. Будьте здоровы!

14.

20 окт. 1838.

Исполняя ваше желаніе, пишу вамъ въ Пештъ въ разсчетѣ, что письмо васъ тамъ захватитъ. Богъ знаетъ, когда буду въ состояніи писать вамъ и куда? Вчера вечеромъ получилъ ваше письмо съ 70 гульд. При первой окказіи отдамъ деньги Кронб. (сегодня воскресенье), и долгъ будетъ до чиста выплаченъ. Надѣюсь, ни процентовъ, ни вознагражденія надобно не будетъ.

Хвалю ваше намѣреніе отправиться къ южнымъ Славянамъ. Побывайте въ Сербіи, въ Загребѣ, а тамъ изъ Дубровника или изъ Тріеста уже недалеко до Рима. Если соберетесь въ Римъ, извѣстите меня своевременно, чтобы я могъ вамъ писать и попросить списать легенду о Кириллѣ и Меѳодіи въ Ватиканской библіотекѣ.

Въ литературѣ нашей нѣтъ ровно ничего новаго. Палацкій теперь въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ и т. д., работаетъ въ библіотекахъ и архивахъ; Юнгманнъ—ректоромъ университета, въ этомъ году выстроилъ себѣ новый домъ. Во 2-мъ отдѣлѣ его Словаря работаетъ его братъ Антонинъ, но дѣло не скоро кончится. Челаковскій сидитъ надъ этимологическимъ словаремъ, но пока онъ кончитъ, пройдетъ полвѣка. Работа это богатырская, выше силъ человѣческихъ. Затѣмъ, его „Ohlas písní česk**ý**ch“ въ печати. Станекъ печатаетъ анатомію. Пресль и Аммерлингъ готовятъ къ печати массу. Мелкая беллетристика и журналистика пожираютъ нашу литературу, какъ и общеевропейскую. Мацѣевскій былъ въ Карловарахъ. Издалъ „Pamiętniki slow.“ 2 тома. Этнографическая карта въ работѣ у Меркласа: двѣ доски онъ испортилъ, плоха была Пражская мѣдь! Теперь началъ онъ третью, Дрезденскую. За эти доски только уплатилъ я около 50 гульд. Въ *два* или *три* года должно быть, поспѣетъ онъ съ этнографич. картой. Я сижу ежедневно надъ исторической картой, около трети готово. Трудъ этотъ тяжелъ, полагаю однако, будетъ полезенъ, хотя бы нашимъ будущимъ потомкамъ, ибо наше поколѣніе, сдается, съ его эллинизмомъ, мелочностью, фантазерствомъ и некритичностью, словомъ съ его нерасположеніемъ къ реальному и къ правдѣ и съ увлеченіемъ блескомъ и внѣшностью уже не пріобрѣтетъ болѣе интереса къ точнымъ знаніямъ. Эти новости литературы сообщаю лишь вамъ и не желаю, чтобы вы отдали ихъ на пожраніе этому чудищу—журнализму.

Если что получится изъ Москвы, пошлю, куда прикажете. Поклонъ друзьямъ! Путешествуйте счастливо и въ добромъ здравіи.

15.

29 января, 1840.

Съ перепиской нашей вышла у насъ одна и та же путаница: оба мы спутались и напрасно томились ожиданіемъ. Я каждый день ждалъ письма отъ васъ, вы—отъ меня! Тому, что я съ самаго начала не писалъ, были случайныя причины; потомъ я впалъ въ сомнѣніе, въ Сербіи ли вы, на самомъ дѣлѣ, или уже по своему обыкновенію опять во время пути измѣнили свой планъ. Слава Богу, вы путешествовали благополучно, и все идетъ хорошо! Касательно моего дальнѣйшаго молчанія не безпокойтесь.

Сперва о вашихъ дѣлахъ. Ваше письмо съ чекомъ (съ деньгами) я послалъ въ Москву, и расписка лежитъ у меня, равно какъ и расписка Кронебергера въ уплатѣ за книги. Изъ Москвы вамъ ничего нѣтъ. Погодинъ по своемъ возвращеніи писалъ мнѣ только разъ, да

и то коротенько. Съ этого времени у меня вѣстей никакихъ нѣтъ. Полученное изъ Парижа письмо посылаю вамъ сюда. Книги ваши, посланныя какъ изъ ...., такъ и Пешта, получены всѣ и лежатъ у меня.

Съ удовольствіемъ изъ письма вашего я узналъ, что путешествіе ваше по Сербіи и Срѣму въ литературномъ отношеніи не было напрасно: много побыло у васъ въ рукахъ старыхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, вы ихъ просмотрѣли, описали. Изданію Сборника сербскихъ грамотъ радуюсь: моему изданію, если оно когда либо и осуществится, это изданіе ничуть не помѣшаетъ и не повредитъ. Я имѣю въ виду издать кое-что совершенно иное, нежели однѣ грамоты. Т. о. отлично сдѣлали, что издали то, что собрали. Наконецъ, вся исторія этого собранія мнѣ уже хорошо извѣстна.

У насъ вышло нѣсколько хорошихъ книгъ, которыя вы по своемъ къ намъ возвращеніи увидите сами, почему я вамъ о нихъ и не пишу. Челаковскій издалъ Ohlas písní českých, теперь издаетъ Ruži stolistou. Нашими млацшими писателями начато періодическое хорошее изданіе—Wlastimil, второй выпускъ котораго печатается. Ганка издалъ изслѣдованіе о Реймсскомъ евангеліи, его найдете у Гая. Тамъ увидите, что кирилловская половина писана *рукой* св. *Прокопа*, жившаго въ Чехіи отъ 1010 до 1053 года, въ которомъ онъ скончался, и что Великій-Критикъ Вѣнскій и его преданный ученикъ Сергѣй Строевъ попали пальцемъ въ .....

Этнографической карты 2-я половина готова: теперь гравируются подписи. Я понемногу составляю историческую карту и занимаюсь другими различными дѣлами. Sněmy и Evangel. пойдутъ скоро въ печать, изданіемъ Učené společnosti. Я бы посовѣтовалъ вамъ побывъ въ Загребѣ, направиться чрезъ Ши(бсникъ?) (гдѣ D-r Петрановичъ) въ Дубровникъ (гдѣ Гагичъ) и оттуда въ Черногорію. Пишите мнѣ своевременно, куда мнѣ адресовать письма. Въ Черногоріи спишите для меня имена деревень, о чемъ я уже просилъ Гагича, но отвѣта не получилъ. Здѣшніе друзья ваши вамъ кланяются.

Мой сердечный привѣтъ пріятелю Гаю и остальнымъ храбрымъ Иллирамъ. Съ Богомъ! Семья моя, Слава Богу, здорова.

16.

11 мая, 1840.

Я не мало пораженъ, узнавши изъ письма вашего отъ 23 апр., что вы опять во Фрейвальдау. Отъ души желаю вамъ поскорѣе вполнѣ поправиться: я не сомнѣваюсь, что эти воды опять помогутъ вамъ,

какъ онѣ чудесно помогли вамъ въ прошломъ году. Отвѣчая на ваше письмо, сообщаю вамъ, что книги изъ Новаго Сада давно получены, книги же изъ Загреба уже въ дорогѣ изъ Вѣны сюда.

Относительно монетъ будетъ дѣло нелегкое: „Моравіи" ни у кого изъ моихъ знакомыхъ нѣтъ, нѣтъ и въ библіотекахъ, сколько мнѣ до сихъ поръ извѣстно. Придется обратиться въ Брно, гдѣ этотъ журналъ выходитъ. Г. Ганка свое собраніе монетъ продалъ Погодину: но будемъ съ нимъ говорить, не соберетъ ли онъ чего нибудь для васъ. Онъ здѣсь единственный человѣкъ, который этимъ занимается: мнѣ, какъ вы знаете, эта область совсѣмъ чужда и незнакома.

Литературныхъ извѣстій отъ Погодина теперь у меня мало: что много трудятся по литературѣ, и что выходитъ много сочиненій, это вы сами можете себѣ представить. Археогр. Ком. издаетъ теперь Лѣтописи.

У насъ также кое-что новаго дѣлается: Челаковскій издалъ Ruži stolistou—стихотворенія, которыя очень нравятся. Матица хочетъ издавать библіотеку старыхъ чешскихъ сочиненій: теперь пойдетъ въ печать Wšehrd, O pravach.

Палацкій будетъ издавать Archiw česky, т. е. грамоты и письма XIV и XV стол.. Мною и Палацкимъ печатается теперь 8 листъ сочиненія: Die ältesten Denkm. der böhm. Sprache (Сеймы, Евангелія, Литомержицкія грамоты, глоссы изъ Mater Verb.). Всего будетъ около 25 листовъ in 4°. Многія другія сочиненія подготовляются.

Г. Срезневскій весьма ревностно занимается чешскимъ языкомъ и литературой. Онъ уже говоритъ по-чешски. Прейса и никого другого еще нѣтъ.

Простите, что пишу такъ коротко. Впослѣдствіи—подробнѣе. Желаю вамъ окончательнаго выздоровленія и укрѣпленія силъ.

17.

13 іюня, 1840.

Въ томъ, что на ваше послѣднее письмо отвѣчаю нѣсколько поздно, не такъ велика еще вина, какъ въ томъ, что отвѣчаю недостаточно полно. Хотѣлъ было послать вамъ каталогъ польскихъ книгъ, который вы желали, да не могъ его найти. При „Казацкихъ пѣсняхъ" его нѣтъ: и Вернигора нѣтъ: онъ теперь съ другими вашими книгами уложенъ въ ящикѣ, на которомъ лежатъ еще нѣсколько ящиковъ, и все это въ моемъ подвалѣ. Разборка и переборка этихъ книгъ отняла бы много труда и времени: за это взяться теперь не могу. Точно также ящика изъ Загреба не открывалъ: на этихъ дняхъ пріѣдетъ г. Гай, отъ него

и узнаю, купилъ ли онъ вамъ желаемыя вами книги. „Моравія“ журналъ нѣмецкій, наполненный нѣмечиной; неудивительно поэтому, что наши Чехи о немъ здѣсь ничего не знаютъ. Во всякомъ случаѣ, я говорилъ только о своихъ знакомыхъ, ибо о другихъ судить не могу Касательно монетъ нужно будетъ толковать съ г. Ганкой: а что, если бы г. Погодинъ свое богатое собраніе, купленное у Ганки, продалъ графу Строганову? Напишите объ этомъ Погодину.—Срезневскій уѣхалъ въ Вѣну и т. д.. Прейсъ—въ Берлинѣ. Мы печатаемъ 18 листъ Памятниковъ Старо-чешскихъ (всего будетъ 30 листовъ), и Часописъ теперь у меня на рукахъ.

Домашнее положеніе невесело: теща больна и хозяйка моя нездорова. Каково вы поживаете?

Всего хорошаго. — Этнографическая карта гравируется старательно. Я составляю историческую. Выйдетъ новое изданіе—собраніе сочиненій Юнгманна.

18.

2 августа, 1840.

Послѣднее пространное ваше письмо я читалъ съ удовольствіемъ, но отвѣтъ на него долженъ былъ отложить, главнымъ образомъ по случаю смерти тещи, которая послѣ продолжительной болѣзни 7 іюля скончалась. За исключеніемъ этого несчастья, мы всѣ теперь здоровы.

Касательно монеты я поручилъ дѣло г. Ганкѣ, чтобы онъ уже сговаривался съ Нейпергомъ. Но дѣло пойдетъ туго, потому что Нейпергъ самъ собиратель—а въ такомъ случаѣ трудно у волка овечку купить. Вообще же объ этой монетѣ я судить не могу, не будучи нумизматомъ и не имѣя возможности теперь заняться этой наукой: что надпись на монетѣ можетъ быть объяснена изъ славянскаго языка, допускаю охотно.

Наши Denkm. der böhm. Sprache уже вышли,—но я еще колеблюсь, послать ли вамъ экз. по почтѣ, или только положить его къ вашимъ книгамъ. Здѣсь печатается Wšehrd, О старыхъ правахъ Чешскихъ. Скоро пойдутъ въ печать также сочиненія Юнгманна (собраніе, мелкія и крупныя соч.). Изъ Москвы новыхъ вѣстей не имѣю. У Михаила Петровича родился сынъ—Петръ. Шевыревъ черезъ Прагу проѣхалъ въ Москву. Срезневскій въ настоящее время въ Силезіи и Лужицахъ, Прейсъ еще не былъ здѣсь: безъ сомнѣнія, задержался въ Берлинѣ.

Путешествіе Дан. Шлаттера, которое я счелъ, на основаніи вашего отзыва, важнымъ, я заказалъ себѣ уже у здѣшняго книгопродавца. Мерклясъ съ этнограф. картой мямлитъ, и Богъ его вѣдаетъ,

когда она будетъ готова. Историческую карту я продолжаю составлять съ удовольствіемъ.

Очень мнѣ хочется знать, какъ обстоитъ дѣло съ вашимъ здоровьемъ, и каковы ваши планы относительно дальнѣйшаго пути? Простите, что такъ мало пишу: но въ настоящее время иначе нельзя. Всего хорошаго!

19.

28 дек. 1840.

Сердечно сокрушаюсь, что, какъ вижу изъ вашего письмеца, вы еще не пользуетесь добрымъ и полнымъ здоровьемъ въ той мѣрѣ, какъ бы мы всѣ, друзья ваши, отъ всей души вамъ желали. Разъ, какъ вы пишете, врачъ утверждаетъ, что скоро будетъ вамъ лучше, надо ему вѣрить и надѣяться на значительное улучшеніе.

Михаилъ Петровичъ писалъ мнѣ послѣдній разъ 28 сентября н. с. Онъ былъ здоровъ и подготовлялъ съ Шевыревымъ изданіе новаго журнала „Москвичъ“ и газеты „Кремлевскій Часовой“ съ 1841 года. Не удивляйтесь поэтому, что онъ не пишетъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, у него работы много. На Демидовскую премію, которую онъ получилъ за Нестора, 5000 р., онъ купилъ много рукописей кирилловскихъ, въ томъ числѣ болгарскую Толковую Псалтирь XI-го столѣтія, лѣтописи и т. д. и т. д.—Въ Россіи въ литературѣ господствуетъ большое оживленіе и издается масса книгъ.

У насъ выйдетъ Wšehrd (печатаются уже послѣдніе листы) около Новаго года. Мелкія сочиненія Юнгманна поступаютъ уже въ печать. Срезневскій и Прейсъ еще здѣсь. Мои дѣла идутъ обычнымъ порядкомъ: къ печати нѣтъ ничего готоваго, но подготовляю то то, то иное. Мерклясъ обѣщается приготовить карту къ февралю 1842 года. Всего хорошаго, и, если въ состояніи, напишите поскорѣе.

20.

25 февр. 1841.

На послѣднее письмо ваше, полученное мною еще 19 января, къ сожалѣнію я до сихъ поръ не могъ отвѣтить. Сначала ждалъ я выхода Wšehrda, потомъ застигли меня различныя пріятныя и непріятныя работы и заботы, такъ что не могъ передохнуть. Теперь только извѣщаю васъ, что завтра или послѣ завтра посылаю вамъ посылку съ книгами; въ ней найдете и открытое письмо, отвѣтъ на ваше.

Пожалуйста, напишите мнѣ немедленно, *какъ долго полагаете вы остаться въ Фрейвальдау*. Отъ этого зависитъ многое. Я хочу пи-

сать вамъ о важныхъ, меня касающихся вещахъ, на что теперь нѣтъ времени, и до 1-го марта не буду въ состояніи.

Одну монету Моймира, или Ростислава, г. Ганка уже имѣетъ. Я ему говорилъ, чтобы онъ сберегъ ее для гр. Строганова.

Срезневскій въ Вѣнѣ. Прейсъ 1-го марта поѣдетъ въ Вѣну, затѣмъ оба въ Далмацію, Босну, Сербію, Болгарію и т. д. Славные, хорошіе и ученые они люди!

Отвѣтьте мнѣ тотчасъ, какъ ваше здоровье.

21.

25 марта 1841.

Изъ прилагаемаго письма вы видите, что г. Ганка уступаетъ графу Строганову драгоцѣнную моравскую монету Ростислава (какъ онъ полагаетъ) за 15 гульд. Деньги потрудитесь послать *ему самому*, послѣ чего онъ по почтѣ пошлетъ вамъ монету: я, вѣдь, далеко отъ него живу и иногда цѣлый мѣсяцъ съ нимъ не вижусь. Онъ же имѣетъ для почты въ Музеѣ слугу.

Изъ газетъ вы уже знаете что въ Берлинѣ и Вратиславлѣ (Бреславлѣ) основаны славянскія каѳедры. Я получилъ приглашеніе въ Берлинъ, но поблагодарилъ за приглашеніе и остался здѣсь. Сперва я поколебался. Это именно то, о чемъ я намекалъ въ послѣднемъ письмѣ. Теперь то, что касается меня, рѣшено. Кто будетъ приглашенъ, не знаю: время покажетъ.

Посылаю вамъ Wšehrda.

Рѣпель—приватъ-доцентъ въ Галльскомъ университетѣ, нѣмецъ, знающій (немного или хорошо, не знаю) по Польски. Палацкій лично его не знаетъ.

Изъ Москвы отъ Погодина я уже *полгода* писемъ не имѣю! Писалъ я ему въ этомъ году два раза, въ январѣ и мартѣ. Пожалуйста, напишите ему поскорѣе нѣсколько словъ и напомните про мое письмо посланное ему въ 1839 году въ Бѣлицъ, а также про его любезное обѣщаніе, данное мнѣ 1840 17/29 мая. Дѣло касается посылки денегъ. Sapienti pauca. Сдѣлайте это поскорѣе и поосторожнѣе. Новаго у насъ въ литературѣ мало.

Мелкія сочиненія Юнгманна не вышли еще.

Мое здоровье очень плохо. И дома, особенно у жены, еще хуже(?).

Ко всему этому мнѣ въ этомъ году (въ іюлѣ) предстоитъ переѣздъ на другую квартиру, что мнѣ весьма непріятно, тѣмъ болѣе что, какъ нарочно, въ этомъ году хотѣлъ поработать, какъ слѣдуетъ.

Дай вамъ Богъ здоровья!

22.

19 сент. 1841.

Въ этомъ году по части здоровья мнѣ не везетъ. Уже второй мѣсяцъ меня угнетаетъ болѣзнь глазъ, хроническій катарръ. Вотъ причина, почему прежде я такъ мало писалъ вамъ, да и теперь долженъ ограничиться немногимъ. Лѣчусь всячески и надѣюсь, что наконецъ станетъ получше. Вамъ, вѣроятно, уже писалъ г. Ганка, что Е. В. нашъ императоръ соизволилъ наименовать меня сверхштатнымъ кустосомъ здѣшней королевской библіотеки съ жалованьемъ въ 800 гульд. Какъ будетъ съ цензурой, еще не знаю: я просилъ объ увольненіи. Такъ какъ старый кустосъ еще исполняетъ свою обязанность, я буду имѣть мало работы—до сихъ поръ ничего еще не началъ въ библіотекѣ изъ за глазъ. Надѣюсь, что и впослѣдствіи не перестану работать по литературѣ: лишь бы со здоровьемъ дѣло было лучше. Объ этомъ побесѣдуемъ, когда пріѣдете въ Прагу. Я вамъ все собирался подробнѣе объ этомъ писать, да не могъ изъ за глазъ.

Попечитель одесскаго Округа Княжевичъ и съ нимъ его другъ Надеждинъ были здѣсь. Срезневскій и Прейсъ въ настоящее время въ Загребѣ, на возвратномъ пути изъ Черногоріи.

Погодинъ писалъ 13 авг. н. с. Онъ теперь путешествуетъ по сѣверу Россіи. Кланяется вамъ. Писать вамъ, говоритъ, не хочетъ, потому что всѣ его письма пропадаютъ на почтѣ. Въ Москвѣ, по его словамъ, васъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, и онъ васъ проситъ поспѣшить съ возвращеніемъ и занять каѳедру.

Посылать ли вамъ въ концѣ этого мѣсяца „Часописъ“ и „Архивъ“ вып. 5 въ Фрейвальдау? Какъ долго тамъ останетесь? Какъ ваше здоровье?

23.

11 янв. 1842.

Послѣднее письмо ваше 3 декабря (20 ноября) аккуратно получилъ, но, ожидая выхода Часописа, до сихъ поръ отложилъ посылку. Въ ней посылаю вамъ:

1) Часописъ вып. 4 (уже прежде оплаченный).

2) Palacký Gesch. II, 2.—1 гульд. 30 кр.

3) České pjsně—40 кр.

Прилагаю при семъ списокъ двухъ малороссійскихъ пѣсенокъ съ тѣмъ, чтобы вы для меня ихъ поправили и переписали латинскими буквами, особенно что касается *и* и *ы*, также *л* и *ль*. Копію пошлете мнѣ заказнымъ или простымъ письмомъ. Первая пѣсня изъ Галиціи.

При варiантахъ обратите вниманiе не только на малорусскiй выговоръ, но и на размѣръ и стихъ. Изъ за размѣра и стиха въ пѣсняхъ находятся иногда архаизмы. *Я желаю имѣть писанный по-чешски образчикъ настоящаго малорусскаго народнаго выговора.*

Срезневскiй въ Вѣнѣ, Прейсъ—въ Сербiи.

Ваши здѣшнiе друзья здоровы.

Иллировъ мы должны оставить, пока они протрезвятся. Кому охота всѣхъ ихъ исправлять? Достаточно и другихъ важныхъ дѣлъ.

Больше сегодня писать не въ состоянiи. Изъ Москвы уже 3 мѣсяца ни слова!

24.

15 февр. 1842.

Премного былъ я утѣшенъ послѣднимъ письмомъ вашимъ, видя, что вы уже настолько здоровы, что могли проѣхать до Вратиславля. Помогай Богъ, и дальше! Онъ поможетъ, ибо благъ Господь и добрымъ помогаетъ!

Спасибо за копiю съ пѣсни. Ваше указанiе справедливо. Если у васъ есть изданiе Малорускихъ пѣсенъ, Москва 1827 г. 16°, перепишите мнѣ хоть двѣ хорошихъ пѣсенки, тѣмъ же манеромъ, какъ и тѣ Карпато-русскiя. *Длинныхъ* не надобно.

Согласенъ съ вами относительно того, что вы писали о нашемъ Пуркинѣ. Это — непрактично, и я боюсь, чтобы Дубровскiй послѣ не раскаявался въ этомъ. Въ общемъ же за самое дѣло бояться нечего. Это пукъ соломы, брошенный въ Дунай, чтобы его остановить!! Жаль только одного, что умныя головы доходятъ до такихъ странностей, хотя могли бы дѣлать кое-что и лучшаго.

Что Эрбенъ не цитуетъ Коллара, не думаю, чтобы это было нарочно. У него нѣтъ, безъ сомнѣнiя, Колларова сборника, потому что онъ бѣднякъ, а книга — дорогая. Если же онъ сдѣлалъ это нарочно, не похвально. Партiйность печальна, несправедливость гнусна. За счетъ посланныхъ денегъ получите черезъ недѣлю приблизительно нѣсколько чешскихъ книгъ. Музейникъ 1842, I. вышелъ; ожидаю только сочиненiя графа Туна о литературѣ чешской. Есть у меня для васъ и кое-что еще. Получите скоро: вѣроятно, пошлю около 20-го с. м.

Малорусскiя пѣсни, для меня переписанныя, пошлете позднѣе, когда получите посылку—будутъ тамъ еще вопросы.

25.

21 февраля, 1842.

Вотъ вамъ кое-какія литературныя новости! На „Часописъ" я подписался за васъ на 1842. Сочиненіе графа Туна—48 кр. Der Slavismus 45 кр.; это только pro statu notitiae. Hinrich's Verg. – gratis: отъ различныхъ книгопродавцевъ я получилъ *три* экз.

Послѣ больше. Съ Богомъ!

Slavismus, если имѣете уже экземпляръ, не пошлете-ли какъ-нибудь въ Москву?

26.

4 марта, 1842.

Извѣщаю васъ въ нѣсколькихъ словахъ, что этнографическая карта готова, но книжка, къ ней относящаяся, еще въ цензурѣ; лишь только получимъ рукопись, начнемъ печатать и будемъ къ Духову дню имѣть „*новое пирожное*". Всего будетъ около 12 листовъ. Теперь прошу васъ, пошлите мнѣ поскорѣе списокъ одной изъ малорусскихъ пѣсенъ, получше, изъ сборника Максимовича: Украинск. народ. пѣсни 1834: 8°, хотя бы и побольше по объему, но только списанную латино-чешской ороографіей, какъ вы когда-то списывали мнѣ галицко-русскія пѣсни. Затѣмъ, сообщите мнѣ, какія изъ слѣдующихъ именъ *настоящія*, какія *вымышленныя* (псевдонимы): Гребенко (писалъ Малоросс. приказкы. 1834), Основьяненко (повѣсти, Сватане и т. д.), Довгоносенко (Цыганьска Шолопутьнява 1836), Тополя (Чари 1837), Могила (Думки 1839), Галька (Савва Чалый 1839). Мнѣ извѣстно только, что Могила это—Амвросій Метлинскій, І. Галька=Н. И. Костомаровъ; но кто это Гребенко, Основьяненко, Довгоносенко, Тополя? Если вы ихъ всѣхъ не знаете, сообщите мнѣ, по крайней мѣрѣ, какое имя вы считаете за настоящее, а какое за псевдонимъ.—Въ числѣ новѣйшихъ писателей малорусскихъ встрѣчаю—Льва Боровиковскаго, Аѳанасія Шпигоцкаго, Руслана Шашкевича: вѣроятно, нѣкоторые изъ нихъ скрываются подъ именами Гребенокъ и т. д. Затѣмъ, какъ ихъ цитировать? Я полагаю такъ: въ новѣйшее время по малорусски писали: Могила (т. е. Метлинскій), Галька (т. е. Костомаровъ) и т. д. Я въ своей книгѣ приведу *одни имена*: о нихъ самихъ ни слова. Отвѣта буду ждать до 19 марта.

27.

27 марта, 1842.

Спасибо за присланныя копіи малорусскихъ пѣсенъ. Списаны онѣ вполнѣ такъ, какъ мнѣ надобно. Только въ двухъ мѣстахъ у

меня сомнѣніе. Въ стихѣ: „Та спустымося на дно до моря", вы писали, „spustymo", вмѣсто Вагилевичева „спустѣте". Хорошо-ли это? Какъ будущее? Не есть ли это повелительное наклоненіе, и не слѣдуетъ ли писать *і* вм. *ѣ*? Далѣе: „Войшовъ Ивасенько до свитлыци"; у васъ слово „Войшовъ" ошибочно написано „Vvjijšov". Я поставилъ „Vojšov". Правильно ли? Затѣмъ: вы пишете вездѣ: „myni" „mysjačok". По аналогіи слѣдовало бы ожидать „misjačok", т. е. *і* вм. *ѣ*. Или, можетъ быть, это исключеніе? Пожалуйста, сообщите мнѣ. Жалѣю, что не могъ вамъ послать копію статей о малорусскомъ и бѣлорусскомъ нар. Въ тотъ самый день, какъ получилъ ваше письмо, я отдалъ рукопись въ печать. Переписчиковъ здѣсь подъ рукой нѣтъ. И самъ я очень занятъ, такъ что часто не хватаетъ времени спокойно съѣсть даже ложку супу. Въ такомъ случаѣ я пошлю вамъ корректуру, и буду ожидать её съ печатаніемъ. Право, это непріятно. Надѣюсь, что грубыхъ ошибокъ тамъ не будетъ. Все заимствовалъ я изъ вашихъ сообщеній и изъ народныхъ пѣсенъ. Можете быть въ такомъ случаѣ спокойны. О Русинахъ и Венграхъ въ Часописѣ Музея писалъ Головацкій, но не пожелалъ быть извѣстнымъ. Срезневскій у Словаковъ, Прейсъ въ Сербіи, Коларъ давно дома, въ Пештѣ; въ Италіи былъ онъ ради здоровья. Фабриція и подобныхъ сумасбродовъ нужно намъ оставить безъ вниманія. Господь Богъ да дастъ имъ разума. Человѣческой помощи здѣсь мало. Приложенныя при письмѣ великорусскія пѣсни, пожалуйста, поправьте по Московскому говору, т. е. по разговорной рѣчи вмѣсто неударяемаго *о* поставьте *а*, и обратите вниманіе на ł и l (л, ль). Пришлите, пожалуйста мнѣ ихъ тотчасъ же съ *первой почтой,* равно какъ и разъясненіе относительно вышеприведенныхъ вопросовъ: „spustymo", „vojšov" „mysjačok". Съ наборомъ и печатаніемъ дѣло будетъ спѣшное, чтобы лѣтомъ мнѣ быть свободнымъ. Корректуру получите чрезъ нѣсколько дней, „Часописа" также печатается послѣдній листъ.

28.

13 апрѣля, 1842.

Посылаю вамъ корректуру, какъ она набрана наборщикомъ, только кое-что то тамъ то сямъ я поправилъ наскоро. Чешскій текстъ я поправлю самъ. Вы позаботьтесь, чтобы не осталось ошибокъ въ мало и бѣлорусскихъ словахъ. Это только отрывки—безъ всякой системы—только для грамматики. Сочиненіе мое популярное. Поэтому не заботьтесь объ увеличеніи числа примѣровъ и о полнотѣ, а только объ устраненіи ошибокъ въ томъ, что тамъ есть.

Книги (Часописъ и Чешскія бесѣды) посылаю вамъ по почтѣ.

Погодинъ здоровъ и въ Маріенбадъ пріѣдетъ въ іюнѣ. Срезневскій въ Пресбургѣ, Прейсъ въ Сербіи. Милутиновичъ живетъ въ Бѣлградѣ сербскомъ, получаетъ пенсію.

У насъ въ Прагѣ великорусс Пановъ, историкъ. Съ нимъ я прокорректировалъ Великоруссовъ. Съ Богомъ!

Въ чешскомъ текстѣ *географическія* имена написаны не сообразно съ особенностями нарѣчій, а по великорусски, но съ чешскимъ правописаніемъ.

29.

30 апрѣля, 1842.

Кронбергеръ и Рживначъ, согласно вашему желанію, охотно примутъ ящики съ книгами, посланные черезъ Брно, и по вашемъ пріѣздѣ согласны отправить ваши книги чрезъ своего экспедитора Пфейфера, куда прикажете.

За корректуру спасибо: но, къ сожалѣнію, она на нѣсколько часовъ запоздала! Чортъ побери вашу Фрейвальдскую почту! Изъ Парижа и Лондона доходятъ письма скорѣе. Грубѣйшія ошибки я исправилъ самъ при печатаніи: что осталось, осталось на будущее время. Ваша же помощь останется для меня навсегда пріятной и драгоцѣнной. Наконецъ, вы бы меньше видѣли въ корректурѣ недостатковъ, если бы не смотрѣли на мой трудъ, какъ на сравнительную грамматику и систематическую исторію литературы, чѣмъ онъ не былъ, да и не имѣлъ цѣли быть. Мое сочиненіе назначено для тѣхъ, кому до сихъ поръ самое имя Малоруссовъ едва знакомо, а для такихъ людей его достаточно. Я привожу имена тѣхъ, кто или сами писали, или хотя издавали что-нибудь по-малорусски. Шпигоцкій писалъ много хорошихъ стихотвореній, которыя я видѣлъ у Срезневскаго, и Челаковскій нѣкоторыя изъ нихъ перевелъ для „Музейника". Срезневскій показывалъ мнѣ въ рукописи также свои малорусскія сочиненьица; кромѣ того, онъ занимается по малорусской литературѣ собираніемъ, списываніемъ, объясненіемъ и изданіемъ малорусскихъ сочиненій. Видѣлъ я у него матеріалы для малорусскаго сборника. О Максимовичѣ въ Часописѣ Муз. исправимъ впослѣдствіи: къ тому-же, если и была ошибка, въ ней нѣтъ для него ничего обиднаго. Неужели злодѣй—всякій, кто издаетъ чужія вещи? Ходаковскій умеръ, а издавать его наслѣдіе—заслуга. Въ собраніе Максимовича могли попасть копіи изъ иныхъ собраній, относительно которыхъ онъ и самъ могъ не знать, откуда онѣ...

30.

9 октября, 1842.

Послѣднее ваше столь обширное письмо изъ Варшавы я исправно получилъ. На основаніи его я полагаю, что вы уже дома, въ своей златоглавой и святой Москвѣ, а также, что вы уже немного отдохнули. Поэтому пишу вамъ, хоть и немного, не желая отлагать далѣе.

По вашемъ отъѣздѣ я, постигнутый болѣзнью глазъ, путешествовалъ по сѣверной Чехіи, затѣмъ лѣчился въ Маріенбадѣ. Немного оправился. Мих. Петр. былъ въ мое отсутствіе въ Прагѣ, но потомъ встрѣтились мы въ Маріенбадѣ и пробыли здѣсь вмѣстѣ около двухъ недѣль, часто о васъ вспоминая. Онъ уѣхалъ въ Копенгагенъ и обратно чрезъ Франкфуртъ, Мюнхенъ, Вѣну и т. д. Гдѣ онъ теперь, не знаю.

Вернувшись, я погрузился по уши въ работы, которыя меня уже ожидали. „Народописа" изд. 2-е только что вышло. Посылаю для Погодина и для васъ 50 экз. въ Вѣну: Мих. Петр. ихъ возьметъ съ собою. Больше не посылаю, чтобы его не затруднить, а пошлю съ вашими книгами, т. е. съ тѣми, что я и Ржизначъ собираемъ для васъ.

Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что русская академія послала мнѣ въ прошломъ мѣсяцѣ субсидію на это изданіе. Историческую карту начнемъ гравировать: только вчера получилъ прекрасную доску изъ Дрездена за 25 гульд. Постараемся, чтобы дѣло шло поскорѣе.

Прошу васъ, получивши 2-изд. моего „Народописа", не медлить съ переводомъ его на русскій, но поохотнѣе взяться за дѣло. Нѣкоторыя мелкія ошибки въ русскомъ отдѣлѣ можете молча сами исправить. 3-го изданія ждать было бы долго, а книжка можетъ и такъ, какъ она есть, сослужить добрую службу. Помните, что къ совершенству приходимъ только постепенно, а кто хочетъ все сразу въ совершенствѣ сдѣлать, тотъ становится Фабіемъ Кунктаторомъ (какъ, напр., нашъ Кирѣевскій) и никогда ничего не доведетъ до конца.

Ржизначъ вамъ ящики съ книгами послалъ и теперь еще для васъ собираетъ. Приложу и я, что соберется. Пишите намъ, какъ и когда вамъ послать ихъ.

Погодинъ привезъ съ собою для меня: Востокова—Опис. рукоп. (еще не полный экз.), Скальковскаго—Исторію Новой сѣчи, сочиненія Посошкова и новое сочиненіе Гоголя. Больше ничего за 1841 и текущій 1842 годъ онъ не прислалъ (исключая нѣскольких выпусковъ Москвитянина), такъ что важнѣйшихъ сочиненій по русской литературѣ

1840—42 г. у меня нѣтъ. Надѣюсь, что врученный списокъ моихъ desiderata по русской литературѣ вы не потеряли. Могу вамъ послать и другой, но позднѣе: теперь нѣтъ времени. Пожалуйста, соберите зимой, сколько можно, и пошлите немедля весной съ первымъ пароходомъ на торговый домъ „Ernst Heinrich und Dietrich Oordes" въ Гамбургѣ. Не забудьте *Павскаго* Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка. Спб. 1842, потомъ *Ковалевскаго* Четыре мѣсяца въ Черногоріи. Наиболѣе меня интересуютъ изданія прошлаго и нынѣшняго года Археографической Коммиссіи. До сихъ поръ, благодаря любезности академіи, во время президенства покойнаго Шишкова и секретарства Языкова, я получилъ: 1) Акты, собран. Археогр. экспедиціей 1836 г. 4°, 4 тома и указатель, 2) Акты юридическіе 4°, томъ безъ указателя. Погодинъ мнѣ сказывалъ, что уже вышли: 1) Акты историч. 3 тома, 2) Акты заграничн. 1 томъ; 3) Лѣтописи 1 томъ. Безъ сомнѣнія, вышелъ и указатель къ Актамъ юридическимъ. Т. о. пять томовъ in 4°. Ихъ у меня нѣтъ. Пожалуйста, если можно, напишите объ этомъ въ академію, т.-е. самому г-ну президенту—министру, не соблаговолитъ-ли академія продолжать посылать мнѣ изданія? Если нѣтъ, то я просилъ бы васъ купить ихъ для меня. Погодинъ говоритъ, что онъ уже давно объ этомъ писалъ; но я до сихъ поръ ничего не получалъ. Возможно, что объ этомъ забыли, или что теперь ведется не такъ, какъ при покойномъ Шишковѣ и во время секретарства Языкова. Вы сами видите, что безъ этихъ книгъ нельзя работать надъ вторымъ отдѣломъ „Древностей". Сдѣлайте то, что можно. Погодина я ни въ чемъ не обвиняю: у него работы черезчуръ много, выше силъ. Вы моложе: займитесь вы въ такомъ случаѣ всѣми посылками книгъ для меня и всѣмъ подборомъ ихъ. Собираніе книгъ на 1843 г. устройте такъ, чтобы два раза можно было по связкѣ посылать въ Гамбургъ, т.-е весной, при открытіи навигаціи, и осенью, передъ ея прекращеніемъ. Точно также и здѣсь вамъ устроимъ.

Ваши здѣшніе друзья, равно какъ и мои домашніе, здоровы. Кланяются всѣ вамъ.

31.

14 ноября 1842.

Полагаю на вѣрняка, что вы уже давно въ Москвѣ и мое первое письмо, посланное какъ-то въ Москву, получили, но что вы очень заняты и потому не пишете. Можетъ быть, письмо ваше ко мнѣ уже и въ дорогѣ.

Такъ какъ время уходитъ, пишу сегодня опять, главн. обр. изъ-за книгъ, чтобы вы съ Погодинымъ за зиму могли кое-что собрать и тотчасъ весною переслать мнѣ. Въ скоромъ времени объ этомъ—подробнѣе

О нашей чешской литературѣ скажу только, что готовится много новаго и хорошаго. „Исторія Чехіи" Томка выйдетъ цѣликомъ въ концѣ этого мѣсяца. Т. о. будете имѣть книгу для чтенія съ вашими слушателями. Моего „Народописа" послалъ я съ Погодинымъ 50 экз. Еще 50 или 100 экз. пошлю чрезъ Кронбергера. Желаете?

Прошу васъ, возьмитесь за переводъ „Народописа". Карту отдайте гравировать въ Петербургѣ: у Меркласа съ русскими надписями дѣло хорошо не пойдетъ. Онъ самъ работаетъ мало, а способныхъ людей у него нѣтъ.

Не надо ли вамъ матрицъ отъ Газе для чешскаго письма?

Я съ концемъ этого года выхожу изъ редакціи Часописа Муз. и другими способами также себя облегчу, чтобы вполнѣ отдаться работѣ надъ 2-мъ томомъ „Древностей" и исторіей литературы. Это—навѣрное.

Ваши здѣшніе друзья здоровы и часто о васъ вспоминаютъ. Эрбенъ сдалъ въ цензуру 2-й томъ „Народныхъ пѣсенъ".

Кронбергеръ безъ сомнѣнія знаетъ, какъ на будущее время высылать вамъ книги? Собираю для васъ и я.

О Погодинѣ, съ которымъ я былъ въ Маріенбадѣ, и который около 1-го ноября изъ Вѣны уѣхалъ въ Москву, не пишу: онъ, вѣдь, раньше будетъ дома, нежели мое письмо у васъ.

Писалъ я вамъ что въ 1841 и 1842 гг. я не получилъ никакихъ книгъ изъ Россіи, исключая тѣхъ, что привезъ самъ Погодинъ. *У меня масса дефектовъ.* Отмѣчаю все на оборотѣ письма. Сдѣлайте, что можно; чего нельзя, не настаиваю. Можетъ быть, Срезневскій также поможетъ. Посылку книгъ раздѣлите на два раза: весной въ маѣ, что къ этому времени соберете; остальное отложите до осени, до сентября.

(Далѣе перечень неполныхъ экземпляровъ; см. выше, стр. 35).

Вновь вышедшихъ въ 1841 и 1842 г. книгъ не знаю: выберите сами, что найдете для меня важнымъ. Изъ новыхъ книгъ отмѣчу:

(перечень, см. выше, стр. 36).

Также (пріобрѣтите для меня) важное, *найденное въ Швеціи сочиненіе*; это—Кошихина „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича".

Пожалуйста, сберегите этотъ списокъ книгъ, чтобы мнѣ не пришлось вторично его списывать. Сравните его съ тѣмъ, что я вамъ далъ здѣсь въ Прагѣ, если онъ цѣлъ, а также съ тѣмъ, что я въ 1841 и 1842 г. заказывалъ Погодину и т. д. Съ Богомъ!

Еще одно: Ходаковскаго Географич. словарь, 3-ій томъ, котораго у меня нѣтъ.

32.

11 дек. 1842.

Съ великой радостью читалъ я ваше письмо отъ 27-го октября прошлаго года, первое письмо изъ Москвы по вашемъ благополучномъ возвращеніи домой, радовался, въ особенности видя, что вы здоровы, и что дѣла ваши идутъ хорошо и впередъ подвигаются. Не ждите, чтобы я на всѣ пункты вашего дорогаго письма теперь немедленно же подробно отвѣтилъ, потому что теперь мнѣ нельзя этого сдѣлать. Постараюсь хотя бы на важнѣйшее отвѣтить.

Дай Богъ успѣха и удачи на славянской каѳедрѣ! Нужды велики, велики ожиданія: постарайтесь выполнить мужественно свои обязанности. Съ неудовольствіемъ понялъ я изъ вашего письма, что вы ужъ опять помышляете о путешествіи. Не время для этого. Кстати это будетъ лѣтъ черезъ пять или десять. Другіе труды теперь нужны, которыхъ въ дорогѣ не сдѣлаешь. Подумайте: вѣдь, книгъ нѣтъ для профессоровъ славистики. Отъ кого же, по истиннѣ, ожидать, требовать, если не отъ васъ, Прейса, Срезневскаго, Челаковскаго?

По отношенію къ картѣ повторяю вамъ данный мною совѣтъ. Откровенно говорю вамъ, что къ Меркласу довѣрія я не питаю. Съ латинскимъ письмомъ отъ него ничего нельзя дождаться (теперь мы убѣждаемся въ этомъ на картахъ для Sbor'а и Матицы): что же будетъ съ русскимъ, котораго онъ вовсе не знаетъ, и которое теперь только онъ долженъ былъ бы учить? Что это будетъ за письмо?! И когда вы дождетесь этой карты! Хорошо если черезъ *пять* лѣтъ, а то и черезъ *десять*. Съ моей картой провозился онъ $3^1/_2$ года.

Совѣтую вамъ поэтому поискать какихъ нибудь средствъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ издать карту гравюрой или литографіей. Недавно вышелъ Польскій переводъ моего „Народописа" въ Вратиславлѣ у Шлаттера, сдѣланный какимъ-то Дальманомъ, безъ карты. Фабрикація! Точно также перевелъ его какой-то Нѣмецъ или полунѣмецъ (Іорданъ?) и вставилъ въ свою книгу: Slawen, Germanen etc.—въ Лейпцигѣ. Фабрикація и опять фабрикація!

Для исторической карты къ „Древностямъ" мѣдная доска лежитъ еще у меня. Не знаю, куда съ нею обратиться. Этотъ мѣсяцъ такъ пасмурно и темно, что надъ картами работать нельзя. Объ изданіи больших карть позаботимся впослѣдствіи. Надо имѣть терпѣніе: такія дѣла такъ, заразъ, не дѣлаются. Хорошихъ, надежныхъ и опытныхъ работниковъ вездѣ мало: только постепенно доходимъ до совершенства.

Изданіе Манассіиной лѣтописи одобряю. Вообще — каталоговъ старославянскихъ или кирилловскихъ книгъ у насъ уже много, въ томъ числѣ есть и хорошіе; текстовъ же до сихъ поръ издано мало. Главное—издать вѣрно и правильно. А это не малое дѣло!

Прошу вѣрно и правильно списать похвалу Владиміру Великому. Гдѣ пергаминный оригиналъ, о которомъ я много слыхалъ? У Царскаго?

Вообще: изъ числа своихъ слушателей подготовьте двухъ или трехъ для списыванія рукописей. Вскорѣ буду просить васъ и Мих Петр. также о другихъ копіяхъ съ рукописей. Будетъ ихъ не мало: а кто будетъ списывать?

Слова „съребро" въ рукописяхъ не читалъ. Приводитъ это чтеніе къ русскому „серебро", носитъ оно на себѣ указанія глубокой старины, но только по нему нельзя опредѣлять вѣкъ.

Въ нашей литературѣ, какъ и въ другіе времена, важнаго не много издается. Томка Исторія готова по чешски, получите ее съ другими книгами. Ганка печатаетъ свой нѣмецко-чешскій словарь у Шпурнаго. Естественная исторія Станка также печатается. Аммерлингъ свое зданіе (клиники) кончилъ, и на этой недѣлѣ, говорятъ, должны начаться лекціи, въ чемъ однако сомнѣваюсь. У чеховъ теперь радость: есть свой театръ, въ домѣ Штёгера; бываетъ всегда полонъ.

Пріятели всѣ здоровы, кланяются вамъ, равно какъ и мои домашніе. О посылкѣ денегъ за книги очень ужъ не безпокойтесь и не торопитесь: во всякомъ случаѣ дѣлайте это, столковавшись съ Михаиломъ Петровичемъ.

Я не вполнѣ и не настолько здоровъ, какъ бы того желалъ. Эти мѣсяцы погода у насъ скверная, въ особенности для меня.

О кончинѣ Пассека отъ души жалѣю! Утрата велика.

По отношенію къ просимымъ мною книгамъ, повторяю то, что уже раньше писалъ: соберите до весны то, что есть наиболѣе важнаго, остальное отложите на осень. Постарайтесь первую посылку отправить въ Петербургъ и далѣе уже въ началѣ мая. За 1841 и 1842 г. я ничего не получилъ отъ Мих. Петр., исключая того, о чемъ я вамъ писалъ.

Кромѣ упомянутыхъ уже дефектовъ у меня еще слѣдующіе:

„Москвитянина" 1841 г. вып. 1, 2, 3, 4; 1842 г. вып. 1, 2, 3, 4, 5, 6 есть; остальныхъ не получилъ.

Затѣмъ прошу:

Кириллъ и Меѳодій. Пер. съ нѣм. (М. П. Погодина). М. 1825. 4°, для себя: у меня этой книги до сихъ поръ нѣтъ.

Въ посылкѣ весной, пожалуйста, чтобы были слѣдующія книги: (перечень; см. стр. 39).

(NB Объ „Актахъ истор." и др. недавно я писалъ въ академію).

Если мнѣ позднѣе что припомнится важнаго изъ желаемыхъ книгъ, напишу о томъ въ другой разъ.

Въ Иллиріи литература будто спитъ. Идетъ тамъ только распря съ мадьяронами. „Кола", говорятъ, вышелъ 2 выпускъ: но я его до сихъ поръ не видалъ. Прошу васъ, адресуйте письма мнѣ возможно проще: достаточно будетъ, кромѣ имени, написать только: „K. K. Bibliotheks-Custos", больше ничего.

Есть у меня и еще кое-что въ мысляхъ, но принужденъ отложить и послать это письмо, какъ оно есть. Остальное—впослѣдствіи. Хотя не знаю, есть ли уже у васъ 2-е изд. „Народописа", посылаю вамъ прибавленія и поправки.

Кончено письмо и послано 15 декабря 1842 г. н. с.

33.

26 дек. 1842.

Вы получаете отъ меня разазъ писемъ болѣе, нежели, вѣроятно, ожидаете—не хочу сказать, нежели вамъ пріятно. Я теперь засѣлъ и погрузился въ историческую карту, чтобы когда-нибудь ее да закончить, отдать граверу и имѣть возможность ее издать. Вертясь по Сербіи и около Черногоріи, убѣждаюсь, что результаты были бы точнѣе, если бы я имѣлъ подъ руками карту Ковалевскаго. Тамъ, у Зеты, Морачи, около Скадра, около горъ Кучи и Кома—центръ древней исторіи сербской. Поэтому прошу васъ убѣдительно, какъ только получите это письмо, тотчасъ вырѣжьте карту Ковалевскаго изъ книги, обрѣжьте, сколько надо, бѣлые края ея, вложите въ письмо и въ конвертѣ пошлите мнѣ, какъ обыкновенное заказное письмо. Я готовъ заплатить и больше за почту. Потомъ уже перешлете мнѣ книжку безъ карты вмѣстѣ съ другими книгами.

Въ „Сѣверной Пчелѣ" я читалъ, что Маркевичъ издалъ Исторію Малороссіи. Тамъ должно быть много грамотъ, памятниковъ письма, важныхъ документовъ. Можетъ быть, можно будетъ извлечь кое-что и для Древностей? Мой планъ—закончить подготовкой и отдать граверу историческую карту, а затѣмъ приняться за составленіе краткаго очерка исторіи славянскихъ литературъ (для нея я уже собираю матеріалъ, именно, для отдѣла церковно-славянскаго), а потомъ за 2-й томъ Древностей.—Работа—на нѣсколько лѣтъ. Что, кромѣ этого, у меня есть готоваго къ печати, узнаете изъ прилагаемаго письмеца къ Мих.

Петр. Позаботьтесь, пожалуйста, вмѣстѣ съ нимъ, чтобы та Псалтирь (Погодинская) была для меня списана. Одолжите меня этимъ весьма. Знаю трудность этой работы, но—labor omnia vincit.

Франта и Шпурный печатаютъ нѣм.-чешск. Словарь, 1-й вып. допечатывается: будетъ онъ достаточно хорошъ и безъ большихъ недостатковъ. Эрбенъ и Поспишилъ печатаютъ 2-й томъ народныхъ пѣсенъ. Чешская исторія Томка издана съ 3 историческими картами. Естественная исторія Станка въ печати.

Въ Загребѣ вышелъ 2-й в. „Кола": любопытенъ. Селянъ издалъ тамъ же 1-й томъ географіи Илліріи. Особой цѣнности не представляетъ. Карта еще не вышла.

Въ Пештѣ Богоевъ печатаетъ 1-й выпускъ *Болгарскихъ* народныхъ пѣсенъ—маленькая книжка, около 3-хъ или 4-хъ листовъ. Онъ тамъ же напечаталъ еще книгу, Географію; ее я еще не знаю. Въ свое время получите все. Но надо имѣть терпѣніе: мы далеко.

Какъ идетъ дѣло съ вашими работами? Чѣмъ теперь особенно занимаетесь? Чего прежде всего мы можемъ отъ васъ ждать? Сжальтесь надъ нашей скудостью въ учебныхъ книгахъ и потрудитесь надъ хорошей хрестоматіей, собраніемъ (избранныхъ) народныхъ пѣсенъ, сравнительной грамматикой и т. д. Этого отъ васъ, профессоровъ славистики, ожидаетъ (ученый) міръ. (О Прейсѣ, гдѣ онъ, ничего не знаю). Мысль о путешествіи оставьте.

У насъ холодно, пьемъ и мы у меня частенько чай, по милости Божіей и при этомъ подружески васъ вспоминаемъ,—хотя чай этотъ какъ говоритъ Аммерлингъ, когда его впервые пилъ,—трава дикая, сѣно—но что за бѣда—мы думаемъ, что лучшаго нѣтъ, и, если не вѣрите, пошлите намъ какую-нибудь китайскую книгу о хорошемъ чаѣ, чтобы мы изъ нея узнали, что есть и лучшій чай на свѣтѣ.

Здѣшніе друзья здоровы, вамъ кланяются.

На счетъ карты Ковалевскаго повторяю: Bis dat qui cito dat.

Моего Народописа вышелъ *польскій* переводъ Dahlman'а въ Варшавѣ у Schlatter'а, безъ карты.

34.

5 февр. 1843.

Извѣщаю васъ, что черезъ ваше посредство я получилъ отъ его сіятельства кн. Ширинскаго-Шихматова Акты и Лѣтописи, сколько ихъ вышло до конца 1842 года. Благодарность писать буду скоро: а пока напишите и вы съ своей стороны князю нѣсколько словъ. Это не повредитъ и можетъ быть на пользу. Любезнѣйшій Погодинъ мнѣ

писалъ, будто относительно тѣхъ 50 экз. Народописа—сомнѣніе и вопросъ, кому они посланы. Признаюсь, что, посылая ихъ, я главнымъ образомъ разсчитывалъ на васъ, вѣдь зачѣмъ бы они понадобились Погодину въ такомъ количествѣ? Поэтому, подѣлитесь съ нимъ, какъ найдете удобнѣе, и напишите мнѣ, не нужно ли прислать еще съ другими книгами. Въ Вѣну больше послать было нельзя: я торопился, а карты не были раскрашены.

Денегъ за эти книгй не посылайте. Пошлете мнѣ за это книгъ.

Если есть у васъ въ русской литературѣ книжки для чтенія, для *дѣтей*, лучше всего для дѣтей нѣмецкихъ, желающихъ учиться по русски, пришлите мнѣ двѣ или три книжки для моихъ дѣтей.

Исторія Томка вышла и нравится. Естественная исторія Станька, чешско—нѣмецкій Словарь Франты печатаются. Въ остальномъ новаго мало: Матица будетъ давать преміи за изданныя хорошія сочиненія. Вышли „Времена года“ Томсона въ переводѣ Доухи, гекзаметрами.

Аммерлингъ окончилъ постройку, уже тамъ читаетъ и лекціи. Вообще Аммерлингъ теперь сталъ здѣсь извѣстнымъ и удачливымъ врачомъ: ѣздитъ въ каретѣ чуть не цѣлый день по Прагѣ и лѣчитъ очень удачно, совсѣмъ новыми способами, такъ что удивительно.

Наша литература понемножку дремлетъ, потому что молодые литераторы готовятся къ балу, имѣющему быть 8 февраля. Около 12 молодыхъ чешскихъ писательницъ (подъ именами Сафо, Коринна, Любуша, Власта) сложились и издали къ этому балу „Pomněnky“. Редакторомъ Часописа—Янъ Эрасимъ Воцель, бывшій воспитатель у гр. Гарраха, авторъ „Перемысловичей“ и теперь (въ рукописи) „Меча и Калиха“ (большая поэма изъ гуситской эпохи). Въ Загребѣ литературу, т.-е. Гая, постигли непріятности; онъ долженъ былъ измѣнить на время заглавія „Новинъ“ и „Даницы“. Имя Иллирійцевъ запрещено. Кола изданъ 2-й выпускъ Вукотиной, Вразомъ и Раковцемъ. Также Селяна Иллирской географіи вышелъ 1-й томъ. На сербскомъ мало хорошаго выходитъ. Теперь печатаются въ Пештѣ и Будимѣ: Спомeници из историје бизантиске—Исидора *Николича*, Босилье, стихотвор. списана Іов. *Суботича*; Повѣсть библическа, еписк. Будимскаго Платона *Атанацковича* и проч. Въ Турціи, въ сербскомъ Бѣлградѣ, при газетѣ выходитъ юмористическій и научный журналъ *Подунавка*. Мои „Древности“ переводятся также на сербскій. Въ Лейпцигѣ вышла и надѣлала шуму книжка Мосига изъ Эренфельда: Slawen, Russen und Germanen. Также изданы Іорданомъ

(у Кунига и др.) Jahrbücher für Slav. Litteratur, журналъ, вып. 1-й. Что изъ этого выйдетъ, покажетъ время. Лужицкихъ народныхъ пѣсенъ законченъ 5-мъ выпускомъ первый томъ. Штуръ (Люд.) еще не получилъ позволенія на изданіе газеты.

Въ то самое время, когда я писалъ это письмо, получилъ я ваше письмо съ картой Черногоріи Ковалевскаго. Благодарю. Прочтя ваше письмо, буду писать вамъ подробнѣе. Сегодня времени нѣтъ. Дай Богъ вамъ жизни и здоровья, остальное будетъ все. Съ Богомъ!

Мои здоровы, вамъ кланяются. Богданъ растетъ и 16 ч. этого мѣсяца будетъ отнятъ отъ груди. Мой племянникъ Янъ въ Новомъ Садѣ женился!

35.

25 марта. 1843.

На послѣднее письмо ваше (4 янв. с. с.), съ картой Ковалевскаго, хотѣлъ я вамъ поподробнѣе отвѣчать, но время ушло! Хорошо, что я тогда же изъ этого письма сдѣлалъ извлеченіе, а то бы его теперь читать не могъ. Прежде всего обращаюсь къ вамъ съ просьбой, пишите немного покрупнѣе и потолще буквы. Глаза мои слабѣютъ сильно, а кромѣ меня во всей Чехіи не найдется никого, кто бы прочелъ ваше письмо. Жаль, что присланными литературными извѣстіями мы не можемъ воспользоваться для нашихъ журналовъ! Я прочелъ *одинъ разъ* съ трудомъ для себя: во второй разъ для другого не сталъ бы читать ни за какія деньги.

О исполненіи вашего желанія всячески стараюсь. Для васъ печаталось 250 картъ, будутъ онѣ раскрашены. Книги собираемъ по-немногу. Пошлемъ все заразъ. Такъ какъ я до сихъ поръ ничего не послалъ Гартенштейну, я теперь въ раздумьѣ, не послать ли все заразъ водой? Съ этимъ вертлявымъ жидомъ трудно что нибудь устроить. Впрочемъ, увидимъ еще. Вѣроятно, прежде всего пошлю ему для васъ Томка, Колларово Путешествіе и Краледворскую рукопись. У насъ въ литературѣ дѣло подвигается весьма медленно. Вы сами отлично знаете, какъ мало у насъ хорошихъ писателей, какъ слабы силы— одна только нищета.

Самая послѣдняя новость, что Гай съ иллиризмомъ совсѣмъ провалился, вамъ уже извѣстна. Очевидно, мадьярство побѣдило, и сильно. Запрещено даже употребленіе названія Иллирійца въ цѣломъ государствѣ. Несчастные Словаки бѣдствуютъ, иначе и быть не можетъ. Такъ на самый слабый цвѣтокъ ударилъ морозъ и холодъ! Сербская литература, нельзя не признаться, какъ плоха и бѣдна. О высшихъ стремленіяхъ и планахъ—ни мысли.

Что у васъ много работы, особенно теперь при началѣ, охотно вѣрю. Да, вѣдь, ни одинъ умный человѣкъ не станетъ желать и ждать отъ васъ, чтобы вы сразу все сдѣлали. Festina lente. Главное, какъ мнѣ кажется, то, чтобы вы приготовили себѣ 12 хорошихъ учениковъ, которые бы вамъ помогали. Писали вы мнѣ, что житіе Владиміра сами для меня спишете. Благодарю сердечно, но жаль вашего драгоцѣннаго времени. Вы бы могли дѣлать что-либо получше и покрупнѣе. Неужели не найдется между младшими учениками вашими и знакомыми порядочный переписчикъ? А вы бы только сличили и сравнили съ подлинникомъ. Впрочемъ, отъ такой копіи, какую мнѣ послалъ Мих. Петр. съ житія Константина, сохрани, Боже! Думаю, что и самъ переписчикъ не могъ бы прочесть её съ *достаточной точностью*.

Русскіе на васъ жалуются, что опять *черезъчуръ буквально и недостаточно чисто по-русски* переводите Народописъ, такъ же, какъ и Древности. Это не хорошо. Ваша публика и такъ испорчена, а потому вы не должны бы отталкивать ее отъ чтенія серьезныхъ вещей шероховатостью формы. Скорѣе поправляйте и мой слогъ, гдѣ онъ недостаточно гладокъ и плавенъ. Приспособляйтесь къ требованіямъ и желаніямъ вашего общества; иначе, напрасно будете трудиться: читать не станутъ. У вашей публики иной желудокъ, нежели у нашей: наша бы сожрала и проглотила и скалу и пса съ шерстью и костями. Сохрани васъ Господь писать и стилизовать рѣчь такъ, какъ у насъ—нашему, вѣдь, обществу все это по вкусу, какъ будто лучшее лакомство.

Пожалуйста, пошлите мнѣ тотчасъ съ первой же посылкой „Реестръ старопечатныхъ книгъ слав. въ библ. *А. С. Ширяева* (Москва 1833. 12° 162 стр.). Пишу теперь для исторіи литерат. отдѣлъ церковнославянскаго нарѣчія. Касательно каталоговъ рукописей синодальныхъ и монастырскихъ, поговорите съ Мих. Петр. Мнѣ бы нужно извлеченіе только изъ каталоговъ, перечень рукописей, отнюдь не выписки; въ особенности нужны мнѣ творенія св. Отцовъ и т. п. (богослужебныя рукописи позднѣйшаго времени въ планъ мой не входятъ). Сдѣлайте, что можете.

Мой поклонъ Гавличку. Буду ему въ свое время писать. О Прейсѣ не знаю ровно ничего. *Его вещи лежатъ у меня, а онъ чуть не два года ничего не пишетъ*! О! Охъ!

Ваши друзья и моя семья вамъ кланяются.

36.

17 апр., 1843.

Позавчера узналъ я у Кронбергера—Рж썬вача, какая ошибка вышла съ однимъ вашимъ ящикомъ: вы вмѣсто своего, получили чужое.

Это очень непріятно. Еще не знаю, какъ это объяснится. Дай Богъ только, чтобы онъ не попалъ куда нибудь въ Америку.

Согласно вашему желанію я заказалъ отпечатать для васъ 250 географ. картъ. Онѣ уже готовы, и въ началѣ мая пошлемъ ихъ вамъ вмѣстѣ съ собранными книгами тѣмъ путемъ, какой вы указали Ржиначу. За эти карты уплатилъ я всего 87 гульд. 10 кр. (т. е. за бумагу 17 гульд. 10 кр., за печатаніе 20 гульд., за раскраску 50 гульд., всего 87 гульд. 10 кр.). Прошу васъ убѣдительно, если есть у васъ лишнія деньги или если есть у васъ какая-нибудь, возможность потрудитесь мнѣ хоть эти деньги выслать немедля. По правдѣ говоря, не могу не признаться, что, благодаря своей неосторожности, къ великому своему несчастію я сильно запутался въ дѣлахъ, т. е. очень задолжалъ у книгопродавцевъ. Если можете себѣ представить, при какихъ обстоятельствахъ я существовалъ цѣлыя 20 лѣтъ, и что только теперь съ 1841 года милостью благодѣтельнаго императора нашего Фердинанда я имѣю такъ или иначе насущный хлѣбъ, то вы дивиться не будете. Изъ болѣе тяжелыхъ и грустныхъ обстоятельствъ я уже выбрался и выцарапался, но всетаки еще книгопродавцамъ долженъ заплатить старыхъ долговъ отъ 500 до 600 гульд., большая часть коихъ должна быть выплачена въ этомъ году! Пока я съ этой непріятностью не управлюсь, я не буду спокоенъ за свою честь, да и связанъ буду во всякомъ своемъ начинаніи, въ особенности въ изданіи книгъ. До сихъ поръ отъ моихъ книгъ барышъ имѣли книгопродавцы-кредиторы, а я только трудъ и мозоли. Въ будущемъ я долженъ устроить дѣло иначе, хотя бы это было уже не для меня: sero sapiunt Phryges.

О книгахъ для васъ помню: что касается *болѣе старыхъ* книгъ, я долженъ обратиться прямо къ антикварамъ. Черезъ здѣшнихъ книгопродавцевъ въ этомъ случаѣ многаго не сдѣлаешь. Во всякомъ случаѣ я долженъ прежде привести въ лучшій порядокъ свои денежныя дѣла. Пишу вамъ объ этомъ откровенно, чтобы вы знали, какъ обстоятъ мои дѣла. Въ нашей литературѣ такъ мало является важнаго, что и не знаю, что̀ бы сообщить вамъ новаго. На дняхъ получено „Путешествіе“ Коллара. Съ Гартенштейномъ уже ничего не посылаю, потому что 1 мая недалеко. Тогда справимъ для васъ ящикъ, и по морю онъ пойдетъ лѣтомъ скорѣе.

Напишите мнѣ, пожалуйста, когда вы послали мнѣ посылку, чтобы мнѣ уже или заранѣе или въ то же время написать и напомнить въ Гамбургъ книгопродавцу Кордесу. Осторожность не вредитъ. Что я теперь больше всего работаю надъ исторіей литературы, вы уже знаете. Работа эта нравится мнѣ больше другихъ. О Прейсѣ здѣсь

ни слуха. Какъ будто онъ напился по дорогѣ изъ Леты. Срезневскій писалъ.

Пріятели вамъ кланяются. Ἔρρωσο!

37.

28 мая 1843.

Вчера получилъ ваше письмецо отъ 16/28 февр., посланное съ Дворжачкомъ. Привезъ его мнѣ Палацкій изъ Вѣны. Книгъ онъ мнѣ не привезъ никакихъ, хоть вы писали, что посылаете. Ну, ужъ лучше съ такими оказіями никакихъ книгъ не посылать: я ихъ, по-крайней мѣрѣ, никогда не получаю. Предполагаю, что посылка уже на пароходѣ.

Я и мой Войтѣхъ—онъ ужъ понемногу учится помогать—сегодня цѣлый день заняты укладкой книгъ и картъ для васъ. Пойдутъ они немедленно въ Лейпцигъ, а оттуда книгопродавческимъ путемъ къ вамъ. Надѣюсь, что все получите исправно. Списокъ посланныхъ книгъ пошлю вамъ послѣ. Всѣ они собраны и куплены мною для васъ, нѣкоторыя для Погодина. Постараюсь то, что новаго выйдетъ и что найду изъ старыхъ книгъ къ осени, отправить вамъ до закрытія навигаціи. Такъ и буду продолжать годъ за годъ.

О моихъ теперешнихъ трудахъ и нуждахъ кое-что узнаете и изъ прилагаемаго здѣсь письмеца пріятелю Погодину, которое по прочтеніи прошу ему отдать. Составленіе систематической исторіи литературы теперь мнѣ болѣе всего по сердцу. Въ этомъ году работаю надъ церковнымъ отдѣломъ. Этотъ отдѣлъ для меня наиболѣе тяжелъ, такъ какъ впервые приходится собирать и систематизировать матеріалъ. Для другихъ отдѣловъ я уже много собралъ. Прошу васъ обратите вниманіе на эту мою нужду. Составьте хоть какой-нибудь каталогъ рукописей, хотя бы важнѣйшихъ, собранныхъ у Погодина. О другихъ дѣлахъ и нуждахъ впослѣдствіи: всего заразъ не сдѣлаешь; это же теперь для меня самое близкое. Не оставьте безъ вниманія, для меня. Ржívнач мнѣ говорилъ, что тотъ, кому принадлежалъ ящикъ съ платьемъ, полученный вами, ужъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ! Куда дѣвались ваши ящики съ книгами, еще нельзя было разузнать, да и трудно напасть на слѣдъ. Другіе же ваши ящики съ книгами лежатъ у г. Кашкадамова, Русскаго, воспитателя или учителя въ Вѣнѣ, какъ вамъ объэтомъ подробнѣе разскажетъ Пановъ, который на-дняхъ пріѣдетъ къ вамъ Москву. Это тѣ ящики, что были у Меглицкаго.

Пожалуйста, пошлите мнѣ осенью, до прекращенія навигаціи: Минеи-Четьи, книги житій святыхъ. М. 1835 fol. 3 т.

Прологъ, или Синаксарій, М. 1817. fol. 3 т. Или хоть старшее изданіе, но чистое, т. е. удобное для *глазъ*.

Также, если можно, новое изданіе Кормчей книги, вышедшее годъ—два тому назадъ съ *греческимъ* текстомъ: изданіе 1834 г. безъ греч. текста у меня есть. Также прошу прислать Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковны, Трокъ, Вильна 1843 г. 4°. 2 тома.

Въ литературѣ ничего интереснаго у насъ нѣтъ. Мы можемъ идти только мелкими шажками. Однако готовится и то и другое, чему да поможетъ Богъ. Въ особенности много помогаетъ Матица. Срезневскій мнѣ дважды писалъ по нѣскольку словъ; я ему еще не собрался писать. О Прейсѣ слышалъ только, что онъ дома и уже преподаетъ: самъ онъ о себѣ еще не извѣстилъ.

Пріятели ваши здоровы, вамъ кланяются, равно какъ и моя семья. Я не совсѣмъ здоровъ: но я къ этой невзгодѣ и несчастью уже такъ привыкъ, что не обращаю вниманія, разъ не долженъ лежать и могу работать. Будьте здоровы!

38.

21 іюня 1843.

Прежде всего сообщаю вамъ, что письмо ваше, законченное 17-го мая с. с., я получилъ исправно. Благодарю васъ за разнообразныя извѣстія, частью весьма утѣшительныя. Ваши находки и открытія весьма важны. То, что вы пишете объ „инокѣ Өеодосіи и князѣ Святославѣ“, было для меня совершенной новостью, и я охотно вѣрю, что все это такъ, но, не имѣя въ рукахъ рукописи, не знаю, что бы къ этому можно добавить. Эти и другіе древніе памятники въ свое время надо будетъ издать; но не нужно съ этимъ торопиться, а главное при этомъ то, чтобы это было для успѣха и прогресса науки. Что меня касается, признаюсь откровенно, что я бы радовался больше, если бы вы вмѣстѣ съ гг. Прейсомъ и Срезневскимъ взялись за составленіе учебныхъ книгъ для славянскихъ каөедръ: сравнительной грамматики, христоматіи, исторіи литературъ славянскихъ, антологіи славянской изъ народныхъ пѣсенъ и т. д. Если эти книги не будутъ составлены профессорами славянской литературы, кому ихъ составлять? Когда вы, Прейсъ и Срезневскій подготовите намъ славянскихъ филологовъ, тогда ужъ и съ изданіемъ старыхъ памятниковъ пойдетъ дѣло успѣшнѣе. Чѣмъ больше работниковъ, тѣмъ больше будетъ сдѣлано. Прежде всего вы старайтесь сосредоточить

свою дѣятельность около нѣсколькихъ главныхъ предметовъ и держаться опредѣленнаго плана.

Ἀδύνατον οὖν πολλὰ τεχνώμενον ἄνθρωπον πάντα καλῶς ποιεῖν (fieri certe nequit, ut is qui multis artificiis occupatur, omnia recte faciat). Это изреченіе слѣдовало бы и нашему дорогому Мих. Петр. написать на своемъ письменномъ столѣ, чтобы имѣть его повседневно передъ глазами: тогда бы онъ, вѣроятно, нѣсколько оставилъ свою πολυπραγμοσύνη и постарался бы еще „по сю сторону могилы" написать „русскую исторію".

Разумѣется, на ваше письмо, т.-е. на нѣкоторыя его части, можно подробнѣе отвѣтить только впослѣдствіи. Сегодня только наскоро кое-что. 1) Ваши ящики съ иллирскими книгами нашлись. Лежатъ въ Вѣнѣ на таможнѣ. Другіе ваши ящики съ книгами отъ Меглицкаго находятся у Кашкадамова, русскаго учителя въ Вѣнѣ. Видите, какъ я забочусь о вашихъ вещахъ!

2) Г. Дворжачекъ послалъ *слишкомъ поздно* русскія книги, переданныя ему г. Шевыревымъ. Пожалуйста, поблагодарите за меня, кого слѣдуетъ.

3) Рецензію на новое сочиненіе Черткова читалъ въ Ж. М. Н. П. Адріанополь, около котораго находится Бѣлипра, не есть извѣстный городъ во Ѳракіи, а другой—въ теперешней Албаніи.* Ѳракія никогда не называлась Македоніей: а Албанія. Здѣсь, около этого города, родился Василій Македонянинъ. Нѣкоторые переводы старыхъ историковъ Черткову извѣстны не были. Есть у насъ и полный переводъ Зонары, весьма древній, болгарскій.

4) Между книгами, мною вамъ посланными, есть и глаголическій „Исправникъ за іереи" для Мих. Петровича.

5) Очень меня огорчило, что вы еще не выслали мнѣ книгъ. Вслѣдствіе этого разстроенъ мой планъ, и работа моя на полгода запоздала. Non quam multa, sed quam cito. Помните, что книги эти, если онѣ пойдутъ лѣтомъ, въ дорогѣ будутъ *шесть* мѣсяцевъ, а если останутся до зимы,—то *девять*. Въ каждомъ городѣ пролежатъ они мѣсяцъ и болѣе. Достаточно было послать мнѣ теперь 5 или 6 или съ

* Нелишне напомнить, что имя *Бѣлипра* мнимое. Чертковъ неправильно прочелъ славянскій текстъ Манассіиной лѣтописи, который въ свою очередь заключалъ неправильный переводъ греческаго текста: χώμης μὲν οὖν ἐξώρμητο λυπρᾶς. Переводчикъ, принявъ послѣднее слово за имя собственное перевелъ *отъ села оубо бѣ Липра* вмѣсто того, чтобы сказать: былъ родомъ изъ жалкой деревушки. Ср. Дриновъ, Иречекъ.

десятокъ книгъ, нужныхъ при писаніи исторіи церковной литературы, которыя я вамъ указалъ; съ остальными спѣшить не надо; нужны онѣ будутъ спустя годы.

6) Литературныхъ новостей у насъ мало. Мой племянникъ Янъ (докторъ медицины) профессоромъ въ Бѣлградѣ сербскомъ. Жду отъ него нѣсколько новыхъ сербскихъ книгъ. Что касается выдачи премій Матицы, то дѣло еще не кончено: нѣтъ еще утвержденія свыше: графъ Левъ Тунъ издалъ Die Stellung der Slowaken in Ungarn. Prag. 1843. 8°. 43 стр. Содержаніе: переписка съ Г. Пульскимъ и обзоръ.

7) Ваше послѣднее письмо было писано четко, и я могъ читать его безъ труда и напряженія зрѣнія.

Пожалуйста прочтите письмецо, посланное Михаилу Петровичу, такъ какъ одно дополняетъ другое.

Друзья и моя семья здравствуютъ и кланяются вамъ.

Чешскія книги и другія, что я послалъ, назначены вамъ: развѣ изъ дублетовъ подѣлитесь кое чѣмъ съ Погодинымъ. Пожалуйста, пріобрѣтите мнѣ книжку: (Ciceronis) Rhetorica ad Herennium. Edidit Matthaei. Mosquae. 1810.

39.

22 окт. 1843.

Простите, что на послѣднее письмо ваше подробнѣе и полнѣе не могъ, да и теперь не могу отвѣтить. Безъ полнаго здоровья никакая работа не спорится,—а что такое въ Прагѣ (dna—ревматизмъ arthritis), вы сами знаете, такъ какъ сами испытали. Вотъ уже два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ забралась „она“ *въ голову*, я къ работѣ совершенно неспособенъ.

Ганка получилъ чекъ на деньги, но до сихъ поръ никому не заплатилъ, вѣроятно, самъ еще ихъ не получилъ. Между тѣмъ, какъ вамъ уже вѣроятно извѣстно, онъ съ книгами распорядился иначе, продавши ихъ въ С.-Петербургъ. Посланный мнѣ вторично чекъ я тотчасъ уничтожилъ, какъ ненужный. Книги, посланныя мнѣ на Гамбургъ, еще до сихъ поръ не пришли. Не случилось ли какой-нибудь неисправности при отсылкѣ? Правильно ли было адресовано на Кордеса для меня? Если онѣ не придутъ къ новому году, признакъ будетъ дурной.

Я какъ-то опять отдалъ собранныя для васъ книги Кронбергеру-Ржнвначу. Въ числѣ ихъ—двѣ нѣмецкія для Погодина. Книгъ въ этомъ году и зимой ужъ не посылайте никакихъ. Отложите все до весны; да пошлите пораньше, въ маѣ.

Поблагодарите отъ меня проф. Шевырева, за книги. О, если бы только онѣ были уже здѣсь! Князя Голицына я самъ здѣсь въ Прагѣ, поблагодарилъ за роскошное изданіе о древностяхъ Москвы. На счетъ моей исторіи славянской литературы—напрасные сѣтованія и совѣты—пока она не написана. Сперва жаркое—потомъ вертелъ. Если она будетъ написана, тогда посмотримъ, что и какъ.

Изъ Вѣны до сихъ поръ ящики съ загребскими книгами не получены. Нужно будетъ написать въ таможню письменную просьбу о выдачѣ.

Извѣстія о литературныхъ дѣлахъ принужденъ отложить до лучшихъ временъ. Дай Богъ, чтобы они для меня наступили!

Въ семьѣ у меня всѣ здоровы, вамъ кланяются.

Г. Елагинъ здѣсь, здоровъ и веселъ. Ἔρρωσο!

Семенова, Акты гор. Вильны и т. д. 1843. 4°.—уже имѣю.

Matthaei. Ciceronis Rhetor. Mosquae 1810. programma—больше не надо.

40.

31 дек. 1843.

Вчера попало ко мнѣ послѣднее письмо ваше, и не мало былъ я имъ порадованъ. Сердечная благодарность вамъ за утѣшительныя извѣстія съ поля литературы. Продолжайте такъ и въ будущемъ, и пишите мнѣ почаще, не обращая никакого вниманія на то, что я пишу мало. Въ послѣднее время я много страдалъ, да и дома были у меня больные. Теперь понемногу дѣло идетъ къ лучшему. Постараюсь, по возможности удовлетворить ваши желанія касательно литературы. Въ Вѣну долженъ буду снова писать. Со списываніемъ старыхъ дубровницкихъ поэтовъ дѣло пойдетъ трудно: здѣсь ихъ мало или вовсе нѣтъ, и кромѣ того нѣтъ опытныхъ переписчиковъ для иллирскаго языка. Безъ сомнѣнія, принуждены будемъ обратиться въ Загребъ. А въ Загребѣ, извѣстно вамъ, что дѣлается: тамъ люди заботятся обо всемъ иномъ болѣе, нежели о литературѣ. Хорошихъ работниковъ у насъ мало.

Радуюсь, что у васъ преподаваніе и обученіе идетъ такъ успѣшно, Хорошо сдѣлаете, если съ самаго начала будете давать больше молока, нежели тяжелой неудобоваримой пищи. Не забывайте, что мы начинатели. Я бы на вашемъ мѣстѣ преподавалъ исторію всеславянской литературы (въ очеркѣ), изъ сравнительной грамматики только важнѣйшее о нарѣчіяхъ чешскомъ и сербскомъ, затѣмъ объяснялъ бы нѣкоторые изъ лучшихъ плодовъ литературы, напр. Краледворскую рукопись, сербскія и иллирійскія стихотворенія, а въ подробности нарѣчій и нарѣчьицъ, не говоря уже о поднарѣчіяхъ и поднарѣчьи-

цахъ, вовсе бы не пускался. Достаточно, отворить дверь и указать путь: кто захочетъ быть славянскимъ филологомъ, пусть самъ идетъ дальше. Впрочемъ, сами судите о томъ, что покажется вамъ лучше.— Sed respice finem.

Сегодня долженъ остановиться. Надѣюсь, что скоро буду писать вамъ поподробнѣе. *Пожалуйста, прочтите письмо, адресованное Михаилу Петровичу.*

41.

6 іюня, 1844.

Видите, какъ съ перепиской идетъ медленно и неладно! Я вамъ, впрочемъ, давно не писалъ, но и отъ васъ уже давно, давно не получалъ ни одного письмеца. Не стану пускаться въ изслѣдованіе причинъ, а лучше напишу нѣсколько словъ, чтобы исправить дѣло и прервать дальнѣйшее молчаніе.

У меня новаго ничего. Служебныя обязанности и домашнія дѣла обстоятъ, какъ и прежде. Въ этомъ году прибавилось заботы съ дѣтьми: растутъ они годъ за годомъ, и за ихъ воспитаніе нужно приниматься, какъ слѣдуетъ.

Изъ Вѣны касательно книгъ не получено никакого разъясненія: книгопродавецъ Möschner спрашивалъ въ таможнѣ, но ничего не добился кромѣ того, что о моей просьбѣ *идетъ дѣло.* Дѣло, какъ видно, будетъ идти безъ конца. Прежде должны быть собраны акты и протоколы съ нѣсколькихъ поѣздовъ! Кто будетъ платить за провозъ до Москвы и изъ Москвы? У васъ ли еще чемоданъ и вещи? Спрячьте ихъ и берегите на будущее время. Если бы я зналъ имена этихъ стариковъ (?), я бы постарался по-дружески съ ними уладить дѣло. Во всякомъ случаѣ будетъ лучше вашихъ иллирскихъ книгъ теперь и не ждать. Будемъ собирать другія. Кое-что уже у васъ есть. Другія будемъ доставать годъ за годъ. На этихъ дняхъ, кстати, пошлю вамъ нѣсколько новыхъ книгъ. Для вашихъ потребностей будетъ ихъ у васъ достаточно. Всего и такъ нельзя собрать.

За послѣднее время вышло опять нѣсколько хорошихъ книгъ у южныхъ Славянъ, въ томъ числѣ *Османъ Гундулича,* изданный загребской Матицей. Вы его получите. Матица загребская быстро расцвѣтаетъ и обѣщаетъ плодотворную дѣятельность. Жаль, что того же нельзя сказать о Сербской Матицѣ въ Пештѣ. Эти люди сами себя губятъ. Издали они теперь цѣнные вопросы: но что за польза въ этомъ? Развѣ такія крупныя дѣла можно выполнить за годъ, за два, въ особенности тамъ, гдѣ нѣтъ вполнѣ образованныхъ, просвѣщенныхъ и притомъ очень энергичныхъ людей? Поэтому члены Матицы издаютъ

памфлеты и пасквили другъ на друга, занимаясь расхищеніемъ и разореніемъ Матицы. А эта гадость расходится на счетъ ихъ по всей землѣ!

Больше надеждъ въ Сербіи,—тамъ, дѣйствительно, въ Бѣлградѣ вышло нѣсколько хорошихъ книжекъ.

У Словаковъ все по старому. Штуръ долженъ былъ прекратить преподаваніе: сидитъ поэтому въ Пресбургѣ и ожидаетъ разрѣшенія на изданіе „Новостей", а въ общемъ ничего не дѣлаетъ. Колларовыхъ поученій о народности вышелъ второй томъ и очень хорошо принятъ. Іорданъ печатаетъ въ Лейпцигѣ лужицко-нѣмецкій словарь, первый листъ коего, или образчикъ, я видѣлъ. Это хорошо.

Наша чешская литература, хоть и много мелочей вышло, не произвела ничего, что бы заслуживало особаго упоминанія. Архива Палацкаго III тома вышли вып. 1, 2, 3. Его Исторіи теперь печатается новый томъ. Челаковскій огорченъ смертью своей жены. У Юнгмана умеръ второй, младшій, зять—Lauermann. Онъ собирается подавать въ отставку: время.

Враги славянской литературы и народности не перестаютъ осаждать разъ за разомъ и со всѣхъ сторонъ. Ругательныхъ сочиненій въ Германіи выходитъ множество. А Славяне молчатъ, какъ рыбы. Что имъ дѣлать?

Ну, какъ идутъ ваши работы? Давно, давно ничего не слыхалъ ни о васъ, ни о Срезневскомъ и Прейсѣ!

Впрочемъ, на дняхъ читалъ объявленіе о *новомъ* журналѣ въ Москвѣ съ участіемъ вашимъ, Шевырева, Погодина и др. Изъ этого видно, что вы здоровы и веселы.

Въ книгахъ, которыя на-дняхъ соберу и передамъ Кронбергеру для отсылки, найдете рукописное извѣстіе о пресбургскомъ „уставѣ" (т.-е. въ литературномъ обществѣ) Штура. Тутъ же прилагаю и его письмо. Очевидно, Штуръ и кое-кто съ нимъ желаютъ нововведеній въ литературномъ языкѣ для Словаковъ. Опасаюсь, что это не приведетъ къ цѣли, а только къ новой путаницѣ, къ хаосу.

Пріятелю Погодину пишу также на этихъ дняхъ. Прошу васъ, пріобрѣтите вмѣстѣ съ нимъ для меня *Н. А. Лукьяновича* Описаніе турецкой войны 1828—1829 гг. Спб. 1844. Думаю, что это сочиненіе важно для моей *карты*.

Примите отъ меня благодарность вмѣстѣ съ этимъ наскоро написаннымъ письмомъ. Сегодня долженъ кончить, далѣе же откладывать не хотѣлось.

Дай вамъ Богъ здоровья и всего хорошаго. Мой сердечный поклонъ всѣмъ друзьямъ.

42.

18 сентября 1844 г.

Вы не безъ основанія жалуетесь на рѣдкость и краткость моихъ писемъ. Это фактъ, отъ котораго я не отказываюсь. Впрочемъ теперь измѣнить этого къ лучшему я не въ состояніи. Мои быстро клонящіеся къ закату дни, мой неисцѣлимый недугъ, домашнія семейныя заботы и невзгоды—все это вызываетъ желаніе отдохнуть; а кромѣ того, у меня служебныхъ обязанностей прибываетъ, какъ разъ въ такомъ возрастѣ, когда другіе уже думаютъ объ облегченіи. Я теперь часто нахожусь въ такомъ состояніи духа и тѣла, что писать мнѣ трудно, тяжело; это вещь невозможная. Вы же будьте увѣрены, что, пока я живъ, я по мѣрѣ возможности и о вещахъ наиболѣе важныхъ писать вамъ не перестану.

Ваше пространное письмо отъ 13 Іюля читалъ я съ удовольствіемъ и благодарю за множество интересныхъ извѣстій. Продолжайте и впредь ваши извѣстія о русской литературѣ. Чтобы вамъ хоть чѣмъ нибудь отплатить, я вамъ пишу здѣсь по памяти о нашей литературѣ—по нѣмецки, чтобы могъ прочесть и Погодинъ (я ему писалъ два дня тому назадъ).

Теперь, имѣя передъ собой ваше письмо, предлагаю нѣсколько отвѣтовъ на вопросы, нѣсколько объясненій къ устраненію сомнѣній и недоразумѣній.

Книги, для пріятелей въ Загребѣ, Венгріи и Львовѣ назначенныя, я послалъ послѣ при подходящихъ случаяхъ, съ пріятелями. Теперь всѣ они будутъ уже тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Послать по почтѣ и чрезъ книгопродавцевъ я не могъ изъ за глупости нѣкоторыхъ цензоровъ въ Венгріи, враговъ славянства, которые, ничего не читая по русски, запрещаютъ все.

Въ Народописѣ я сдѣлалъ все, что могъ. Пусть другіе идутъ дальше, но съ осторожностью и доказательствами. До сихъ поръ ничего важнаго не читалъ. Не все, что кому на умъ взбредетъ, устоитъ предъ осторожнымъ судомъ критики. И въ языкознаніи, какъ всюду, многое—только догадки, somnia dilerantium. Все заключается въ методѣ, въ доказательствахъ, въ логикѣ.

Изо Львова ожидаемый для васъ Сборникъ червонорусскихъ пѣсенъ до сихъ поръ не полученъ. О вашемъ ящикѣ съ книгами въ Вѣнѣ я уже письменно и оффиціально началъ дѣло. Дѣло теперь въ правленіи. Но у насъ это идетъ медленно.

Касательно загребскаго нарѣчія разрѣшенія вопроса надо ждать отъ Мажуранича и др. Мы слишкомъ далеко. Пусть они намъ дадутъ его, но *обстоятельно*!

Жалѣю о томъ, что вы пишете о Востоковѣ; но я не думаю, чтобы было такъ скверно, а что здѣсь больше шуму только, какъ это всегда у людей бываетъ. *

Нѣкоторыя сочиненія Голаго, о которыхъ вы просите, я вамъ послалъ, Палацкаго 4й т. не вышелъ; своевременно вы его получите, хотя бы по почтѣ, если того пожелаете. Еще не знаю на практикѣ, принимаютъ-ли посылки съ книгами (по новой конвенціи: по старой не принимали).

Чай доставитъ Гавличекъ: сердечно васъ благодарю. Я подѣлился со Станкомъ и съ другими друзьями: Amicorum omnia.

(Овдовѣвшій Челаковскій собирается вторично жениться на Антоніи Рейсъ, сестрѣ жены Станька).

Книги, посланныя вами, какъ вы пишете, на Кронбергера и Рживнача, до сихъ поръ не получены. Письма ваши Штуру и Головацкому послалъ.

NB. Прошу васъ, добудьте мнѣ отъ Савельева вновь найденныя извѣстія по болгарской исторіи, интересныя для родословія болгарскихъ владѣтелей. Не забудьте объ этомъ. Возьмите письмо писанное мною два дня тому назадъ Погодину. Одно дополняетъ другое.

Поклонъ отъ всѣхъ пріятелей! Пишите поскорѣе.

Если можно, достаньте съ Погодинымъ мнѣ *Лукьяновича*, Исторію турецкой войны 1828—1929 гг. и Остромирово Евангеліе. Ни того, ни другаго у меня нѣтъ.

Литературныя новости.

(Для обоихъ пріятелей: Погодина и Бодянскаго). У Лужичанъ только что законченъ 4мъ вып. 2го тома важный трудъ: Л. Гаупта и И. Е. Смолера, Народныя пѣсни Вендовъ въ Верхнихъ и Нижнихъ Лужицахъ. (Grimma 1841—1844. 4°). Онъ образуетъ два тома in 4° и необходимъ для каждаго ученаго Славянина, желающаго изучать лужицкій языкъ и народную поэзію. Извѣстный приватъ-доцентъ Іор-

---

* Здѣсь разумѣется увольненіе Востокова отъ должностей въ Румянц. Музеѣ вслѣдствіе замѣченной утраты книгъ и рукописей. См. Переписка А. Востокова, 370—71, 474.

данъ въ Лейпцигѣ только что пустилъ объявленіе и отпечаталъ образчикъ лужицко-нѣмецкаго словаря. Очень почтенное своевременное предпріятіе.

Здѣсь, въ Чехіи, на средства музейскаго фонда (Matice česká) напечатано: 1) Výbor z liter. české, 1й томъ до 1404 года. 2) Марека Логика и метафизика. 3) Юнгманна Словесность и Введеніе въ чешскую стилистику. 4) Пресля Ботаника, большой трудъ въ двухъ большихъ томахъ. Малой Чешской Энциклопедіи вышелъ 4й томъ: Гина—Психологія. Палацкій недавно сдалъ въ печать 5й и послѣдній вып. своего Архива Чешскаго, равно какъ и 4й вып. своей Исторіи, обнимающій начало гусситства. Тыль издаетъ собраніе своихъ сочиненій (до сихъ поръ вышло 3 тетр.), кромѣ того вышелъ новый его романъ: Послѣдній Чехъ. Малый издаетъ Простонародную географію чешскую—для народа, очень легко читаемую. Воцель, редакторъ Музейника, печатаетъ руководство къ чешскимъ древностямъ (Археологію) по-нѣмецки и по-чешски (отдѣльно). Д-ръ Кодымъ издаетъ выпусками популярную физику для Народной библіотеки, содержащей преимущественно переводы нѣмецкихъ,народныхъ книгъ (Печирки), вышло уже нѣсколько тетрадей. Штульцъ издаетъ житія святыхъ: одинъ томъ готовъ. Буріана извѣстной чешской грамматики вышло 2ое изданіе. Также появилась масса мелочей. Франты Нѣмецко-Чешскій словарь все еще не конченъ—вышелъ 1й вып. 2го тома. Вообще въ подручныхъ и карманныхъ словаряхъ недостатокъ. Католическій священникъ и писатель Слама умеръ.

О литературѣ Словенцевъ въ Крайнѣ знаемъ мы здѣсь мало: вѣроятно, не явилось ничего значительнаго. Ихъ „Крестьянская газета“ въ Люблянѣ еще держится и, должно быть, имѣетъ много подписчиковъ.

У Словаковъ въ Венгріи вышло Zrcadlo Slowenska покойнаго Червеняка (Пештъ 1844. 8°), очень интересное историко-этнографическое сочиненіе. Затѣмъ: Нитра—альманахъ на 1844 года, уже съ новой ороографіей и языкомъ.

Въ Загребѣ, кромѣ Гундуличева Османа, который тотчасъ я послалъ, ничего значительнаго; но въ Бѣлградѣ вышла интересная маленькая брошюра: Шта намѣравају Илири? (т. е. что замышляютъ Иллиры?) У Біограду 1844. 16° (136 стр.). Авторъ мнѣ неизвѣстенъ. Въ Вѣнѣ: Славјанска антологија из рукописа дубровачких песника (Издао Orsat.-Pocić. У Бечу 1844. 8°). (Нѣсколько выпусковъ должно выйти. Въ Зарѣ (иллир. Задаръ) появился журналъ: Зора далматинска, редак. Кузманичъ; ее хвалятъ—ближе съ нею я не знакомъ.

У Сербовъ въ Венгріи умственное движеніе замѣчается слабое: газета „Скоротеча" въ Пештѣ выходитъ: она была (до сихъ поръ) жалка.

Съ другой стороны Богдановичъ, талантливый Сербъ, получилъ концессію на изданіе новаго сербскаго журнала въ Новомъ Садѣ. Videbimus! Вукъ въ Вѣнѣ печатаетъ вторую часть своихъ пѣсенъ; если бы онъ могъ вновь издать свой словарь и сербскую грамматику! Сербскій чиновникъ *Бугарски* въ Бѣлградѣ напечаталъ объявленіе объ изданіи карты Сербіи; будетъ она вырѣзаться въ Вѣнѣ. Въ Бѣлградѣ, между прочимъ, появился „Законик грађански за княжество Србско", у Београду 1844. 4° (159 стр.). Это—собранные ново-садскимъ сенаторомъ др. Іоанномъ Хаджичемъ, одобренные юристами и сенатомъ гражданскіе законы Сербіи; произведеніе, слѣдовательно, важное. Интересны, какъ относящіяся къ народной литературѣ: Народне српске приповједке, изд. А. Николић, у Београду 1814—1843. 8°, 2 вып. Исидоромъ Стојановичемъ, проф. Лицея, издана Преходница свеобште историје света. Беогр. 1844. 8°, гдѣ находится замѣчательное приложеніе: Карађорђева смрт (т. е. смерть Карагеоргія) стр. 119—140. Прочесть стоитъ.

Др. Миклошичъ въ Вѣнѣ, краинецъ, печатаетъ теперь, какъ слышно, Radices linguae slavicae, сравнительно съ санскритомъ. Т. о. и высшая филологія у насъ не совсѣмъ въ забросѣ. Цафъ въ Штиріи работаетъ надъ сравнительнымъ этимологическимъ словаремъ словинскаго нарѣчія, т. е. Вендскаго въ Крайнѣ, Каринтіи и Штиріи. О дѣятельности Поляковъ во Львовѣ я совсѣмъ умалчиваю, потому что не могу сказать ни о чемъ, стоющемъ чтенія. Печатана-ли процензурованная и разрѣшенная Карпато-малорусская грамматика Вагилевича, мнѣ неизвѣстно.

Вотъ много-ли, мало-ли, на этотъ разъ по памяти. Valete et favete!

43.

10 Ноября. 1844.

Бываютъ времена, когда писать хотъ что-нибудь лучше, нежели ничего. Въ такомъ положеніи я нахожусь теперь. Писать вамъ исправно и много не могу принудить свой измученный недугомъ духъ. Примите поэтому съ благодарностью немногое.

Извѣщаю васъ, что книги 19 окт. исправно получены. Благодарю васъ и остальныхъ друзей. Что было назначено другимъ, я разослалъ; только назначенное для Вагилевича еще здѣсь, но я извѣстилъ его письмомъ и жду, чтобы онъ указалъ путь, какъ ему отправить.

Многія книги меня порадовали. Повторяю вамъ свою сердечную благодарность. Но къ сожалѣнію у меня не хватаетъ: 1) Остромирова Евангелія—Востокова и 2) Лукьяновича—Описанія Турецкой войны 1828—29 гг. Спб. 1844. 2 т. Пишу объ этомъ и другу Погодину, и васъ также усиленно прошу: постарайтесь вмѣстѣ съ пріятелями добыть эти двѣ книги и чрезъ Дейбнера на Кронбергера или прямо по почтѣ выслать сюда (да хотя бы и съ кѣмъ нибудь изъ ѣдущихъ русскихъ, кто отправляется въ Берлинъ или сюда; изъ Берлина можно бы послать или черезъ книгопродавца, или по почтѣ сюда). Пріятели Елагинъ, Валуевъ, Пановъ и проч. сами напрашивались помочь по части книгъ. Я бы ихъ теперь попросилъ, чтобы они на дѣлѣ доказали свое энергично и пламенно обѣщанное расположеніе. Поговорите съ ними, сдѣлайте, что можно. Лучше, если получу книги въ двухъ экземплярахъ, нежели ни въ одномъ. Дублеты отдамъ въ Музей и въ иныя наши учрежденія. Его превосходительство графъ Уваровъ обѣщалъ мнѣ Остромирово евангеліе, но забылъ, а писать ему объ этомъ и напоминать неудобно. Какъ жаль, что теперь, когда я пишу старочешскую грамматику, не могу въ достаточной степени воспользоваться этимъ изданіемъ! Нашъ экземпляръ въ Музеѣ не полонъ, только половина (листы, оставленные на пути его превосх. графомъ Уваровымъ), и ходитъ изъ рукъ въ руки, изъ Праги въ Вѣну и туда-сюда.

Я пишу для Výbor'a liter. české *грамматику древняго чешскаго языка*. Около новаго 1845 года, вѣроятно, буду готовъ съ половиной, и печатаніе начнется.

Г. Валуевымъ посланныя книги получены Кронб.-Ржнвначемъ, въ числѣ ихъ есть и для меня. Благодарю и его и остальныхъ пославшихъ.

У насъ вышло:

Konečný. Ruční slovník českoněmecký (по Юнгманну), въ Вѣнѣ у Венедикта.

Vocel. Böhmische Archäologie (по нѣмецки), здѣсь, въ Прагѣ. Marek. Логика и Метафизика.

Сочиненія *Tyl'a*. Его же романъ: Poslední Čech (очень интересный).

Iordan. Poln. Grammatik. Lpz. 1844 (за ней послѣдуютъ и юго-славянскія; т. о. будетъ циклъ славянскихъ грамматикъ).

Объясненіе генеалогіи болгарской *Савельева* я читалъ въ Ж. М. № 6, т. е. іюнь. Мнѣ это было извѣстно уже изъ иныхъ источниковъ, греческихъ легендъ. Ничего больше не найдено?

Вы послали мнѣ нѣсколько листовъ каталога: I. Церковно-служебныя книги. Откуда—не нахожу и не знаю. Жаль, что не написали. Къ 1-й части (книги посольскія) Метрики литовской кн. Оболенскаго у меня нѣтъ ни заглавнаго листа, ни предисловія. Ее я получилъ уже въ прошломъ году.

Юнгманнъ вамъ кланяется и благодаритъ за Карамзина. Онъ уже въ отставкѣ съ полной пенсіей, въ общемъ здоровъ и очень дѣятеленъ. Мнѣ въ этомъ году не хорошо. Работы—выше силъ, а доходы—меньше нужды. Но я не жалуюсь, хотя не вполнѣ здоровъ.

Кланяйтесь всѣмъ друзьямъ. Вскорѣ, вѣроятно, побольше напишу. Дай Богъ вамъ здоровья.

Говорятъ, у васъ вышло какое-то прекрасное изслѣдованіе о Константинѣ и Меѳодіи или ихъ житіе? Вы мнѣ не прислали: это огорчаетъ меня. Помните обо мнѣ въ такихъ случаяхъ. Писалъ ли я вамъ, благодарилъ-ли за чай, посланный съ Гавличкомъ. Если нѣтъ, извѣщаю васъ о полученіи и благодарю; если да, то повторяю и то и другое.

Палацкаго 3-ій томъ не вышелъ еще — встрѣтились затрудненія и задержки. Онъ самъ съ женой и дѣтьми уѣхалъ на цѣлый годъ въ Италію.

Въ Смирнѣ, говорятъ, вышелъ по-болгарски Новый Завѣтъ, тамъ выходитъ также болгарскій журналъ. У Срезневскаго есть и тотъ и другой. Нельзя ли вамъ для меня достать одинъ экз. чрезъ книгопродавца и т. п.? Здѣсь нельзя.

44.

24 янв. 1845.

Оба ваши послѣднія письма получилъ я, какъ обыкновенно, своевременно, исправно; и хотя я сильно желалъ отвѣтить на нихъ подробнѣе, однако сдѣлать этого не могу теперь вслѣдствіе массы труда, службы, весьма неудовлетворительнаго состоянія здоровья за эту зиму, и въ особенности по причинѣ слабости зрѣнія, которая, если такъ будетъ продолжаться, грозитъ мнѣ скоро невозможностью читать и писать. Думаю все-таки, что лучше будетъ, если я хотя кратко нѣсколько словъ напишу вамъ, нежели если совсѣмъ писать не буду.

Что касается книгъ, вами посланныхъ Головацкому, то здѣсь ошибки никакой не произошло, да и произойти не могло: каждая книга вами собственноручно была помѣчена именемъ Головацкаго. Только въ томъ письмѣ, что я вамъ писалъ, по разсѣянности я спуталъ имя. Книги эти я послалъ Головацкому чрезъ Запа во Львовѣ.

Взялъ ихъ у меня, упаковалъ и отправилъ Шторхъ. Пусть т. о. Головацкій держится во Львовѣ въ дружбѣ съ Запомъ.

Что касается книгъ чешскихъ и югославянскихъ, то весной вы ихъ получите или всѣ, или во всякомъ случаѣ много. Кое-что я для Васъ собралъ, остальное добавятъ Кронбергеръ и Ржнвначъ, которымъ я отдалъ цѣлый списокъ книгъ для васъ нужныхъ.

Съ сербскими книгами будетъ нелегко: того, что напечатано въ Бѣлградѣ, достать нельзя, да и такъ мало доступно, будто въ Китаѣ; и то, что въ Венгріи, все такъ. . . . . (?) и мало извѣстно, какъ и прежде. Вообще положеніе нашего славянскаго книжнаго рынка не улучшилось ни на маковое зерно, сравнительно съ прежнимъ—развѣ здѣсь въ Чехіи по части чешскихъ здѣсь изданныхъ книгъ. При всемъ томъ въ Москвѣ недостатка въ книгахъ нѣтъ, да и не будетъ впослѣдствіи. Что есть важнѣйшаго, получите раньше и позднѣе. Но, какъ мнѣ кажется, черезъ-чуръ вы хлопочете объ умноженіи книгъ. Quousque tandem?! Я вполнѣ увѣренъ, что въ Москвѣ въ различныхъ библіотекахъ у васъ уже есть изрядный запасъ *инославянскихъ* книгъ, достаточный для вашихъ занятій, центръ которыхъ, какъ мнѣ кажется, прежде всего должны составлять русскій и старославянскій языки, остальные только—привѣски и пособія.

Что же касается языка русскаго, то я того мнѣнія, что уже столько издано и напечатано хорошихъ старыхъ памятниковъ, что по нимъ можно бы написать отличную старорусскую *грамматику*. Ждать, пока выйдетъ ихъ больше, значитъ differre (sub plausibili) praetextu ad Calendas graecas.—Другое дѣло словарь: этотъ на основаніи новыхъ изданій старыхъ писаній можетъ и долженъ постоянно расширяться и обогащаться. По моему представленію, старорусскую грамматику слѣдуетъ составлять *съ указаніемъ на отличія* отъ старослав. церковнаго языка, и для этого матеріала достаточно,—кромѣ того, въ случаѣ надобности рукописи въ Москвѣ и въ Петербургѣ подъ руками. Labor *vincit* omnia—но—labor improbus. Это и есть то, что рѣже бѣлой вороны.

Моя старочешская грамматика (т. е. начатки (elementa)), на этихъ дняхъ отправляется въ типографію. Получилъ её 13 Января. Старочешской христоматіи печатается 37-й листъ. Всего будетъ листовъ 50 въ первомъ томѣ. Палацкаго Исторія еще не вышла, но допечатывается. Въ Загребѣ Матица издала еще сочиніе—Д-ра Деметра драму „Теута". Получите её. Въ Вѣнѣ вышла новая карта сербской земли Бугарскаго; я её еще не видалъ. Въ Бѣлградѣ вышла Голубица Возаровича на 1845 г. Мой племянникъ Янко издаетъ сербскія мо-

неты. Рѣжетъ ихъ на камнѣ здѣсь у насъ Ширъ. Въ Загребѣ вышли: Славонске варошске пjесме. Жупапа 1844.—Остромирово Еванг., посланное, какъ вы пишете, Погодинымъ чрезъ Червоную Русь, еще не получено. Точно также и Реймсское Еванг., которое было послано его прев. гр. Уваровымъ изъ Петербурга г. Ганкѣ и мнѣ, еще не пришло, только одно письмо—безъ книгъ! Книги гдѣ нибудь на пути застряли. Съ Лукьяновичемъ торопиться нечего: пошлете его весной, когда откроется навигацiя.

Писалъ я вамъ, что въ Царѣградѣ есть болгарская типографiя? Не дурно бы вы сдѣлали, если бы завязяли какiя нибудь сношенiя съ Одессой и Цареградомъ по части болгарскихъ книгъ.

Въ Смирнѣ выходитъ болгарскiй журналъ. Въ Бѣлградѣ вышла „Исторiя на великый Александра Македонца. Изд. Христо П. Василiевъ Протопоповичъ, 1844. 8°, поболгарски.

Прiятелю Погодину я какъ то писалъ и хотѣлъ его утѣшить, хотя и самому мнѣ такъ скверно, что нужно утѣшенiе.

Кланяйтесь прiятелямъ и будьте здоровы.

Изъ Брода получилъ я болгарскiй Букварь Московскiй, нѣсколько экземпляровъ, высланныхъ, вѣроятно, Погодинымъ.

45.

24 Апр. 1845.

Хотя для болѣе обстоятельнаго письма нѣтъ ни матерiала, такъ какъ у насъ въ славянской и чешской литературѣ дѣло подвигается медленно, нѣтъ ни расположенiя духа и силъ, ибо благодаря продолжительному холоду я полуживъ-полумертвъ и къ томуже утомленъ различными заботами и хлопотами,—всетаки рѣшилъ я написать вамъ нѣсколько словъ, главнымъ образомъ потому, что теперь, на праздникахъ, у меня болѣе свободнаго времени, нежели когда либо въ иное время. Богъ знаетъ, когда я буду въ состоянiи вамъ писать!

Исторiи чешской Палацкаго вышелъ еще выпускъ, четвертый. Поручилъ я Кронбергеру-Рживначу послать его вамъ по почтѣ; если онъ не сдѣлалъ этого, посмотрю самъ послѣ праздниковъ и пошлю вамъ немедленно. Какъ слышно, теперь посылки съ книгами принимаютъ на почту, т. е. въ Россiю, чего до сихъ поръ, даже по заключенiи соглашенiя, или конвенцiи, не знаю почему, не было.

Миклошича Radices linguae slavicae cum lingua sanscrita comparatae вышли въ Лейпцигѣ (1845, Weidmann); вамъ ихъ Кронбергеръ не посылаетъ потому, что, говоритъ, они уже есть у Дейбнера изъ Лейпцига.

Другія собранныя для васъ книги пошлетъ Кронбергеръ, какъ обыкновенно, гдѣ будетъ кое-что и отъ меня. Моей старочешской грамматики печатается 4-й листъ. Собственно, будетъ это введеніе къ Wýbor'y staročeské literatury, издаваемому нашей музейской коммиссіей на средства Матицы; но я прикажу приготовить и отдѣльные оттиски.

Отъ Вука ожидаемъ новаго тома сербскихъ пѣсенъ—онъ готовъ, отпечатанъ. Сербская карта Бугарскаго вышла въ Вѣнѣ. Г. Ганка издаетъ новымъ кирилловскимъ шрифтомъ Реймсское евангеліе съ параллельнымъ текстомъ Остромирова евангелія, со введеніемъ, грамматикой и т. д. Видите, онъ даже васъ не испугался! Что же меня касается, то я, право, не знаю, писалъ его или нѣтъ св. Прокопъ, и кому это можетъ быть извѣстно точно, хоть бы имя святого тамъ и было написано; но то, что оно старо, и весьма старо, въ этомъ я вполнѣ убѣжденъ. Это особенный классъ рукописей, которыя мѣрить мѣркой русскихъ и болгарскихъ нельзя.

О мѣстѣ Винеты я написалъ отдѣльное изслѣдованіе, насколько съумѣлъ и смогъ, вы его найдете въ нашемъ музейномъ Часописѣ. Еще кое какія библіографическія изслѣдованія мои выйдутъ въ Rozbor'ѣ staročeské literatury, во 2-мъ выпускѣ. Все въ свое время получите. Штуръ въ Пресбургѣ получилъ уже разрѣшеніе на изданіе Novin slovenských и Orla Tatranského. Издавать начнетъ съ 1-го Іюля. Прежде же, какъ онъ мнѣ писалъ, пріѣдетъ сюда, въ Прагу.

У Хорватовъ въ Загребѣ основана будетъ каѳедра хорватско-славянскаго языка, какъ объявлено въ газетахъ, уже въ Маѣ этого года. Конкурсъ на профессуру съ 800 гульд. жалованья уже назначенъ.

Запъ поступитъ изъ Львова сюда въ Прагу чиновникомъ. Надѣемся, что онъ будетъ заниматься чешской литературой, въ особенности чешской географіей.

Челаковскій теперь, на пасхѣ, находится здѣсь. Онъ женится на Антоніи Рейсъ, знакомой вамъ сестрѣ Сганка. При такихъ обстоятельствахъ я съ нимъ много говорить о литературѣ до сихъ поръ не могъ.

Графъ Іосифъ-Матвѣй Тунъ (не графъ Левъ Тунъ, вамъ извѣстный) издалъ только что сочиненьице: Der Slavismus in Böhmen, которое имѣетъ цѣлью выяснить наше положеніе и можетъ много помочь соглашенію. Выйдетъ оно и по чешски. Прилагаю его здѣсь вамъ въ качествѣ новинки; будьте любезны по прочтеніи сообщить его и Погодину. Также точно, прошу васъ, поступите съ прилагаемымъ здѣсь письмомъ. Вѣроятно, найдете случай переслать его ему не медля: я, вѣдь, знаю, что вы живете далеко другъ отъ друга.

По части книгъ я уже вамъ и пріятелю Погодину писалъ, именно, чтобы вы собирали для меня только то, что есть важнѣйшаго по исторіи литературы и древностямъ. Время себя ограничить. Нуждъ со всѣхъ сторонъ безъ конца.

Пріятеля Погодина я уже просилъ списать Житіе св. Меѳодія. Если у него на это не хватитъ времени, позаботьтесь, пожалуйста, вы о переписчикѣ и прикажите списать. Помните только одно: bis dat, qui cito dat. (Житіе Меѳодія, о которомъ идетъ рѣчь въ Москвитянинѣ 1843 г. № 6, стр. 405., а не Кирилла: это у меня уже есть).

Лишь только немного поправлюсь послѣ зимы, опять буду вамъ писать и, что можно по части книгъ, добуду.

Дай вамъ, Богъ, здоровья. Поклонъ друзьямъ.

46.

22 Авг. 1845.

1-го Августа постигла меня довольно тяжкая болѣзнь—тифъ, который продолжался до 14 числа и потомъ только прекратился, и стало легче. Теперь понемногу оправляюсь. Но я еще такъ слабъ, что это письмо долженъ диктовать своему старшему сыну, даже не могу собственноручно его подписать. Благодарю Господа, что сохранилъ онъ меня для семьи, друзей, а также для другихъ, кому еще могу быть полезенъ.

Позавчера послалъ я по почтѣ письмецо Погодину. Сегодня прилагаю добавленіе для него. Пожалуйста, положите въ кувертъ, надпишите адресъ и немедля отошлите ему.

О вашихъ книгахъ ведетъ дѣло Миклошичъ съ чиновниками въ Вѣнѣ. Теперь, будучи боленъ, онъ уѣхалъ куда-то на мѣсяцъ. По его возвращеніи снова будемъ энергично дѣйствовать. Въ этомъ году должны мы съ этимъ какъ-нибудь покончить.

Напишите мнѣ, получили-ли вы уже посланныя книги? Были онѣ адресованы на Погодина и шли чрезъ Кронбергера на Дейбнера.

Прошу васъ, пошлите мнѣ исторію войны съ Турками Лукьяновича. Если можно, одолжите мнѣ также карту Болгаріи, вышедшую въ Страсбургѣ. Я во-время вамъ ее пришлю назадъ.

Здѣсь у насъ находится теперь Станко Вразъ изъ Штиріи. Въ Хорватіи политическо-народная рознь и разъединеніе по прежнему продолжаются. При такихъ обстоятельствахъ въ литературѣ мало или почти ничего не дѣлается. Станко Вразъ печатаетъ здѣсь въ Прагѣ собраніе своихъ новыхъ мелкихъ стихотвореній. Изъ Сербіи не имѣю никакихъ вѣстей. У южныхъ славянъ литература подвигается впередъ

очень медленно и сонливо. У Словаковъ Штуръ началъ издавать газету по словацки. Коларъ и протестантское духовенство этимъ очень недовольны. И мнѣ это нововведеніе кажется несвоевременнымъ и непрактичнымъ; боюсь, что Штуръ сильно себѣ повредитъ и другимъ ни въ чемъ, ровно ни въ чемъ не поможетъ.

Лишь только пошлете мнѣ собранныя книги, извѣстите меня по почтѣ, чтобы мнѣ знать, когда и откуда мнѣ ихъ ждать. Мнѣ очень хотѣлось бы знать, чѣмъ по литературѣ занимаетесь вы, Прейсъ и Срезневскій. Отъ васъ, профессоровъ, съ этой цѣлью командированныхъ и назначенныхъ, мы ожидаемъ многаго. О, если бы вы составили и издали для насъ хотя бы *необходимѣйшія учебныя книги* славянскаго языка и его литературы по главнымъ нарѣчіямъ!

Если Богъ дастъ мнѣ жизни и полнаго здравія, постараюсь окончить наступающей осенью и зимой кое-какія уже давно начатыя изслѣдованія, именно о Кириллѣ и Меѳодіи, о языкѣ и литературѣ болгарской и т. д. Также съ удовольствіемъ поскорѣе я привелъ бы въ порядокъ и закончилъ бы свое собраніе старосербскихъ памятниковъ, которое желаютъ издать въ Бѣлградѣ въ Сербіи. Работы было бы достаточно, будь только здоровье и время.

Коларъ только что выпустилъ новое изданіе своихъ стихотвореній въ Пештѣ въ одномъ томѣ. Въ немъ помѣщены Sláwy dcera, одинъ текстъ, безъ объясненій, и различныя мелкія стихотворенія. Здѣсь въ Прагѣ Запъ печатаетъ систематическую всеобщую географію. Запъ переѣхалъ изо Львова въ Прагу въ качествѣ чиновника. Томекъ печатаетъ краткую исторію австрійскаго государства. Оба сочиненія войдутъ въ Малую энциклопедію наукъ. Пресль печатаетъ ботанику, весьма обширный трудъ, будетъ 3 большихъ тома. Мораль Клацеля и всеобщая исторія Сметаны—въ цензурѣ. Юнгманнъ готовитъ новое изданіе Исторіи литературы. Вышло нѣсколько неважныхъ беллетристическихъ книжонокъ.

Будетъ строиться чешскій театръ.

Отъ души желаю полнаго здоровья. Пишите мнѣ поскорѣе. Съ Богомъ! Гавличку, касательно должныхъ имъ вамъ денегъ, на которыя онъ долженъ купить Юнгманновъ Slovník, придется вамъ самому написать. Онъ живетъ теперь въ Прагѣ.

47.

20 іюля 1845.

Письмо ваше отъ 2 мая с. г. с. с. дошло до меня исправно и немало меня порадовало обиліемъ и разнообразіемъ извѣстій. Хотѣлъ было хотя на половину отплатить вамъ подробнымъ отвѣтомъ, но силъ

и вѣры въ жизнь, трудъ и заботы все больше убываетъ, нежели прибываетъ; поэтому вотъ кое-какіе отрывки вмѣсто порядочнаго отвѣта, чтобы вы хоть знали, что я живъ.

Книги, для васъ собранныя, послалъ я въ первыхъ числахъ минувшаго мѣсяца (іюня) чрезъ Кронбергера на Дейбнера, но на имя Погодина. Вѣроятно, онѣ уже у васъ. Для Погодина тамъ немного, кажется, пять-шесть книгъ: остальное все вамъ; поэтому прошу васъ уплатить Погодину за перевозку и за пошлины. До Лейпцига я уплатилъ. По почтѣ не посылалъ ничего. Списокъ книгъ приложенъ къ нимъ же.

Относительно чемодана изъ Хорватіи писалъ опять въ Вѣну Миклошичу. Ожидаю отвѣта и скоро извѣщу васъ о результатахъ. Болгарской карты, изданной Хаджи-Русетомъ въ Страсбургѣ, до сихъ поръ еще не видалъ. Охотно бы я ее пріобрѣлъ, да не знаю, какъ ее достать. Можетъ быть, вы посовѣтовали бы мнѣ, какъ и гдѣ я могъ бы ее раздобыть? Не могли ли бы вы ссудить меня своимъ экземпляромъ на краткое время?

Вукъ живетъ теперь въ Сербіи, какъ я слышалъ. Относительно печатанія Словаря ничего не знаю. Второй томъ пѣсенъ вышелъ, и я послалъ его вамъ.

Мое изслѣдованіе о Винетѣ, въ Музейникѣ 1845 вып. 1, писано самостоятельно, безъ отношенія къ чужимъ домысламъ и догадкамъ. Я написалъ объ этомъ предметѣ то и столько, *что и сколько* нашелъ въ старѣйшихъ источникахъ. Надѣюсь, что оно уже есть у васъ въ Москвѣ.

О Сваргогѣ, Сварожичѣ (ранѣе ошибочно—Luarosici) *) помѣщено мною въ Музейникѣ 1844 г. въ вып. IV. Жаль, что вы обращаете столько вниманія на такія мелочи и этимъ отвлекаете себя отъ окончанія своихъ работъ. Пытливости никогда нѣтъ предѣла, каждый день выноситъ на свѣтъ новыя истины. Совершенство только у Бога. Мои Древности и такъ, какъ онѣ есть, могутъ принести пользу тому, кто захочетъ ими пользоваться. Ихъ цѣнность — въ цѣломъ и въ методѣ изслѣдованія, а ничуть не въ отдѣльныхъ фразахъ и утвержденіяхъ, которыя со временемъ могутъ стать ошибочными, какъ и человѣческое знаніе, въ силу своей природы.

*) Вмѣсто Suarasici, какъ напечатано на стр. 69, должно быть Luarasici, какъ и стоитъ въ рукописи. Такое правописаніе объясняется ошибкой издателя хроники Дитмара Вагнера, который вмѣсто Zuarasici прочелъ Luarasici, Šaf. Sebrané spisy, стр. 110.

Остромирово еванг. отъ Погодина получилъ я ужъ давно.

Бѣлевскаго сочиненіе по старопольской исторіи до сихъ поръ не вышло, и неизвѣстно, выйдетъ ли. Говорятъ, онъ только пишетъ его.

Головацкій до сихъ поръ ничего не прислалъ. Вагилевича Грамматика не выходила еще. О смерти Лелевеля и объ удаленія съ каѳедры Мицкевича здѣсь у насъ ничего не извѣстно.

Профессора въ Загребѣ еще не назначено, также о дозволеніи имени Илиръ здѣсь ничего не знаемъ. Профессуры домогаются Мажураничъ, Вразъ, Бабукичъ и многіе другіе.

Гавличекъ живетъ здѣсь въ Прагѣ, но вижу его рѣдко. Касательно денегъ надобно будетъ вамъ написать ему нѣсколько словъ и вложить въ письмо ко мнѣ. Я передамъ ему.

Штуръ объявилъ объ изданіи Novin и приложенія къ нимъ— Orel. Будетъ издавать ихъ по-словацки. Какъ это выйдетъ, покажетъ время. Издавать пачнетъ съ 1-го августа.

Послѣ того, какъ послалъ я вамъ книги, вышла Slovesnost Юнгманна. Печатаются: Запа географія и Томка Děje mocnářství Rakouského (для Малой энциклопедіи).

Книги, для меня собранныя, посылайте на Гамбургъ черезъ купца Кордеса (адресъ есть у Погодина), отнюдь не чрезъ книготорговца. Причина — неохотность и неуслужливость книгопродавцевъ здѣшнихъ и вашихъ. Книги посылайте только наинужнѣйшія для моей науки: стоитъ это много для васъ и остальныхъ друзей. А кромѣ того время мое отходитъ и съ пристани раздается: Contrahe vela.

Матица иллирская печатаетъ *мелкія* стихотворенія Гундулича. Въ остальномъ у Иллировъ все въ литературѣ тихо и мертво; тамъ отъ ребенка до старца все занимается только политикой, бранится, споритъ. О сербской литературѣ здѣсь ничего неизвѣстно, какъ будто бы ея и на свѣтѣ не было.

Мои работы затягиваются. Жена все болѣетъ. Заботы съ дѣтьми растутъ. Виды на будущее все хуже и хуже.

Да сохранитъ васъ Богъ и да благословитъ труды ваши. Поклонъ пріятелямъ. Будьте здоровы.

Ганка печатаетъ 7-й листъ Реймсскаго евангелія.

48.

30 ноября 1845.

На ваше письмо отъ 25 сент. этого года только теперь отвѣчаю, да и то опять коротко. За болѣе обстоятельное письмо взяться не могу частью по причинѣ массы работы, частью изъ за частаго нездоровья. Послѣдствія моей болѣзни еще не совсѣмъ прошли.

Прежде всего о посылкѣ книгъ. Ваша посылка до сихъ поръ до меня не дошла, и не знаю, гдѣ она застряла. У васъ ли уже моя посылка, сомнѣваюсь и безпокоюсь. Упрекаете вы меня, что я адресовалъ на Погодина; иначе поступить я не могъ. Причина была слѣдующая. Когда я съ этой посылкой пришелъ къ Кронбергу, показалъ мнѣ Кронбергъ (по секрету) письмо отъ Дейбнера, въ которомъ этотъ ему строго запрещалъ принимать отъ кого бы то ни было на будущее время въ Москву посылки, потому что, говоритъ, эти господа Русскіе, которымъ книги посылаются, не платятъ, что, говоритъ, эти траты превышаютъ ихъ денежныя средства, что онъ, дескать, уже долженъ былъ понести большіе убытки съ подобными посылками, много истратить денегъ и т. д. и т. д.

Не зная, какъ поступить, и чтобы не остаться опозореннымъ и не возвращаться домой съ этой посылкой, просилъ я его, чтобы онъ принялъ ее на имя Погодина, увѣрилъ его, что я самъ позабочусь о томъ, чтобы этотъ богатый господинъ уже *напередъ* уплатилъ или обезпечилъ Дейбнеру деньги за провозъ и пошлины. Т. о. онъ, хоть неохотно, въ концѣ концовъ согласился, и я тотчасъ написалъ Погодину, чтобы онъ устроилъ это дѣло съ Дейбнеромъ. Видите, я совсѣмъ не виноватъ: виноватъ вашъ Дейбнеръ, какъ алчный и ненасытный книжный разбойникъ (knihoder), и, вѣроятно, и вы тѣмъ, что, проѣхавъ полъ-Европы, людей не знаете и свѣта. Теперь прошу васъ, чтобы ни вы, ни кто другой, кого это касается (чего я здѣсь не знаю), не связывались съ Дейбнеромъ по этому дѣлу: сдѣлаете только хуже, испортите то, что еще поправить можно, и надѣлаете и мнѣ здѣсь у Кронбергера (который мнѣ по секрету далъ и показалъ это письмо) непріятностей. Лучшее средство—это положить въ мѣшокъ этому алчному Нѣмцу нѣсколько сотъ платиновыхъ рублей, чтобы надолго дать работу его охочему до денегъ желудку.

Просилъ бы я объ этомъ и затѣмъ, чтобы мы могли сохранить себѣ открытымъ этотъ удобный путь для посылокъ; иначе, по правдѣ говоря, я не знаю, какъ мнѣ вамъ отсюда посылать книги? На Погодина вамъ не слѣдовало такъ жаловаться изъ за этихъ книгъ (онъ же въ претензіи на васъ): онъ въ этомъ не виноватъ, и по полученіи вамъ ихъ отдалъ бы, такъ какъ на книгахъ, ему предназначаемыхъ, всюду написано его имя, и гдѣ имени нѣтъ, все это принадлежитъ вамъ.

Получена ли уже та посылка въ Москвѣ? Напишите, пожалуйста, поскорѣе: я нѣсколько обезпокоенъ.

Относительно вашего чемодана въ Вѣнѣ получилъ я отъ г. Н. таможеннаго чиновника, очень неутѣшительный отвѣтъ. Вотъ онъ: „Назначенныя въ Москву книги вслѣдствіе болѣе года не взнесенныхъ пошлинъ за полежалое проданы, теперь же, за исключеніемъ книгъ, сочтенныхъ за хламъ; опять куплены назадъ. Господинъ Бодянскій цѣликомъ виноватъ самъ, *такъ какъ онъ не желаетъ отослать назадъ полученный имъ ящикъ*. Лишь только онъ это исполнитъ, немедленно будутъ и ему посланы книги, не попавшія въ хламъ". Что это за „хламъ", объяснитъ, вѣроятно, вамъ г. Дейбнеръ. Скверное дѣло. Я не знаю, откуда они дознались, что вы этотъ ящикъ не желаете отослать назадъ? Не писали ли въ таможню или кому либо въ Вѣнѣ? Мнѣ столько времени ни устно, ни письменно никто не сообщалъ, чтобы этотъ ящикъ вы немедленно послали въ Вѣну: на распросы моего книготорговца въ Вѣнѣ ему всегда говорилось: „о дѣлѣ ведутся въ таможнѣ „переговоры" (Verhandlung), или: „дѣло близится къ разрѣшенію". Что же вамъ теперь дѣлать? Если желаете, пошлите находящійся у васъ ящикъ на собственный счетъ въ Вѣну, съ надписью: An das K. k. Hauptzollamt in Wien, и получите свои книги, м. б. большую часть, м. б. и всѣ; если же уплатите полежалое, т. о. выручите тѣ книги, которые задержаны, какъ „хламъ". Иначе здѣсь ничего не подѣлаешь, ибо дѣло канцелярскимъ путемъ уже кончено: factum infectum fieri nequit. Если начнете дѣло иначе, то ни вы, ни я не доживемъ до конца—у насъ, какъ и всюду, дѣла идутъ такимъ образомъ.

Прилагаю при семъ отъ Гавличка отвѣтъ, которымъ едва ли будете довольны. Если желаете ему писать, прошу васъ, пишите прямо ему, по адресу: An. K. Hawlíček, Redakteur der Böhmischen Zeitung in Prag. Онъ также будетъ вести редакцію съ новаго года чешской газеты здѣсь у Medaua, перешедшей отъ Газовъ. Гавличекъ здѣсь начинаетъ дѣятельность писателя, критика нѣсколько странно, и не знаю, достаточно ли осмотрительно. Я бы не желалъ, чтобы онъ меня впутывалъ въ это дѣло и меня избиралъ судьею: у меня и своихъ хлопотъ безъ того много.

Что съ Головацкимъ и гдѣ онъ, я ничего не знаю. Если получатся книги, отдамъ то, что для него, здѣсь Запу, въ честности и порядочности котораго я вполнѣ убѣжденъ. Прежнія книги я также ему отдалъ. Онъ говорилъ мнѣ, что онъ посылаетъ ихъ только при случаѣ, такъ какъ иначе нельзя, такъ какъ иначе они застряли бы во Львовѣ и не дошли бы до него.

За литературныя извѣстія благодарю. Пожалуйста, не премините писать мнѣ о вновь вышедшихъ книгахъ и въ будущемъ.—Валуевъ мнѣ до сихъ поръ не выслалъ Лукьяновича: очень сожалѣю, что эта книга не была положена въ лѣтнюю посылку: я бы ее уже получилъ. Но—quod differtur, non aufertur.

Исторію Палацкаго и другія книги послалъ я вамъ посылкой,—нѣтъ надобности посылать по почтѣ. Другихъ литературныхъ новостей у насъ мало, по крайней мѣрѣ мало для насъ интереснаго. Чешскій Архивъ будетъ продолжаться. Вышла краткая исторія австрійскаго государства Томка, новый томъ Малой энциклопедіи наукъ. Въ Лейпцигѣ вышло нѣсколько чешскихъ книгъ. Стихотворенія Коллара—только текстъ, безъ объясненія, и все старое, извѣстное. Въ Вѣнѣ вышла „Vila Ostrožinska“ (иллирскія стихотворенія). Объявлено Матицей въ Загребѣ изданіе маленькаго карманнаго иллирско-нѣмецко-итальянскаго словаря. Но объ этомъ въ другое время; что будетъ лучшаго, буду собирать для васъ.

Поклонъ друзьямъ и пріятелямъ, будьте здоровы и счастливы.

49.

26 Дек. 1845.

Извѣщаю васъ, что отъ Головацкаго для васъ получена посылка съ малорусскими пѣснями и лежитъ она здѣсь у Запа. Вѣсу въ ней около 4хъ или 5 фунтовъ. Извѣстите насъ, какимъ путемъ вамъ ее послать, по почтѣ ли, прибавивши нѣсколько небольшихъ книжекъ и надпись—„печатное“ (Druck) или чрезъ книгопродавцевъ, и какихъ?—Книги, вами мнѣ посланныя, еще не получены, и боюсь, не застряли ли онѣ гдѣ нибудь? Получили ля вы мою посылку, отправленную въ Іюнѣ и адресованную на Погодина? Напишите мнѣ объ этомъ, хотя бы коротенько, переговоривши предварительно съ Дейбнеромъ. Какимъ путемъ посылать вамъ книги въ будущее время? Недавно вышли: Grammat. języka maloruskiego w Galicii, przez Jana Wagilewicza. Lwów 1845. 8°, XXIII+181 стр. Сочиненіе—довольно хорошее, но страшно скверно и неисправно напечатанное. Затѣмъ: Vila Ostrožinska. Piesmotwocr i uvod za krasoslovje. Od Og. Utiešenowić Ostrožinskoga. U Beču 1845. 16°, 176+54 стр. Прекрасное собраніе стихотвореній съ изслѣдованіемъ о красотѣ рѣчи и особенно о стихотворствѣ. У насъ на новый годъ ожидается много измѣненій въ литературѣ. Гавличекъ будетъ издавать Nowiny и Wčelu, Malý—Kwěty, Запъ—журналъ Pautnik, хотя на этотъ послѣдній еще нѣтъ у него разрѣшенія.

Я въ теченіе этой зимы, насколько хватаетъ времени и силъ, занятъ довольно большой филологической работой, о которой сообщу вамъ подробнѣе, когда она созрѣетъ. Надѣюсь что въ теченіе этого года въ Актахъ здѣшняго Ученаго Общества, а также и отдѣльно, она выйдетъ въ свѣтъ. Я ощущалъ потребность пересмотрѣть вновь основанія нашего языкознанія, положенныя Добровскимъ и принятыя остальными. И пришелъ я къ убѣжденію, что, не добравшись до твердыхъ и глубокихъ устоевъ, нельзя мнѣ съ мѣста двинуться, не говоря уже о такихъ областяхъ науки, какъ славянскія древности (2й отдѣлъ, болѣе трудный, нежели первый), которыми нельзя съ успѣхомъ заниматься.

Ганкино Реймсское ев. вышло въ свѣтъ, и надѣюсь, что вы его скоро уже получите: я слышалъ, что онъ послалъ въ Россію цѣлые тюки этой книги. Увѣренъ я, что вамъ оно понравится.

До меня доходятъ печальные слухи о смерти Валуева. Сожалѣю объ утратѣ, столь тяжелой и нежданной, молодаго человѣка, подававшаго надежды.

Д-ръ Станекъ въ Бѣлградъ не поѣхалъ, но остался здѣсь въ Прагѣ.

Сегодня долженъ остановиться и кончить письмо. Будьте здоровы, кланяйтесь пріятелямъ отъ меня, не забывайте вашего преданнаго П. І. Шафарика.

Если кто поѣдетъ сюда въ Чехію изъ Москвы, пожалуйста, по шлите мнѣ полъ-фунта *чаю*, не болѣе, чтобы не стѣснять.

Въ книги, собираемыя для меня на 1846 г., положите двѣ: Карманный словарь иностр. словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, изд. Н. Кирилловымъ. Спб. 1845 г., и Букварь этимологическій русскій, составл. Як. Гердомъ. Спб. 1843 г.

Мы собираемся составить подобныя книжки по чешскому яз. и охотно посмотрѣли бы эти ваши. Не забудьте!

50.

8 Фев. 1846.

Посылка съ книгами, нетерпѣливо ожидаемая, пришла ко мнѣ въ послѣдній день (31 Дек.) прошедшаго 1845 года. Вскорѣ затѣмъ получилъ я и ваше письмо отъ 10 Дек. 1845 г. Сердечно благодарю васъ и остальныхъ друзей за посланныя книги. Что кому изъ здѣшнихъ слѣдовало, роздалъ; что слѣдовало кому изъ не здѣшнихъ, то отчасти самъ послалъ, отчасти отдалъ ихъ здѣшнимъ пріятелямъ для пересылки. Надѣюсь, что всякій свое получитъ. Головацкаго книги опять отдалъ Запу и усердно его просилъ постараться объ аккуратной ихъ отправкѣ.

Надѣюсь, что и моя посылка, отправленная еще въ іюнѣ 1845 г., уже у васъ. Извѣстите меня объ этомъ, прошу васъ. Я уже васъ спрашивалъ, продолжать ли мнѣ и слѣдующія посылки отправлять вамъ чрезъ Кронбергера и Ржливнача? Лишь только получу вашъ отвѣтъ, тотчасъ пошлю вамъ *рукописное собраніе малорусскихъ пѣсенъ Головацкаго*, для васъ собранное и находящееся здѣсь у Запа вмѣстѣ съ кое-какими книгами.

Изъ посланныхъ книгъ не одна мнѣ доставила великое удовольствіе. До сихъ поръ былъ занятъ чтеніемъ ихъ. Въ особенности важно то, что издаетъ ваше московское ученое Общество. Также и книжку Каткова прочелъ съ удовольствіемъ. При случаѣ передайте всѣмъ пославшимъ мое сердечное спасибо за эти прекрасные подарки.

Нежданной и преждевременной кончиной энергичнаго, дѣятельнаго Валуева отъ полноты души огорчены всѣ мы, кто его зналъ. Утрата эта для литературы ощутительна.—Посылать по почтѣ сочиненіе Лукьяновича о русско-турецкой войнѣ не нужно: сберегите его до весенняго или лѣтняго времени и пошлите съ остальными книгами обычнымъ книготорговческимъ путемъ черезъ Лейпцигъ или на Кордеса чрезъ Гамбургъ, п. ч., если Дейбнеръ откажется отъ дальнѣйшаго посыланія и посредничества, мы должны будемъ вернуться на старый путь чрезъ Кордеса въ Гамбургѣ. Но, еще увидимъ.

По части литературы нашей написать могу вамъ новаго мало. Большая часть дѣятельности нашихъ писателей сосредоточивается теперь въ Матицѣ чешской и въ Обществѣ. Доходы Матицы сильно увеличиваются, такъ что съ каждымъ годомъ издаваться книгъ будетъ все больше и больше. Часописъ Музея выходитъ въ нынѣшнемъ году каждые два мѣсяца; въ 1847 г. будетъ каждый мѣсяцъ выходить выпускъ. Въ редакціи журналовъ Kwěty и Wčela измѣненія: первый ведетъ Малый, второй Гавличекъ; оба улучшаются. При всемъ томъ наша литература плоха, остается и останется безъ сомнѣнія еще долго плохой: число писателей, хорошихъ писателей, еще мало, силы ихъ слабы.—Какъ то тутъ былъ основанъ и открытъ здѣсь мѣстный клубъ (чешскій) (ressource); о закладкѣ чешскаго театра дѣло идетъ, но безъ сомнѣнія, по недостатку средствъ, еще долго будетъ тянуться.

О юго-славянахъ мало интересныхъ свѣдѣній. Слышалъ, что Григоровичъ въ Вѣнѣ. Въ Турціи, говорятъ, собралъ онъ много стараго, важнаго. Въ Бѣлградѣ объявлено было Возаровичемъ объ изданіи сочиненій Д. Давидовича. Zora Dalmatinska выходитъ уже съ новымъ правописаніемъ.—Штуровы нововведенія и путаница причиняютъ всѣмъ благоразумнымъ людямъ большое огорченіе.

Я въ свободное время этой зимой занятъ приготовленіемъ сравнительно большаго и обширнаго сочиненія по словянскому языкознанію. Если закончу, выйдетъ оно на средства Матицы либо Ученаго Общества.

Здоровье не вполнѣ удовлетворительно. У насъ зима сырая, нездоровая. Простите: сегодня долженъ на этомъ остановиться и прервать письмо. Поклонъ всѣмъ пріятелямъ! Будьте здоровы и счастливы!

Dr. Станекъ не принялъ приглашенія въ Бѣлградъ и остался здѣсь. Въ Бѣлградъ поѣхалъ дръ Отто изъ Оломуца.

51.

11 Іюня 1846.

Очень поздно, да къ тому же недостаточно подробно отвѣчаю на ваше дорогое письмо отъ 8 апр. Искренно благодарю васъ за различличныя литературныя извѣстія. Пожалуйста, продолжайте такъ и далѣе, только немного разборчивѣе и удобочитаемѣе пишите. Мои глаза слабѣютъ: а ваше *русское* письмо, что день, то все больше и больше начинаетъ походить на нѣмецкій курсивъ. (латинскимъ письмомъ вы пишите гораздо разборчивѣе и удобочитаемѣе).

Очень меня радуетъ, что ваша литература такъ энергично и дѣятельно подвигается впередъ. Нестора здѣсь еще нѣтъ у насъ, нѣтъ и Актовъ западной Россіи. Весьма важно то, что подготовляете вы и московское ученое Общество. Ахъ, если бы вы издали намъ всего Іоанна Экзарха и все еписк. Климента!

У насъ дѣло подвигается лишь полегоньку: силы слабы. Матица растетъ и крѣпнетъ. Палацкій сдалъ въ цензуру 1й вып. чешской исторіи (*по-чешски*). Юнгманнъ начинаетъ печатать второе изданіе своей Исторіи чешской литературы. Много иныхъ хорошихъ сочиненій печатается теперь въ Матицѣ: Ботаника Пресля (3 тома), Всеобщая исторія Сметаны (3 т.) Географія Запа (2 т.) и т. д., и т. д. Штурова „схизма“ приноситъ вредъ: наши и Словаки издали здѣсь острую брошюру противъ этого вреднаго нововведенія, полную громовъ и молній: Hlasowé o potřebě jednoty spísowného jazyka и т. д. Что выходитъ на югѣ, узнаете изъ прилагаемаго здѣсь печатнаго листка. Болгарскаго журнала „Орелъ“ не видалъ еще. Гай это время здѣсь въ Прагѣ. Вукъ издалъ 3й томъ своихъ пѣсенъ и уѣхалъ съ ними въ Сербію. Будетъ еще 4й. Смолеръ перевелъ на лужицкій Челаковскаго Ohlas písní ruských, и онъ печатается здѣсь. Эту книгу и другія подобныя вещи въ свое время получите.

Какъ разъ въ то время, когда я писалъ это письмо, я получилъ посылку изъ Петербурга съ книгами: 1) Несторъ, 2) Дополненія къ Актамъ историческимъ, т. I., 3) Акты западной Россіи, т. I. Спасибо за это все князю Ширинскому-Шихматову.

Послѣдніе мѣсяцы я много возился съ славянскимъ языкознаніемъ. Мы за послѣдніе 30 лѣтъ остались позади Нѣмцевъ, Французовъ и Англичанъ. Время двинуться впередъ. Знаменитое имя Добровскаго ввергло насъ въ летаргію, такъ что мы полагали, что все уже сдѣлано. Въ этимологіи отстали мы отъ другихъ языковъ. Когда сообщу результаты своего изслѣдованія, еще не знаю: мелочи время отъ времени сдаю въ Часописъ Музея.

Дома было у меня много тяжелыхъ событій. Жена была тяжко и долго больна. Теперь она въ деревнѣ близъ Праги. Дѣтки подрастаютъ. Отъ служебныхъ работъ и домашнихъ заботъ я только немного времени могу удѣлять литературѣ. Все-таки, надежды не теряю. Смертію Прейса я очень огорченъ. Это—великая для насъ утрата. Со всѣхъ сторонъ неззгоды и погромы!—Григоровичъ еще не былъ; говорятъ, онъ гдѣ-то въ Венгріи. Онъ собралъ много старины у турецкихъ Славянъ.

По части книгъ для васъ буду дѣлать, что можно; уже собираю и буду собирать. Во всякомъ случаѣ своимъ желаніямъ мы должны положить мѣру и цѣль. Всего имѣть нельзя и читать жизни не хватитъ.

Прошу васъ, не посылайте ничего чрезъ Гартенштейна и чрезъ Галицію, а все чрезъ Кордеса въ Гамбургѣ (Handlungshaus E. H. et D. Cordes in Hamburg, für Schafarik in Prag). Погодинъ знаетъ, какъ посылать Кордесу. Пришлите мнѣ при случаѣ ½ ф. чаю.

Простите, что такъ скверно и такъ мало пишу. Въ такія времена достаточно, когда лишь знаемъ, что живы и здоровы. Надѣюсь, что скоро буду въ состояніи написать побольше.

Поклонъ пріятелямъ! Всего хорошаго.

52.

19 іюня, 1846.

Вчера получилъ ваше письмо отъ 19го и спѣшу отвѣтить на него, чтобы не запоздать опять, какъ въ тотъ разъ.

Рукописное собраніе пѣсенъ Головацкаго я отдалъ здѣсь Ганкѣ для отправки вамъ. Онъ его послалъ въ Кіевъ барону Шадуару, котораго вы по крайней мѣрѣ по имени знаете. Т. о. вы должны сборникъ ожидать отъ него. Такъ поступить я принужденъ былъ потому,

что Кронбергеръ не хотѣлъ его принимать. Показывалъ онъ мнѣ письмо отъ Дейбнера, въ которомъ этотъ ему запрещаетъ принимать и посылать вамъ какія бы то ни было посылки и остерегаетъ его по отношенію къ вамъ. При этомъ Кронбергеръ жаловался на васъ по поводу какихъ-то старыхъ долговъ, будто вы ему никакихъ денегъ не посылаете и ни слова не пишите. Къ тому же онъ и на меня такъ недружелюбно смотрѣлъ, будто бы и я вмѣстѣ въ томъ виноватъ былъ, вѣроятно, потому, что, благодаря моему съ вами знакомству, вамъ довѣрялъ. Въ такомъ случаѣ долженъ я былъ не солоно похлебавши уйти и послать посылку инымъ путемъ. Мнѣ ужасно непріятно, что этотъ удобный для насъ и прямой путь для посылокъ такъ скоро испортился, благодаря вамъ! Утрата невознаградимая! Поэтому я просилъ бы васъ если хоть нѣсколько можно поправить дѣло, поступить въ этомъ направленіи. Постарайтесь задобрить и успокоить какъ нибудь Дейбнера, постарайтесь также и Кронбергеру *хоть сколько нибудь* денегъ послать и обезпечить ему остальное словесно или письменно. Авось, еще какъ нибудь можно будетъ уладить! Были, вѣдь, это первыя правильныя книжныя сношенія, но, къ сожалѣнію, кратковременныя. Бѣда бѣда сущая!

Разъ вы уже отправили Гартенштейну для меня посылку съ книгами, то пусть это такъ и будетъ, измѣнить уже нельзя. Опасаюсь, что книги эти пролежатъ долго въ цензурныхъ учрежденіяхъ Львова и Вѣны, хоть и не пропадутъ тамъ, какъ ваши загребскія. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. На будущее время, прошу васъ, не посылайте этимъ путемъ, пока я не напишу вамъ о томъ, что можете посылать, и не буду о томъ васъ просить. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы такъ дѣло пошло. Книги, для васъ собранныя, собираюсь отправить на Гартенштейна въ началѣ сентября мѣс., хотя соберется и будетъ всего вмѣстѣ довольно много. Очень меня утѣшаетъ литературная дѣятельность ваша и вашихъ. Такъ и слѣдуетъ: кто сильнѣе и богаче, пусть тотъ больше и дѣлаетъ. У меня только одинъ Амартолъ, и тотъ не очень важный, позднѣйшаго сербскаго (не стараго, болгарскаго) перевода. Такъ какъ эта рукопись не моя, но я его имѣю изъ Венгріи отъ одного господина (который не желаетъ быть извѣстнымъ) на время съ условіемъ, чтобы я ее не выпускалъ изъ рукъ (какъ я о томъ уже писалъ въ Wien. Jahrb. d. Litter.), то сдѣлаемъ здѣсь для васъ и вашихъ потребностей или полную копію или сравненіе и пошлемъ вамъ.

Надѣемся, что Григоровичъ пріѣдетъ сюда и останется у насъ на зиму. Тогда можно будетъ кое-что сдѣлать.

Житія св. Климента ни по-старогречески, ни по-новогречески достать нельзя. Я въ теченіе 20 лѣтъ даже и увидать его не могъ. Получилъ только извлеченіе изъ Вѣны, гдѣ есть экземпляръ въ императорской библіотекѣ. Всѣ оттиски ушли въ Турцію и Грецію.

Погодина ожидаю съ нетерпѣніемъ.

Литературныхъ новостей теперь у насъ мало. Между Словаками и Чехами началась рознь и расколъ въ литературѣ и жестокій бой—перомъ и чернилами—не мечемъ съ кровопролитіемъ (слава Богу). Общая молва сѣмена, зародышъ и вину этого разъединенія, между прочимъ, приписываетъ и вамъ, Срезневскому и покойнику Прейсу и т. д. Во всякомъ случаѣ это смѣшно и несправедливо. Изъ Хорватіи былъ здѣсь Гай: тамъ тоже война—да еще хуже, ибо еще шумнѣе, между Гаемъ и членами Матицы. Гай, говорятъ, жаловался здѣсь особенно на Срезневскаго, считая его главнымъ зачинщикомъ этого погрома и несчастія. Relata refero. Видите сами, что это вздоръ. Справедливо то, что „citra et ultra" велико, да и, Babylonica confusio idearum".

Правда, что Гавличекъ кое-что написалъ горькое многимъ, что онъ могъ бы и оставить въ покоѣ. Но кто же можетъ всѣхъ вразумить? *Писано было и противъ него достаточно и рѣзко.* Но то, что вамъ и инымъ писалъ здѣшній корреспондентъ о цензорѣ—это *чистая ложь*, какъ нельзя лучше подходящая къ писавшему. О немъ ни болѣе, ни менѣе нельзя сказать, кромѣ того, что говаривали старые Чехи объ оскорблявшемъ чью-либо честь: „W hrdlo lhals, jako pes". Это мое первое и послѣднее слово объ этомъ. Вамъ хорошо извѣстно, что я занимаюсь славянскими науками, какъ науками, знаніемъ, какъ знаніемъ. Поэтому, если вы хотите, чтобы это письмо не было послѣднимъ, такъ останемтесь при этомъ взглядѣ, при литературѣ, и оставимъ все остальное въ сторонѣ. Это—conditio sine qua non. Пусть всякій отвѣчаетъ за себя и за свои дѣянія—тамъ и передъ тѣмъ, гдѣ надлежитъ отвѣчать. Пишите мнѣ объ успѣхахъ вашей литературы, объ ея важныхъ и для меня интересныхъ плодахъ,—это меня всегда будетъ радовать; если я буду въ состояніи быть полезнымъ вамъ въ литературныхъ дѣлахъ чѣмъ-нибудь, я охотно это сдѣлаю. Для этого только я и живу; для всего остальнаго на свѣтѣ я уже умеръ. Поклонъ друзьямъ. Будьте здоровы!

53.

7 сент. 1846.

Вчера получено было мной ваше письмо отъ 5 авг. Спѣшу отвѣчать на него хоть въ нѣсколькихъ словахъ, чтобы, отлагая отвѣтъ, не запоздать.

Огорченію, которое васъ постигло вслѣдствіе потери дорогаго родителя, сердечно сочувствую. Да будетъ ему легка земля, а намъ свята его память! Да утѣшитъ васъ Господь!

Книги отъ Общества и отъ васъ, посланныя чрезъ Гартенштейна, прибыли благополучно. Большую часть того, что назначено было другимъ, я уже разослалъ и постепенно разсылаю. Усердно благодарю васъ и Общество за цѣнный подарокъ. Что соберу для васъ, предполагаю послать въ первыхъ числахъ октября на Гартенштейна съ надписью, какъ вы сами указали. Безпокоюсь все-таки, какъ бы эти посылки, если онѣ будутъ часты и велики, не стали бы тяжелы для расходовъ Общества. Придется тогда ограничиться необходимѣйшимъ. (Отсюда до Гартенштейна буду оплачивать).

Любезнѣйшій Погодинъ уже цѣлый мѣсяцъ здѣсь. Пробывши три недѣли въ Маріенбадѣ, онъ находится теперь въ Теплицѣ и собирается около 16 числа (н. с.) отправиться черезъ Прагу, Вѣну, Бѣлградъ, Галацъ, Одессу, Харьковъ въ Москву. Онъ вамъ на словахъ сообщитъ о многомъ, о чемъ за недостаткомъ времени писать не могу. Поэтому, потерпите до того времени.

Что касается меня, то будьте увѣрены, что я всегда и на будущее время, какъ и до сихъ поръ, готовъ буду охотно по возможности быть къ услугамъ вашимъ по части литературныхъ дѣлъ и надобностей. Относительно переписки Амартола, ничего опредѣленнаго сказать нельзя, пока не пріѣдетъ Григоровичъ, и пока не переговоримъ съ нимъ. О Зонарѣ я не писалъ, потому что его здѣсь, въ Чехіи, нѣтъ; поздній и скверный списокъ его есть гдѣ-то въ монастырѣ въ Срѣмѣ или въ Карловцахъ, но я сильно сомнѣваюсь, чтобы можно было, при лѣни и неспособности тамошнихъ людей, получить копію такого большаго сочиненія. Притомъ же я не вижу пользы въ изданіи этихъ переводовъ по столь новымъ рукописямъ; для исторической науки греческіе оригиналы неизбѣжно необходимы, а для славянскаго языка старѣйшіе переводы псалтири, библіи, св. отцевъ и т. п. важнѣе, потому уже, что они старше и сохранились въ болѣе древнихъ рукописяхъ. Я желалъ бы, чтобы были изданы псалтирь, апостолъ и т. п. по старѣйшимъ рукописямъ, затѣмъ Іоаннъ экзархъ, Климентъ и т. д., а затѣмъ уже историки и т. п. Впрочемъ, это мое личное мнѣніе.

Въ литературѣ нашей ничего важнаго не вышло. Я за послѣдніе два года понемногу занимался нашимъ славянскимъ языкознаніемъ. Нѣкоторыя мелочи изданы въ Часописѣ музейномъ; это вамъ, Богъ дастъ, привезетъ Погодинъ. На этомъ поприщѣ, пока даетъ

Богъ жизни, здоровья и силъ, работать не перестану, больше для своего удовольствія и своего образованія, нежели для того чтобы иныхъ, къ этому способнѣйшихъ и болѣе свѣдущихъ, самоувѣренно и непремѣнно учить и поучать.

У васъ, какъ вижу изъ присланныхъ книгъ, славянскія науки благополучно процвѣтаютъ, чему не мало радуюсь, чѣмъ не мало утѣшаюсь. Эту же радость и чувства раздѣляютъ со мною нѣкоторые благородные люди, которымъ приходилось читать эти сочиненія. Число этихъ людей не такъ мало, какъ могло это показаться многимъ при этомъ отвратительномъ крикѣ нѣкоторыхъ журналистовъ и газетчиковъ объ извѣстномъ „варварствѣ Славянъ". Довольствуйтесь вы и ваши этимъ признаніемъ и благодарностью благородныхъ людей: выродкамъ и отщепенцамъ да судитъ Богъ, который знаетъ не только всѣ дѣянія, но и помышленія всякаго.

У меня въ послѣднемъ письмѣ моемъ не было цѣли задѣть или уколоть васъ чѣмъ-либо въ больное мѣсто. Возможно, что въ чѣмъ-нибудь выразился я неумѣстно и неточно, при быстромъ теченіи мыслей и пера (вѣдь, и я человѣкъ), почему прошу васъ считать это ненаписаннымъ. Надѣюсь, что вы не сомнѣвались до сихъ поръ въ моемъ къ вамъ искреннемъ уваженіи и расположеніи. Я уже давно перешелъ зенитъ моей жизни, и люди съ моимъ характеромъ такъ сильно не мѣняются! Достаточно. Будьте здоровы!

54.

6 окт. 1846.

Вчера послалъ черезъ торговый домъ Томке на Гартенштейна въ Броды ящикъ съ книгами для васъ, вѣсомъ около 40 фунтовъ. Собрано тамъ то, что было можно, а также пополнены дефекты. Впослѣдствіи соберу больше. Адресовалъ я, какъ вы указали. Гартенштейну я написалъ. Надѣюсь, пойдетъ все, какъ слѣдуетъ. Также обратилъ вниманіе Гартенштейна на то, чтобы на будущее время посылки сюда отправлялъ не по почтѣ, такъ какъ это дорого, но съ обозами (po formanech).

Мих. Петр. уѣхалъ отъ насъ въ Вѣну 20 сент. Оттуда поѣдетъ онъ на пароходѣ по Дунаю до Галаца (остановится въ Пештѣ, Карловцахъ и Бѣлградѣ), затѣмъ въ Одессу, Таганрогъ, затѣмъ черезъ Харьковъ въ Москву, куда думаетъ прибыть между 1 и 15 ноября. Отъ него вы узнаете о многихъ нашихъ литературныхъ дѣлахъ; поэтому теперь о нихъ не пишу. Онъ привезетъ вамъ мое этимологическое изслѣдованіе изъ Часописа музейнаго, уже третье, такъ какъ отдѣльныхъ оттисковъ перваго и втораго я не заказывалъ; поэтому вамъ

придется отыскать ихъ въ Часописѣ музея и прочесть. Въ 1847 г. послѣдуютъ еще; изо всѣхъ велю для васъ приготовить оттиски и буду посылать по почтѣ, чтобы вы могли изъ нихъ кое-что выбирать и переводить. Подробнѣе объ этомъ узнаете у Мих. Петр. Григоровичъ еще не пріѣхалъ. Проф. Махачекъ въ Ичинѣ умеръ. Печатается собраніе поэтич. произведеній Челаковскаго. Этой осенью онъ обѣщалъ прислать намъ для изданія „Sbírku slow. přísloví" (по всѣмъ нарѣчіямъ).

Поклонъ друзьямъ. Дай Богъ вамъ добраго здоровья и счастья.

55.

5 февр. 1847.

Нѣсколько дней тому назадъ получилъ ваше письмо отъ 2 янв. с. г., на которое коротенько отвѣчаю немедля.

12 числа янв. я послалъ по почтѣ посылку съ журналами для васъ на Гартенштейна въ Броды: надѣюсь, скоро будете ее уже имѣть въ рукахъ. Тѣмъ же способомъ думаю и напередъ посылать вамъ четыре раза въ годъ—именно: въ половинѣ января, апрѣля, іюля и октября—продолженія нашихъ журналовъ чешскихъ, а также другія литературныя новости, что мнѣ придется собрать. Все, что посылаю, все отъ меня. Объ этомъ пожалуйста не безпокойтесь, будучи убѣждены, что теперь не могло и не можетъ быть иначе.

Въ послѣдней посылкѣ найдете всѣ мои лингвистическія изслѣдованія, до сихъ поръ вышедшія въ Часописѣ музея. Буду продолжать ихъ: теперь во 2-мъ вып. вышло обширное изслѣдованіе о грамматическихъ формахъ. Не найдется въ Россіи кого-нибудь, кто бы могъ переводить и издавать эти мои изслѣдованія въ томъ порядкѣ, какъ выходятъ они въ Музейномъ Часописѣ?

Очень радуюсь вашимъ трудамъ, особенно изданію старославянскихъ памятниковъ, сборника Святослава, Іоанна экзарха и т. д. Но, какъ мнѣ кажется, главное дѣло—*хорошій и красивый кирилловскій шрифтъ*, ибо теперешній никуда не годится—право, одинъ скандалъ. Мой шрифтъ здѣсь у Шпурнаго тоже не удался, потому что граверъ-самоучка меня не понималъ и все неумѣніемъ испортилъ. Время подходящее придумать что-нибудь получше. Ваше ученое Общество заслужило бы себѣ безсмертную благодарность, если бы взялось за это дѣло и заказало изготовить новые штемпеля. Во всякомъ случаѣ это не стоило бы болѣе 500 рублей, а дѣло было бы на вѣки. Кстати, я слыхалъ, что въ Петербургѣ въ академіи задумали новое славянское письмо: но, почему это Москва всегда должна ждать Петербурга и

только ему подражать? Я полагаю, что было бы достойнѣе, если бы ваше ученое Общество дѣйствовало *независимо*, ни на кого несмотрѣло, никого не дожидалось бы.

Рисунки слѣдовало бы сдѣлать въ Москвѣ, а штемпеля заказать въ Парижѣ, либо даже хоть и въ Прагѣ (теперь у Газовъ превосходный граверъ). Поэтому, поговорите съ пріятелемъ Погодинымъ, съ г. Чертковымъ и съ остальными многочисленными членами Общества на счетъ этого. Погодинъ, правда, говорилъ мнѣ, чтобы я объ этомъ написалъ вашему ученому Обществу, но повѣрьте мнѣ, другъ любезный, мнѣ некогда. Да наконецъ зачѣмъ и писать, когда вы секретаремъ, а Погодинъ членомъ? Если вы своимъ совѣтомъ и со своимъ вліяніемъ ничего не сдѣлаете, то мой слабый и далекій голосъ и подавно не поможетъ. Я вамъ ручаюсь, ибо я вполнѣ убѣжденъ, въ томъ, что при теперешнемъ скверномъ и мерзкомъ кирилловскомъ шрифтѣ никогда, никогда славянскій церковный языкъ не пріобрѣтетъ расположенія у людей со вкусомъ. Сколько бы этимъ гадкимъ шрифтомъ ни печаталось, все останется мертвымъ плодомъ. *Новый шрифтъ долженъ быть въ эстетическомъ отношеніи совершенъ, красивъ, такъ чтобы сердце радовалось, когда упадетъ взоръ на печатную книгу.* За основу должны были быть приняты не только славянскія рукописи XI стол., но и греческія IX столѣтія; но—только за основаніе, насколько это касается сущности буквъ и ихъ фигуры: въ остальномъ мастеръ-граверъ долженъ изъ своей головы *придать красоту формѣ на основаніи эстетической идеи и её т. о. долженъ пролить на грубыя неотесанныя фигуры.* Не хотите-ли, я вамъ пошлю рисунки буквъ, какъ я ихъ желалъ бы видѣть?

Григоровичъ здѣсь и кланяется вамъ. Кулешъ (sic) будетъ для насъ желаннымъ гостемъ. Книгъ—Острожской Библіи—жду съ нетерпѣніемъ. Я просилъ Погодина насчетъ Поликарпова Трехъязычнаго лексикона (Москва. 1704 г. 4°). Помогите и вы ему при розыскахъ и пошлите его мнѣ хоть посылкой: онъ очень мнѣ нуженъ.

Если будетъ весной случай, пришлите мнѣ съ полъ-фунта чаю.

Сердечно сожалѣю о утратѣ Языкова: да будетъ для насъ благословенна его память!

О рукоп. Георгія Амартола я вамъ уже писалъ, что она еще не моя, что она довѣрена мнѣ только на время, и владѣлецъ не желаетъ быть извѣстенъ. Наконецъ, вы имѣете у себя и лучшія рукописи.

Почтительный поклонъ пріятелямъ!

56.

25 марта 1847.

Такъ какъ я уже 26 февр. отправилъ Погодину всѣ образцы кирилловскаго письма, какіе могъ собрать, исключая черногорское 1494—1495 г., которое есть у самого Погодина, то я теперь уже не могу еще иныхъ послать, да и нѣтъ надобности. Посовѣтуйтесь съ гг. Погодинымъ, Шевыревымъ и иными, прикажите нарисовать образчикъ письма, какое желательно для васъ, а здѣшніе два мастера у Гаазе вполнѣ точно его воспроизведутъ. Только, прошу васъ, не забывайте о томъ, что этотъ шрифтъ долженъ быть не для *церкви*, не для богослужебныхъ книгъ въ церковномъ употребленіи, а для насъ, *міринъ*, ученыхъ и ученыхъ обществъ при изданіи старинныхъ произведеній для *мірскихъ* потребностей. Затѣмъ я заранѣе дамъ у Газовъ сдѣлать нѣсколько штемпелей *на пробу*. Это никого ни къ чему обязывать не будетъ; ибо я ничего на чисто и окончательно отдѣлать на свою голову не поручу прежде, нежели вы съ вашими дадите порученіе.

Журналы и книги пошлю въ первыхъ числахъ апрѣля, какъ было условлено.

57.

7 мая 1847.

Извѣщаю васъ, что я 16 апрѣля н. с. послалъ по почтѣ Гартенштейну въ Броды посылку для васъ съ журналами, и надѣюсь, что вы её своевременно получите. Думаю тѣмъ же путемъ справляться и съ послѣдующими посылками журналовъ, чтобы вы своевременно могли получать хоть какія-нибудь свѣдѣнія о теченіи нашей литературы. Другія книги, какія можно собрать, отлагаю до другихъ посылокъ. Желательно бы мнѣ знать, какъ дѣла обстоятъ съ книгами предназначенными вами и пріятелемъ Погодинымъ для меня? Въ пути-ли ужъ онѣ? Больше всего меня безпокоятъ книги, назначенныя въ Срѣмскіе Карловцы, такъ какъ я уже заранѣе туда писалъ и извѣстилъ митрополита.

Уже почти мѣсяцъ минулъ, какъ меня очень занимаетъ мысль объ изготовленіи лучшаго всѣхъ теперешнихъ кирилловскаго шрифта. Такъ какъ переписка объ этомъ съ отдаленной Москвой идетъ медленно, и прошелъ бы годъ, пока можно дойти до какого-нибудь соглашенія, и такъ какъ для меня по весьма вѣскимъ причинамъ (о которыхъ распространяться не могу) весьма важно, чтобы шрифтъ былъ поскорѣе готовъ, то я заказалъ рѣзать новый кирилловскій шрифтъ у здѣшнихъ извѣстныхъ Газовъ. Газы относятся теперь къ

числу первыхъ въ Европѣ, (ибо Дидо въ Парижѣ совсѣмъ въ упадкѣ), у нихъ два рѣзчика (гравера), изъ коихъ одинъ Бергеръ (изъ Штутгардта), замѣчательный мастеръ, вполнѣ постигъ мою идею. Работаемъ чуть не ежедневно нѣсколько часовъ вмѣстѣ. Вырѣзано до сихъ поръ болѣе *семидесяти* штемпелей (poinçon), а всего понадобится *болѣе двухъ сотъ*, на двойное письмо, т. е. на наборъ, называемый cicero, и на наборъ, называемый garmond, и на оба набора—минускулъ и инициалы (строчныя буквы). Надѣюсь, что удастся: по крайней мѣрѣ *сдѣлаемъ крупный шагъ впередъ* къ совершенному шрифту. Образчиковъ въ настоящую минуту послать вамъ еще не могу; лишь только нѣсколько буквъ будетъ отлито и отпечатано, немедленно пошлю вамъ. Потерпите поэтому: дѣло въ полномъ ходу.

Изъ за этихъ работъ и заботъ я долженъ былъ почти на два мѣсяца остановить печатаніе своихъ изслѣдованій въ Музейникѣ: впослѣдствіи быстро буду продолжать, какъ до сихъ поръ. Матеріалу у меня набрано на цѣлый годъ.

Изготовленіе кирилловскаго шрифта весьма меня занимаетъ, и я желалъ бы, *чтобы вы въ Москвѣ имѣли его первыми и чтобы вы начали имъ печатать*. Мысли свои о томъ, какъ бы слѣдовало печатать безъ сокращеній (abbreviaturae) и другихъ сильно безобразящихъ кирилловскій печатный текстъ значковъ, впослѣдствіи сообщу подробнѣе вамъ и остальнымъ друзьямъ. Для этой цѣли сдѣлайте вы синоптическую таблицу всѣхъ сокращеній словъ въ кирилловскихъ рукописяхъ *русскихъ* XI—XIII ст.: какъ они пишутся *безъ сокращеній*; а это вы найдете для каждаго столѣтія въ старыхъ *стихираріяхъ*, въ которыхъ подъ знаками напѣвовъ все пишется безъ сокращеній. Такихъ старыхъ стихираріевъ у васъ въ Россіи очень много, напр. въ Синод. библ. въ Москвѣ съ 1153 или 1157 годомъ (по Добровскому, старѣйшій), о которомъ у Карамзина въ I т. прим. 529, въ Петербургѣ въ Толстовской, нынѣ Императорской библ., рукоп. XI ст. и т. д. Для *болгарскихъ и сербскихъ рукоп.* таблицу я сдѣлаю здѣсь самъ. Т. о. исчезнутъ всякія сомнѣнія. Есть и другія рукоп. *старыя* безъ сокращеній.

У Газовъ есть свой агентъ и корреспондентъ въ Москвѣ. Онъ разыщетъ васъ и пріятеля Погодина.

На мѣсто нѣмца Дюринга, стараго фактора въ вашей Университетской типографіи, совѣтую вамъ взять чеха *Жака*, который былъ факторомъ у Газовъ, въ настоящее время у Гая въ Загребѣ и теперь возвращается къ Газамъ. Человѣкъ онъ опытный, образованный, вѣжливый. Лучшаго не найдете на цѣломъ свѣтѣ. Но Дюрингъ о томъ еще ничего

не знаетъ и знать не долженъ. Поговорите только *по секрету и потихоньку* съ его сіятельствомъ гр. Строгановымъ, и осторожно, чтобы не испортить дѣла.

Прошу васъ, не забудьте послать мнѣ съ полъ-фунта хорошаго *чаю*, если случай представится. Привыкъ я къ нему, и онъ мнѣ помогаетъ очень. Приложенные здѣсь два листка, по прочтеніи ихъ, пошлите одинъ *Погодину* и, пожалуйста, *не медля*, какъ *можно скорѣе*, не отлагая ни дня, второй отдайте Григоровичу сами, когда онъ пріѣдетъ въ Москву. Онъ, вѣроятно, теперь въ Петербургѣ.

О другихъ дѣлахъ сегодня ужъ писать нѣтъ времени: въ другой разъ.

58.

20 іюня 1847.

Вашу посылку съ книгами, а въ ней Острожскую библію и др., я получилъ, и благодарю за себя и за остальныхъ пріятелей.

Журналы и новыя книги отправлю вамъ, какъ обыкновенно, около 15 будущаго іюля мѣсяца.

Приложенное письмо къ пріятелю Погодину, пожалуйста, потрудитесь не медля отправить ему вѣрнымъ и надежнымъ путемъ, чтобы онъ его поскорѣе и навѣрное получилъ.

Посылаю вамъ образчикъ новаго кирилловскаго шрифта, такой же, какой ужъ раньше послалъ пріятелю Погодину. Для набора сісего шрифта готовъ весь, мелкій и заглавный, съ сокращеніями и другими знаками, свыше 120 пунсоновъ; но отлито на пробу только девять буќвъ, для *исправленія* труднѣйшихъ. *Въ теченіе этихъ недѣль пошлю вамъ всю азбуку цѣликомъ; остальныя буквы всѣ еще лучше выглядываютъ*. Теперь вырѣзается немного меньшій шрифтъ, для набора garmond. Затѣмъ будетъ слѣдовать самый крупный, т. е. Mittel. Всего т. о. свыше 360 пунсоновъ.

Отдѣльныя буквы впослѣдствіи можемъ перемѣнить, улучшить. Это стоитъ многаго труда и времени. Только дай Богъ успѣха! Письмо къ Погодину положите *въ кувертъ* и надпишите сами—какъ слѣдуетъ.

59.

29 авг. 1847.

Вслѣдствіе кое-какихъ выходящихъ изъ ряда вонъ и непредвидѣнныхъ препятствій не могъ я до сихъ поръ ни отвѣтить на ваше послѣднее письмо, ни книгъ послать. Теперь приступаю къ тому и другому.

Прежде всего, что касается фактора Жака, сообщаю вамъ, что я въ своемъ предположеніи цѣликомъ все спуталъ: онъ желаетъ или долѣе остаться у Гая въ Загребѣ, или поступить на службу здѣсь въ Прагѣ у Газовъ. Поэтому потрудитесь извѣстить объ этомъ гр. Строганова, а кстати и меня оправдать въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ я писалъ по желанію Газовъ и Жака. Въ такомъ случаѣ вина падаетъ на Жака: онъ напуталъ. Впрочемъ, не сомнѣваюсь, что и между вашими найдете вы подходящаго фактора.

Посылаю при семъ образчикъ новаго кирилловскаго шрифта, но только одного сорта. Кромѣ этого готовъ уже и крупный шрифтъ (или заглавный) для этого шрифта, и сверхъ этого меньшій шрифтъ для набора т. н. garmond, но онъ еще не отлитъ. Впрочемъ, характеръ, или пошибъ, форма шрифта уже и изъ этого образца видны довольно ясно. Такимъ образомъ, можете для Москвы заказать у Газовъ матрицъ, сколько угодно.

Нѣкоторыя буквы, именно ꙁ, еще будемъ мѣнять; но заразъ всего сдѣлать нельзя. Поэтому имѣйте терпѣніе: все будетъ.

Черезъ нѣсколько дней отправлю посылку съ книгами для васъ на Гартенштейна. Туда же приложена посылка и отъ г. Ганки. Къ сожалѣнію, раньше съ этимъ дѣломъ я не поспѣлъ.

У меня произошли кое-какія перемѣны: изъ цензуры я вышелъ еще въ прошломъ мѣсяцѣ, въ іюлѣ, такъ что теперь буду имѣть немного болѣе времени для литературныхъ трудовъ.

Отъ пріятеля Погодина получилъ письмо и посылку; будьте добры передать ему объ этомъ вмѣстѣ съ поклономъ отъ меня. Буду ему писать въ возможно скорѣйшемъ времени.

60.

25 сент. 1847.

Съ великимъ удовольствіемъ читалъ я ваше письмо отъ 31 авг. ст. ст., которое получено было мною вчера и которое принесло въ себѣ столько интересныхъ литературныхъ извѣстій. Съ восторгомъ встрѣчаю изданіе тѣхъ старославянскихъ памятниковъ, о которыхъ вы пишете. Ваши богатырскія усилія, стремленія и труды при этомъ не останутся, конечно, непризнанными у всего славянства, не останутся безъ награды со стороны вашего просвѣщеннаго правительства. Macte virtute!—Дай только, Боже, здоровья!

Но удивляетъ меня, что ничего не сообщаете о Храбрѣ, о которомъ пріятель Погодинъ пишетъ, будто онъ считается современникомъ или весьма близкимъ по времени къ Кириллу и Меѳодію! Прошу

васъ, узнайте, что это, и на чемъ основываются эти разсказы, и поскорѣе мнѣ напишите: для меня это очень важно.

Что касается новаго кирилловскаго шрифта, то я ужъ писалъ вамъ, что онъ постепенно исправляется и будетъ исправляться. Ваше замѣчаніе важно, и мы будемъ по возможности имѣть его въ виду. Много уже исправлено, напр. ҏ, ɣ, ꙁ и т. д., ибо сами мы замѣтили недостатки. Объ остальномъ мы позаботимся: все постепенно. Я желалъ бы, чтобы этимъ шрифтомъ и у васъ было что-нибудь старое напечатано, и чтобы Газы не потерпѣли убытку, тратя на него большія средства.—Конечно, не слѣдуетъ этотъ шрифтъ признавать за церковный: церковныя книги имъ никогда печататься не будутъ,—разумѣю, богослужебныя и другія, назначаемыя для храмовъ и школы. Старые труды Константина, Храбра и т. д. печатать новымъ шрифтомъ, конечно, запрещать вамъ не будутъ; вѣдь, вы и такъ печатаете гражданскимъ и кирилловскимъ шрифтомъ, напр. Калачевъ—Русскую Правду, Дубенскій также Правду и Игоря *). Развѣ не было бы лучше эти вещи печатать Газовскимъ шрифтомъ? Полагаю, что не пренебрежете случаемъ.

Справедливо вы жалуетесь на рознь и недостатокъ взаимности у здѣшнихъ и иныхъ славянъ. По истинѣ никогда они не были больше: сочиненіе Коллара о взаимности—уже только сатира и иронія.

Касательно музейныхъ изданій для вашего Общества мнѣ было сказано, что Ганка получаетъ 12 экз. для разсылки по обществамъ — а Ганка передо мной пожималъ плечами! Все-таки надежды не теряю: заявлю опять. Около новаго года пошлю вамъ, что соберу.

Книги посланныя вами въ августѣ еще не дошли.

Удивляюсь, что не пишете ни слова о казанскомъ В. Григоровичѣ, ни вы, ни Погодинъ! Гдѣ онъ теперь?

61.

24 окт. 1847.

По моему представленію собраніе Музейное постановило высылать всѣ книги, издаваемыя на средства Чешской Матицы, Императорскому Обществу Исторіи и Древностей въ Москвѣ. Заботы по высылкѣ возьму на себя. Первую посылку устрою, лишь только оправлюсь немного— мнѣ нѣсколько нездоровится. *Общество получитъ все, что вышло и выйдетъ.* Извѣстите объ этомъ при случаѣ Общество.

---

*) Т. е Слово о полку Игоревѣ—(Русскія Достопамятности, кн. II и III. М. 1843 и 1844); см. Н. В. Калачева „Предварит. юридич. замѣчанія для объясненія Русской Правды" (М. 1846).

Борисъ почитается святымъ въ болгарской церкви. Вы знаете, что народные святые провозглашаются таковыми частью народной церковью, частью только народомъ и князьями, ex usu et praxi. Въ болгарскихъ народныхъ книжкахъ во главѣ народныхъ святыхъ всегда Борисъ. Кромѣ того, царямъ и кралямъ болгарскимъ и сербскимъ еще при ихъ жизни давали эпитетъ „святой": была это courtoisie тѣхъ временъ. Это я могъ бы вамъ доказать точно (дипломатически) по рукописямъ XII—XIII столѣтій, но нѣтъ надобности: дѣло ясное.

Между тѣмъ, о Константинѣ, еп. Болгарскомъ, необходимо критическое изслѣдованіе. Года не сходятся, какъ сами вы видите. Для одного получается годъ 918, для другаго 898! Что это? Часть пролога отпечатана уже у Погодина, въ его Кириллѣ и Меѳодіи. А все-таки: вещь во всякомъ случаѣ *важная*, *драгоцѣнная*; но нужна критическая разработка, разъясненіе.

Извѣстенъ мнѣ и *третій* Константинъ, писатель. Этотъ писался Константинъ философъ Костенчскій, жилъ въ 1400—1450 г. въ Жеглиговѣ надъ Скопіей и во всемъ подражалъ Константину I (Кириллу), имя коего онъ себѣ усвоилъ. Т. о. надо хорошо различать лица: напомните это тѣмъ, кто этимъ занимается. Если я въ состояніи буду помочь чѣмъ нибудь при выясненіи, охотно это сдѣлаю.

Климентъ писалъ не только *Похвальное слово* Кириллу, но и *извѣстное обширное древнѣйшее житіе* (Кирилла) принадлежитъ ему же. У меня на это есть доказательства. Не сомнѣвайтесь. Укажите на это издателю сочиненій Климента*).

Напишите мнѣ *немедля* нѣсколько словъ: 1) что найдено изъ *Храбра?* Откуда извѣстно, что онъ восходитъ къ вѣку Климента и т. д.? 2) Гдѣ Викторъ Григоровичъ?

Дальнѣйшее писаніе по болѣзни отлагаю.

62.

31 окт. 1847.

Спѣшу въ нѣсколькихъ словахъ отвѣтить на ваше послѣднее письмо, потому что теперь у меня есть немного бодрости, а позднѣе, не знаю, что будетъ.

Правильно вы полагали, что стихотворенія Челаковскаго и посылка Станка одно и тоже—unum idemque. Я при упаковкѣ раздѣлилъ, не будучи въ состояніи иначе уравнять вѣсъ (?).

---

*) Т. е. В. М. Ундольскому.

Будущая посылка отправится отсюда около 1 января, а можетъ быть и раньше. Точно также наше собраніе музейное постановило посылать вашему Обществу всѣ свои изданія, и именно черезъ меня. Поэтому, лишь только мнѣ отдадутъ то, что еще есть въ складѣ, пошлю вамъ. Впослѣдствіи ужъ дѣло пойдетъ правильно. Прошу васъ поэтому, не переставайте посылать, какъ до сихъ поръ, одинъ экз. для Музея, другой для меня. Больше никому не надо. Г. Ганка сидитъ въ Музеѣ, и онъ хозяинъ въ библіотекѣ: поэтому, отдѣльнаго экз. ему не надобно. Дѣтей у него нѣтъ, чтобы собирать для кого-нибудь. Остальные, разъ понадобится, найдутъ у меня или въ Музеѣ. Двухъ экземпляровъ для всей Чехіи достаточно.—Просилъ бы я поэтому, чтобы вы отступились отъ той строгости, которой грозили, будто ужъ больше ничего посылать не хотите. Между „ничто" и „нѣчто" есть разница. Изъ за того, что многіе лѣнивы и апатичны, не слѣдуетъ бросать всего добраго дѣла.

Однажды (нѣсколько уже лѣтъ тому) писалъ мнѣ Погодинъ, а быть можно и устно передавалъ, что Общество ваше избрало меня своимъ членомъ.Но я не видалъ, не получалъ никакого диплома—и поэтому и отъ нашего правительства не имѣю никакого позволенія, чтобы имѣть право именоваться членомъ. Если правда, что я былъ выбранъ, пошлите мнѣ дипломъ съ *новой датой* *), чтобы я могъ обратиться къ нашему правительству за позволеніемъ принять званіе. Только смотрите, чтобы онъ не былъ *безъ печати и подписи*, какъ дипломъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ высланный епископу Атанацковичу. Я увѣренъ, что вы, какъ секретарь, исполните это точно и аккуратно. Увѣряю васъ, что диплома я доселѣ не видалъ и не получалъ.

На предложеніе его сіятельства кн. Оболенскаго теперь предварительно сообщаю только слѣдующее. Я самъ теперь съ дѣлами при библіотекѣ такъ стѣсненъ и сижу какъ будто запертый на ключъ, такъ что ѣхать въ Вѣну не могу; но имѣя много пріятелей въ Вѣнѣ, я уже писалъ объ этомъ дѣлѣ и надѣюсь, что оно устроится. Поэтому пусть князь соблаговолитъ подождать: какъ только прочно устрою, не замедлю тотчасъ написать вамъ и предложить опредѣленныя условія. *Объ этомъ я, елико возможно, постараюсь—пусть князь не изволитъ сомнѣваться*. Я уже писалъ *настойчиво*, какъ слѣдуетъ, въ Вѣну.

Нельзя ли мнѣ при посредствѣ его сіятельства кн. Оболенскаго получить *изъ Имп. Архива въ Москвѣ* копіи *съ двухъ грамотъ молдавскаго господаря Александра, одна 1412 г., другая 1423 г.*? По-

*) Ш. избранъ въ д. члены 12 іюля 1837 г., письмо же относится къ 31 (19) окт. 1847 г.

жалуйста, попробуйте. Извѣстіе объ этихъ двухъ грамотахъ имѣю я отъ Кеппена. Я ихъ охотно включилъ бы въ свое *собраніе югославянскихъ грамотъ.*

Что касается грамматикъ и словарей къ Іоанну экз. и инымъ, то я этого не одобряю. Кто дѣлаетъ къ каждому писателю, къ каждому сочиненію грамматики и словари? Былъ бы это безконечный, напрасный трудъ. Нужно только: 1) обзоръ *необычныхъ*, въ другихъ сочиненіяхъ не встрѣчающихся *грамматическихъ формъ*, 2) словарь неизвѣстныхъ изъ другихъ памятниковъ, темныхъ словъ. Это можно умѣстить на нѣсколькихъ листкахъ. Это во всякомъ случаѣ полезно и нужно.

Отдѣльной грамматики и словарей заслуживаютъ только unica въ литературѣ, напр. Ульфила въ готской и т. д.

Я настаиваю на томъ, чтобы слова при печатаніи раздѣлялись, и знаки препинанія проведены были точно, логически. Печатать сплошь—непрактичнѣйшая, несчастнѣйшая на свѣтѣ мысль. Это мой первый и послѣдній рѣшительный совѣтъ. Но будетъ объ этомъ.

Книгъ, о которыхъ вы мнѣ писали лѣтомъ, что послали уже, до сихъ поръ я не получилъ. Богъ знаетъ, гдѣ онѣ застряли!

Посылайте мнѣ ваши Чтенія немедля—это очень интересно: спасибо и хвала вамъ, что ведете ихъ такъ старательно. Это богатый запасъ для славянства.

Что касается кирилловскаго шрифта, то все готово. Не только ҏ, но и ѯ, д, ү и т. д. исправлены и улучшены. Теперь сдѣлано, что было можно. *Къ совершенству подходимъ только постепенно.* Принимайте это въ разсчетъ. Во всякомъ случаѣ у насъ теперь нѣчто лучшее, нежели было до сихъ поръ. А сыновья и потомки наши пусть сдѣлаютъ это еще лучше. Поэтому успокойтесь—больше уже не рѣшаюсь насѣдать на Газовъ, чтобы не опротивѣть имъ и съ кириллицей. Я очень бы желалъ, чтобы поскорѣе были заказаны *матрицы* для Москвы. Это для меня весьма важно. Похлопочите у его сіятельства гр. Строганова. За тѣмъ, чтобы *матрицы* для Москвы были изготовлены тщательно, я самъ буду присматривать. Только ужъ не отлагайте дѣла. Двѣ азбуки или набора шрифта готовы: Cicero majusculae (Versal) et minusculae (gemein), Garmond majusculae (Versal) et minusculae (gemein).

Будущимъ лѣтомъ, если матрицы будутъ закончены, Газы закажутъ сдѣлать Mittel и Bourgeois того же шрифта. Намъ пока теперь достаточно двухъ.

О другихъ дѣлахъ—ужъ въ будущемъ письмѣ: сегодня долженъ кончить.

Поклонъ и почтеніе всѣмъ пріятелямъ и ближнимъ. Да хранитъ васъ Господь!

63.

8 дек. 1847.

По желанію его сіятельства князя Оболенскаго, переданному мнѣ вами, я не замедлилъ снестись съ Вѣнцами насчетъ переписки греческой рукописи Императ. библіотеки подъ заглавіемъ „Acta synodalia", о коей см. *Nessel.* Catal. Mss. graecor. Vindob. (1690. 7) part. V. p. 98. Nr. XLVII—XLVIII.

На мое приглашеніе вызвался знаменитый нашъ славянскій филологъ въ Вѣнѣ, Францъ Миклошичъ, что де онъ принимаетъ на себя эту работу, т. е. позаботится о переписчикѣ для греческой рукописи, дастъ списывать рукопись подъ своимъ наблюденіемъ, въ случаѣ затрудненій при чтеніи будетъ помогать самъ, и время отъ времени переписанныя тетради будетъ посылать въ Москву его сіятельству князю. Итакъ, потрудитесь объ этомъ результатѣ (вмѣстѣ съ моимъ почтеніемъ) сообщить его сіятельству князю. Г. Миклошичъ, будучи самъ чиновникомъ библіотеки, въ самомъ дѣлѣ, подходящій человѣкъ, способный провести это дѣло до конца благополучно: притомъ онъ единственный подобный человѣкъ въ Вѣнѣ. Но, кромѣ этого, необходимо будетъ, чтобы князь самъ написалъ (на какомъ угодно языкѣ: по-русски, по-французски, по-нѣмецки — все равно) и уговорился бы съ нимъ о дальнѣйшихъ условіяхъ—Clara pacta boni amici — этакъ всегда лучше. Полагаю удобнымъ, чтобы князь въ началѣ посылалъ Миклошичу въ Вѣну векселями небольшія только суммы, напр. 100—150 р. с., и приказалъ переписанныя тетради по почтѣ высылать къ нему въ Москву хоть бы по четвертямъ года. Рукопись велика, два тома f°, мелко писана и неимовѣрно трудна для чтенія. Съ этой цѣлью прилагаю для его сіятельства князя адресъ г. Миклошича, чтобы онъ могъ непосредственно писать ему и изложить свои желанія.

Книги, посланныя вами и пріятелемъ Погодинымъ, пришли вчера вечеромъ; впрочемъ, заглянуть въ посылки я еще не могъ. Прилагаю для Погодина росписку въ полученіи книгъ, чтобы онъ не безпокоился. Потрудитесь положить ее въ кувертъ и отправить ему по городской почтѣ либо другимъ надежнымъ (какимъ сами знаете) путемъ.

Книги отъ Матицы Чешской для вашего Общества и отъ меня для васъ буду въ состояніи запаковать только около святокъ и послать около новаго года. Поэтому, потрудитесь потерпѣть.

Если есть у васъ какія-нибудь новыя открытія въ области старославянской литературы, напишите мнѣ о нихъ. О Храбрѣ Погодинъ уже писалъ.

Кирилловскій шрифтъ конченъ, вполнѣ готовъ. Можете его имѣть, когда пожелаете.

Нашъ учитель и отецъ Юнгманъ скончался 21 ноября, погребенъ 24-го, 75 лѣтъ отъ роду. Скорбь наша о немъ еще не улеглась, слезы не высохли и не перестали течь, и не перестанутъ и не высохнутъ, пока мы живы.

Адресъ: Sr. Wohlgeboren Herrn Dr. Franz Miklosich, K. k. Hofbibliotheksbeamten und Censor in Wien (in der K. k. Hofbibliothek).

Поклонъ всѣмъ пріятелямъ, знакомымъ и незнакомымъ, въ особенности Ундольскому. Помоги ему Богъ при изданіи Климента.

64.

27 дек. 1847.

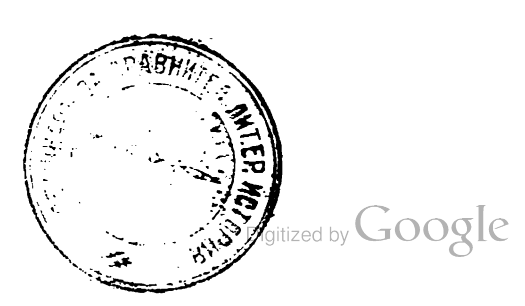
Послѣднее письмо ваше отъ 20/XI дошло до меня исправно, съ копіями грамотъ, за кои приношу благодарность его сіятельству князю и вамъ. Мое письмо отъ 8 дек. насчетъ протоколовъ соборовъ, вѣроятно, уже у васъ.

Между прочимъ получены и книги—9 посылокъ, разсылкой коихъ я и занятъ. Подробнѣе объ этомъ послѣ; теперь же усердно прошу васъ, до дальнѣйшаго уговора, не посылать на мое имя никакихъ иныхъ книгъ, кромѣ назначенныхъ мнѣ (лично) и четыре раза въ годъ, именно въ концѣ каждой четверти. Прошу васъ, не забывайте, пожалуйста, этого и не дѣлайте иначе. У насъ многое измѣнилось и еще мѣняется. Sapienti pauca.

Что касается кирилловскаго шрифта, то готово все, и мы печатаемъ только новые образцы для примѣра. Надѣюсь, что *черезъ пять или шесть дней* буду въ состояніи выслать вамъ все, а также списокъ цѣнъ: объ этомъ уже просилъ я Газовъ. Итакъ, потерпите еще только нѣсколько дней: все будетъ.

Книги отъ Чешскаго музея для вашего Общества я послалъ около недѣли тому назадъ на Гартенштейна.

Часописъ и тамъ неполный: тѣхъ выпусковъ, которыхъ не хватаетъ вамъ, и тамъ недостаетъ, потому что они распроданы, почему вы ихъ здѣсь получить не могли, да и теперь не можете, развѣ найдется гдѣ-нибудь старый экземпляръ у антикварія. Книги *для васъ* буду посылать *по четвертямъ* года; послѣ новаго года, опять кое-что

пошлю. Вукъ и Миклошичъ, какъ я слышалъ, свои новыя изданія уже послали вамъ изъ Вѣны. Тамъ увидимъ.

О Храбрѣ позднѣе писалъ мнѣ уже пріятель Погодинъ. Все остальное—литературныя извѣстія и т. д.—долженъ я отложить до лучшихъ временъ. Моихъ печатается два новыхъ изслѣдованія, которыя скоро получите, потому что, заказываю сдѣлать отдѣльные оттиски всего, и въ бо̀льшемъ количествѣ, нежели прежде.

65.

31 дек. 1847.

Наконецъ-то я могу послать вамъ, вмѣстѣ со счетомъ, полный и законченный образчикъ новаго шрифта! Четыре буквы сдѣланы съизнова и вышли красиво: д, ꙁ, с, ѵ. Больше въ настоящее время ужь ничего, совсѣмъ ничего нельзя мѣнять.Мы должны быть довольны, что ушли и такъ далеко. *Къ совершенству постепенно!*

Газы посылаютъ счетъ на 228 матрицъ только 152 гульд. Если вы примете въ расчетъ, что это вполнѣ новые штемпеля, да еще кирилловскіе (а не обычные латинскіе), сами вы поймете, что это довольно дешево, что дешевле и быть не можетъ. Но Газы купцы, требуютъ денегъ: почему я бы совѣтовалъ какъ можно скорѣе послать вексель, на мое ли, или на ихъ имя, какъ хотите. По полученіи денегъ Газы тотчасъ пошлютъ вамъ матрицы, если угодно черезъ Гартенштейна, либо, какъ прикажете. Я за нихъ ручаюсь. Число штемпелей и матрицъ, конечно, увидите изъ прилагаемой пробы. Но я долженъ обратить вниманіе на то, что ѩ и ѧ, какъ дублеты въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто ѩ и ѧ, въ числѣ заглавныхъ буквъ нѣтъ. Поэтому *заглавныхъ* буквъ немного менѣе, нежели простыхъ. Заглавныхъ буквъ здѣсь нѣтъ отпечатанныхъ, *но готово все*. Кромѣ того, есть матрица для особаго значка, которымъ обозначаются числа. У меня также, въ моихъ изданіяхъ, не должно быть сокращеній и *надстрочныхъ* знаковъ (въ родѣ средневѣковыхъ haramᴘáti, вовсе не годящихся въ нашъ вѣкъ): вмѣсто м҃в (42), ф҃ꙁ (507) и т. д., я приказываю печатать .мв., .фꙁ., какъ это нахожу написаннымъ въ иныхъ старыхъ рукописяхъ.

Прошу васъ убѣдительно, потрудитесь мнѣ послать изъ вашей московской словолитни такъ называемый „Gusszettel" на церковный кирилловскій шрифтъ, т. е.: сколько каждой буквы слѣдуетъ лить, но съ отмѣткой, сколько буквъ „mit Unterschnitt" и сколько „ohne Unterschnitt". Это намъ нужно здѣсь, чтобы мы могли лить для себя и печатать.

Черезъ восемь дней вышлю вамъ посылку съ литературными новостями.

Пишите поскорѣе и—*пошлите денегъ какъ можно больше.*

66.

31 Марта, 1848.

Причины, которыя извѣстны вамъ изъ другихъ источниковъ, именно изъ оффиціальныхъ газетъ и писемъ, лишаютъ меня возможности отвѣтить подробно на ваше послѣднее письмо, почему сегодня только нѣсколько словъ.

Сердечно сожалѣю, что моимъ изслѣдованіемъ о разцвѣтѣ болгарской письменности вы недовольны, потому что ваши труды и заслуги въ Московскомъ Обществѣ не выставлены въ надлежащемъ свѣтѣ. Увѣряю васъ, что у меня никогда на мысляхъ не было, да и не могло быть написать что либо вамъ непріятное: если такъ вышло, то вышло это по недоразумѣнію и невольно.

Во всякомъ случаѣ, ваши труды и заслуги всѣмъ извѣстны и всѣми признаны не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи, какъ Божій день: поэтому моя незамѣтная, журнальная, только для Чеховъ и здѣшнихъ Славянъ написанная статья съ ея какими бы то ни было достоинствами ли, недостатками ли не можетъ послужить ни къ увеличенію, ни къ умаленію вашей славы и добраго имени. Наконецъ, въ вашей власти поправить мои ошибки и недостатки и публично, напр. въ Чтеніяхъ. Я противъ этого ничего не имѣю, напротивъ буду этимъ доволенъ.

Статья Буткова, которую я ужъ съ того времени искалъ, заложена была случайно кѣмъ то изъ моихъ сыновей между сочиненіями, вамъ посланными. Назначенныя вамъ сочиненія долго лежали у меня на столѣ: вмѣстѣ съ ними много и другихъ. Сыновья мои въ нихъ рылись. Я, надписывая, всѣ эти брошюрки не раскрывалъ, но торопясь писалъ на обложкахъ, какъ попало. Такимъ образомъ произошла эта ошибка—и непріятная, и смѣшная! Пожалуйста, потрудитесь послать мнѣ брошюрку эту назадъ.

Дѣйствительно, Гартенштейнъ послалъ 219 гульд. Изъ нихъ я уплатилъ Газу за матрицы всего вмѣстѣ 151 гульд. 40 крейц., г. Ганкѣ 17 гульд., на журналы для васъ осталось 51 гульд. 20 кр. Газе послалъ матрицы Гартенштейну въ первыхъ числахъ этого мѣсяца: покрайней мѣрѣ онъ обѣщалъ такъ сдѣлать, адресъ для письма я ему самъ далъ. Съ тѣхъ поръ объ этомъ съ нимъ поговорить я не могъ. Журналовъ и газетъ заказалъ для васъ, сколько было можно: надѣюсь,

что буду въ состоянiи въ первыхъ числахъ будущаго Апрѣля выслать вамъ посылку съ книгами и журналами. Сдѣлаю, что можно: этотъ годъ пусть будетъ пробой—на годъ выберемъ только нѣсколько лучшихъ и нужнѣйшихъ журналовъ, ибо всѣ получать и посылать нестоитъ труда — такъ много скудныхъ и пустыхъ. *Во всякомъ случаѣ дамъ вамъ отчетъ въ этихъ 51 гульд. 20 кр.*—будьте покойны, потерпите.

Какъ-то получилъ я отъ Гартенштейна ваши Чтенія—годъ 3-ій № 4, предшествующіе три номера, т. е. № 1,2 и 3, до сихъ поръ не получены, хоть вы и пишете, что они посланы. Это вамъ—къ свѣдѣнію.

У насъ въ Прагѣ теперь великое броженіе умовъ: время для науки не удобное. Кровь до сихъ поръ не пролита и порядокъ и общественное спокойствіе не были нарушены, но все отъ малаго до стараго вооружено по самыя уши. Богъ да обратитъ все это на полное спокойствіе!

Повторяю: я готовъ служить вамъ по части литературныхъ потребностей,—но порядка и полноты ни въ письмахъ моихъ, ни въ посылкахъ не ждите. Надо подождать болѣе мирнаго времени для воздѣлыванья мирныхъ наукъ: при звонѣ оружія Музы нѣмѣютъ!

67.

3 апр. 1848.

Только что началъ разбирать для пересылки вамъ книги и журналы, какъ внезапно былъ вызванъ министерствомъ въ Вѣну, куда сегодня уже и отправляюсь. Поэтому посылку могу устроить только по своемъ возвращеніи. Потерпите.

У насъ перемѣнъ много, и ни въ чемъ нѣтъ прочности. Дай, Господи, болѣе мирнаго времени!

68.

9 Сент. 1848.

Послѣднее письмо ваше застало меня въ Вѣнѣ, въ маѣ мѣсяцѣ. Вернувшись въ Прагу, долго я не могъ его найти и считалъ его уже утеряннымъ. Теперь только случайно нашелъ его между другими бумагами.

Я прожилъ апрѣль и май мѣсяцы въ Вѣнѣ, въ обязанностяхъ по вызову; іюнь провелъ въ Прагѣ при несчастныхъ и жалкихъ обстоятельствахъ. Будучи выбранъ въ императорскій сеймъ, я за избраніе поблагодарилъ и остался въ Прагѣ, въ Клементинѣ *), на новой своей квартирѣ при королевской библіотекѣ. Остальные наши выдаю-

*) Т. е. въ университетѣ.

щіеся писатели и дѣятели всѣ въ Вѣнѣ, кромѣ Ганки, который также остался здѣсь, хотя также былъ выбранъ въ сеймъ.

Благодаря непредвидѣннымъ случайностямъ, литературныя связи наши, насколько это касается высылки книгъ и журналовъ, прерваны, по крайней мѣрѣ на время. Я твердо увѣренъ, что это долго такъ не продлится. А пока мы должны имѣть терпѣніе съ той и другой стороны. Измѣнить нельзя. Разъ старые пути—чрезъ Гартенштейна въ Бродахъ—будутъ свободны, наверстаемъ все. Можетъ быть, намъ откроются и новые пути. Но въ настоящее время ничего не подѣлаешь. Я останусь должникомъ вашимъ по части журналовъ и книгъ. Если наступятъ лучшія, болѣе спокойныя времена, возвращу вамъ долгъ вдвойнѣ.

Особенно прошу васъ, пишите, пожалуйста, о вашихъ книгахъ и статьяхъ, у васъ вышедшихъ. Старославянская литература, ея исторія, затѣмъ языкознаніе—меня теперь въ особенности интересуютъ. Но прошу также, пишите немного разборчивѣе и чернилами почернѣе—мое зрѣніе совсѣмъ ослабло: послѣднее письмо ваше едва могъ я прочесть.

У́ насъ для литературы времена тяжелыя, потомучто всѣ силы направляются въ иную сторону. Въ газетахъ о насъ имѣете достаточно свѣдѣній: но не довѣряйте имъ много, газеты лгутъ, въ жизни самой дѣло выходитъ иначе. Въ настоящее время еще не могу вамъ сообщить, когда и что начну читать въ здѣшнемъ университетѣ, такъ какъ, хотя у меня и есть на это разрѣшеніе, тѣмъ не менѣе остальныя условія теперь еще неудобны.

Адресъ: Prag in Clementino.

Если можно, пишите мнѣ хоть о важнѣйшихъ литературныхъ новостяхъ у васъ, чтобы мнѣ хотя изъ вашихъ писемъ знать, такъ какъ книгъ доставать нельзя. Словарь академическій русскій для библіотеки досталъ въ Лейпцигѣ.

69.

15 іюля 1849.

Оба письма ваши, посланныя вами мнѣ весной, первое съ книгами, исправно я получилъ. За книги сердечно благодарю: опять въ большей мѣрѣ я вашъ должникъ. Желанія ваши по части собиранія и высылки книгъ чешскихъ по мѣрѣ возможности буду стараться исполнить. Прежде намъ была неудача съ журналами: многіе прекратились. Литература и книготорговля во всеобщемъ водоворотѣ потерпѣли большіе убытки и опустились. Нужно болѣе продолжительное время, чтобы то и другое оправилось. Мы попали въ исключительныя, тяже-

лыя обстоятельства. Поэтому не считайте меня виновнымъ: я сознаюсь, что я должникъ вашъ, и буду стараться вмѣсто тѣхъ журналовъ выслать вамъ чешскія и иныя славянскія книги; только, пожалуйста, погодите. Мы можемъ только по немногу возвращаться къ правильной дѣятельности. Надѣюсь кое-что уже къ осени собрать и послать вамъ путемъ, какой вы сами мнѣ указали, т. е. чрезъ Лейпцигскаго книготорговца. Впрочемъ, у насъ мало теперь издается такого, чтó бы стоило посылать. Челаковскій Колларъ, Миклошичъ и т. д. назначены профессорами: ихъ дѣятельность и пользу покажетъ намъ только будущее время. Хоть бы половина нашихъ надеждъ исполнилась!

Мое зрѣніе слабѣетъ, и труды останавливаются; поэтому сегодня много о нихъ писать не могу. Послѣ—подробнѣе и прямо по почтѣ. Это только предварительно.

70.

25 Сентября 1850 г.

Только лишь послалъ Вамъ свое послѣднее письмо, какъ, задержавшись въ Музеѣ, нашелъ у г. Ганки и получилъ отъ него посланный вами фунтъ чаю. Госпожа, которая привезла чай, была у него день тому назадъ. Прошу принять вась мою сердечную благодарность за этотъ прекрасный подарокъ: пришелся онъ мнѣ какъ разъ кстати, къ зимѣ, и я уже имъ неразъ освѣжился и полакомился.

Позавчера также получилъ я изъ Вѣны посылку съ книгами, вами посланными, именно ту, гдѣ, кромѣ другихъ, находится: Новикова О лужицкомъ нарѣчіи, Максимовича Кіевлянинъ, Венелина Изслѣдованія объ исторіи Болгаръ, Максимовича Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, Проповѣди на малорусскомъ языкѣ, Павлова Борисъ Годуновъ и т. д. Теперь какъ разъ занятъ распредѣленіемъ ихъ по назначенію вашему и почтенныхъ дарителей. Благодарность вамъ и имъ отъ имени всѣхъ насъ.

Вотъ вамъ все, пока только—для вашего успокоенія и въ доказательство, что кое-что изъ посланнаго уже получено. Сегодня и на этихъ дняхъ подробнѣе писать нѣтъ времени, такъ какъ я въ трудахъ и хлопотахъ, которыхъ набралось по самую маковку.

Меня всякій разъ радуетъ даже малѣйшій успѣхъ вашей народной литературы. У насъ дѣло идетъ медленно, и мы едва можемъ въ будущемъ надѣяться, что наши народныя литературы здѣсь будутъ процвѣтать. Поэтому дѣлается, что можно.

Въ особенности наша Матица Чешская пробуждается къ новой дѣятельности. Какъ только обстоятельства позволятъ, буду писать вамъ подробнѣе.

71.

8 Сентября 1850 г.

Письмо Ваше отъ 20 Іюля с. г. исправно мною получено. Относительно книготорговческихъ счетовъ не безпокойтесь: все это уладится, и спѣшить нѣтъ надобности. Нѣсколько книгъ для васъ, а въ томъ числѣ и дополненіе къ Чешскому архиву, я отдалъ г. Ганкѣ.

Есть у меня уже и еще, и какъ только будетъ побольше, пошлю ихъ указаннымъ пунктомъ черезъ Лейпцигскую книжную торговлю (Dyksche Buchh.). Что же касается вашихъ посылокъ мнѣ чрезъ г. Полѣнова, а именно, какъ пишите, двухъ, т. е. одной отъ февраля прошлаго 1849 г. и другой отъ Іюня, къ сожалѣнію я изъ нихъ до сихъ поръ ни одной не получилъ, да и не надѣюсь, что получу. Тоже самое и съ другими двумя посылками, т. е. съ прекрасными тѣми растеніями, въ которыхъ у васъ изобиліе, а у насъ недостатокъ: и они къ сожалѣнію гдѣ-то застряли. Касательно книгъ я того мнѣнія, что лучше-бы вамъ ничего не посылать, пока мы не найдемъ какого-нибудь болѣе надежнаго пути. Я собираюсь писать Фоссу, Лейпцигскому книгопродавцу и комиссіонеру Академіи въ Петербургѣ, не пожелаютъ ли, онъ, какъ я полагаю и книгопродавецъ Эггерсъ, взяться за это дѣло?

Академія этимъ путемъ посылаетъ мнѣ свои изданія, и я получаю ихъ исправно. Дѣло стоитъ за перепиской: а съ этимъ придется немного повременить. Во всякомъ случаѣ я просилъ бы васъ не посылать ничего, развѣ то, что интересно для моихъ лингвистическихъ работъ, и то только небольшой выборъ, если что получите отъ пріятелей или издателей. Я съ начала 1848 г. ничего не получалъ по русской литературѣ, только недавно черезъ здѣшняго торговца получилъ сочиненіе г. Н. Костыря о русскомъ языкѣ (Кіевъ 1848—, 1850, 2 т.) и рук. г. Микуцкаго, сравненіе славянскихъ корней съ санскритскими, эту послѣднюю черезъ Вѣну, не знаю отъ кого. Послѣдніе года до извѣстной степени пропали у меня для работъ: нужно время, чтобы мнѣ вновь оправиться для начатаго, пока и насколько хватаетъ силъ, такъ какъ послѣ стольких трудовъ, невзгодъ и невеселаго житья-бытья—меня начинаетъ удручать преждевременная старость, особенно слабѣетъ зрѣніе и рука трудна на подъемъ становится. Не смотря на это, не перестану трудиться и утѣшать себя разцвѣтомъ славянской литературы, пока дышу.—У насъ по литературѣ работаютъ мало, но, Богъ дастъ, современемъ будетъ лучше, когда новые профессора воспитаютъ новое ученое поколѣніе. Дай то, Боже!

72.

22 Декабря 1850 г.

Слишкомъ поздно, позднѣе, чѣмъ прилично, отвѣчаю я на ваше дорогое письмо отъ 14 Сент. и кромѣ того еще не достаточно подробно. Пусть для меня служатъ оправданіемъ обстоятельства, среди которыхъ я живу и которыхъ измѣнить я не могу. Хорошее, удобное время для литературной деятельности для меня минуло: года мои уходятъ, труда и заботъ прибавляется, силы-же убываютъ. Время мое раздѣляется между трудами по выборамъ, службой, которые отнимаютъ у меня лучшіе часы дня, и между домашними заботами, о родныхъ. Моя дочь подросла, старшій сынъ также; второй подростаетъ, третій также уже въ гимназіи. А времена у насъ тяжелыя, недостатокъ денегъ, дороговизна. Будемъ однако надѣяться, что Богъ и этимъ невзгодамъ положитъ предѣлъ.

Вы желаете прежде всего журналовъ и во первыхъ списка ихъ. Въ нѣскольких словахъ только могу сообщить вамъ, что литературная и научная журналистика у насъ спитъ и почиваетъ, въ ожиданіи лучшихъ дней. Кромѣ Музейника не выходитъ ни одного журнала, и этотъ то только четыре раза въ годъ, и то очень поздно. Květy начали выходить, но уже мѣсяцъ, какъ перестали. Такъ и другіе журналы, либо должны прекратиться, либо сами собой умираютъ. О пустыхъ газетахъ, ежедневныхъ и политическихъ, и не говорю: эти не стоятъ и словъ, и такъ же гибнутъ, какъ вешній цвѣтъ или какъ сорная трава. Какъ это у насъ въ Чехіи, такъ и у остальныхъ славянъ въ Австріи: я, по крайней мѣрѣ, не знаю ни одного порядочнаго, аккуратно выходящаго славянскаго журнала. Начинается ли что нибудь, объявляютъ ли о чемъ, тотчасъ и умираетъ и прячется. Да и подписываться нѣтъ охоты, только переводъ денегъ!

Положеніе научной литературы не веселѣе. Хоть и выходятъ статьи и статейки, но ничего для насъ, и не стоитъ ихъ и посылать. Сколько мнѣ извѣстно, единственно новый выпускъ Палацкаго Чешской исторіи возвышается надъ остальной посредственностью. Слышалъ я также, что Вукъ началъ печатать новое изданіе сербскаго словаря Нѣкоторыя сочиненія у меня въ рукахъ, для васъ, и я постараюсь вмѣстѣ съ г. Ганкой переслать ихъ вамъ черезъ Лейпцигъ къ веснѣ, потомучто ранѣе, какъ вы сами знаете, изъ Лейпцига ничего не посылается, такъ какъ все идетъ моремъ. Такимъ образомъ надо ждать лучшихъ временъ. Такъ какъ ничего на свѣтѣ нѣтъ вѣчнаго, то я надѣюсь, что и наша учено-литературная слабость и разъединеніе не вѣчны, да и длиться долго не будутъ. Наша литературная дѣятель-

ность оживетъ, взаимность обновится, дороги къ вамъ для посылокъ откроются. А пока надо терпѣливо дожидаться и переносить то, чего нельзя измѣнить. За годъ, за два, за три многое устроится, что теперь непреодолимо.

Я, вѣдь, знаю, что, какъ мнѣ тяжело существовать и жить безо всякихъ литературныхъ извѣстій и пособій съ сѣвера, такъ и вамъ безъ насъ, южныхъ и западныхъ Славянъ. Но повѣрьте мнѣ (и пусть васъ это утѣшаетъ), наши утраты гораздо больше, нежели ваши. Всю нашу австрійско-славянскую литературу за три года можно бы легко запрятать въ одинъ довольно умѣренный тюкъ, и при томъ еще было бы у васъ достаточно соломы и плевелъ и мало зерна. Въ вашей литературѣ не то.—При томъ же у васъ, славянскихъ языковѣдовъ всѣ источники дома. Старославянскаго и русскаго языковъ для славянскаго языковѣда достаточно. Это—океанъ,—остальныя нарѣчія—только озера и лужи. Таково богатство источниковъ для этой науки у васъ. Этого нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ. Воспользуйтесь имъ и извлеките изъ него выгоду! Что же вамъ понадобится изъ другихъ нарѣчій, то уже нѣкоторый запасъ этого вы имѣете въ Москвѣ, частью вы сами, частью это пополнятъ знакомые и друзья. А въ будущемъ, что Богъ дастъ.

Касательно года начала кириллицы: 855 годъ, или 862—865? ничего положительнаго установить нельзя. Старыя свидѣтельства на этотъ счетъ или несходятся, или же недостаточно опредѣленны и ясны. Нужно ихъ всѣ сравнить и принять за *правдоподобное* то, что наиболѣе согласно со всѣми обстоятельствами. Трудъ это не малый, котораго я теперь вновь предпринять уже не могу, а выводы всетаки не точны, потому-что старыя свидѣтельства не сходятся. Что и на какихъ основаніяхъ я принялъ, найдете въ Древностяхъ: послѣ этого найдены были новыя свидѣтельства. Разрѣшить этотъ трудный вопросъ не нахожу въ себѣ увѣренности: охотнѣе подожду этого отъ другихъ. Академія ваша поставила цѣнный вопросъ: Chronologia Byzantina; вѣроятно, тамъ найдется отвѣтъ и нашъ вопросъ (г. Куника?) *).

Я не знаю, что́ читаете вы въ газетахъ о нашихъ литературныхъ планахъ: возможно, что преувеличено; но увѣряю васъ, что никогда пословица: „mnoho hluku a málo vlny“ (много шуму, шер-

*) Въ 1855 г. Академія издала, дѣйствительно, обширный трудъ: *E. Muralt*'a Essai de Chronographie Byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas—Empire et particulièrement des chronographes slavons de 395 à 1075. (1855. XXXII, 588. 8°).

сти мало)—не была такъ справедлива, какъ теперь. Много обѣщаютъ, объявляютъ, но изъ всего этого ничего не выходитъ. Въ настоящее время основывается у насъ общество писателей для составленія энциклопедическаго (или образовательнаго) чешскаго словаря: посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

У Фосса въ Лейпцигѣ находятся въ продажѣ книги вашей академіи и археографич. коммиссіи. Я много изъ нихъ купилъ для нашей имп. королевск. публичной библіотеки; но того, что я въ прошломъ году заказалъ для библіотеки черезъ книгопродавца изъ Петербурга, ничего не получено. Также получилъ я нѣсколько выпусковъ Ж. М. Н. П., Поѣздку Шевырева видѣлъ у г. Ганки.

Съ лекціями по славянщинѣ идетъ у насъ какъ-то вяло. Миклошичъ въ Вѣнѣ, говорятъ, не имѣетъ ни одного слушателя, Коларъ очень мало. Крупнаго шага впередъ и важныхъ послѣдствій и здѣсь въ Прагѣ не видно. Причины различны: общественныя, въ настроеніи времени, и въ особенности въ личностяхъ, которыхъ это касается. Но и это, впрочемъ, уладится.

Что первую посылку съ чаемъ (чрезъ г-жу Н.) я получилъ, я извѣстилъ васъ съ благодарностью вмѣстѣ. Вторая, чрезъ г-на Н., вмѣстѣ съ книгой отъ гр. Строганова, до сихъ поръ *не получена*, вѣроятно, потому, что г-нъ этотъ измѣнилъ свой планъ и въ Чехіи не былъ.

Отъ моего имени передайте мой сердечный поклонъ всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, при случаѣ, и будьте здоровы и счастливы во всѣхъ своихъ похвальныхъ, *полезныхъ* планахъ.

73.

24 авг. 1851.

Послѣднее письмо ваше отъ 2 февр. с. г. подано мнѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Вѣнѣ, гдѣ я тогда находился. За щедрое приложеніе, которое передалъ въ Прагѣ моей семьѣ податель письма, мы всѣ усердно благодаримъ и, когда мы его попробуемъ, вспомнимъ про васъ. Другія посылки, кромѣ этой одной, не получены: намъ пока этой достаточно, и на будущее время потрудитесь ничего не поручать людямъ не надежнымъ и незнакомымъ; жаль, право, денегъ истраченныхъ такъ, на удачу. Можетъ быть, Богъ дастъ, ежегодно будетъ находиться кто-нибудь, ѣдущій на наши чешскія воды, кто бы могъ взять съ собою нѣсколько лотовъ этой хорошей травки и привезти.

Желаемыя вами книги, что пока можно было собрать, я отдалъ 2 авг. г. Ганкѣ для дальнѣйшей отправки. Я не перестану заботиться о васъ, время отъ времени собирать и отправлять тѣмъ же путемъ. Я все-таки надѣюсь, что впослѣдствіи дѣло пойдетъ лучше, до сихъ поръ было трудно по различнымъ причинамъ.

Я теперь по самыя уши заваленъ и засыпанъ многими работами. Сидимъ здѣсь въ коммиссіи и работаемъ надъ учебными чешскими книгами для школъ и высшихъ реальныхъ училищъ. Все это должно быть готово къ октябрю мѣсяцу.

Кромѣ этого, печатаю Изборникъ старославянскихъ, въ особенности югославянскихъ памятниковъ. Будутъ тамъ старѣйшія житія Симеона, трудъ краля Стефана первовѣнчаннаго, и Саввы архіепископа, житіе Саввы трудъ Дометіана, законникъ Стефана Душана, краткія сербскія лѣтописи, нѣсколько грамотъ и т. д. Напечатано уже около 6 листовъ, печатаніе будетъ продолжаться непрерывно до новаго года. Какъ только книга будетъ готова, пошлю вамъ нѣсколько экземпляровъ.

Интересныхъ литературныхъ вѣстей нѣтъ, и, если будетъ что либо, не замедлю извѣстить васъ.

Прилагаю небольшіе образчики книги, которую мы печатаемъ.

74.

26 апр. 1853.

Простите, что отвѣчаю такъ поздно и такъ мало. Живу среди тяжелаго труда и заботъ, такъ что ужъ на другое не хватаетъ меня.

По дѣлу графа Строганова устроить ничего не могъ. Сначала питалъ надежду на здѣшній „Gewerbeverein" и въ концѣ концовъ получилъ отказъ, такъ какъ въ Россію посылать такихъ людей было бы противно ихъ и здѣшнимъ интересамъ. Затѣмъ писалъ я за границу, но также напрасно, какъ увидите изъ прилагаемаго отвѣта. Мнѣ это очень непріятно, но ничего не подѣлаешь. На Моравѣ, какъ меня увѣряютъ, еще меньше.

Книги для васъ собираю и пошлю *прямо* въ Берлинъ къ концу мая. *Не безпокойтесь.* Тамъ найдете и Hlaholské Památky и старѣйшіе кирилловскіе памятники. Почтой посылать для меня абсолютно невозможно.

Чай мнѣ переданъ недѣлю назадъ: господинъ этотъ долго пробылъ въ Вѣнѣ. Благодарю васъ. Вспоминаемъ про васъ часто.

Моя Божена выходитъ замужъ за чиновника въ Вѣнѣ, по фамиліи Иречка, чеха. Сынъ Ярославъ изучаетъ медицину. Старшій,

какъ знаете, т. е. Войтѣхъ супплентомъ по химіи въ чешскомъ реальномъ училищѣ. Въ общемъ мы здоровы достаточно.

75.

5 іюня 1853.

Для успокоенія вашего сообщаю вамъ въ двухъ словахъ, что письмо ваше отъ 8 (20) мая съ векселемъ для загребскаго книготорговца получилъ я исправно.

Очень меня удивляетъ, что тогда, когда вы писали письмо, мое послѣднее письмо еще не было вами получено; въ немъ я васъ извѣщалъ, что нельзя было найти ни одного человѣка для гр. Строганова, и вмѣстѣ съ тѣмъ приложилъ документы, относящіеся къ моимъ поискамъ. Не пропало ли это письмо?

Касательно уплаты загребскому книготорговцу я еще ничего не сдѣлалъ, но и задержки никакой не сдѣлано, ибо векселю срокъ черезъ три мѣсяца отъ даты, и, еслибы мы его тотчасъ обмѣнили на деньги, пришлось бы уплатить много за учетъ и потерять. Вскорѣ буду писать въ Загребъ, чтобы успокоить книготорговца. Во всякомъ случаѣ объ этомъ не заботьтесь, я все устрою.

Изъ Берлина со дня на день жду отвѣта отъ книготорговца Геффера, которому предварительно писалъ, не возьметъ ли онъ тѣ книги. Безъ такого согласія съ его стороны, посылать неудобно. Большая часть уже готова; чего не будетъ положено, то или не вышло (какъ Эрбена Regesta boh.), или въ настоящее время достать не могъ, и будетъ послано позднѣе; каталогъ, или списокъ посланныхъ книгъ приложу и, вѣроятно, позднѣе сообщу вамъ и въ письмѣ. Терминологич. словарь чешскій (только что вышедшій) также посылаю.

Если можете достать дешево или даромъ для меня, пріобрѣтите: 1) *Ундольскаго* Опис. кн. въ степ. мон., 2) *Строева* Опис. рук. слав. и рос. прин. Царскому, 3) *Ундольскаго* Опис. библ. сл. рус. книгъ Кастерина.

Будьте увѣрены, что я готовъ по возможности быть къ вашимъ услугамъ по части литературныхъ надобностей. Буду и теперь, и въ будущемъ.

У меня свадьба дочери Божены съ чехомъ Иречкомъ, министерскимъ чиновникомъ въ Вѣнѣ — именно уже 8 числа этого мѣсяца. Вообще мы здоровы—хоть мы старики еще больше старѣемся.

76.

6 сент. 1853.

Сообщаю вамъ вкратцѣ (ибо иначе нельзя) о положеніи нашихъ литературныхъ дѣлъ,

Деньги Жупану уплатилъ. Посылаю вамъ письмо Жупана, въ которомъ онъ просилъ уплатить деньги Андрею, и росписку Андрея въ полученiи. Письмо посылаю не франкированнымъ, чтобы оно вѣрнѣе дошло. Въ Берлинъ книги послалъ дважды. Которыя и какiя уже самъ на память не помню, а записку, въ которой ихъ записывалъ, къ сожалѣнiю не могу теперь разыскать. Первая посылка еще не отправилась изъ Берлина, пойдетъ только къ осени, и т. о. поздно дойдетъ до васъ. Первую посылку долженъ былъ послать на спѣхъ во время свадьбы дочери моей; поэтому я просилъ г. Ганку положить Палацкаго исторiю (за мой счетъ), а онъ, не понявъ, положилъ вамъ, говорятъ, и счетъ. Поэтому вы ему ничего не платите и направьте его ко мнѣ: я ему здѣсь заплачу. „Památky dřevního Písemnictví Jihoslovanův" будутъ отпечатаны въ эту зиму новымъ изданiемъ и въ большомъ количествѣ экземпляровъ, такъ что весной получите ихъ достаточно.

Книги, посланныя съ Николаевичемъ получилъ и благодарю васъ за все. Ундольскаго Опис. книгъ въ степ. мон. не посылайте: у меня есть оно въ Чтенiяхъ Общ. Ист. 1848 г. Послать книги и письма въ Дубровникъ постараюсь.

У насъ ничего интереснаго для васъ не вышло; но приблизительно къ концу этого мѣсяца выйдутъ „Čtení o srovnavací grammatice" Челаковскаго. Своевременно ихъ получите, равно какъ и другiя книги, которыя стоило бы посылать. Въ общемъ *мусору* выходитъ много.

77.

16 окт. 1853.

Хоть и не очень давно писалъ я и извѣщалъ васъ о высылкѣ книгъ въ Берлинъ, тѣмъ не менѣе чувствую потребность писать вамъ опять и сообщить вамъ о смерти человѣка вамъ знакомаго и когда-то вами направляемаго и на полѣ науки и уважаемаго въ силу великихъ надеждъ, которыя онъ возбуждалъ своей преданностью наукѣ. Именно: 23 сент. (новаго стиля) вечеромъ скончался здѣсь жалкимъ образомъ Иванъ Шоповъ болгаринъ изъ Калофера, перерѣзавъ себѣ горло хирургическимъ ножемъ. Случилось это подъ влiянiемъ какой-то меланхолiи, а возможно, что и вслѣдствiе ссоры съ братомъ Измаильскимъ, чего однако положительно утверждать не могу. Былъ не задолго передъ этимъ у него братъ его Георгiй, и едва онъ уѣхалъ въ Вѣну, какъ Иванъ покончилъ съ собою. Имѣлъ здѣсь Иванъ у себя маленькаго брата Матѳея, случай тѣмъ печальнѣе. Мой Ярославъ, медикъ и близкiй знакомый покойника, постарался о погребенiи. Георгiй

пріѣхалъ изъ Вѣны на погребеніе. Видите, какіе несчастные эти Болгаре! Сыны ихъ, отдаваясь наукѣ, одинъ за другимъ гибнутъ.

Въ области литературы явилось у насъ мало интереснаго, исключая Челаковскаго „Чтеній о сравнительной грамматикѣ славянской". Книгу эту получите отъ меня въ свое время вмѣстѣ съ другими.

О своихъ трудахъ въ настоящее время много писать не могу; вѣроятно, въ эту зиму буду въ состояніи кое-что обдумать и кончить. Подготовляю новое изданіе Югославянскихъ кирилловскихъ памятниковъ, дополненное, какъ видите, но дѣло это пока застряло изъ за всякихъ препятствій и невзгодъ, главнымъ образомъ матерьяльныхъ.

За каталогъ книгъ (уже покойнаго!) Царскаго вторично васъ благодарю. Такіе спеціальные каталоги весьма поучительны. Если въ будущемъ выйдетъ что нибудь въ томъ же родѣ, не забудьте про меня.

На этомъ кончу сегодня.

1) PP. Прилагаю образчикъ хорватской глаголицы, которая теперь здѣсь готовится. Это просто 6 буквъ подрядъ; смысла не касается, т. е. слова частью вымышлены, безъ смысла.

2) PP. Молодой Перцъ въ Берлинѣ, сынъ стараго историка, издалъ De cosmographia Ethici Libri III (Berolini. 1853 г. 8°). Тамъ онъ доказываетъ, что глаголицу изобрѣлъ Ethicus въ Истріи, родомъ, говоритъ, Сарматъ (у него=славянинъ) около 350 г., обновилъ её блаженный Іеронимъ около 400 года. Доказательства слабыя, слабенькія, но книжка все-таки довольно занимательная.

78.

24 февр. 1854.

Ваше дорогое письмо отъ 29 сент. 1853 г. ст. ст. благополучно мною получено вмѣстѣ съ чаемъ, который вы мнѣ дарили приблизительно въ началѣ декабря мѣс. прошлаго года. За подарокъ сердечно васъ благодарю; за запоздалый отвѣтъ мой прошу васъ милостиво простить меня. Случилось это не по моей волѣ, изъ за болѣзни, которая приключилась со мною около половины декабря и чуть не до конца января сдѣлала ни къ чему неспособнымъ. Слѣды ея до сихъ поръ не прошли. Между тѣмъ скопилось у меня множество всякихъ работъ. Года мои, какъ знаете, уходятъ: въ будущемъ маѣ пойдетъ 60-й годъ, силы не растутъ, а слабѣютъ. Особенно слабнетъ зрѣніе, да и рука становится тяжела. Готовность моя служить вамъ по части литературы, всегда одна и таже, какой была, и не мало причиняетъ сердцу моему огорченія и боли то, что такъ мало я могу быть вамъ въ этомъ отношеніи полезенъ. Виною тому частью страшная даль

разстоянія, на которомъ мы живемъ, частью моя недостаточность. Первое препятствіе, конечно, не устранимо, второе буду стараться по возможности преодолѣвать и устранять.

По желанію вашему буду посылать для васъ въ Вѣну и черезъ Вѣну то, что найду для васъ интереснымъ и полезнымъ. Кое-что уже есть, другое соберу какъ можно скорѣе, такъ что около середины марта все буду въ состояніи отослать въ Вѣну.

Интереснаго литература наша въ эту зиму произвела мало. Челаковскаго посмертный трудъ, а также Ганушa уже у меня для васъ готовы. М. Гаттала, родомъ словакъ, издалъ фонетику старо-и ново-чешскаго и словацкаго языковъ. Получите и ее. Гаттала живетъ здѣсь въ Прагѣ и долженъ абилитироваться въ университетѣ доцентомъ и въ свое время будетъ, вѣроятно, профессоромъ славянскихъ языковъ. Я по болѣзни не могъ ни къ чему приступить для изданія, а теперь еще и другія препятствія есть, прежде всего недостатокъ средствъ, а время очень неблагопріятно для такихъ нехлѣбныхъ наукъ, какова славянская.

Другія извѣстія долженъ отложить до болѣе удобнаго времени.

79.

12 окт. 1854.

Пора бы намъ дать о себѣ знать, что мы еще живы. Простите, что такъ долго ничего вамъ не писалъ, ничего не посылалъ. Произошло это безъ умысла, но изъ за грустныхъ обстоятельствъ. Только въ этомъ мѣсяцѣ послалъ я Вуку въ Вѣну нѣсколько книгъ для васъ, чтобы онъ извѣстнымъ ему путемъ послалъ ихъ вамъ. Это слѣдующія: Памятники кирилловскіе югославянскіе, Челаковскаго Сравнительная грамматика, Палацкаго Исторія I, 2, его же—описаніе королевства Чешскаго. Отъ Гатталы два небольшихъ сочиненія. Если обстоятельства будутъ удобны, не въ долгомъ времени вышлю вамъ еще, хотя и знаю, что дорога черезъ Вѣну также имѣетъ свои неудобства. Haranta вышла только 1 часть. Эрбеновы Regesta еще не вышли. Въ общемъ не выходитъ ничего, что̀ бы для васъ могло быть важно. Миклошичъ издалъ небольшую хрестоматію, но съ правописаніемъ, передѣланнымъ по его взглядамъ. Меня очень огорчаетъ, что литературныя сношенія такъ тяжелы, вслѣдствіе большаго разстоянія и другихъ неодолимыхъ препятствій, но: quod mutari nequit, patienter ferendum. У васъ въ Москвѣ, въ самомъ дѣлѣ, столько уже славянскихъ книгъ на всѣхъ нарѣчіяхъ и чешскихъ, что у васъ ни въ чемъ не будетъ недостатка при серьезныхъ работахъ по языку, и что вы-

можете обойтись безъ нашихъ плевелъ и сору (вѣдь, у насъ и въ литературѣ начинаетъ преобладать какой то индустріализмъ и утилитаризмъ). Я желалъ бы, чтобы хоть мои кирилловскіе Památky вы получили исправно и скоро. Мои дѣла довольно посредственны: года уходятъ, и начинаетъ гнести старость, домашнія дѣла плохи, не веселы.

80.

17 мая 1855.

Получилъ я нѣсколько времени тому назадъ черезъ Вѣну прекрасный, превосходный трудъ вашъ „О времени происхожденія словянскихъ письменъ". Читалъ уже нѣкоторые его отдѣлы и они мнѣ очень нравятся. Поэтому сердечно благодарю васъ за него. По ошибкѣ 11-й снимокъ (**соѳа**) приложенъ дважды, а 13-го (**къ ѩзыкъ новъ**) недостаетъ. Этотъ послѣдній, поэтому, я списалъ себѣ съ экз. г. Ганки; первый пошлю вамъ при случаѣ обратно.

Не зналъ я, либо забылъ, что житіе св. Меѳодія есть въ такой древней рукописи. Жаль, что оно не напечатано цѣликомъ. Нельзя ли его отпечатать у васъ такъ, какъ когда-то у насъ изъ за цензуры, т. е. ad usum privatum, въ немногихъ экземплярахъ, гдѣ бы по крайней мѣрѣ все было помѣщено. Наконецъ, лучше издать и съ опущеніемъ неприличныхъ мѣстъ, нежели ничего. (Такъ печаталъ Калайдовичъ). Прошлой зимой получилъ отъ Серба, ѣдущаго обратно на родину, малорусскую книгу (одну только) и узелокъ чаю, за что сердечно васъ благодарю и часто о васъ вспоминаю вмѣстѣ съ своими. Ахъ, если бы мы были поближе!

Какъ будете писать мнѣ, пишите нефранкированнымъ письмомъ; такъ вѣрнѣе и надежнѣе, ибо для почтальона дѣло въ томъ, чтобы получать деньги, сколько слѣдуетъ по счету и отдать. Также прошу васъ, посылая книги, не класть съ книгами въ посылку *запечатаныхъ* писемъ, потому что это запрещено и за это штрафъ. Открытое письмо вложено быть можетъ, но только къ тому, кому посылается посылка, ничего больше. Въ послѣдней посылкѣ г. Ганкѣ изъ Вѣны было ваше запечатанное письмо ко мнѣ. А такъ какъ посылки передъ врученіемъ вскрываются, то я долженъ былъ уплатить штрафъ. Вы хорошо знаете, что письма наши касаются только литературы; мы могли бы ихъ и по почтѣ посылать открытыми, если бы на почтѣ не требовалось прикладывать печать.

Въ нашей научной литературѣ ничего важнаго не появлялось. Кое-какія книги—именно Эрбена Regesta надѣюсь послать вамъ въ теченіе этого лѣта.

Домашнія дѣла не позволяютъ писать вамъ теперь подробнѣе, а на долго не хотѣлось отлагать отвѣта.

81.

17 іюня 1855.

Письмо ваше, посланное ко мнѣ 15 мая ст. ст. получено мною 15 іюня н. ст. Отвѣчаю тотчасъ въ нѣскольких словахъ, боясь, что послѣ пожалуй не хватитъ времени написать больше. Съ удовольствіемъ я узналъ, что вы дѣятельно и старательно занимаетесь не только изданіемъ житій св. Кирилла и Меѳодія и похвалы, въ честь ихъ сложенной, но и изборника 1073 г. Дай Богъ для всего этого здоровья, силы и способностей. Меня бы по истинѣ очень утѣшило, если бы еще на склонѣ дней моихъ глаза мои посмотрѣли на эти открытыя міру сокровища. Одобряю, что выпускомъ кое-какихъ мѣстъ не приводите себя въ заблужденіе и не смущаетесь. Мѣста эти, безъ сомнѣнія, не такъ важны для исторіи. Лишь бы только вышло главное ядро и суть! Что обстоятельная работа ваша о происхожденіи кирилловскаго письма нашла себѣ суроваго критика, особенно не печальтесь, зная, что нашъ обычный жребій—быть судимыми вкривь и вкось—невѣждами. *Старославянская* наука нигдѣ на великомъ торжищѣ не цѣнится; въ настоящее время вѣетъ инымъ духомъ, и еще долго вѣять будетъ. Будемте спокойны, разъ только разумнѣйшіе, критичнѣйшіе и справедливѣйшіе люди цѣнятъ основательные труды на полѣ излюбленной нами науки. Къ тому же въ критиканствѣ вездѣ много пристрастія и преувеличенія, какъ здѣсь и на западѣ, такъ и у васъ.

На этихъ дняхъ послалъ въ Вѣну для васъ Эрбеновы Regesta (т. I in 4°), трудъ важный, и пару статеекъ, изданныхъ проф. Гатталой. Исторіи Праги Томка допечатывается 1-ая часть, получите ее тѣмъ же путемъ, Haranta также, лишь выйдетъ цѣликомъ. Другаго ничего лучшаго въ настоящее время у насъ нѣтъ. Литература наша расплывается въ шутливыхъ или беллетрическихъ мелочахъ и въ реалистическихъ темахъ, при чемъ вкусъ, языкъ и слогъ все болѣе и болѣе путаются и опускаются. Исправленія надо ждать отъ времени.

На югѣ матеріалы для югославянской исторіи весьма старательно и счастливо собираетъ въ Загребѣ Кукулевичъ, архиварій королевства Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. Есть надежда, что онъ въ свое время издастъ regesta, въ томъ же родѣ, какъ Эрбенъ, которыя будутъ ключемъ къ югославянской исторіи. Прошлую осень онъ опять путешествовалъ по Далмаціи и привезъ въ Загребъ много литературныхъ матеріа-

ловъ. Со снимкомъ № 13 слишкомъ торопиться нечего: можете послать его вмѣстѣ съ чѣмъ нибудь въ удобное время. Къ томуже, я поручилъ скопировать его съ экз. Ганки. Миклошичъ весной былъ довольно тяжко боленъ, но уже выздоровѣлъ и печатаетъ второй томъ своего большаго сочиненія,—сравнительной грамматики славянской — т. е. томъ о словообразованіи.

На этомъ сегодня покончу; если буду имѣть что либо важнаго по части книгъ, вышлю вамъ извѣстнымъ путемъ, прося также и васъ сдѣлать тоже, если будетъ у васъ что либо, что, по вашему мнѣнію, для меня важно и полезно.

82.

16 Марта 1856.

Спѣшу горячо поблагодарить Васъ за оба письма, которыми вы любезно оказали мнѣ желанную литературную помощь, позаботившись о выпискахъ изъ рукописей, сдѣланныхъ вами собственноручно и мнѣ пересланныхъ. Первое ваше письмо съ извлеченіями изъ свѣтильновъ и извѣстіями о рукописяхъ, переписанныхъ съ глаголицы, помѣченное 6 февр. ст. ст. (18 февр. н. с.), подано мнѣ было 13 марта н. с., второе съ выписками изъ апостола 1220 г., помѣченное 13 февр. ст. ст. (25 февр. н. с.) пришло ко мнѣ 14 марта н. с. Изъ этого вы видите, что письма ваши доходятъ до меня довольно поздно (отъ Михаила Петровича получаю обыкновенно на 11-й и 9-й день), но всетаки доходятъ. Не нахожу словъ достаточно поблагодарить васъ за ту работу, которую вы приняли на себя ради меня, и долженъ у васъ и остальныхъ друзей просить прощенія за то, что такъ сразу напалъ на васъ съ этими просьбами и порученіями: но здѣшніе нетерпѣливые люди приставали ко мнѣ, чтобы я поспѣшилъ, поэтому не было другаго исхода и помощи. Старые свѣтильны за недостаткомъ времени и массой работы сравнить еще не могъ: сдѣлаю это возможно въ скоромъ времени. Выписки изъ апостола мнѣ пришлись кстати, а между тѣмъ досталъ я Описаніе слав. рукописей Моск. Синод. библ. отд. I, такъ что уже достаточно имѣю матеріала для сравненія. Съ отрывками я буду готовъ скоро: три страницы вполнѣ прочелъ, а также удовлетворительно срисовалъ четвертую, извѣстные свѣтильны цѣликомъ прочесть уже никогда не придется, и я сдѣлалъ и сдѣлаю, что удалось и что можно будетъ. Постараюсь объ изданіи ихъ въ апрѣлѣ или маѣ. А пока мнѣ предстоитъ путешествіе по служебнымъ дѣламъ въ Германію.

Что касается желаемыхъ вами книгъ, то по возможности ихъ раздобуду, а также и Музейникъ: не сомнѣвайтесь. Томка Исторіи Праги т. I получите отъ Гильфердинга, который теперь долженъ быть уже въ Петербургѣ. Книги, вѣроятно, придутъ позднѣе, вслѣдъ за нимъ. Я желалъ бы, если будетъ возможно, пріобрѣсти для себя и получить снимки съ слав. рукоп. Синод. библ. Буслаева, если они не черезъ чуръ дороги. Здѣсь мы утѣшаемъ себя, что скоро настанетъ спокойствіе, полное и продолжительное. Дай то, Господи, Царю небесный! Тогда бы мы съ новой охотой и вѣрой обратились къ научнымъ и литературнымъ трудамъ, и ваши труды поскорѣе вышли бы въ свѣтъ. Еще разъ сердечно благодарю.

83.

18 Мая 1856 г. **ст. ст.**

Письмо ваше, многоуважаемый другъ, отъ 2 апр. ст. стиля подано мнѣ 25 апр. нов. ст. и пришлось мнѣ какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ немъ нашелъ я свѣтиленъ, съ помощью котораго разобралъ глаголическій. Эго тотъ, что изъ Тріоди цвѣтной 1311 г.: **ѿтъ живоносьнъınхъ ти водъ студеньць** и т. д. Онъ вполнѣ точно совпадаетъ съ глаголическимъ. Другихъ двухъ свѣтильновъ по крайней мѣрѣ приблизительно первую половину я нашелъ здѣсь въ синаксаріи весьма древняго апостола, именно: **прѣобразнса на горѣ, христе боже, показа оученикомъ славѫ своѭ** и т. д. и еще одинъ. Также и посланныхъ вами: **оумныа мои оун** и т. д., первыя строки и конецъ достаточно сходны, а затѣмъ идутъ врозь. Эго доказываетъ по крайней мѣрѣ, что эти свѣтильны нѣкогда были извѣстны и обычны, а этого пока достаточно. *Со временемъ,* безъ сомнѣнія, найдутся и остальные. Точно также за выписки изъ апостола сердечное вамъ спасибо. Теперь для своихъ потребъ я достаточно снабженъ матеріаломъ, и прошу васъ больше не безпокоиться затруднять себя этимъ, такъ какъ вы и безъ того чрезмѣрно обременены работами. Что касается изданія этихъ отрывковъ и другихъ памятниковъ, то я усердно стараюсь, чтобы это дѣло надолго не откладывалось: но въ самомъ дѣлѣ есть свои трудности и неудобства. Во всякомъ случаѣ навѣрно они выйдутъ этимъ лѣтомъ. Путешествіе въ Геттингенъ и служебныя обязанности отняли у меня все свободное время. Въ началѣ со всѣхъ сторонъ меня одолѣвали и теребили люди нетерпѣливые и неспособные ждать; поэтому я посылалъ письма и направо и налѣво, ища разъясненія и помощи. Поэтому простите и вы, и другіе, что я вамъ причинилъ столько безпокойства. Теперь самое тяжелое преодолѣно.

Стоило это мнѣ непомѣрнаго труда и времени, но я этимъ не огорчаюсь, да и не буду никогда каяться.

Книги, вами мнѣ высланныя (Буслаевъ и др.), еще не пришли, но надѣюсь, что въ свое время онѣ прибудутъ, и что этого уже долго не будетъ надобно ждать.

Теперешняго труда вашего, изданія Изборника, житій нашихъ первоучителей и т. д., всегда буду ждать съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, и то, что я хоть только начало видѣть буду, будетъ меня утѣшать несказанно. По части журналовъ я бы посовѣтовалъ вамъ подождать еще: м. б. съ началомъ 1857 г. будетъ выходить что нибудь получше, вслѣдствіе заключенія мира, чтò не останется безъ вліянія на литературу. Теперешніе наши славянскіе журналы наполнены только беллетристикой и мелки, даже самъ Lumír. Жаль было бы денегъ. (Это говорю только вамъ).

Эрбена народныхъ пѣсенъ, вышло только два выпуска до сихъ поръ, но безъ сомнѣнія будетъ скоро и продолженіе.

Для васъ я кое-что добылъ и пріобрѣтаю и далѣе: все пошлю въ Вѣну въ первой половинѣ іюня.

Миклошичъ печатаетъ здѣсь Законникъ Душана. Кукулевичъ выпустилъ IV томъ Архива, гдѣ находится Статутъ Полицкій, хорватскія грамоты и другія интересныя вещи. Валентинелли издалъ въ Загребѣ Bibliografia della Dalmazia 1856. 8°. Сочиненіе хорошее. Шлейхеръ здѣсь напечаталъ литовскую грамматику—ее получите. Христоматія выйдетъ позднѣе.

На этомъ долженъ кончить письмо.

84.

30 Октября 1856 г.

Простите, многоуважаемый другъ, что опять безпокою васъ этимъ пустымъ и неважнымъ письмомъ и отнимаю у васъ время! Прежде сего не вините меня, пожалуйста, что я до сихъ поръ не выслалъ въ Вѣну ничего изъ обѣщанныхъ и собранныхъ для васъ книгъ. У меня онѣ собраны, но я хотѣлъ и еще прибавить, между тѣмъ въ трудахъ и заботахъ всякаго рода время ушло. При службѣ, безъ которой съ большой семьей обойтись нельзя, да при годахъ уже весьма почтенныхъ, нельзя ужъ, какъ слѣдуетъ, поспѣть всюду, да и хотѣлось бы всетаки кое-что еще изъ своихъ работъ выпустить на свѣтъ Божій. Но: quod differtur, non aufertur. Посылка въ Вѣну отправится скоро. На полѣ славянскомъ не много взошло замѣчательнаго. Миклошичъ напечаталъ двѣ вещи: Evangelium s. Matthaei кириллицей (Vindobonae

1856 8°), и Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen. Aus dem 7 B-de Denkschriften der k. Akad. (Wien 1856. 4°). Аббатъ Симонъ Любичъ (въ Далмаціи) издалъ: Vizionario biografico degli homini illustri della Dalmazia (1856. 8°) и объявилъ объ изданіи исторіи народной литературы въ Далмаціи, по иллирски, которая, говорятъ, уже печатается. Моравскихъ пѣсенъ, изд. Сушила, вышло всего до сихъ поръ (1853—56) 5 выпусковъ. Очеркъ исторіи чешской литературы Гаштальскаго—мелочь, никуда негодна. Гласника Дружества въ Бѣлградѣ вышелъ, говорятъ, 7 томъ за 1855 годъ, но его я пока не видалъ. Шлейхеръ издалъ литовскую грамматику, по нѣмецки, томъ I. (Въ настоящее время онъ въ Саксоніи, боленъ; неизвѣстно, выйдетъ ли томъ II—хрестоматія,—и когда)—Ганкинъ глаголическій отрывокъ выходитъ въ актахъ здѣшняго Ученаго Общества: это листъ въ четвертку изъ Эммаусскихъ XIV ст.. Эрбеновъ отрывокъ, кажется, на бумагѣ, листокъ или два, частичка чешской библіи: не знаю, будетъ ли онъ его издавать. Мое изслѣдованіе о пражскихъ глаголическихъ отрывкахъ давно готово и со всѣми снимками: по части печатанія на этихъ дняхъ рѣшено будетъ въ Ученомъ Обществѣ. Во всякомъ случаѣ, пройдетъ еще нѣсколько времени, пока его можно будетъ выпустить въ свѣтъ. Будьте увѣрены, что, лишь только можно будетъ, оттискъ тотчасъ будетъ отправленъ вамъ. Кромѣ этого за эту зиму готовлю къ печати и еще сочиненіе, о чемъ подробнѣе—послѣ.

Теперь обращаюсь къ вамъ съ новой просьбой. Я увѣренъ, что сдѣлавши уже столько для меня, не откажетесь и отъ этого труда. Я занимаюсь теперь дѣленіемъ славянской литературы на основаніи различія письма: 1) памятники кирилловскіе, 2) глаголическіе пам., 3) кирилловскіе, писанные съ глаголицы. Между прочимъ мнѣ попались въ извѣстіяхъ И. А. Н. т. I, столбецъ 362, вотъ какія слова нашего Григоровича: „А. Х. Востоковъ (или А. В. Горскій) въ кирилловской рукописи Пророковъ, списанной въ XI ст. съ другой древнѣйшей, нашелъ *одно слово глаголитское*".

Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Мнѣ извѣстно только, да такъ и вы мнѣ писали, что рукоп., которой пользовался Востоковъ, а также рукопись Моск. Дух. Акад. восходятъ къ старой глаголической рукописи, съ которой онѣ списаны кириллицей; и во всякомъ случаѣ я до сихъ поръ нигдѣ не читалъ, чтобы въ этихъ кирилловскихъ копіяхъ были *глаголическія буквы*, либо *цѣлое слово*. Я знаю только, что въ петербургскомъ Григоріи Назіанзинѣ есть глаголическія буквы. Пожалуйста, напишите мнѣ, что вамъ объ этомъ извѣстно, или, если нужно будетъ, разузнайте объ этомъ хорошенько, однако потихоньку,

не разглашая, что это для меня. Буду вамъ за это весьма благодаренъ. Не забудьте прибавить, если узнаете что нибудь еще о какой нибудь рукописи кирилловской, списанной съ глаголической. Намъ полезно да и нужно знать, какими *вещами* занимались и интересовались глаголяши. Отвѣта буду ждать со дня на день. За „Матеріалы для исторіи. письменъ“ сердечно васъ благодарю. Передайте мою благодарность также своимъ товарищамъ, профессорамъ университета.

Забылъ упомянуть, что вышелъ хорошій трудъ Heyse. System der Sprachwissenschaft. Berlin 1856. 8°., Раппа Vergleichende Grammatik, Stuttgart bei Cotta, 3 выпуска, до сихъ поръ вышедшіе, вамъ извѣстны.—Издаетъ и Боппъ Verg. Gram. 2-мъ изданіемъ.

P. P. Уже запечатанное письмо опять распечаталъ, чтобы приписать. Какъ пишется въ томъ кирилловскомъ отрывкѣ съ глаголическими письменами, объясненіе коего у васъ готово, вмѣсто кирилловскаго ъі или ы : [illegible], или [illegible], если есть въ немъ эта комбинація?

Почему *всѣ* русскіе ученые (исключая Кеппена) относятъ Крылошское евангеліе къ 1144 году, а не 1143-му? Вѣдь, оно писано въ октябрѣ и ноябрѣ 6552 года: въ такомъ случаѣ надо вычитать 5509, а не 5508, потому что годъ и индиктъ считаются отъ 1 сентября. При годахъ отъ сотворенія мира при датѣ отъ сентября до конца декабря вездѣ и всегда вычитается 5509.

85.

22 марта 1857.

Давно ужъ не писалъ я вамъ, многоуважаемый другъ; но на это были многія и уважительныя причины. Не говоря уже о моихъ лѣтахъ, весьма преклонныхъ, и о сопряженныхъ съ ними тяготахъ, постигали меня всю эту зиму безъ конца различныя невзгоды. Сынъ мой Войтѣхъ былъ тяжело боленъ въ Берлинѣ; я страдалъ и страдаю часто глазами.

Наконецъ-то мои Глаголическіе отрывки напечатаны. Всего—восемь листовъ въ четвертку и пять снимковъ, изъ коихъ четыре представляютъ письмо, пятый миніатюру. Для васъ посылаю экз. въ Вѣну; но только что я слышалъ, что г. Раевскій только къ пасхѣ туда пріѣдетъ; другой экз. пошлю вамъ черезъ Лейпцигъ въ посылкѣ къ Погодину чрезъ книгопродавца Фосса. Третій предполагаю послать черезъ Берлинъ. Т. о. быть можетъ къ вамъ дойдетъ либо одинъ, либо другой, хоть и поздно. Жаль, что нѣтъ другихъ лучшихъ путей!

Имѣю твердое намѣреніе въ этомъ году отдать въ печать еще кое-какія сочиненія, если состояніе здоровья моего—главн. обр. моихъ глазъ—позволитъ.

Литературныхъ новостей получше по качеству у насъ очень мало. Миклошичъ издалъ первый томъ *сочиненій* Копитара, я еще его не видалъ. Кукулевичъ вернулся изъ Далмаціи и Италіи, видѣлъ до 150 кирилловскихъ и глаголическихъ рукописей и много привезъ, но старше XIII стол. онъ не видалъ. Въ Римѣ нашелъ онъ какой-то образъ съ надписью, писанный будто бы самимъ Меѳодіемъ (?). Обо всемъ этомъ надо ожидать болѣе точныхъ свѣдѣній отъ него самого.

Книжекъ на различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ выходитъ у насъ достаточно, но для нашихъ занятій весьма мало. Вишневскаго Исторіи польской литературы вышелъ въ Краковѣ послѣдній (IX-й) томъ съ указателемъ; также Гельцель въ Варшавѣ издалъ хорошее сочиненіе по старому праву польскому; но я ничего этого до сихъ поръ не видалъ. О русской литературѣ знаю только по доходящимъ до насъ извѣстіямъ. Мнѣ очень нужно новое изданіе Литовскаго Статута (въ Москвѣ), но я не знаю, какъ его достать.

Сегодня этимъ и кончу. Препоручаю васъ защитѣ Божіей, а себя вашей добротѣ, вашъ искренній другъ П. І. Шафарикъ.

85а.

26 февр. 1847 г.

Дорогой другъ! Сегодня пишу я вамъ только о *славянской азбукѣ* и *слав. шрифтѣ*, потому что эту вещь я столь близко принимаю къ сердцу, что нѣтъ у меня ни покоя, ни досуга, пока это дѣло не рѣшено.

Въ Петербургѣ за это дѣло взялся Куникъ, но какъ я вижу, мало тамъ надежды, чтобы *рутина* была побѣждена и вышло что либо хорошее. И почему не сдѣлать чего либо столь же хорошаго или даже лучшаго здѣсь или въ Москвѣ?

Я писалъ уже предварительно Бодянскому и теперь пишу вамъ, съ тѣмъ чтобы вы за одно съ Шевыревымъ могли повести дѣло въ *ученомъ Обществѣ* и устроить его, сколько возможно.

Дѣло заключается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: употребляющіеся теперь церковно-славянскіе шрифты *варварски безвкусны*, такъ что они читателей, у которыхъ есть хоть сколько-нибудь вкуса и образованія, отталкиваютъ. Если славистика должна быть прививаема и памятники славянской рѣчи должны найти болѣе широкій кругъ читателей, то слѣдуетъ, чтобы былъ употребляемъ шрифтъ для нихъ болѣе красивый, болѣе пріятный. Этого требуетъ время. Теперешніе шрифты должны остаться для употребленія церковнаго, для людей, которые ex officio должны читать ихъ, и которымъ дѣла нѣтъ

до вкуса и изящества; остальныхъ шрифты эти отталкиваютъ, какъ чума.

Въ этомъ письмѣ посылаю вамъ на пробу два образца. Они изготовлены подъ моимъ наблюденіемъ. Въ основаніе положены греческія рукописи IX ст. и славянскія X—XI, фигуры буквъ нѣсколько идеализированы сообразно съ эстетическими требованіями. Идея была недурна, но рѣзчикъ, молодой самоучка, все испортилъ. Теоретически образованный, обладающій вкусомъ художникъ и рѣзчикъ тотчасъ замѣтитъ недостатокъ, но при работѣ рѣзчика и этотъ шрифтъ съ удобствомъ можетъ служить *для сравненія*.

Я долженъ былъ бы написать цѣлую статью, если перечислять ошибки шрифта въ общемъ и въ частностяхъ. Второй образецъ—*модифицированный* черногорскій шрифтъ. Черногорскія печатныя книги есть у васъ въ Москвѣ, напр. неполный псалтирь (1495—4°), посланный мною. Было бы хорошо посравнить еще и съ Исповѣдальникомъ Стефана Матіевича (Римъ, типогр. Пропаганды 1630—8°). Черногорскій шрифтъ, безъ сомнѣнія, рѣзанъ въ Римѣ или въ Венеціи очень хорошимъ итальянскимъ мастеромъ. Вотъ три шрифта, которыми руководились при своей идеѣ мастера.

Итакъ возьмите ихъ всѣ вмѣстѣ, попробуйте и рѣшите. Общество должно избрать коммиссію состоящую изъ васъ, Черткова, Шевырева, Бодянскаго,—и заняться выполненіемъ задачи. Матрицы могли бы быть вырѣзаны въ Парижѣ, или же и здѣсь въ Прагѣ подъ моимъ наблюденіемъ. У насъ есть теперь два хорошихъ рѣзчика у Гаазе.

Рисовальщики и рѣзчики шрифта должны руководиться идеей, возсоздать гармонически и красиво буквы старыхъ рукописей на основаніи двухъ принциповъ или главныхъ законовъ: одного, касающагося Quantum фигуры (т. е. ширина и высота, количественное соотношеніе между составными частями буквы и т. д.), и другаго, управляющаго Quale, т. е. пластическимъ видомъ буквы. Здѣсь кромѣ труда, найдетъ примѣненіе талантъ и вкусъ.

При изданіи древнихъ славянскихъ текстовъ для болѣе широкой публики (не только для одной-двухъ библіотекъ и одного-двухъ ученыхъ), слѣдовало бы держаться слѣдующихъ положеній, какъ необходимой нормы:

1) Орѳографію сохранять точно.

2) Титла или сокращенія разрѣшать въ духѣ рукописи и столѣтія (т. е. одни по-болгарски, другія по-сербски, третьи по-русски). Примѣръ: **житие св. Сумеѡна**.

3) Вводить логически поставленные знаки препинанія.

4) Тексты, гдѣ возможно, дѣлить на книги и главы.

Чтобы избѣжать недоразумѣній при сокращеніяхъ, можно печатать *на таблицѣ обзоръ раскрытій ихъ*. Это могъ бы сдѣлать Востоковъ, въ случаѣ надобности и я.

Пожалуй будутъ кричать: невозможно печатать безъ сокращеній! Такъ кричали всѣ ученые Европы, когда Ветштейнъ ок. 1680 г. началъ печатать по-гречески безъ сокращеній. И теперь, кто печатаетъ по-гречески съ сокращеніями? Теперешніе печатные шрифты—ученая забава и педантизмъ, мертвое порожденіе мертвецовъ и для мертвецовъ! У насъ есть перлы (старославянскіе), которые могли бы читать дамы, разъ они отпечатаны красиво и по-человѣчески!

Sed satis de his. Sape et aude. Vale et fave alteri animae suae.

Письма къ В. И. Григоровичу.

I.

Письмо ваше, въ которомъ вы извѣщаете меня, что снимокъ съ глаголицы вы послали мнѣ черезъ академію, получено мною аккуратно, но снимка еще до сихъ поръ нѣтъ. Очень сожалѣю, что не послали снимка прямо почтой въ письмѣ; въ такомъ случаѣ я бы давно уже имѣлъ его въ рукахъ, потому что всѣ письма изъ Россіи доходятъ ко мнѣ исправно и быстро. Но разъ вышло не такъ, а наоборотъ нежели слѣдовало, приходится терпѣливо ждать до конца.

Съ удовольствіемъ я узналъ, что вы не перестаете съ пользой трудиться на поприщѣ литературы и особенно стараго языка, доказательство чему я вижу и въ Ж. М. Н. П., гдѣ я недавно прочелъ ваше изслѣдованіе о происхожденіи глаголицы. Вашимъ попыткамъ я съ удовольствіемъ придаю высокое значеніе, хотя во взглядахъ съ вами не согласенъ.

Я самъ, не имѣя возможности теперь принятся за большой трудъ, по крайней мѣрѣ въ меньшихъ своихъ изслѣдованіяхъ стараюсь пролить свѣтъ на нашу старину. Такъ я написалъ двѣ большихъ статьи въ нашъ Музейникъ о глаголицѣ (вторая кончена теперь печатаніемъ, первую я уже послалъ г. Срезневскому), написалъ также статью о письменахъ у древнихъ славянъ и т. д. Имѣя надобность часто цитировать глаголицу, я заказалъ на свой счетъ вырѣзать глагольскія буквы, образецъ коихъ здѣсь прилагаю. Шрифтъ этотъ пока исключительно моя собственность.

Если могу вамъ чѣмъ нибудь услужить, охотно исполню: пишите мнѣ откровенно. Я со своей стороны буду принужденъ просить васъ въ

томъ случаѣ, если упомянутый снимокъ не будетъ полученъ изъ академіи, заказать другой *и прямо по почтѣ выслать мнѣ нефранкированнымъ* письмомъ.

Прага 11 сент. (н. с.) 1852.

II.

Наконецъ то давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемый снимокъ Македонской глаголицы благополучно дошелъ до меня 28 ноября. Простите, дорогой другъ, что я столько досаждалъ вамъ этимъ дѣломъ и васъ безпокоилъ. Произошло это изъ за черезъ чуръ большой поспѣшности, чтобы не запоздать, такъ какъ введеніе моей книги печатается.

М. б. приложу теперь же вамъ образчикъ изъ своей книжки, а м. б. позже. Печатаніе затянется до лѣта 1853 г. Хотя моя мысль, такъ какъ я досталъ изъ Хорватіи нѣсколько древнихъ отрывковъ, отличается и отъ вашей и отъ моей прежней, во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что вы не будете недовольны выраженіями, въ которыхъ я упомянулъ о вашей догадкѣ.

Одновременно съ книгой печатается здѣсь по порученію министерства просвѣщенія словарь терминологическій нѣмецко-чешскій для гимназій и реальныхъ училищъ подъ моимъ наблюденіемъ, такъ что работы у меня довольно много.

Только съ весны 1853 г. буду въ состояніи начать новое бо̀льшее изданіе моихъ кирилловскихъ югославянскихъ памятниковъ. Перваго изданія было отпечатано очень немного (и какъ бы въ корректурныхъ листахъ) и то для образца: поэтому въ Россію даже оно вовсе не попало. Втораго же изданія будетъ много, такъ же какъ и моихъ Památek hlaholských печатается много.

Напишите пожалуйста, какъ поживаете и что подѣлываете? Не издадите ли намъ цѣликомъ глаголическаго евангелія, а также и другихъ памятниковъ изъ вашего богатаго собранія?

5 Дек. (н. с.) 1852.

III.

Послѣ многихъ лѣтъ признаки жизни! Изъ прилагаемаго листка увидите, какое важное открытіе сдѣлано у насъ. Лишь только что нибудь еще выйдетъ объ этомъ предметѣ, не замедлю вамъ выслать.

Весь вопросъ о началѣ глаголицѣ и кириллицы требуетъ пересмотра. Когда нибудь, вѣроятно, и я чѣмъ нибудь помогу рѣшенію его. Теперь еще нельзя.

Если будетъ возможность вамъ подѣлиться кое-какимъ освѣщеніемъ фактовъ изъ вашихъ богатыхъ запасовъ, подѣлитесь: буду

вамъ за то искренно благодаренъ. Въ особенности были бы для меня цѣнны справки о кирилловскихъ рукописяхъ, въ которыхъ есть слѣды и доказательства того, что онѣ списаны были съ глаголицы, особенно о такихъ, которыя, по вашему мнѣнію, мнѣ неизвѣстны.

Этимъ сегодня кончу; въ другой разъ, Богъ дастъ, побольше.

23 Дек. 1855 г. (н. с.)

IV.

Посылая вамъ выписки изъ глаголическихъ свѣтильновъ, сколько могъ прочесть, прошу васъ заглянуть въ ваши драгоцѣнныя старыя рукописи: не попадутся гдѣ-нибудь вамъ эти свѣтильны? Съ помощію кирилловскаго текста я навѣрное, прочелъ бы, все. Въ рукописи самой ороографія совершенно иная: да не въ ней и дѣло. Остальные отрывки я разобралъ благополучно и прочелъ, но этихъ, безъ помощи другаго текста, прочесть будетъ нельзя. Эти свѣтильны должны быть старше, нежели тѣ, что въ печатныхъ церковныхъ книгахъ; эти, если не ошибаюсь, относятся ко времени имп. Константина Порфиророднаго.

Кромѣ того писалъ я о томъ же и въ Москву (Погодину) и въ Петербургъ (Срезневскому)

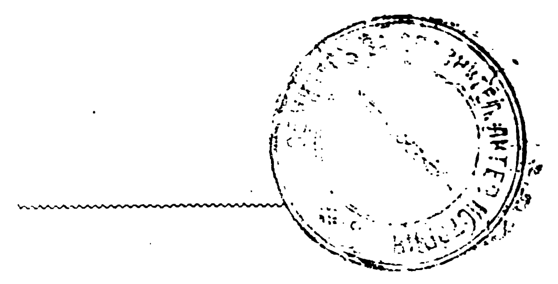
Отвѣта буду ждать съ нетерпѣніемъ. Пишите всегда нефранкировано: это надежнѣе.

8 Янв. 1856 г. (н. с.)

V.

Выписки и снимки изъ старыхъ рукописей, числомъ пять, изъ коихъ одинъ глаголическій, остальные кирилловскіе, посланные по моей просьбѣ, благодаря вашей любезности, я получилъ исправно и сердечно за нихъ благодарю. Мои глаголическіе отрывки еще не вышли, но готовятся къ изданію, и лишь только они выйдутъ, не премину послать оттискъ ихъ вамъ.

10 Авг. 1856 (н. с.)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ

(Цифры указываютъ на письма).

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Стр.*		*Напечатано:*	*Должно быть:*
3	16	сверху	angemein	ungemein
7	7	снизу	Aže	A že
15	18	„	Bŕzna	Bŕezna
16	17	„	peypŕiměŕenėgšj	neypŕiměŕenėgšj
—	19	„	učnil	učinil
25	14	сверху	húŕi	hůŕi
26	11	„	zausiti	zauziti
27	10	„	Snažjm se	Snašjm se
28	16	„	Šoloputnjana	Šoloputnjava
31	13	снизу	psané	psaní
34	9	сверху	dodře	dobře
42	13	снизу	Tez	Též
44	16	„	Festine	Festina
—	21	„	zamý	samý
45	8	сверху	zė	že
—	11	„	drsna tostí	drsnatostí
46	14	„	witahl	wytahl
—	15	„	Wám	mám
—	21	„	mne	mne:
47	3	снизу	Ceste	Cesta
48	15	„	neŕesti (?)	neŕesti
50	1	„	письма... Письмо	письмо... Письма
—	13	сверху	stellung	Stellung
51	2	„	ze	že
52	5	„	korné	krmė
—	11	снизу	Möeschner	Möschner
53	22	сверху	государственной	государственный
—	24	„	Draskovićемъ	Draškovićемъ
56	2	снизу	у Спасовичъ	Спасовичъ
—	5	„	рода	ряда
57	4	сверху	Matica	Matice
—	9	снизу	Scrafského	Serafského
59	13	„	перенесены	перенесенъ
62	15	сверху	Żadný	žadný

65	6	„	Přitili	Přiteli
66	2	снизу	оконченная брошюрка	брошюрка
67	7	сверху	skownau	skrownau
—	7	снизу	письмо	Письма
68	1	сверху	jis	již
68	19	„	pracujcte	pracujete
—	25	„	nèktèrá	nèkterá
70	22	„	znamenáni	znamenám
—	25	„	1866—1806	1806—1878
85	5	„	Ten	Jen
88	9	„	jiz	již
93	20	„	Wsèm	wšemi
105	5	снизу	tèch	třech
—	12	„	tèmi	třemi
106	2	сверху	psal	ptal
109	5	снизу	Erantiška	Františka
—	6	„	Prazs	Praze
111	13	сверху	zíly	síly
—	14	„	veser	večer
—	—	„	odhabné	odhalené

ОГЛАВЛЕНІЕ.